

Станислав Росовецкий

ПУТЬ ТЕСЕЯ

Исторический роман

Течение жизни сплетает судьбы отдельных людей в одну бесконечную ткань, от времён охоты на мамонтов до наших дней. Однако в героическую эпоху древней Греции, когда история была устной, да и не наукой вовсе, а наполовину сказкой, это суровое полотно поблескивало и золотыми нитями. Ведь боги позволяли себе вмешиваться в человеческие дела, порой судьбоносно, иной раз убийственно, а чаще в поисках плотских утех.

Именно поэтому мне придётся рассказ о великом Тесее начать с событий, предшествующих его рождению, ведь они, независимо от правдивости ходивших о них в народе мифов, определили характер этой замечательной личности – героя-реформатора Древней Греции и героя моего романа.

ПРЕДБЫТИЕ ТЕСЕЯ

Глава 1

Дельфы, Трезен

Царь Питфей разгадывает прорицание Пифии

Так уж получилось, что в мифах древних греков, отнюдь не знатоков физиологии человека, у Тесея оказалось сразу два отца. Первый из них, царь Афин Эгей, зачал его, будучи уже в сравнительно немолодом возрасте и под конец нешуточного похождения.

Женатый уже во второй раз, на хохотушке Халкиопе, дочери покойного царя феаков Рексинора, царь Эгей в свои сорок пять лет не имел детей, и его это беспокоило. Не то чтобы он обожал орущих грязнуль-младенцев, его тревожили племянники, сыновья его брата Палланта, открыто обещающие лишить Эгея трона как бездетного. И тут-то у царя возник замысел обратиться к Пифии, чтобы узнать, родится ли у него сын.

Неизвестно, когда именно возникла у царя Эгея это идея. Древние греки не имели тогда летоисчисления, несколько позднее они начали указывать года, ориентируясь на количество прошедших Олимпийских игр. Так что каждый считал года собственной жизни,

начиная год с середины лета, и о большей точности не мечтал. Конечно, купцы и путешественники, бывавшие в Египте, могли бы соотнести события греческой истории с веками египетской хронологии, где летоисчисление велось по годам жизни очередного фараона, но такое никому не приходило в голову. А вести счёт по годам жизни собственных царей не имело смысла: царства были тогда маленькие, и властителей слишком много.

Итак, царь Эгей дождался тогда ранней весны и, прихватив с собою десяток гоплитов и двух рабов, отправился в Дельфы, рассчитав время так, чтобы оказаться у оракула на день рождения бога Аполлона, в единственный день в году, когда можно было задать вопрос Пифии. Он пешком поднялся в горы к Дельфам и после короткого отдыха благополучно прошёл очистительные церемонии, в том числе омылся в Кастальском источнике, чьими чистыми струями обратилась некогда нимфа Касталия, спасаясь от Аполлона. Принёс в жертву Аполлону чёрного ягнёнка, вручил жрецам дары для могучего бога и теперь смиренно ожидал своей очереди в цепочке жаждущих получить прорицание.

На всякий случай царь Эгей постился с утра и вот уже второй день подряд не брал в рот ни капли вина. Голова поэтому у него, несмотря на волнение и страх, оставалась непривычно ясной, и мысли бежали прозрачной гурьбой.

Он видел, как в храм Аполлона прошествовала Пифия. Босая, в лавровом венке и роскошных золотоканых одеждах (и никаких змей в причёске и на плечах, ни живых, ни бронзовых!), однако не очень уже молодая, с отвислой грудью, редкими и полуседыми распущенными волосами, она скрылась в храме. Царь Эгей испугался. Не в добрый час он оценил целомудренную Пифию как женщину!

Он знал, что прорицательница проходит сейчас наосом, внутренним пространством храма, минуя большое мраморное, резьбой украшенное яйцо с усеченными верхом и низом. Это – омфалос, камень, обозначающий «пуп земли», и говорили также, что он и есть тот самый камень, который богиня Рея дала проглотить своему мужу Кроносу вместо младенца Зевса. А жрица успела миновать большую статую Аполлона, а теперь спускается в знаменитый священный подвал, где расположена сокровищница, и куда, в отличие от наоса, где он уже побывал лет десять тому назад, любопытному царю Эгею никогда не удастся заглянуть. Пусть туда могут войти только жрецы храма и очередная Пифия, но почему не выспросить у знающих людей, что в этом адитоне спрятано? Вот и царю Эгею известно, что там есть расщелина в скале, а из неё поднимаются сернистые испарения. На краю этой трещины в скале бьёт священный ключ Кассотида, рядом растёт лавровое дерево и стоит высокий треножник красной меди. Говорили, что под полом адитона зарыт саркофаг, а в нём пепел змея Пифона, побеждённого и сожжённого на месте храма могучим Аполлоном.

Царь Эгей стоял третьим в очереди, после персидского вельможи и богатого купца, судя по его речи, из дальней колонии. Не желая видеть одетого с варварской роскошью перса, неподвижно застывшего между двумя колоннами, перед закрытой дверью входного портика, царь закрыл глаза. Так легче было представить, как два жреца ловко усаживают Пифию на треножник, и её оплывшее тело под хитоном некрасиво обтекает сиденье... Тьфу ты! Царь Эгей попросил прощения у Аполлона, а заодно и у Пифии, снова сосредоточился, и мысленно увидел, как задрожало лавровое дерево, предлагая для обряда свои острые листочки. Один жрец с поклоном отломал веточку с листками и дал Пифии в правую руку, второй набрал в чашу воды из Кассотиды, и вот уже чаша у неё в левой руке. Прорицательница пьёт, жуёт лавровые листья. Теперь надышится испарений – и будет готова перенять у Аполлона частицу его божественного всеведения. Лавровое дерево перестанет содрогаться, и жрецы, пробормотав молитвы, поднимутся по ступенькам...

Царь Эгей открывает глаза. Видно, он слишком медленно воспроизводил происходящее в святилище: перед портиком уже не громоздится персидский вельможа, остались только его слуги, один с большим пёстрым зонтиком, второй с опахалом из павлиньих перьев. Рядом со слугами нетерпеливо топчется купец. Спиной чувствуя нетерпение очереди, царь Эгей продвигается на несколько шагов вперёд. Снова опирается на свой витой посох и задумывается теперь о том, не навредит ли гаданию его неуёмное любопытство. Быть может, и навредит, однако отношения с богами у человека всегда и во всём, как давно замечено, повторяют проявления его нрава касательно обычных людей, тех же соседей или подданных. И разве не сами боги сделали его таким любознательным?

А время тянется. Царь Эгей приходит к выводу, что занятая заказчиком гадания позиция – от тупого равнодушия к таинственному обряду и до разведывания его малейших деталей – не должна влиять на результат и его достоверность. Дело заказчика – телячье, а по-настоящему прорицание зависит от Пифии и жрецов, её помощников, загадочно связанных с самим Аполлоном, хозяином Дельф. Между тем, детали обряда просто завлекательны. Например, почему с его началом начинает дрожать лавровое дерево? Уж не потому ли, что пепел змея Пифона обращается снова его живым телом, и оно пытается выбраться из каменного саркофага? Что именно происходит с Пифией, надышавшейся серными испарениями – пьянят они её или отравляют? Или это вода из источника хмельная?

В дверях появляется персидский вельможа. На части его холёного лица, оставленной открытою над большой бородой, заплетённой в мелкие косички, ничего не удалось прочесть. А купец исчезает внутри, и царь Эгей теперь уже у самых дверей, под огромной деревянной буквой «Е». О Аполлон Предстатель, что бы она означала? Если числовое значение буквы «эпсилон» – пять, то пять пальцев? Едва ли, слишком просто, да и у

блистательного Феба столько же пальцев, сколько у людей. Первая буква от вопросительной частицы «ει», то есть намёк на то, что здесь спрашивают у оракула? А на вторую букву, «ι», что ж, деревья жрецы пожалели? Стоит ли голову ломать, когда за такую плату можно и просто у жреца... О!

Из храма выскочил купец, сделал два шага, застыл статуей. Лицо багровое, явно ошеломлён. Мимо него по-хозяйски протискивается жрец. Тот самый, что дары принимал. Легко кланяется Эгею и за локоток двумя пальцами взявши, увлекает в наос.

– Так ты, святой слуга божий, говоришь по-персидски? – на ходу полу-спрашивает, полу-утверждает царь.

– Нет, благородный Эгей, но я говорю по-египетски и могу объясниться на арамейском. А вот товарищ мой Орнит знает и персидский, и коптский, и даже этрусский. Иначе нам нельзя... Но скажи мне, с каким вопросом ты желаешь обратиться к оракулу?

Эгей отвлёкся было, разглядывая диковинки наоса, где уже побывал с десяток лет тому назад, однако сосредоточился и чётко выговорил давно заученное:

– Даруют ли благие боги мне сына-наследника?

Жрецы переглянулись, потом один за другим скрылись за постаментом статуи Зевса-Мойрагета. Эгей помнил, что там спуск в запретный адитон. У него перехватило дыхание, в ушах зазвенело, перед глазами поплыли полупрозрачные червячки. Да стоит ли так волноваться? Он прожил бездетным столько лет, доживёт как-нибудь без сына оставшиеся годы... И зачем зубами держаться за царство, можно ведь устроить свою жизнь и в изгнании, если вывезти сокровищницу. Да, если спасти от злых племянников сокровищницу, а с нею излюбленные ложа и сундуки...

– Благородный Эгей! Оракул соизволил ответить на твой вопрос. Однако ты подожди ещё немного.

Серая пелена растаяла окончательно – и вот они, оба жреца. Скрываются за жертвенником чёрного мрамора, шушукуются там, будто две кумушки, даже покрикивают друг на друга. Наконец, выходят. Выпячивают животы перед царём, и названный Орнитом начинает, завывая, декламировать. У царя Эгея шумит в ушах, он просит повторить.

– Изволь, благородный Эгей. Прорицательница велела тебе не развязывать нижний край своего бурдюка, пока не вернёшься в свою страну. А для того, чтобы ты навсегда запомнил её доленосный ответ, вот, мы изложили его стихами:

Нижний конец бурдюка не развязывай, царь благородный,

Прежде, чем достигнешь ты Аттики славной.

Царь Эгей повторил вслух двустихие несколько раз бездумно, заучивая. И только после этого наклонил голову:

– Благодарю всезнающего бога Аполлона и его жрицу, наследницу великой Фемонои, за доленосное мне пророчество. И вас благодарю, мудрые жрецы.

На самом деле, получив прорицание за свои дары и немалую плату, царь далеко не был уверен в его судьбоносности. Чтобы немедленно разобраться, он, отойдя от храма, нашёл камень в тени от старого платана, уселся на него – и тут же невольно втянул голову в плечи. А вдруг к нему сейчас подбежит какой-нибудь разозлённый старикан и завизжит что-то вроде: «Да на сем святом камне Аполлон отдыхал после победы над Пифоном! Ты совершил жуткое святотатство, иноземец!». Однако обошлось, да и платан шелестел свежей листвой успокаивающе.

Итак, нельзя развязывать бурдюк внизу, пока не закончится путешествие. Почему именно бурдюк? Идёт ли речь о настоящем бурдюке? Тут царь Эгей установил, что над ним уже некоторое время склоняется его раб-виночерпий, старенький Комм, левой рукой прижимая к груди кратер с кипрским вином, только что смешанным с водой, а правой протягивая красиво расписанный глиняный скифос, любимую чашу царя. Мгновенно возникшую жажду царь поспешно залил двумя скифосами вина – прохладного и удивительно вкусного после двухдневного воздержания.

В голове у царя Эгея тотчас же прояснилось, и он прикрикнул:

– Бурдюк принеси!

И вот перед ним бурдюк с вином, полный на три четверти. Деревянной пробкой закупорена правая передняя ножка этой вывернутой наизнанку шкуры ягнёнка, стало быть, нижний конец вот он. Это место, где была задняя левая. Тут трубочка завязана – да так крепко, что изнеженным царским пальцам уж точно не развязать. А если бы удалось справиться с хитрым, навсегда затянутым узлом, что тогда? Вино вылилось бы, только и всего. И что всё это в таком случае означает?

– Убери! И налей ещё чашу.

Царь Эгей покинул гордые Дельфы и спустился в долину, так и не разгадав смысла сказанного Пифией. Он не очень был тем огорчён по нескольким причинам. Прежде всего, его радовало, что стихи, сложенные жрецами, не сильно исказили слова пророчицы. Кроме того, он не собирался развязывать никакие узлы на бурдюке, а это означало, что прямого нарушения запрета Пифии мог, во всяком случае, избежать. А самое главное, путь свой домой царь Эгей проложил не только через Коринф, богатый и развесёлый портовый город, но и через Трезен, где царствовал его давний друг Питфей, известный мудрец тех времён. На светлый разум догадливого царя Трезена незадачливый посетитель Дельфийского оракула очень надеялся.

Если не сокращать дорогу, переплыв Саронический залив, то Трезен примерно на полпути от Дельф до Афин. Пеший переход к нему, среди всё ярче расцветающей весенней природы, от цветущего миндаля к цветущим яблоням, казался царю Эгею весьма приятным – пока не вспоминалось ему, садня в душе занозой, неразгаданное пророчество Пифии. Было ему также немного обидно. Ведь, сражаясь в молодости плечом к плечу с Питфеем, славился он как воин ничуть не хуже друга, а потом сумел добиться и царства даже более обширного, чем у Питфея. Вот только, в отличие от него, не прославился как мудрец и остроумец. Однако кого в том теперь винить, кроме самого себя? И себя стоит ли винить, если таланты людям даруют боги?

В виду Трезена, красиво освещённого заходящим солнцем, царь Эгей приказал устроить малый привал и, чтобы предупредить друга, отправил вперёд виночерпия Комма, при переодевании бесполезного. Пока облачали его в чистый шёлковый хитон, пока обматывали заново богато украшенным гиматием, а на голову надевали лавровый венок, как подобает возвращающемуся от оракула, поглядывал царь Эгей на зелёную долину, где раскинулись бедные храмы и дома города, созданного почитай наново его другом Питфеем. Правнук Зевса, внук Тантала и сын прославленного в веках Пелопа, Питфей после смерти брата своего Трезена соединил два города в Арголиде, Гиперею и Анфию, известную ещё как Посейдонида, и назвал новый город-государство в честь покойного брата. Эгей помнил рассказы путников о том, что поле, разделявшее некогда Гиперею и Анфию, остаётся наполовину незастроенным, а дорога между ними зеленеет травой. В сравнении с древними Афинами, Трезен казался царю Эгею городом-младенцем.

Царь Питфей оказал другу честь и встретил его на полпути от своего дворца до околицы. Давние приятели обнялись, похлопали друг друга по бугристым плечам и отправились во дворец. Гость отказался прилечь в отведённом ему покое, тем более, что наступило время обеда. Наевшись, друзья сполоснули руки, расположились на своих ложах поудобнее и перешли ко второй части традиционного пира – к симпозиону, а по-простому, к попойке. Совершили возлияния Афине и Посейдону драгоценным книдским вином, затем, утолив им же первую жажду, а заодно и раздражив её, они принялись беседовать, потягивая местное вино Афинтитес, сладкое и душистое.

Улучив время, царь Эгей продекламировал, как сумел, ответ Пифии на свой вопрос и попросил у друга совета. Царь Питфей попросил его как можно точнее воспроизвести вопрос оракулу и ненадолго задумался. Потом сморщил в усмешке своё круглое лицо и спросил, словно о какой-то безделице:

– Послушай, дружище, ведь ты сам по дороге сюда разгадывал иносказание почтенной Пифии. Расскажи мне, что у тебя получилось?

– Изволь, друг мой Питфей, – и перед тем, как продолжить, царь Эгей сделал добрый глоток. – Но моя разгадка, как я сам понимаю, неудачна. Если развязать узел на нижнем конце бурдюка... А кой демон стал бы развязывать? Я бы отрубил узел мечом! Так вот, оттуда струей полилось бы вино. Или другая жидкость. Вода, масло. Что там ещё наливают в бурдюки? Молоко?

– И что это тогда напомнило бы? – снова усмехнулся Питфей. – И какова, стало быть, твоя разгадка?

– Не за твоим роскошным угощением вспоминать мою догадку, друг! Ясно, что речь может идти только об обильном мочеиспускании, вот что меня смутило. Я ведь спрашивал не о том, как отворить путь для моей мочи. У меня с этими делами, слава Асклепию, всё как надо. Не могла же Пифия насмеяться надо мной, царём, как никак – и за такие богатые дары и жертвы! И, конечно же, это чепуха – запрещать мне мочиться, пока не доберусь до Аттики. Где такое видано?!

Теперь глаза-бусинки Питфея взглянули на старого друга сочувственно. Коротким жестом выслав рабов из триклиния, он заговорил медленно, тихо:

– Твои рассуждения, дружище, безукоризненны до того момента, когда ты отказался соотносить сказанное Пифией с выделениями твоего тела. Ты не принял во внимание, что мужской орган, девственной прорицательницей сметливо соотнесенный с краем бурдюка, испускает и другую, несравненно более благородную субстанцию.

– Но не столь же бурно и обильно, как вино из бурдюка! – вытаращился царь Эгей.

– Вот здесь и закавыка! Чтобы выковать героя, нужно весьма много благородного семени – вот он, тайный смысл иносказания! Тебе предстоит стать отцом нового греческого богатыря, такого же могучего, как мой родственник Геракл. Поздравляю тебя, дружище, и завидую тебе.

Могучий царь выпятил глаза снова, а теперь и рот разинул. Между тем Питфей хлопнул себя по лбу.

– Но если моё толкование справедливо, дружище, то возникает один непростой вопрос. В иносказательном ответе тебе Пифии содержится и явный запрет для тебя, точнее, ограничение. Скажи, а ты не рассеивал ли своё семя по дороге до Трезена?

– Не рассеивал ли? Своё семя, говоришь? – изумился царь Эгей. Двумя глотками опустошил килик, и муть, застилавшая его серые глаза, растаяла. – Уразумел я, друг ты мой Питфей, дошло до меня... Нет, не приходилось.

– Ты же говорил, что заходил в Коринф. Неужели не навестил там жриц храма Афродиты, столь умело обслуживающих путников?

Царь Эгей смутился, отвёл глаза.

– В обратной дороге домой, друг мой Питфей, не до баб мне пришлось, всё о прорицании думал... Однако сейчас, если я уже в Аттике, то и запрет не действует – или я опять что-то напутал?

– Нет, не напутал ты, – мотнул облысевшей головой Питфей и показал рабу, чтобы долил им обоим вина. – Поскольку запрещение Пифии ты соблюдал, перед тобой открывается возможность родить сына-наследника, чего ты и желаешь... А что тебя смущает, дружище?

– Неужто сбудется мечта моей жизни, друг мой Питфей? А смущает меня, что само я ещё молодец, не хуже тебя. Можно сказать, кровь с молоком. Жены же мои обе оказались хилыми, словно милостивая Афродита на меня изволит сердиться. Первая, Мета, дочь Гоплета, умерла совсем молодой, а вторая...

– Постой, она было дочерью того самого почтенного Гоплета, сына Иона?

– Да, но не оказалось в ней жизненной силы родоначальника славных ионийцев... Вторая моя жена, нынешняя – Халкиопа, дочь несчастного царя феаков Рексинора.

– Это застреленного в недобрый час гневливым Аполлоном? Ты о нём, дружище?

– Да, он был моим тестем. Что ж, Халкиопа – девушка весёлая, она здорово меня развлекала своими бесконечными повестушками о морских приключениях её народа. Но вот уже и она не только эту зиму, но и прошлое лето всё прокашляла, боюсь, не хватит ей здоровья родить богатыря...

– Да уж не поколачивал ли ты своих жён, дружище? – прищурился царь Питфей.

Царь Эгей опустил кудлатую голову и тяжело задумался. Тем временем факел в кованом зажиме на стене затрещал и потух. Хозяин уставился на зажим и не отводил от него глаз, пока раб не закрепил на стене новый. Наконец, гость заявил раздумчиво:

– Должен признаться, что Мету я иногда учил своею рукою, как главе семьи надлежит. А вот нынешнюю свою жёнушку я и пальцем до сих пор не тронул. Передо мной не провинилась потому как. Да и феаки, они ведомые волшебники, мало ли чего дождёшься в ответ на простой афинский тумак...

– Главное, что в смерти первой твоей жены, дружище, и в болезни нынешней нету твоей вины, – быстро произнёс царь Питфей. – А от меня ближе к ночи получишь подарок.

Глава 2

Трезен

Эфра в объятиях мужлана и бога

Миловидная и смышлёная, царевна Эфра, единственный ребёнок царя Питфея, наслаждалась тогда своей пятнадцатой весной. Поскольку девочек выдавали замуж чистыми и непорочными, а таковыми, как считалось, они пребывали от десяти до двенадцати лет от роду, окружающие и сама царевна полагали, что она засиделась в девках.

Правда, на одиннадцатом году жизни Эфра едва не вышла замуж. К ней посватался Гиппоной, по прозванию Беллерофонт, сын Главка, царя Коринфа, и внук знаменитого Сизифа. Увидеться лицом к лицу жениху и невесте предстояло только на свадьбе, однако Эфре удалось в щёлку увидеть Гиппоноя верхом на Пегасе, его крылатом коне, подаренном благосклонной к герою Афиной. Издалека она всматривалась, весьма издалека, поэтому крылья Пегаса разглядела хорошо, а вот лицо молодого и мужественного всадника – не очень, однако разве не было у них с Гиппоноем всё впереди? Да и рабыни-служанки уверяли, что жених у молоденькой хозяйки – настоящий красавчик, не хуже бронзового Аполлона Мореходного в его храме перед провалом Хтонию в Трезене.

Однако недолго Эфра радовалась своему близкому замужеству. Хотя после случайного убийства Гиппоноем коринфянина Беллера царь Тиринфа Прет принял его у себя, сумел очистить от скверны и вернуть ему благосклонность богов, дела беглеца в огромном дворце царя Прета пошли скверно. Беллерофонт вынужден был уплыть в далёкую Ликию с секретным поручением к тестю своего покровителя царю Иобату. Со временем до Трезена дошёл слух и о причине отсылки. Как оказалось, красавица Сфенебея, жена Прета, влюбилась в прекрасного юношу и предложила ему себя. А вот Гиппоной не пошёл навстречу желаниям царицы. «Ещё бы! – воскликнула Эфра на этом месте рассказа горничной Ксанфы. – Ведь он хотел сохранить верность мне, своей законной невесте!». В отместку коварная Сфенебея оклеветала юношу перед мужем, заявив, что это он её домогался. Царь Прет принял сторону обманщицы-жены, а не гостя. «Муж, девочки, всегда поверит жене, если она красотка», – перебила тут Ксанфу прачка Эпифора, отнюдь не украшавшая собой гинекей дворца. Выяснилось, что легковёрный, а заодно и хитроумный Прет послал Беллерофонта к своему тестю Иобату не просто с секретным поручением, а с письмом, где содержалась просьба убить юношу. Сам он не мог на такое решиться, потому что боги отдали беглеца под его защиту. «Вот оно, девочки, коварство мужчин! – воскликнула тогда толстая повариха Левкона. – Женщина никогда так подло не поступила бы!». Царевна Эфра могла бы дополнить тираду прачки, предположив, что царём Претом двигала ревность, а поварихе напомнить о потрясших тогда Элладу преступлениях Медеи, но она жалела уже и о том, что сгоряча выказала свои чувства в начале беседы. Не стоило наливать вина лягушкам. А тут ещё Ксанфа, захлёбываясь, поведала, как царь Иобат нет, чтобы приказать своим воинам зарезать безоружного Беллерофонта в тёмном уголке, но

отправил его выполнять неисполнимые задания, вроде победы над огнедышащей Химерой. Эфра почувствовала, что её жених, занятый столь великими подвигами в далёкой, заморской стране Ликий, неминуемо забудет о ней, и ей вдруг захотелось всплакнуть наедине.

Плохие предчувствия не обманули Эфру. Настал день, когда добрый отец в ответ на её жалобы на Беллерофонта вопреки обыкновению не пообещал ей скорого возвращения жениха, а только взглянул сочувственно и погладил по голове. Некоторое время Эфра отводила душу, приходя в сумерки в сопровождении верной Ксанфы к Иппокрене, источнику посреди Трезена. Вода забила здесь из недр земли после того, как Пегас ударил копытом. Рыдая, Эфра топталась по Иппокрене, расплёскивая воду, и проклинала Пегаса, посмеявшегося унести от неё красавца-жениха.

С тех пор прошло три года. Новые женихи в царский дворец Трезена не заявлялись. Запоздалое девичество начинало томить Эфру, девушку скорее пылкую, чем холодную. Озорной Эрот всё чаще посылал ей жаркие, хоть и отменно бестолковые сны. Если бы не прирождённая рассудительность, она, пожалуй, принялась бы искать замену Беллерофонту среди воинов отца. Придумала уже, что подойдёт парень не только приятной наружности, но, и это самое главное, не болтливый. В запасе у царевны оставалось доскональное изучение тонкостей вышивания и выпечки медового пирога, однако ей казалось ужасно обидным, что подобные занятия могут составить основное содержание её молодой жизни.

В эту ночь в спальне Эфры ещё горела масляная лампа, когда отец, одетый празднично, ввалился к ней и рухнул на табурет. Она тоже села на своём ложе, закутавшись в одеяло. Потянула носиком: спальня наполнилась винным перегаром, причём пито вино двух любимых сортов отца. Царевна не испугалась: упившись, отец никогда не нарушал приличий, разве что становился надоедливо разговорчивым. Она зевнула, готовая выслушать на сон грядущий очередную ерунду об идеальном, по мнению царя Трезена, домостроительстве. Но вскоре разговор повернул в такое русло, что сонливость мгновенно покинула Эфру.

Сначала отец спросил, доложили ли ей слуги о прорицании, полученном его гостем царём Эгеем от Дельфийского оракула? Она ответила, что слышала от Ксанфы, будто царю Эгею было запрещено отправлять естественные надобности, пока не достигнет Аттики. И это нелепость явная, однако ей, незамужней царевне, едва ли пристойно рассуждать о таких срамных пророчествах.

Непривычно краснолицый царь Питфей стукнул кулаком по голому колену.

– Пегас бы догадался, что это нелепость! Но мой виночерпий глупее, чем конь твоего прежнего жениха, а его слова к тому же и безмозглая Ксанфа переврала... Или кто? Слушай

же теперь внимательно, дочь моя! Царь Эгей, друг мой давний и нынче гость дорогой, спрашивал у Пифии, даруют ли боги ему сына-наследника. И в ответ Пифия запретила ему возлегать с женщиной, пока не придёт в пределы Аттики. Добрый мой Эгей не сообразил, что к чему. Зато я, твой отец, недаром же славен в окрестных землях своим светлым разумом! Я почти сразу же проник в тайный смысл прорицания Пифии. Эгею суждено стать отцом великого героя, но для этого он должен выполнить запрет оракула.

– А царь Эгей выполнил запрет? – покраснев и потупившись, осведомилась Эфра.

– Да, выполнил, хоть и не понял его сути. Бывает... Иногда боги помогают недалёким людям, если они честны и благочестивы. А давний мой приятель царь Эгей – человек удивительной честности и добросовестности. Теперь он уже в Аттике, и ему вовсе не обязательно заканчивать путешествие в своих Афинах, чтобы зачать великого героя. Вот такие лепёшки сегодня у нас на блюде, дочь моя.

Царь Питфей замолчал, уставившись на свои колени. Присмотревшись, щелчком сбросил с полы хитона красный панцирь креветки.

– Сейчас же рассказывай, мой хитроумный отец, что ты задумал на сей раз! – блеснула глазами выпрямившаяся на ложе Эфра.

– Что задумал? Я предложил на эту ночь царю Эгею свою наложницу, чтобы он мог оскоромиться после долгого воздержания. Ты же наверняка слыхала об этом нашем, царей Аттики, обычае гостеприимства. Если у царя-хозяина складываются с такой наложницей тёплые, доверительные отношения, он сначала спрашивает у неё, согласна ли. А в других случаях просто посылают девушку в спальню к гостю.

– И где же ты возьмёшь наложницу, чтобы послать её к царю Эгею? – подбоченилась Эфра. – Кто спорит, ты мог бы на ночь поделиться с ним своим очередным Ганимедом... С кем это ты сейчас нежничаешь, с поварёнком Лапифом? Что за бред я слышу от тебя, мой мудрый отец?

– Бред, бред... Не давай своему язычку воли, Эфра! Я уже много раз растолковывал тебе, что не женился после смерти твоей матери, чтобы не приводить в дом мачехи для тебя, моей единственной дорогой дочери. И ограничиваюсь мальчиками, чтобы мои наложницы не развратили тебя, моя невинная девочка.

– Прости, отец. Если все эти жертвы – ради меня, то я могу только благодарить тебя. И всё же...

– Да, и всё же... – тяжело вздохнул царь Питфей, наполняя спальню густым винным духом. – И уж если другу моему суждено зачать нового Геракла, то он должен излить семя в женское лоно – а как же иначе? Причём тут мой любимец Лапиф?

– Неужели ты положил ему в постель мою горничную Ксанфу? – изумилась Эфра.

– Чтобы она, ничтожная рабыня, родила великого героя? Нет, это будешь ты, моя дорогая! Накрасься, будь добра, как простолюдинка, надень свой самый дешёвый хитон и с этой вот лампой пойдешь в гостевую спальню к другу моему царю Эгею. И поторопись, доченька, пока он спяну не заснул.

Эфра и не подумала выполнять отцовское распоряжение. Она по-прежнему сидела на постели в лёгком хитоне и глядела на своего отца во все глаза. В тот момент Эфра стала очень на него похожей, вот только некому было обратить на это внимание. Люди спали в своих поселениях, разбросанных по плоскому кругу Земли, и боги спали – кто на Олимпе, а кто и на облаках.

– Я не понимаю... – прошептала Эфра, наконец. – Ты же мудрейший человек во всей Аттике – и подкладываешь меня, свою невинную девочку, под грубого мужлана Эгея. Уж не спяну ли это, отец? Или злой червяк сумел забраться тебе в голову?

Тут царь Питфей подскочил с табурета и принялся бегать взад-вперёд по спальне. Уродливая, горбатая тень бородача металась вслед за ним по полутёмным голым стенам.

– Спяну? Какой ещё червяк? – выкрикивал он почти в полный голос. – Если я раз в год..., ну, в полгода... выпью хорошего вина со старым другом, то уже и спяну... Червяк в голову? Это дикие предрассудки крестьян. Все знают, что душа у нас в груди... И ты, моя дочь, позволяешь себе не слушаться?!

Эфра заплакала. И, плача, попросила:

– Чтобы я послушалась... Объясни мне, отец...

Царь Питфей остановился. Прикинул расстояние до табурета, однако предпочёл больше не садиться. Принялся пояснять почти трезвым голосом, жестикулируя, будто выступал на городском собрании:

– Дочь должна слушать отца безоговорочно, потому что родитель дочери всегда добра желает... Пока я буду тебе объяснять, Эгею надоест ждать, и он заснёт сном младенца... Да ну, ладно. Я сумел разгадать прорицание Пифии, однако не буду растолковывать, каким именно приёмом: там есть непристойность. Главное, что первая же женщина, с которой он возляжет у нас в Аттике, родит славного героя. Вот ты и будешь ею. Прачка Эпифора по моему приказу присматривала за твоими одеждами, и она уже два года как доложила, что у тебя начались женские нездоровья. В общем, родить ты способна. Таков мой замысел.

– А почему бы этому старику, царю Эгею, – заинтересовалась внезапно Эфра, – не жениться сначала на мне?

– Да потому, дурочка, что он уже женат... Или мы в Персии живём?

– Поясни тогда, зачем нужно мне выдавать себя за твою наложницу?

Питфей снова принялся расхаживать по комнате. Заговорил уже не столь уверенным тоном:

– Царь Эгей никогда тебя не видел. Что бы ему делать в моём гинекее? А если он поймёт, что ты моя дочь, просто отошлёт тебя от своего ложа. Царь Эгей ведь человек честный и порядочный, он и не подумал бы оскорбить тебя, да и меня, своего давнего друга.

– Он не захотел бы меня оскорбить! – взвизгнула вдруг Эфра. – Ты сам это сказал! Так отчего же ты отдаёшь меня на позор, свою единственную дочь? И не стыдно тебе?

– Чего мне стыдиться? После того, как твой распрекрасный Беллерофонт разорвал помолвку, к тебе больше никто не посватался. Он был не так умён, как храбр и красив, и его последующая судьба показала, что не умеет ужиться с людьми. Уже и то скверно, что народ знал его под прозвищем «Убийца Беллера», а не под нареченным при рождении.

– Беллерофонт... Звучит очень красиво... – прошептала Эфра, вытирая рукавом слёзы.

– Вот-вот, а до значения слова «фонт» тебе и дела нет... Впрочем, я надеялся, что сумею воспитать его, как воспитал бы собственного сына. А после него никто не посватался – и знаешь, почему?

– Потому что я несчастная дурнушка, вот почему... – выкрикнула она, снова готовая заплакать.

– Да нет, не оговаривай себя, Эфра! Сложена ты хорошо, ручки-ножки маленькие... Однако женихам нет дела до твоей внешности, да и до возраста, правду сказать, тоже. Сыновей мне боги не дали, и царевич, женившийся на тебе, получил бы в конечном счёте моё царство. Но мне всего сорок пять, терпеть лет тридцать, пока я умру, ни у кого нет охоты. Кто же спорит, можно не ждать столько, а сжить меня со света или изгнать. Да только всем в Элладе известно, что я мудрец и, стало быть, не позволю себя устранить. Так что ребёнок от царя Эгея, пусть и внебрачный – это твой последний шанс, доченька.

– Легко ли мне это – решиться на внебрачного ребёнка, – шмыгнула носом царица.

– А я кое-что придумал, доченька. Будь Ксанфа свободной, для неё байстрюк был бы проклятием, а я сделаю так, что ты этим ребёнком прославишься. Да что там! Люди запомнят твоё имя, а быть может, и моё, только потому, что мы воспитаем этого незаконнорожденного. Так что прошу тебя: умойся, наскоро накрась лицо, можешь не переодеваться. Лучше босиком иди, оставь здесь золочёные сандалии.

– Босиком? После того, как по дворцу потопталась толпа чужих мужиков? Фу!

Пока приводила в порядок лицо Эфра, догадалась она, что отец нарочно заговаривает её, засыпает словами. Но для неё куда важнее оказалась другая осенившая её тогда мысль: что бы она не совершила в ближайшие минуты, как бы не повела себя,

ответственность лежит не на ней, и гнев богов, если и разразится, то падёт не на её голову. А у неё сейчас просто нет другого выбора, приходится подчиниться отцу... Что такое?

– ... всё равно придётся расталкивать. Но ты разбуди его учтиво, поняла? Подёргай там за плечо...

Да за кого отец её принимает! Злость сорвала Эфру с ложа, она подхватила со столика лампу и, злорадно оставив отца в темноте, быстро пересекла гинекей. Вот и вход в мужскую половину дворца, андрон. Лёгкое посапывание, раздававшееся со всех сторон, сменилось столь же совокупным мужским храпом, а царица замерла в дверях, осознав, что отец не сказал, в какой из гостевых спален постелено царю Эгею. Потом сообразила, что в той, где оставлена горящей лампа. Афинские воины спали у стен в проходе, а один раскинулся, не сняв панциря, прямо на пороге спальни, занятой его господином. Осторожно перешагивая через охранника, царица сосредоточила на нём всё своё внимание, поэтому, когда, уже в комнате, она осмелились посмотреть на царя Эгея, её бросило в жар: здоровяк лежал на ложе обнажённым и навзничь. Златотканные одежды его валялись на мозаичном полу, и Эфра, сама не зная зачем, старательно обходила их. Вспомнив кое-что из девичьих баек об ужасах первой брачной ночи, она поставила свою лампу рядом с горящей, затушила её и потрогала глиняный корпус, не нагрелся ли он, как и остаток масла внутри. О Афродита Подглядывающая, разве это имело значение?! Вспомнит ли она о масле в самый страшный момент?

В спальне несло винным перегаром, царь не только храпел во сне, но и похрюкивал время от времени. Стоило Эфре подкрасться и протянуть робко руку, как он рыкнул и отвернулся – носом к расписной стене, а к царице спиной в буграх мышц, густо поросших полуседым волосом. Отдёрнув было руку, Эфра снова принялась приближать её к плечу царя, но опять не успела коснуться – он сам вдруг подхватился, уселся на ложе и очумело уставился на девушку.

– Ты кто? А-а-а...

Как был, голый, царь Эгей прошлёпал к двери, ногой отодвинул за порог охранника, тот заворчал было возмущённо, однако проснулся ли, Эфра не увидела: стукнула дверь, и за нею засов проскрипел.

– Чего стоишь? Раздевайся... И-и-ик... А как зовут?

– Ксанфа, – ляпнула она и принялась освобождать пряжку на левом плече. Хитон, шурша, упал на пол.

– А ты ничего, ладненькая... – и вдруг царь Эгей зевнул, выворачивая челюсти. Продолжил уже скорее капризно. – Знаешь, что? Я с дороги, устал. Мы с твоим царём

Питфеем вина попили всласть. Давай развлечёмся поскорее, без этих бабьих ужимок... Я желаю снова заснуть.

Эфра решила чуточку ещё погодить и тогда открыть глаза. Не хотелось ей этого делать, да придётся. Она проснулась уже некоторое время тому назад и не желала возвращаться к реальности. Из отвращения к происшедшему и к самой себе не желала. Однако в гостевой спальне возникли новые шумы, и надо было разобраться, что происходит.

Ну вот, наступило утро. Утро её позора. В дверях стоит бледный отец. Скривился, будто зубы опять разболелись. Встретился с нею глазами и процедил:

– Могла бы хоть прикрыться, бесстыдница.

А Эфре после событий ночи казалось, что отныне мир вокруг изменился, и, в частности, можно не стыдиться отца. Она, однако, прикрылась руками и прошипела с не меньшей злобой:

– Зачем? Теперь ты убедился хоть, что я сохраняла свою девственность.

Тут подвинулось рядом это храпящее чудовище, это скопище твёрдого мяса, прикоснулось отвратительно горячей ногой, засипело-заскрипело:

– Питфей, друг! Никак решил прилечь вместе с нами? Где ты взял эту неумеху? Неужели увёл воспитанницу из храма Артемиды? Я, правду сказать, после твоих вин мало что помню, однако ночь была ещё та...

– Нам надо поговорить, друг Эгей. А ты, Эфра, поди, приведи себя в порядок и жди у себя в комнате моих приказаний.

Эфра влезла в хитон, справилась с пряжками, обулась. Хотела было прихватить с собой лампу из своей комнаты, да только та валялась, опрокинутая, на столике в лужице масла. Царевна почувствовала, что краснеет, и выскочила из спальни. Последнее, что услышала, захлопывая дверь, были слова царя Эгея:

– ... говорил, что дочь твою Эфрой зовут...

Час оказался ранний. Рабы ещё не вставали. Царевна отправилась в прачечную и отмылась в глиняном тазу, стараясь не разбудить прачку и её помощницу, спавших на самом сухом месте. Подумав, прокралась мимо спящих и просыпающихся афинских воинов к гостевой спальне и принялась подслушивать. Говорил снова этот противный гость:

– ...понимаю, что ты, Питфей, человек очень умный. Я когда-то заучил наизусть твоё изречение о дружбе, его тогда передавали з уст в уста по всей Греции. Сейчас подзабыл уже. Но в жизни ты всегда стремишься устроить так, чтобы пошло на пользу именно тебе, чтобы воплотилась именно твоя задумка. Ну, сам подумай, как ты меня подставил в этой

истории с твоей дочерью! Не зная правды о ней, невзначай обесчестил я благородную девушку, царевну – и как теперь, спрашивается, должны мы с тобой поступить?

«Да он не такой тупой кусок мяса, каким мне показался», – удивилась Эфра. Надо же, раскусил отца-лицемера, что ей самой удалось только совсем недавно. Вот и сейчас отец принялся нудить:

– Да разве я лишь для себя ловчил, друг мой Эгей? Теперь моя Эфра родит тебе сына-героя, а мне – внука-героя, мы оба будем в выигрыше и прославимся. А что тебе пришлось, не желая того, мою дочь обесчестить, то это моя беда, не твоя. И я кое-что придумал, чтобы горю нашему помочь.

– И я тоже не останусь в долгу, хитроумный Питфей.

Но что они там порознь или вместе придумали, стало вдруг Эфре абсолютно безразлично. Потому что в ушах у неё зазвучал вдруг мужской голос, приятный такой, ласкающий: «В полдень жду тебя на берегу бухты Погон». Пытаясь понять, что бы это значило, она вернулась в свою спальню, где уже хлопотала недоумевающая Ксанфа. Поразмыслив, Эфра приказала старательной горничной причёсывать, подкрашивать, одевать и обувать себя по-праздничному.

Уже готовая, съела царевна завтрак, не почувствовав вкуса, и вернулась в свою спальню. Падая из отверстия под самой крышей, солнечный лучик не прочертил ещё и половины дороги до полудня, когда к ней заглянул отец и дёрнул бородой, вызывая на выход.

В саду за гинекеем их поджидали двое мужчин. Силуэт первого, как только Эфра распознала царя Эгея, заставил её передёрнуться от страха и отвращения. В дальнейшем ей удалось ни разу на него не взглянуть. Второй был афинский воин с мечом у пояса и кожаным мешком, ремешком завязанным.

– Пойдём с нами, дочь, – буркнул царь Питфей.

Они вышли на поле между бывшими Гипереей и Анфией, поднялись на невысокий холм. Здесь, в окружении акаций, лежала большая глыба известняка.

– Давай, Линос, поди посторожи, чтобы нам никто не помешал, – приказал царь Эгей, показывая на ближайшие белые домики. – Эй! Мешок-то оставь.

Воин положил мешок у грязно-белого камня и ушёл. Эфра проводила его глазами, чтобы не смотреть на царя Эгея. Да что происходит? Это два царя ухватились за камень и переворачивают его, покрхтывая. С той стороны его, что лежала раньше на земле, обнаруживается большая выбоина.

– Прежде я в одиночку двигал камень. Играючи двигал, – бахвалится отец Эфры, отряхивая руки. – Пока я не построил дворец, мы с покойным братом моим Трезеном держали тут наши общие сокровища.

– Водой в дожди не заливало? – осведомился царь Эгей. – Нет? Это хорошо.

Царские колени затрещали, когда он присел на корточки. Царь Эгей развязал мешок и вынул из него меч в ножнах и сандалии. Положил их рядом с камнем, чтобы, если вернуть его на место, меч и сандалии оказались под выбоиной. Мужчины снова взялись за камень, и вот он в прежнем положении.

– Это запасной мой меч. Новый, со стальным лезвием. Обувь тоже новая, запасная. Без запасных сандалий в пешем походе никак.

– Известное дело, друг мой Эгей, – подтвердил царь Питфей. – Запасливый удачливый богатого.

– А теперь ты, царевна Эфра, выслушай меня, – и царь Эгей тяжело вдохнул. – Вижу я, ты и смотреть на меня не хочешь. Что ж, ты в своём праве. Я и в самом деле неучтиво поступил с тобою, не зная, кто ты такая. И извинился за это. Или ещё не успел?

– Ты, друг мой Эгей, попросил прощения у меня, отца Эфры. Этого вполне достаточно, – чопорно, не глядя на дочь, заявил царь Питфей.

– Ладно, тогда я сейчас извиняюсь перед тобой, Эфра. Можешь на меня не глядеть, да только запомни накрепко то, что скажу тебе, и сохрани сказанное мной в глубокой тайне. Если мой друг царь Питфей ничего не напутал, ты понесла этой ночью и в положенное время родишь мальчика, моего сына. Отец твой воспитает внука как положено, а когда ты увидишь, что юноша достаточно силён, чтобы перевернуть этот камень, приведи его сюда. Пусть тогда забирает меч и сандалии и отправляется ко мне в Афины. Ты поняла ли меня, благородная царевна?

– Нет, я не всё поняла в наших отношениях, царь Эгей, отец моего будущего ребёнка, – покачала головой Эфра, не отрывая глаз от белого камня. – Ладно, жениться на мне ты не можешь. Но что помешает тебе признать своего сына на пятый день после рождения, дать ему имя и отдать под покровительство богов?

Царь Эгей снова тяжело вздохнул.

– Моё положение в Афинах не столь устойчивое, как твоего отца в Трезене. Младший брат мой Паллиант ухитрился наделать полсотни сыновей, и вся эта свора спит и видит, как лишает меня царства. Мне ещё надо придумать, как удержаться на троне до той поры, пока мальчик возмужает. А если паллианты узнают о нём раньше времени, то вполне могут подослать к моему... к нашему сыну наёмного убийцу – с них станется.

Эфра ахнула и закрыла рот ладошкой. Потом покосилась на солнце, прикусила губу и, наскоро поклонившись, пошла каменистой тропинкой в сторону залива.

– Ты куда это наострилась? – негромко спросил её отец.

Она тотчас остановилась, повернулась к царям и пояснила, что идёт погулять на берег моря. Нужна будет, ищите справа на пляже бухты Погон, напротив пристани. Напряглась, готовая убежать, если отец не разрешит.

Они переглянулись, и царь Эгей сказал:

– Да пусть уж пройдёт, Питфей. Она у тебя теперь взрослая.

Царь Питфей поглядел на него как-то странно, однако молча кивнул. Эфра повернулась и побежала, сама не понимая, зачем. Она бежала, пока не скрылась за первым домом бывшей Гипереи. Вскоре тропинка пошла петлять редколесьем, огибая скалы. Деревья и травы радовали царевну своей весенней зеленью, но её огорчало, что к концу лета вся эта роскошь выгорит под безжалостным солнцем Аргюлиды. Эфра жалела, что не прихватила с собой рабыню с зонтиком или хотя бы шляпу-зонтик, но не захотела возиться, перематывая гиматий, чтобы прикрыть голову. Ночью по ней вроде как тяжкую колесницу боевые кони промчали, утром всё тело болело, но по пути ломота утихла.

А вот и залив. Воды его сверкнули ей навстречу ослепительно, а потом и в своём сине-зелёном обличье приветствовали царевну. Она огляделась: пристань пуста, поблизости никого. Эфра разделась и с визгом несколько раз окунулась в ещё прохладные по-весеннему морские волны. Выбралась на полосу сухого песка, расстелила одежды, улеглась навзничь и быстро согрелась. Её потянуло в сон – но почти сразу же разбудил прибой, омывающий ей ноги: из прохладных его барашки вдруг стали приятно тёплыми. Эфра приподняла голову и открыла глаза – к берегу быстро приближался, сияя не хуже солнца, великий бог Посейдон на квадриге из морских коней.

У Эфры сердце забилося чаще, она хотела было прикрыться, но не смогла пошевелить ни руками, ни ногами. Тем временем Посейдон воткнул своё длинное копьё с трезубцем на конце в песок, мановением руки отпустил гиппокампов и встал на мелководе, чтобы Эфра смогла им полюбоваться. О, морской бог был восхитителен! Его голубые глаза, прекрасные, как у девушки, источали приязнь, лицо, обычно гневное, разгладилось в доброй улыбке. Борода его красиво подстрижена, тонкие усики подбриты, длинные волосы тщательно вымыты, завиты в косички, а надо лбом уложены в сложную причёску – и всё это для неё, Эфры! Не успела она разглядеть узоры на его лазурных одеждах, как они будто испепелились, и Посейдон предстал перед царевной во всём своём телесном великолепии. Ни капли жира не было под его свежей кожей, все члены налиты мощью и соразмерны. Огромный мужчина, он выглядел изящным, будто терракотовая статуэтка.

Бог легко наклонился, поднял с песка Эфру, готовую уже потерять сознание от восхищения, и взял её на руки, словно ребёнка. Знакомый, да, да, тот самый голос прошептал: «Мы опекаем Трезен совместно, я и сестра моя Афина, и я не жалею для его царей и их потомства своих милостей. Я утешу тебя, Эфра, любовь моя, и ты родишь сына от меня, бога Посейдона». Морской свежестью пахло от него, чистой кожей, не знавшей вонючего мыла и притираний оливковым маслом. Осыпая нежными ласками, Посейдон уложил царевну снова на песок, и сладостное любовное томление бога заразило её, как болотная лихорадка.

Шатаясь от усталости, Эфра вернулась во дворец только на закате. Царь Питфей встретил её у входа в гинекей.

– Где это ты бродишь? Я должен был с тобой встретиться, прежде чем ты начнёшь болтать с рабынями-сплетницами. Запомни, что ты понесла от бога Посейдона.

– А как ты прознал об этом, отец? – удивилась Эфра.

Глава 3

Коринф, Трезен, Афины

Пагубное увлечение земного отца Тесея

Ещё не заходя в Трезен, царь Эгей посетил Коринф. Он хотел увидаться там с царём Креонтом, чтобы обсудить военные и торговые дела. Но куда более привлекали его Ясон и его жена Медея, гостившие тогда в богатом Коринфе. Царевич Ясон, знаменитый предводитель плавания на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном, приглашал в своё время царя Эгея принять участие в этом путешествии, но тот побоялся потерять царство, надолго отлучившись. В те времена Ясон показался царю Эгею слишком уж честолюбивым и заносчивым молодым человеком, и ему теперь представлялось не слишком интересным увидеть, каким он стал в зрелом возрасте. А вот Медея, варварка-царевна, волшебница и жестокая убийца, иногда даже навещала его в снах. Снилось такой же, какой царь Эгей воображал её себе наяву – белокожей и зеленоглазой, с роскошными рыжими волосами и кроваво-красным ртом. Что ж, характер Ясона не изменился, только внешне он оплешивел и немного сторбился, а вот Медея... Жена Ясона запала в душу царя Эгея ещё сильнее.

Прославленный герой Эллады тогда уже не уделял своей варварской супруге столько внимания, сколько ей хотелось. Всё больше времени Ясон, назначенный царем Креонтом правителем коринфской гавани Лехейона, проводил в царском дворце, и по Коринфу ходили слухи, достигшие, понятно, и ушей Медеи, что придворные уговаривают её мужа порвать с нею и жениться на царевне Главке, дочери Креонта. Может быть, поэтому, или

оттого что считалась иноземкой и варваркой, но Медея пользовалась достаточной свободой, чтобы с одной рабыней прогуливаться по набережной Лехейона, посещать храмы коринфского Акрополя и покупать травы для волшебных зелий на базаре.

Царь Эгей возвращался из бани и проходил через базар, когда раб показал ему Медею, задумавшуюся возле прилавка лидийца-травника. С красиво подстриженными волосами и бородой, в чистом хитоне и благоухающий притираниями, царь чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы подойти и приветствовать скандальную знаменитость. Тем более, что настоящая, живая колхидская царица вовсе не походила на грезившуюся ему пышную варварку из страны Гипербореев: Медею, хрупкую, смуглую и черноволосую, издали можно было принять и за гречанку. Но вблизи сразу же бросались в глаза её выразительные карие глаза и полные, почти негритянские губы. Царь Эгей был очарован и проявил предприимчивость, в общем-то не свойственную ему в отношениях с женщинами.

Они покинули базар, на набережной сели на каменную скамью и отослали прочь рабов. Женщина очень умная, Медея сразу же покорила сердце царя Эгея своим даром выслушивать собеседника, с явным пониманием и с несомненным сочувствием, чем выгодно отличилась от его жен: пустые болтушки обе, что мёртвая, что пока ещё живая. Царица из Колхиды с того и начала разговор, что поинтересовалась, как царь Афин оказался в Коринфе. Он и рассказал, что ходил в Дельфы к оракулу, и зачем. Добавил, что направится теперь в Трезен к своему приятелю царю Питфею, чтобы помог истолковать прореченное Пифией. Медея, попросила, если не секрет, повторить слова оракула. Он и повторил. Тогда она предсказала, что мудрый царь Питфей обязательно поможет ему, и что Эгей ни в коем случае не останется бездетным. Она заявила, однако, что сама не берётся истолковать оракул, потому что считает своё знание греческого языка недостаточным.

Тут царь Эгей насторожился. Уж не лукавит эта иноземная красавица? Ему, напротив, показалось, что греческим языком она владеет великолепно, а если выговаривает не так, как дорийцы, так это для варварки естественно. Но тут Медея принялась жаловаться на свою судьбу, и его неприятное чувство растаяло. Ведь царь Эгей вполне разделял её мнение, что Ясон поступает постыдно, бросая её и детей ради царицы Главки, и что решение царя Креанта изгнать Медею с детьми от Ясона, быть может, и целесообразно, если из интересов государственных исходить, однако бесчеловечно. И уж, во всяком случае, славы ему не принесёт.

– Меня это поддерживает в моих бедствиях, царь, что ты одинаково со мной оцениваешь низкие поступки Ясона и Креанта, – торжественно заявила Медея, глядя задумчиво на спокойную гладь Коринфского залива. – Но кто теперь приютит меня, безвинную колхидскую царицу, доверившуюся коварному греку? Кто защитит от врагов?

– Ты называешь себя безвинной, Медея, но разве не ты убила брата своего...? Не вспомню имени, прости...

– Апсирта? Он был моим сводным братом, – оживилась Медея. – И я своей рукой не убивала его, нет. Убил его Ясон, и предательски, надо признать, а я виновата только в том, что заманила Апсирта на переговоры на одном из островов в заливе Кварнер. Апсирт преследовал «Арго» на нескольких боевых кораблях от самой Колхиды.

– Тогда, быть может, это не ты разрубила мёртвое тело брата не несколько кусков и бросала их по очереди в море, чтобы догоняющий вас на корабле твой и Апсирта отец царь Ээт, подбирая их и поднимая на борт, отставал от «Арго»? Ты уж прости мою прямоту: у меня обычай такой, что думаю, то и на языке.

Тут Медея повернулась к нему, взяла за руку и грустно улыбнулась. Сказала проникновенно:

– А ты посмотри на меня, царь, и сам реши, могла ли я совершить такое зверство? Это была выдумка Ясона, и тупой силач Геракл удерживал меня за руки, пока Ясон бесчинствовал над телом бедного моего брата. От этих преступлений нас очистила моя тётка Кирка на острове Ээя, и я поняла дело так, что теперь мы с Ясоном в них неповинны.

Тут понял царь Эгей дело так, что очарован ею навек. Тем не менее, проворчал:

– Такое очищение у нас, греков, успокаивает гнев богов и прекращает преследование с их стороны. Впрочем, боги могут не признать очищения, а люди, так те по-прежнему числят убийц в убийцах. Вот только не наказывают их, хоть личная месть возможна.

– Благодарю тебя, царь. Стану теперь осторожнее.

– Но тебе, Медея, приписывают и жестокое убийство Пелия, царя Иолка в Фессалии, дяди твоего мужа Ясона. Впрочем, на сей раз вам с Ясоном, насколько я помню, и очищение не понадобилось.

– Опять-таки я его своими руками не убивала, царь. Это противный Пелий не хотел передавать царствование Ясону, хотя мой муж должен был править после смерти отца своего Эсона, старшего сына... Уж не могу вспомнить сейчас, как звали деда-царя... Пелий – вот он настоящий убийца, бестрепетный и коварный! Родителей Ясона он заставил покончить с собой, при этом мать моего мужа Амфинома бросилась на меч у царского очага, а Промаха, брата Ясона, приказал убить. Нам бы тоже не поздоровилось, хоть мы и привезли Золотое руно, как обещал ему Ясон. Что ж, пришлось мне распустить слух, что я жрица Персефоны, вашей владычицы преисподней, и умею омолаживать стариков.

– А ты и вправду умеешь? – усмехнулся он.

– И даже несколькими способами, – ослепительно улыбнулась она в ответ, – один из них весьма приятен. Но тогда мне нужно было обвести вокруг пальца глупых гусынь,

незамужних дочерей Пелия. Им очень хотелось превратить в юношу своего старенького отца.

– И зачем бы это?

– Я не задавалась тогда такими вопросами... Возможно, дурочки надеялись, что молодой и деятельный царь Пелий быстрее выдаст их замуж. В большой тайне, ночью, при свете факелов, я показала им, как происходит волшебное превращение. Привела старого козла, разрубила его на части, сварила их в котле... Ну, и воняла же требуха того козла, пока булькала вместе с обрывками смрадной шкуры! А потом я сумела вынуть из кипятка блеющего козлёнка. Целеньким и живым!

– Думаю, что днём тебе труднее было бы совершить это чудо, – ухмыльнулся царь Эгей. Он чувствовал себя в ударе.

– Не ожидай, царь, что я, известная волшебница, начну вдруг сама изобличать себя в обмане... Во всяком случае, три дурёхи убили своего отца, предварительно договорившись, что каждая нанесёт ему смертельный удар ножом и что каждая примет участие в разрезании тела. Страшно вымазались при этом в крови, потому что не догадались раздеться донага перед неизбежно кровавым деянием... Потом долго варили расчленённого отца в том же самом котле, где булькала похлёбка из козла. Поняв, что обмануты, решили было всей шайкой повеситься, но Ясон отговорил сестёр. До сих пор не пойму, с чего бы это вдруг. Ведь он человек жестокий, а с замужеством каждой сестры из рук его уходил бы хороший кусок царства Пелия, а мы тогда ещё надеялись, что трон достанется Ясону, герою плавания на «Арго». Однако жители Иолка, сами далеко не образцы прадедовской добродетели, до того возмутились этой плохо пахнувшей историей, что вооружились против нас, и нам с Ясоном пришлось, не солоно хлебавши, бежать сюда.

– Я слышал, будто твой дед Гелиос предоставил вам для бегства крылатую колесницу, запряжённую драконами... Это правда?

– А я слышала, что ты потомок богини Геи и бога Гефеста, это правда? – и она открыла свои безукоризненно белые зубы в улыбке, на сей раз скорее грустной. – Однако жаль мне, что ты наотрез отказываешься впустить меня в свою страну и дать мне приют, несчастной изгнаннице. Ведь я пообещала бы тебе, что будешь иметь детей, есть у меня верное средство. Мы с тобой могли бы прямо поехать в Афины, не заезжая в Трезен. Я и оракул растолкую тебе с лёгкостью.

И вдруг услышал царь Эгей свой собственный голос, говорящий такое, о чём он мгновение тому назад и подумать не мог:

– Откуда ты взяла, Медея, что я наотрез отказываюсь предоставить тебе в Афинах место для жилья и защиту от твоих врагов? Меня очень привлекает твоё обещание наделить

меня детьми. Однако я не люблю отменять свои замыслы. В Трезен я всё-таки пойду. И лучше будет, если мы не вместе покинем Коринф, так как я не хочу ссориться из-за тебя с приятелем моим царём Креонтом. Совсем иначе моё решение принять тебя будет выглядеть, если ты сама придёшь ко мне в Афины. То бишь прилетишь на драконах.

В ответ Медея взмахнула своими длинными и изогнутыми ресницами, притворилась, что хочет стать на колени у скамьи, однако только сложила руки молитвенно.

– Нет у меня слов, благородный и щедрый царь, чтобы поблагодарить тебя так красноречиво и искренне, как того заслуживает твоя несравненная доброта! Но я опасаясь, что под давлением моих врагов, а твоих друзей ты переменишь решение.

– Тебе, Медея, разве недостаточно моего царского слова? – удивился он, почему-то не рассердившись. Огорчился только, будто на ребёнка за детскую глупость.

– Будет лучше, если ты поклянёшься, что примешь меня несмотря ни на что, – заявила Медея со спокойным убеждением. – Тебе же сподручнее оправдываться присягой, если вдруг судьба заставит.

– Ты права, пожалуй, – нехотя согласился Эгей. – И если уж ты взялась указывать мне, царю, как поступать, то подскажи, будь добра, какими богами мне поклясться.

– Клянись всеми богами, известными тебе, царь. Всем божественным родом ваших греческих небожителей.

– Хорошо. А теперь скажи чётко, мудрая жена, что же именно я должен пообещать.

Она улыбнулась, но сразу же погасила свою волшебную улыбку и сосредоточенно отчеканила:

– Что сам ты не прогонишь меня из Афин, своею волей. И что никогда не выдашь меня моим врагам, если они потребуют этого. Так поклянись же, царь!

Покряхтывая, царь Эгей поднялся со скамейки, а за ним и Медея взвилась, лёгкая, как пушинка. Он поднял торжественно руку, как это положено при присяге, и негромко, но чётко пообещал:

– Небом, Землёю и морем, всеми богами Эллады я клянусь, что не изменю Медее, что исполню обещание, ей данное: не изгонять Медею из Афин и не выдавать её врагам, как бы они не угрожали. Если же не исполню я этой клятвы, да будет моя участь равной участи безбожников.

Бездонные карие глаза Медее просияли. Она поймала десницу царя Эгея, когда он опускал её, легко прикоснулась губами к тыльной стороне кисти и прошептала:

– Благодарю тебя, прекраснодушный властитель. У тебя будут дети, родится сын – и даже не один. До встречи, мой царь!

Стройная фигурка колхидской царевны уже растворилась в толпе праздных коринфян, пришедших на набережную поглазеть на корабли из далёких италийских колоний, а царь Эгей всё стоял возле скамьи, дул тихонько на место поцелуя Медеи, горящее огнём, и удивлялся себе: в зрелых уже годах и совершить такую благоглупость?

Он продолжил путешествие, погружённый в мечты о загадочной Медее. Поэтому вовсе не удивительно, что скромные прелести невинной царевны Эфры, внешне выглядевшей как обычная греческая девушка, как и обстоятельства соития с нею, не произвели на него особого впечатления.

Что же касается трезенской царевны, то она вовсе выбросила царя Эгея из головы, потому что мечтала о новой встрече со своим божественным возлюбленным, Посейдоном. У неё прекратились ежемесячные неприятности, и она соображала, как наилучшим образом сообщить любимому и богу, что он станет отцом. На помощь ей пришла богиня Афина, посоветовавшая отправиться на остров Сферос и там совершить погребальные возлияния на могиле Сфайра, возницы её деда царя Пелопса. Эфра перебрела через мелководье на остров, почтила память героя, однако напрасно трое суток ожидала свидания с Посейдоном. Бог, наверное, был сильно занят другими своими женами и любовницами, да и делами тоже. Тем не менее Эфра заложила на Сферосе храм Афины Апатурии и переименовала остров на Гиера, то есть «священный».

Тем временем до Афин доходили жуткие слухи о содеянном Медеей в Коринфе. Будто бы, когда Ясон ради царевны Главки покинул Медею, а царь Креонт приказал её изгнать, колхидская царевна, изъявляя полную покорность, уговорила Креонта оставить её детей в Коринфе при отце. Потом она детьми передала Главке свой роскошный, почти невесомый пеплос как свадебный подарок. Увы, предварительно злобная волшебница обработала одеяние ядовитыми травами. Стоило довольной подарком Главке закутаться в пеплос, как он вспыхнул на ней. Так сгорела соперница Медеи, а с нею и её обидчик царь Креонт, попытавшийся сорвать с дочери пылающие одежды. Изменщик Ясон спасся. Он полагал, что хорошо знает, чего может ожидать от своей первой жены, ему и в голову не пришло тушить несостоявшуюся невесту и тестя. Однако и бессовестный Ясон недооценил Медею и был сокрушён последним её ударом: она собственноручно зарезала своих детей от него, мальчиков Мермера и Фарета. После чего, разумеется, убийца улетела на крылатой колеснице, запряжённой драконами.

Первое время после того, как пришли из Коринфа эти удивительные известия, царь Эгей приобрёл привычку посматривать время от времени на западную полусферу неба: а не летит ли там тройка драконов, влача колесницу? Потом, прервав каждый раз скучное чередование лет и зим, произошли два новых важных для него события. Угасла, наконец,

от неведомой болезни жалостно похудев, его вторая жена Халкиопа, и тем самым отпала сама собой неприятная задача объяснить ей приезд Медеи, о возможности, а если подумать, то и о неизбежности которого царь Эгей благоразумно умалчивал в Афинах. И почти тотчас же пришла из Фив весть, что Медея обосновалась там под покровительством Геракла. Незадолго до её появления в Фивах великий герой в припадке безумия, насланного на него вечной недоброжелательницей Герой, убил своих детей от Мелеагры. Медее удалось излечить его, но даже Геракл не сумел защитить свою спасительницу и некогда спутницу в плавании на «Арго» от фивян, не желавших терпеть её присутствие в своём городе.

Тогда-то царь Эгей и увидел наконец Медею в воротах своего царского двора, она бранилась, будто уличная торговка, со стражником. Сопровождала её одна только старуха, как потом выяснилось, была то верная Климена, её кормилица и воспитательница погибших детей. Вся в пыли, обмотанная несусветно грязными тряпками, в порванных и заляпанных глиной сандалиях, Медея показалась царю Эгею такой же молодой, стройной – и желанной, как и пять лет тому назад на набережной Лехейона.

Не поколебавшись даже и на мгновение, царь Эгей вышел к воротам, обнял Медею и пробормотал, что его дом – её дом. Он так расчувствовался, что позабыл пустить в ход шутку о крылатой колеснице и четырёх драконах, хоть и оттачивал её все эти годы, пытаясь напитать аттической солью. Его поразило, что и от изумительной грязной Медеи струились только её собственные ароматы, а приветственное, этикетное собственно, объятие с гостьей тотчас же подняло в нём бурю сладостных чувствований.

– Живи вечно, благородный и добрый царь! – приветствовала его волшебница, осторожно отстраняясь, чтобы рассмотреть его лицо. – Ты всё тот же, я вижу, единственный в Элладе мужчина, на слово коего несчастная изгнанница может положиться.

– Конечно же, великолепная Медея, я выполню все обещания, данные тебе, – промолвил он, всматриваясь в её карие глаза, сияющие на сером от пыли лице, – только убеди меня поскорее, что ты не убивала своих детей от Ясона.

– Позволь мне сначала очистить тело от последствий долгой дороги, щедрый мой царь, и тогда уж я очищу себя в твоих глазах от нелепых и несправедливых подозрений.

И вот наступило время, когда они улеглись на раскладные лежа в саду за гинекеем. У царя Эгея мелькнула было идея пригласить Медею на эту беседу в триклиний, но он побоялся нарушить прадедовский обычай даже ради царевны-иноземки. После обеда, во время которого говорили о пустяках только, он вспомнил ещё об одном обычае:

– У нас, Медея, принято завершать трапезу глотком неразбавленного вина. Могу ли я теперь предложить тебе нашего афинского? Гречанкам вино вообще запрещено, но ты, быть может, придержишься своих местных обычаев?

– Согласно обычаям колхов, место женщины на кухне. О каком ещё вине речь? А я, их бывшая царевна, ты угадал, живу по своим собственным обычаям, бродячей иноземной ведьмы. Так что пусть твой виночерпий нальёт мне половину этой приятно расписанной чаши, мне до конца нашего разговора будет достаточно.

– Комм, что стал столбом! Исполни желание госпожи Медеи! Да и мне налей, как обычно.

Медея выплеснула часть вина на мозаичный пол, после возлияния пошептала недолго на своём языке. Сделала маленький глоток из чаши, вздохнула и смело встретилась с хозяином глазами. Заметила, не улыбнувшись:

– Похоже, твой слуга побаивается меня. Пролил ваше восхитительное душистое вино.

– Лишь бы я тебя не убоился, лихая Медея, – ухмыльнулся царь Эгей. – Комм, исчезни, глупый старик!

– Рассказы о тех событиях в Коринфе дошли сюда, в Афины, жутко искажёнными, само собой. И, как это происходит почти всегда, мне приписываются преступления, не совершённые мной. То есть вместе с настоящими моими преступлениями, я ведь от них не отказываюсь. Так вот, смерть твоего покойного приятеля царя Креонта не лежит на моей совести. Он сам себя погубил, бросившись срывать пылающий пеплос с глупой Главки. Креонт мог ведь остаться на месте, как изменник Ясон, и сохранить свою жизнь. Я, во всяком случае, на него не покушалась. А если этот мой недоброжелатель по доброй воле отправился в ваш Аид, что ж, тем лучше.

– Должен сказать, красноречивая Медея, – осторожно вымолвил царь Эгей, – что смерть царя Креонта, моего покойного союзника, в данном случае волнует меня в наименьшей степени...

– Я поняла, царь, – кивнула она. И вдруг спрятала лицо за своими смуглыми руками, и царь Эгей отметил, что руки у неё вовсе не огрубели и очень красивы. – Теперь о Главке. О, смерть этой невинной девицы навсегда ляжет пятном на моей душе! О боги, как мне пережить этот позор? О, как мне не позволить угрызениям совести загрызть меня вконец?

– Ты не шутишь ли, Медея? – изумился царь Эгей.

Она выглянула из-за щитка своих ладоней, будто из-за веера, и он увидел, что смеется беззвучно.

– Шучу, шучу... Изменщик Ясон поступил подло, когда покинул меня, но он поступил по вашим законам. Как-то по-дурацки у нас с ним и свадьба случилась, и развод – тоже ведь не по-людски. Ты, наверное, знаешь, что сыграть свадьбу на «Арго» нас вынудили феаки – если бы я осталась незамужней, они забрали бы меня и выдали бы отцу.

Думаю, тогда Ясон и в самом деле был влюблён в меня: иначе отдал бы меня феакам или заключил бы брак, используя никогда не существовавшие в Элладе обычаи. Однако я проверила потом – свадебные обряды оказались подлинными. И расстался он со мной по вашему греческому закону: ведь у вас муж может просто прогнать жену, вернув ей приданое и к нему какую-то ещё мелочёвку.

– А твоим приданным разве не было золотое руно? – прищурился царь Эгей.

– Хороша мысль, да поздно подсказана! – усмехнулась она. – Если бы я потребовала вернуть золотое руно, Ясону стало бы не до нового брака. Но в Элладе я обрекла себя на роль бесправной иностранки. В общем, я не могла бы мстить Ясону, если бы даже пожелала, но мне и не хотелось убивать мужа, отца моих детей. Царевна Главка – совсем иное дело! Едва ли в Греции нашлась бы хоть одна замужняя женщина, что не одобрила бы мести девушке, забирающей мужа у законной жены. Я исполнила наказание над разлучницей, а это была мечта многих обиженных жён, оставшаяся только мечтой для них. Но по законам Колхиды, наказывая Главку за её преступление, я никаких законов не нарушала. У нас кровная месть в чести.

– Об этой стороне дела я не подумал, – признался царь Эгей.

– Ты, как мужчина, будешь надо мной смеяться, но я не сразу решилась на эту месть, потому что не желала лишаться своей накидочки. По-колхски это «япма», по-вашему пеплос. Я ведь сбежала из отчего дома в чём была, моя одежда загрязнилась и порвалась в передрыгах долгого плавания, а фактически отчаянного бегства, и эта япма оставалась чуть ли не единственным напоминанием о моей родине. Удивительная, редчайшая вещь! Из такой тоненькой ткани, что её можно было легко протянуть через кольцо или, скомкав, спрятать в кулаке. Как я любила любоваться этой накидкой! Но, увы, она представлялась мне единственным настолько дорогим подарком из платья, чтобы привередливая царевна Главка могла не только принять, но и примерить. Кроме того, её ткань чудесно задерживала перетёртые травы с кое-каким снадобьем, они-то и вспыхнули, когда накидка нагрелась на теле негодяйки.

– Как там насчёт морали, промолчу, а вот с точки зрения природных явлений ты намекнула на реальную причину смерти Главки, – промолвил царь Эгей. – Но отчего погиб тогда царь Креонт?

– Он остался бы жив, если бы рабы облачили бы его тем утром в новый, не надёванный хитон. Однако в вашу повседневную одежду проникают жиры из притираний, и она сильно промасливается от носки. Вот и на Креонте вспыхнула промасленная одежда. Вам, грекам, я бы вообще посоветовала держаться подальше от светильников.

Царь Эгей невольно измерил глазами расстояние от рукава своего хитона и до огонька над носиком лампы на столике. Однако сказал о другом:

– То-то я заметил, что старый гиматий не пропускает дождя... А ты, Медея, выходишь во всём права. Такое, сама понимаешь, невозможно в нашем несовершенном мире. И вспомни, в чём именно ты мне сегодня обещала оправдаться.

Медея сначала вздела очи к звёздному небу, а потом и руки подняла молитвенно.

– Разве что боги небесные помогут мне оправдаться в том, за что до сих пор казню себя и день и ночь! Моя вина ужасна, и нет мне прощенья! Нельзя было мне отправлять к Главке с накидкой своих детей. Я жестоко промахнулась, понадеявшись, что Ясон как отец не даст их в обиду. Однако он и не пошевелился, чтобы защитить наших Мермера и Ферета. На худой случай я велела Мермеру брать за руку младшего брата и бежать в святилище Геры, а там держаться за алтарь. Гера тогда благоволила мне за то, что я отвергла Зевса, когда он пытался попользоваться мною, уже мужнею женой.

– Ты посмела отказать Зевсу? – привстал на ложе царь Эгей.

– Так мне приснилось... Или не приснилось? – взмахнула она ресницами. – То ли сон, то ли явь. Огромный, могучий мужчина в сопровождении чёрного орла... Орла я испугалась, а вот Зевс был сильно пьян. Потом меня убеждали, что надо было уступить. Ясон проглотил бы обиду, а родив Зевсу сына, я бы горя не знала.

– Ну, знаешь ли, гнев ревливой Геры – это ведь тоже не мёд! Правильно ли я понял, Медея, что ты своих детей не убивала?

– И ты поверил в эти злые сказки! – стукнула она кулачком об стол. – А я уж было подумала... Ну, ладно. Мои дети побежали в храм Геры Акрайи и ухватились там за алтарь, умоляя богиню о спасении. Однако толпа коринфян настигла их там, оторвала от алтаря и забросала камнями. Мне пришлось бежать, но у меня в Коринфе остались друзья, и они исподволь узнают имена убийц. А наказать их мне, надеюсь, поможет всеблагая богиня Гера, тяжко оскорблённая детоубийцами.

– Я скорблю с тобою вместе, – склонил голову он. – Браколюбивая Гера? Да, она не забывает зла, ей причинённого.

– Проглянул мне в этой чёрной туче один светлый лучик, царь. До меня дошёл слух, что Мермера видели на Коркире. Будто бы, когда они с Феретом побежали в храм Геры, за ними на площади увязался мальчик. Сын купца, он прогуливался с наставником и подумал, что это новая игра. Его убили будто бы вместо Мермера. Ох, не знаю я... Хотела бы поверить, но боюсь я, царь.

Помедлив, царь Эгей накрыл своей тяжёлой дланью изящную ручку гостьи.

– Мы разузнаем всё в точности, моя Медея. У меня найдутся для того люди и в Коринфе, и даже на Коркире, хоть этот остров и далековат.

ПУТЬ В АФИНЫ

Глава 4

Трезен

Рождение и детство героя

Как только Эфра убедилась, что забеременела, тотчас и выбросила из головы задумку о близком знакомстве с каким-нибудь ладно сложенным и молчаливым трезенским юношей-простолоудином. Да и то подумать, мог ли бы соперничать такой паренёк с великолепным Посейдоном?

Поэтому первые впечатления, полученные будущим Тесеем в утробе матери, оказались безмятежными. Никто не преследовал его маму, не покушался на неё, не заставлял тяжело дышать, в безумной спешке своего сердца не придавливал её и ребёнка внутри. Но нельзя было назвать мальчика в его внутриутробной жизни и «маменькиным сынком»: он бессознательно отличал мужские прикосновения к животу матери от пустых женских и замирал, когда различал биение сердца этого единственного мужчины, имевшего на маму непонятные, однако существенные права. Впрочем, будущий дед его, царь Питфей, полагал, что сделал достаточно для дочери, поселив в гинекее на время её беременности опытную повитуху, и навещал Эфру нечасто. Однако именно ему пришла в голову благая мысль развлекать время от времени забавно неуклюжую и на себя не похожую дочь песнями и плясками скоморохов, так что и у его внука появились, ещё в животе матери, знакомые и даже любимые мелодии.

Следует сказать, что будущий герой отбывал заключение в красно-коричневой тёплой темнице со спокойным достоинством, на последних неделях развлекаясь игрой с пуповиной, а также выделяя имя живой темницы, «Эфра», среди потока звучания человеческих голосов. После уже, после родов, но прежде, чем забыл он своё внутриутробное житьё, казалось Тесею, что он, осознавая собственное развитие, предугадывал и грандиозную перемену, ему предстоящую – освобождение, выход в тот мир, где живёт его тюремщица и подобные ей существа. Однако вполне возможно, что младенец навоображал у себя такое предвидение.

И вот он наступил, наконец, великий день свободы! Тревоги, телесные неудобства и даже боли остались позади, сделан первый, трудный и восхитительный глоток внешнего, свежего и чистого воздуха, в уши ворвались громкие, телесной оболочкой Эфры не

смягчённые шумы и крики. Спала постепенно пелена с глаз, неясные тени вокруг превратились в звучащие по-разному подобия живой темницы.

Без страхов не обошлось, конечно. Мытье в пахучей воде вызвало его протест и сопротивление – напрасные, как оказалось, потому что наступившая телесная чистота стала замечательным переживанием. Лишение пуповины едва не погрузило младенца во вселенскую скорбь, однако он вовремя сообразил, что Эфра и её подобия обходятся же без пуповин, значит, и ему достанется еда другим, пока ещё неизвестным способом. И вскоре его догадка осуществилась: одно из подобий Эфры, пахнущее не кровью, как она, а чем-то неопишимо вкусным, дало ему свою грудь, он непроизвольно начал сосать, а наевшись, выразил свой восторг уже не погукиванием, а настоящим торжествующим воплем. Однако только что обретенная свобода младенца оказалась ограниченной: то же подобие живой темницы ловко обмотало его тряпками и положило в некое повторение живота Эфры, только твёрдое по бокам и открытое сверху. И он вопил возмущённо, пока не сообразил, что ведь и все подобия замотаны в тряпки, а его новое пристанище есть только уменьшенное повторение сооружения из белых стен, в котором они здесь живут. Все эти новые и замечательные переживания вымыли из его души ужас перед тенями, где мерещились ему алчные чудовища, готовые поглотить беззащитного человеческого червячка. И заснул он тогда в покое и с чувством счастья и безопасности, утомлённый и переполненный новыми впечатлениями, будто кошелёк серебряными статирами.

Младенец не знал, что мать его Эфра отправилась рожать на берег того залива, где встретилась с Посейдоном. Она и родила бы прямо на берегу, если бы повитуха не схватилась за голову и не завопила, что в таком случае ни за что не отвечает. А вдруг хищные «морские собаки» утащат младенца? Поэтому роды совершились в доме старейшины безымянного рыбацкого местечка, впоследствии названного в честь этого события, а именно Генетлием, «местом рождения». А перенесение спящего младенца в Трезен, во дворец царя Питфея, на руках у Эфры, лежащей в лектике, стало коротким прологом к многочисленным путешествиям будущего героя.

Младенец не видел, конечно, что гинекей царского дворца украсили в его честь оливковым венком. Зато радостно загукуал и протянул ручки навстречу царю Питфею, когда тот на пятый день после родин Эфры поднял его с пола в знак признания и обошёл с ним на руках вокруг домашнего очага. Рабыни рассыпали вокруг них зёрна пшеницы и ячменя, бобы гороха и кристаллы соли, а младенец радовался, узнав по биению сердца мужчину, который клал руку на живот матери. Лишь через несколько лет рабыни просветили Тесея, что это дед его, царь Питфей, замещал в обряде «амфидромии» настоящих отцов, царя Эгея и бога Посейдона. Грустно ему было дознаться о том, что если

его мать Эфра родила бы своего незаконнорожденного ребёнка от неизвестного отца, то вместо этого обряда принятия в дом валяться бы ему на пустыре за оградой дворца. От голодной смерти или бродячих собак одно могло быть тогда спасение: если добрый человек поднял бы его с земли, отнёс домой и воспитал бы как свободного или своего раба – это уж как такому благодетелю заблагорассудится.

Однако, на счастье младенца, премудрый царь Питфей поступил так, как поступил. И по логике вещей ещё через пять дней устроил праздник наречения имени – опять-таки по-семейному, без всякой пышности. Внука он назвал не по имени деда, царя Пелопа, и не выбрал имя из уже существующих. Царь Питфей предпочёл придумать имя сам – чтобы ни у кого больше во всей Элладе не было такого имени и чтобы никто не догадался, что оно значит. А имя это, Тесей, переделал из «тесис», то есть «клад», при этом имел в виду не сандалии и меч, спрятанные царём Эгеем, а незаурядные способности и мощь внука как будущего героя и державного мужа, до поры спящие в нём, как драгоценности в закопанном в землю горшке.

Шло время. До трёх лет маленький Тесей оставался в гинекее под присмотром матери и кормилицы Мирто. Как только избавился он от пелёнок, тотчас же сначала прополз по всем комнатам, потом обошёл их, пошатываясь и держась за мебель, затем обежал. Путешественником в чужой стране, вот кем он себя чувствовал в гинекее, хоть и не смог бы передать это ощущение взрослыми словами. Ему давно уже стало скучно с женщинами, его тяготил бедный женский язык, где не нашлось места обозначениям мечей, панцирей и боевых колесниц. Две мечты выкристаллизовались у малыша: поскорее перебраться в андрон, на мужскую половину дворца, и перейти на пищу взрослых. Завидев Питфея, он с радостью оставлял игрушки, подбегал и протягивал руку:

– Царь-дедушка, пойдём, где тепло!

И царь Питфей в очередной раз умилялся, брал внука за руку и уводил в сад позади гинекея. Примеряясь к разуму малыша, он тоже не заботился о новизне тем для последующей мужской беседы: спрашивал царь, не учат ли Тесея вышивать, и обещал своей рукой наказать кормилицу Мирто, если позволит себе такое безобразие.

А кормилице Мирто, коренастой румяной молодойке, ей и в голову не приходили подобные глупости. Гастрономические предпочтения царственного младенца, вот что её беспокоило. Нет, во всём остальном Тесей вёл себя вполне обычно. Точно так же, как и другие малые сосунки, он считал груди Мирто, а заодно и её самое своей собственностью и точно также собирался, повзрослев, жениться на ней. Однако Мирто казалось, что питомец пренебрегает её сладким и густым молоком, зато прямо трясётся от жадности, когда она, пережевав, передаёт ему изо рта в рот какую-нибудь взрослую пищу. На самом

деле он понимал полезность для себя молока кормилицы, вот только ему безумно хотелось поскорее стать взрослым.

Не удивительно, что маленький Тесей сравнительно легко перенёс отлучение от груди, для других детей настоящую трагедию. Распоряжение сделала Эфра, вообще-то равнодушная к питанию сына. Тщательно накрашившись с утра, дни напролёт валялась она на ложе, мечтая, как шушукались между собой рабыни, о Посейдоне. Однажды, небрежно внимая лепетанью Тесея, царевна вдруг обиделась, что не на ней он собирается жениться, а на румяной Мирто. Тотчас же она распорядилась отлучить сына от груди, а Мирто за ту же плату сделать его нянькой. Заплаканная кормилица с туго перетянутой полотенцем грудью принялась кормить Тесея кашей с ложечки, а он, с сокрушением сердечным поглядывая на недоступные отныне источники молока, утешался тем, что его давняя мечта исполняется. При этом сомневался, удастся ли теперь жениться на Мирто, ведь самая тесная и близкая связь между ними прервана, да и не забудет ли он сам о сладкой кормилице, сделавшись взрослым? Ведь больше никогда ему не прикоснуться к её груди, ставшей вдруг такой желанной...

Надо сказать, что и сама Мирто исполняла распоряжение хозяйки не в точности, и украдкой ещё не раз давала грудь Тесею. Застав её однажды за этим проступком, царь Питфей молча покинул детскую. На ходу спрятал усмешку в бороду. Что ж, хотя женой Тесею румяная простушка никогда не станет, а вот в любовницах уже побывала.

Однако три года пролетели быстро, и срок заключения Тесея в гинекее пришёл к концу. В последний раз вывел царь Питфей внука за руку в сад и там передал дядьке-«педагогу». Для этой миссии выбрал он увечного воина Коннида. На левой руке у этого коренастого средовека не хватало трёх пальцев, зато его жизненного и боевого опыта достало бы на троих. Со временем Тесей додумался, что если бы и в самом деле Коннид владел оружием гоплита безукоризненно, то и пальцев в бою не лишился бы. О том роковом бое с финикийскими пиратами, вышедшими на сушу, наставник рассказывал многократно, Тесею не сосчитать, однако же и по-разному. Сопоставляя версии, мальчугану приходилось пораскинуть умишком, так что «педагог» в данном случае послужил и интеллектуальному развитию его. В основном же Коннид сосредоточился на физическом воспитании, воинском обучении и закалке.

Спросит его малыш, отчего это птицы не падают на землю, когда и не машут крыльями? Вот хотя бы, как эта ворона? А Коннид прищурится – и в ответ:

– А докудова эта ворона долетела? Не до того ли фигового дерева? Так возьми, царевич, вот этот камень на плечо и сбегай до фигового дерева и обратно.

За пределами же словоблудия, недостойного настоящего воина, Тесей и Коннид, что называется, нашли друг друга. Сродство двух мужских душ проявилось, как только устроили они пересмотр игрушек царевича и выбраковку тех из них, что не понадобятся для воспитания мужчины и воина. Совместно, после нешуточных словесных баталий они решили, что кубики пригодятся для постройки крепостей, а вот кукол и всяческие для них колясочки да кровати следует вернуть в гинекей – пусть их бывшая владелица, мама Эфра играет с ними, если захочет. И кукольную мебель туда же, ведь воину в походе роскошь не нужна, он и спит, и ест, лёжа или сидя на траве, а то и на камнях или на голой земле. Зато выявился прискорбный недостаток игрушечного деревянного оружия, а без него, как известно, в обучении одиночного воина как без рук, а также совершенно необходимых для мальчика игрушек, как-то: деревянных лошадок на колёсиках и кривых полозьях, раскрашенных маленьких гоплитов, боевых колесниц и лошадей для них, тоже маленьких. Было решено, что насчёт маленьких гоплитов, колесниц и прочего Тесей при первой же возможности обратится к деду: пусть-де царь Питфей закажет всё на базаре, выбрав хорошего столяра, а заодно и игрушечное оружие для внука. Однако, не дожидаясь очередного прихода царя в детскую, было решено начать делать оружие и самостоятельно, так что завершили тот день они, воспитатель и воспитанник, совместно выстругивая деревянный меч.

Царь Питфей тогда отнёсся к просьбе маленького внука с пониманием, хотя и полагал, что устраивать сражения маленьких гоплитов в три года отроду это рановато. Однако он увидел здесь и возможность для воспитательной процедуры в будущем. Ведь если Тесей, созрев для воспроизводства битв прошлого, обнаружит, что деревянные воины, кони и колесницы разбежались из детской неизвестно куда, и попросит заказать эти игрушки снова, появится повод наказать его за расхлябанность. Однако, дождливой зимой двадцать первого года своего правления в Трезене навестив пятилетнего внука в его детской, царь Питфей обнаружил, что Коннид с Тесеем разыгрывают битву при Гисиях. Кряхтя, присел он на корточки возле квадратика из кубиков, изображавшего город Гисии в Арголиде, и незаметно, одними глазами, пересчитал игрушки. Все оказались на месте. Царь Питфей не удержался и погладил по головке предводителя спартанцев, с устрашающим рычанием продвигавшего к воротам Гисий боевую колесницу.

Тесею исполнилось семь лет, когда царь Питфей решился на первую попытку научить внука ездить верхом. Была выбрана старая соловая кобыла Псилла, и конюх Фоант, показывая её Тесею на безопасном расстоянии, долго рассказывал, что запрещается при общении с лошадью и как заслужить её расположение. Потом он надел на Псиллу уздечку, заставил мальчика окликнуть кобылу и угостить корочкой. Фоант посадил царевича на круп

и, взяв Псиллу под узцы, вынудил её сделать круг по двору под стоны Эфры и причитания Мирто. Царь Питфей заметил, что лицо внука утратило обычное открытое и жизнерадостное выражение, он вцепился ручонками в гриву кобылы и уставился в одну точку у неё между ушами. Пришлось, к величайшему облегчению конюха, прервать обучение. У предков царя Питфея, как ни перебирал он в памяти сведения о них, не нашлось причин бояться коней. Зато припомнилось ему, что царь Эгей предпочитает путешествовать на своих двоих, игнорируя коня или колесницу, да и сражался всегда в пешем строю. Крепко же досталось какому-то его предку от коня или от кентавра!

Через месяц после того, как Тесею исполнилось семь лет, в Трезен прибыл Геракл, чтобы погостить у родичей после подвигов на службе у царя Эврисфея. Знаменитый герой и маленький Тесей были правнуками царя Пелопа, и таким родством Тесей заслуженно гордился. Не раз доказывал он терпеливому Конниду, что они с Гераклом состоят в кровном родстве, поскольку родились от двоюродных сестёр: ведь Эфра – дочь Питфея, а Алкмена, мать Геракла, – сестра Лисидики, а Питфей и Лисидика – родные брат и сестра, дети Пелопа и Гипподамии.

Во время пира добрый великан отлучился из триклиния, оставив свой плащ, шкуру убитого им Немейского льва, на скамье. Случайно шкура легла так, что при взгляде от двери создавалось впечатление, будто это живой хищник. Поэтому, когда в триклиний, играя, забежали мальчики, и Тесей с ними, дети с криками ужаса вынеслись вон. Но только не Тесей. Нахмурившись, он спокойно вышел из триклиния, попросил у одного из охранников топор и с ним вернулся в комнату. Подняв топор обеими руками, Тесей подскочил ко скамье и изо всех сил ударил по голове шкуры.

Тут в триклиний возвратился Геракл. Увидев, что происходит, он снова растянулся на ложе. Хрупкое, оно треском своим отвлекло Тесея. Геракл улыбнулся ему и пророкотал:

– Ну, родич, если ты продырявил мне плащ, придётся тебе добыть для меня ещё одного такого же льва.

– Так это шкура... – протянул Тесей и потрогал мех на львином лбу. – Нет, не удалось пробить.

– Да я пошутил. Об эту шкуру сломалась моя дубинка, и пришлось задушить зверюгу руками. Эта шкура была Немейским львом, маленький храбрец.

– Тогда с твоего позволения, великий Геракл, я не пойду добывать для тебя другого льва, – солидно заявил мальчик. – Во-первых, шкура не пострадала, а во-вторых, ты уже совершил этот подвиг, и новой славы мне не добыть.

– «Во-первых», «во-вторых»! Узнаю внука нашего мудреца Питфея! – загремел Геракл. – Запомни, Тесей, что удалцу и силачу следует быть проще. Иногда, знаешь ли, полезно бывает и тупицей прикинуться.

Тут Тесей задержал взгляд на Геракле пытливно, а царь Питфей показал виночерпию, чтобы налил гостю вина. Впоследствии, наедине и шёпотом, дед пояснил Тесею, что боги очень не любят, когда люди проявляют над ними умственное превосходство.

– То есть, дедушка, боги в том похожи на земных царей? – прошептал в ответ мальчик, неизмеримо гордый доверием мудрого деда.

– Ты поосторожнее болтай с прислугой! – прикрикнул дед. И снова перешёл на шёпот. – Боги сильнее нас тем, что фактически от нас не зависят, чтобы там не говорили жрецы, для которых чем больше жертв, тем лучше. А главное, боги способны совершать деяния, для людей недоступные. Уж как мне хочется порой метнуть молнию, да только что позволено Зевсу, не позволено быку.

Мальчики, ровесники Тесея, оказались в царском дворце, потому что царь Питфей отдал одну из спален под школу. Он вдруг осознал, что внук, поглощённый общением с Коннидом, совсем не играет с детьми, а это не гоже и даже опасно для развития будущего властителя. К тому же пора было учить Тесея грамоте, а это куда удобнее в школе, вместе с другими учениками. Будет, во всяком случае, кого наказать, если внук провинится перед учителем. Коннид был неграмотен, и Тесей, стремясь уклониться от книжного учения, доказывал царю Питфею, что воину знать буквы ни к чему. Деду пришлось поднапрячься, но он привёл убийственные доводы полезности грамоты для воинского дела. Как иначе, если не на письме, передать сообщение таким образом, чтобы гонец не знал его содержания? Как закрепить на века, если не вырезать на камне, правду об одержанной победе и поражении врага? Как сможет военачальник пользоваться скиталой, палкой для шифрования, если он и буквы-то одна от другой не отличает?

Таинственная скитала заинтриговала Тесея, тем более, что и простое письмо для него до поры до времени оставалось шифром. Впрочем, вскоре он играючи овладел грамотой, почти с ходу запомнив, каким звукам соответствуют какие буквы, когда учитель показывал надпись, вырезанную на дощечке, и медленно читал её. Учитель Финис, седобородый, с кривой спиной, поражался успехам Тесея в чтении и письме, но только качал головой, когда царь Питфей спрашивал его, не проявляет ли внук желания покомандовать однокашниками.

Вкус к власти над людьми мог проявиться и позже, царя Питфея тогда куда сильнее беспокоила другая заковыка. Тесею без малого десятилетие предстояло оставаться под началом «педагога», и неграмотность Коннида рисковала разрушить его почитание грамотным учеником. Пришлось царю Питфею купить и второй диптих с залитыми воском

корытцами-страницами, и ещё один стилос, не из слоновой кости, попроще. Осчастливленный этими немилыми ему дарами, Коннид буквально со слезами на глазах согласился во время школьных занятий Тесея тоже посещать учителя. Он сердцем привязался к мальчику, а царь Питфей угрожал нанять вместо него грамотного «педагога».

Время шло, мальчик вырастал на глазах и наливался силой. Царь Питфей украдкой обсуждал уже с Коннидом, как бы им вернуться к воспитанию из него умелого всадника и возницы боевой колесницы, когда сам Тесея дважды встретился с богами, но никому, даже Конниду, о том не рассказал. Произошло это в сонном видении или всё-таки наяву, понять было невозможно.

В первый раз на берегу залива бухты Погон, в полдневную жару Тесея вдруг погрузился в прохладную воду – и сразу на глубину. Он широко шагал в воде, размахивая руками. Вокруг плавали разноцветные рыбы, внизу по песку среди кустиков водорослей ползали крабы. Впереди показались две вытянутые кверху фигуры, мужская и женская. Вблизи Тесея по трезубцу узнал Посейдона, тогда женщина должна была быть его супругой, Амфитритой. Солнечные пятна проплывали по лицам бога и богини, они улыбались. Тесея поклонился и приветствовал их. Вместо своих слов ожидал услышать кваканье, однако прозвучало вполне разборчиво:

– Привет тебе, могучий Посейдон! И тебе мой поклон, несравненная Амфитрита!

Богиня легко наклонила голову, а Посейдон протянул Тесею руку, и его пожатие наполнило тело мальчика силой. Морской бог выглядел точно так же, как и при его явлении Эфре, но Тесея не мог знать об этом. Рука же бога казалась одновременно и приятно прохладной, и тёплой, как у обычного человека. Красавец Посейдон произнёс ласково, руки Тесея не выпуская:

– Знаешь ли, мне захотелось посмотреть на тебя, сынок. Что ж, я вполне доволен и тем, как ты выглядишь, и тем, что не боишься нас.

– Ещё бы не быть тебе довольным, муженёк! – прошептала Амфитрита. – Тесея такой хорошенький! Он словно танагрская статуэтка.

– Как видишь, мой Тесея, Амфитрита уже не сердится на мать твою Эфру, а к тебе весьма добра, хоть некогда ты и прогневал её своим внебрачным от меня рождением.

– Прошу простить меня, госпожа, за нечаянную тебе обиду, – выдавил из себя Тесея.

Амфитрита захихикала, а Посейдон выговорил покровительственно:

– На самом деле ты ни в чём не виноват, сынок. Мы, мужчины, изменчивы – и ты в этом ещё убедишься, а женщины – переменчивы, но бывает, что и от зла к добру.

– На следующую встречу, красавчик, я обязательно принесу тебе подарок, – улыбнулась Амфитрита и плеснула в ладошки. Лобастый бычок, проплывавший мимо, испугался и вильнул в сторону.

А Посейдон отпустил наконец руку сына и предложил:

– Я слышал, что тебя снова собираются учить ездить верхом и управлять колесницей. Хочешь покататься на моей квадриге из гиппокампов? Я буду рядом и помогу тебе, если потребуется, сынок.

– Здорово! Конечно же, я с радостью... отец.

И хотя он с некоторой затяжкой добавил «отец», бог не обиделся и добродушно пояснил:

– Я их, морских коней, отпустил попасть за островом Порос, но стоит мне свистнуть – тотчас примчатся!

И Посейдон свистнул – да так, что распугал всю морскую живность залива Сароникос, а Тесею осмелился спросить:

– Отчего бы это, отец? Я ничего не боюсь, а как сел на нашу кобылу Псиллу, меня просто зажало страхом, словно между двумя камнями.

– Боюсь, моё наследство. Я ведь, как всем известно, ударил трезубцем на афинском Акрополе – да и создал ненароком первого на свете коня. Что было делать? Пришлось приручить его, я научился ездить верхом. Потом построил конюшню и принялся лошадей разводить. Однако бросил с ними возиться, когда меня понёс первый мой конь. Его испугал бык – тут-то и началось! Вот это была скачка, врагу не пожелаешь! Я вцепился в гриву, каждое мгновение ожидая, что свирепый конь сбросит меня на каменистую тропу. Теперь многие знают, что в таких случаях надо выбрать повод и заставить лошадь пойти по кругу, постепенно сужая его. Однако у меня и поводьев-то не было – уздечку племянница моя Афина придумала только через столетие! Я чудом жив остался, с тех пор к сухопутным коням больше и не подхожу. А вот и они, мои морские скакуны!

Движение воды едва не сорвало Тесею с ног, а в толще её возникли четыре быстро приближающиеся тени...

Очнувшись Тесею на песчаной ленте у берега и, полежав, вспомнил всё, что с ним произошло. А когда снова посадили его на Псиллу, не проявил никакого страха и быстро научился ею управлять. Вскоре он и колесницей уверенно правил, только стоял на ней рядом с Коннидом, готовым прийти на помощь.

Приближалось время, когда Тесею надлежало в знак прощания с детством посетить Дельфы и посвятить Аполлону часть своих волос. Оказалось, что эта поездка и связанные с нею сакральные деяния волновали не его одного. За неделю до намеченного дня выезда

подросток лёг спать на голых досках ложа, а проснулся снова на дне моря. Утреннее солнце весело просвечивало зеленоватую солёную воду, Тесей легко дышал ею, будто рыба, и богини Афина и Амфитрита также не испытывали в воде никаких трудностей с дыханием. Афины он сразу узнал – кем же ещё могла быть эта строгая красавица в коринфском шлеме с высоким гребнем и в эгиде с головой Медузы Горгоны? Стоящая, опершись на копьё и пронизывающая его своими большими серыми глазами? В сравнении с нею Амфитрита, пышно разодетая, вся в складочках и кружевах, розоволицая, румяная и с кроваво-красными губами, казалась приятной молодницей, почти домашней, и уж, во всяком случае, не опасней кошки. Тесею некогда было задаваться вопросом, откуда взялся на дне моря роскошный позолоченный табурет, чтобы воссесть на нём жене Посейдона, а вот ларец с ручкой, стоявший у ближней ножки табурета, она вполне могла принести с собой.

Тут Тесей почувствовал под правой ступнёй неясное шевеление, а под левой – жесткие волосы, одновременно его подвинуло в воде вверх, и его лицо оказалось на уровне только немногим ниже лица Афины, и несколько выше головы Амфитриты. Скопившись вниз, увидел царевич, что его двумя руками и головой поддерживает некое существо с плечами бородатого мужчины, а ниже подмышек с завершением тела, как у рака, но с полумесяцем на конце вроде бы хвоста. Правая ступня у Тесея зачесалась, но он решил не возникать, если уж такие у них тут в море порядки.

– Благоденствуйте вечно, великие богини! – поклонился он. – Хотелось бы узнать, зачем я вам понадобился, страшная и премудрая Афина, и тебе, прекрасная и добрая Амфитрита?

Богини переглянулись, при этом Афина перенесла тяжесть тела с одной крепкой ноги на другую, и Тесею показалось, что голова Медузы на её груди недовольно скривилась. Афина заявила:

– Во всяком случае, язык у малого неплохо подвешен. А я для него не прекрасна.

– А сам он красавчик-то какой! – всплеснула ручками Амфитрита. – И в том замечательном возрасте, когда почти не опасен для девиц.

Афина откинула голову назад, хоть и без того стояла прямо, будто аршин проглотила, и дёрнула краем красиво очерченного рта:

– Если ты намекаешь на меня, то нет возраста, в котором мужчина был бы опасен для моей девственности. Но если бы мне было суждено... Я предпочла бы с очень опытным мужиком, вроде моего неувядаемого отца.

Тесей наострил уши. Все попытки пообщаться на такие безумно привлекательные темы Коннид пресекал одинаково:

– До жертвенника, что на площади перед храмом Муз, и обратно – бегом! Если ты прибежишь, а тень сосны будет уже за этим камнем, побежишь снова!

А тогда, на дне моря, Тесей позволил себе постоять молча, на богинь уставившись, потому что он задал вопрос, а они не отвечали. Богини, впрочем, тоже беззастенчиво разглядывали его. Наконец, заговорила Амфитрита.

– Просто жаль отрезать такие миленькие волосы... О! Ты же спрашивал, дитя, чего нам от тебя надобно? Тебе предстоит очень важный обряд, а у племянницы мужа моего есть виды на тебя, и ей не хотелось бы, чтобы твоё вступление на порог взрослой жизни сопровождалось плохими предзнаменованиями... Афина, если захочет, сама тебе скажет.

– Афина захотела сказать, что ты болтушка, – отчеканила та без улыбки.

– А я вообще не понимаю, почему запрещено открывать людям их грядущие судьбы. Мы же, бессмертные, знаем, что мы бессмертны – и что в этом плохого, мудрая Афина? А кроме того, я ведь обещала тебе подарок, красавчик.

– Вот почему все важные вопросы на свете решают мужчины, – пробормотала дева-воин – и вдруг подмигнула Тесею. – А наш первый вопрос – о длине твоих волос, племянник.

– А ну-ка, повернись... Так-так, для Аполлона можно отрезать сзади, ну, эти пряди, что падают на спину, и дело с концом. По-моему, то бишь по бабьему тупому разумению.

– Только сзади, Амфитрита? А я предлагаю состричь их везде на голове, полностью. И не из почтения к Аполлону, а подражая лихим бойцам абантам.

– А кто такие абанты, великая богиня? – оживился Тесей. Мимо его носа проплыла большая макрель. Еле удержался, чтобы не поймать её за хвост.

– Это обитатели острова Эвбеи, свирепые ратоборцы в ближнем бою, мастера рубиться на мечях. Они стригутся очень коротко, чтобы враги не смогли ухватить их за волосы.

– Вот здорово! Как-то мы подрались с Буйком, так он сумел вцепиться мне в волосы – мало тогда не показалось! Потом я исхитрился пнуть Буйка локтем в живот – он и отпустил.

– Кто такой Буёк? – спросила Афина небрежно.

– Это по-уличному, а зовут пацана Эрихтонием, сыном Пифона.

Афина ударила тупым концом копья о песчаное дно, распугав мелкую рыбёшку.

– Терпеть не могу, когда простолюдины дают своим детям имена известных людей!

– А ты, Тесей, запомни, что прежде чем разговаривать с богами, смертному следует побольше узнать о них у знающих жрецов, – пожурила его Амфитрита. – У Афины был сын

по имени Эрихтоний. Афина хотела сделать его бессмертным, а ей не удалось. Вот и злится до сих пор.

Тесей вытаращил свои красивые, как у Посейдона, глаза и развёл руками.

– Но разве я мог подготовиться, великие богини? Это ведь вы явились мне, а не я к вам пришёл! И откуда у богини-девицы может взяться ребёнок? Ой, прости, дева Афина, я этого не говорил...

Однако вместо того, чтобы отправить Тесея в пробежку до ближайшего затонувшего корабля и обратно, Афина только отвернулась от него и топнула ногой. Амфитрита промолвила примирительно:

– В общем-то, младенца Эрихтония родила Гея, Афина его лишь воспитывала. Да только неважно это. А ты, Тесей, откинь-ка волосы со лба рукой.

Тесей послушался, а жена Посейдона задумалась. Вдруг царевич воскликнул:

– Я понял! Если все будут стричься коротко, как те бойцы, то никто не сможет схватить противника за волосы. Все снова окажутся в равном положении, как и тогда, когда все ходили с длинными волосами. Поэтому я выиграю только в том случае, если буду единственным налысо подстриженным среди трезенских пацанов.

– Замолчи, балаболка, только с мыслей меня сбиваешь! – Амфитрита отмахнулась от него обеими руками. – Послушай, Афина, лоб у Тесея красивый и чистый. Что, если нам, не открывая его полностью, сделать чёлку среднего размера? «Педагог» именно так острижёт волосы для посвящения Аполлону в Дельфах – и причёска войдёт в моду.

– А ну-ка, парень, замри! – приказала Афина и, воткнув копьё в песок, принялась твёрдыми и холодными пальцами подгибать волосы на лбу мальчика. Взглянула на Амфитриту вопросительно. Та кивнула и улыбнулась.

– Вот это я и имела в виду, Афина! Обитатели Дельф и их гости сбегутся посмотреть на новую стрижку, назовут её «чёлкой Тесея». Наш подопечный прославится во всей Элладе, и пальцем для того не пошевелив.

– Можно мне сказать, прекрасные богини? – поднял тут руку Тесей. Богини переглянулись и дали разрешение кивками. – Я намереваюсь прославиться не какой-то глупой причёской, а победив чудище вроде этого.

И он показал пальцем на голову Медузы Горгоны, чуть было не ткнул в неё.

– О! Речь не мальчика, но мужа, – улыбнулась Афина. – Однако твой образец неудачен. Я потратила бы не меньше получаса, рассказывая, какие трудности нам с храбрецом Персеем пришлось преодолеть, прежде чем ему удалось отсечь эту голову. Да и после того она обращала в камень всех, кого ей Персей показывал. А ты, Тесей, свои

подвиги ещё совершишь. Вон наша Амфитрита даже приготовила тебе заранее награду за них.

– Ах! А чуть не забыла с этой чёлкой... Но прежде, Афина, давай обсудим длину хитона, чтобы Тесей мог с уверенностью в нём показаться на людях в храме Аполлона Пифийского. Как по-твоему, этот, что на паренёчке, не коротковат ли?

– Быть может и коротковат, дорогая Амфитрита, зато открывает красивые ноги. Прямые, накаченные, с соразмерными ступнями. Быть может, они и маловаты для мужчины, эти ступни, однако Тесей ещё подрастёт.

– Если он подрастёт, но будет продолжать носить короткие хитоны, то и смотреться будет моложе, чем будет на самом деле.

– А разве это плохо? – рассмеялась Афина. – Вон ты, Амфитрита, неужели не хотела бы выглядеть моложе, чем на свои года?

Амфитрита захихикала и обратилась к Тесею:

– Афина пошутила, красавчик. Мы, бессмертные, не стареем вовсе. А вот земные женщины и мужчины, те спят и видят, чтобы выглядеть моложе.

– Глупые какие! А вот я хотел бы не только выглядеть, но и вправду стать постарше, – надулся Тесей. – Страшно надоело жить бесправным ребёнком.

– Не ценишь ты своего счастья, – погрустнела Афина. – Все мальчишки такие. Но детство у смертных проходит само, незаметно, как и жизнь... Так что мы, подруга, решили с длиной хитона?

– Думаю, оставим эту. Ножки стройненькие, крепкие такие... Слышишь, Тесей? Перед церемонией в храме Аполлона надень хитон такой же длины, только чистый и из ткани получше. Не забудешь?

– Я-то не забуду... – проворчал Тесей. И вдруг решился, заканючил. – А подарок где? Ты же обещала подарок, жена моего могучего отца...

– И впрямь... – широко улыбнулась Амфитрита. – Поддай-ка мне вон тот ларец.

Она отщелкнула крышку бронзового ларца и достала из него подобие лаврового венка, замысловато склёпанное из золота. В морской воде отдельные его листья то вспыхивали неярко под солнцем, то снова темнели.

– Возьми его, Тесей, просто поддержи в руках и верни мне. Обещаю, что этот венок окажется на твоей голове, как только совершишь первый подвиг.

Глава 5

Трезен, Коринфский перешеек, Аттика

Героическое путешествие в Афины

Путешествие в Дельфы и впечатлило Тесея, с рождения не покидавшего маленький Трезен, и несколько разочаровало. Впечатлило его это горное селение всем, чем поражало каждого грека, впервые посетившего Дельфы, а разочаровало тем, что вопреки ожиданиям, почти не обратило внимания на трезенского царевича. Он ведь с трудом заставил Коннида подстричь ему волосы на лбу именно так, как велели богини, однако, вопреки обещанию Амфитриты, важные обитатели Дельф и приезжие не сбежались восхищаться его чёлкой, хоть удивлённые взгляды ему и доводилось встречать. Кроме того, в очереди перед храмом Аполлона пришлось им с Коннидом услышать, что посвящение первых волос Фебу устарело и что многие уважаемые люди пренебрегают этим ритуалом, когда у них вырастают сыновья. Правду сказать, Тесей даже и не попытался понять, для чего было дарить прядь волос богу, зачем чужие волосы Аполлону, на статуях отменно волосатому, и какую пользу от обряда стоит ожидать самому юноше.

Однако примерно через месяц после того, как ему исполнилось шестнадцать, начались по-настоящему значимые события. Как-то после обеда к Тесею с Коннидом, лихо рубившимся на деревянных мечах, подошли царь Питфей и Эфра. Тесей, исхитрившись, удачно выбил меч из руки у Коннида, и пока тот бегал за деревяшкой, успел присмотреться к родным. Царь Питфей выглядел торжественным, как в первый день Больших Дионисий, мать приделась и накрутилась, словно на выход в город.

– Похоже, уважаемый Коннид, ты учишь орла летать, – усмехнулся царь в седую бороду. – Поигрались, и довольно. Нам предстоит совершить действительно важное дело.

Немного времени потратив, они вышли к тому самому белому камню, которым некогда ворочали цари Эгей и Питфей. Через семнадцать без малого лет огромный известняк по-прежнему лежал на обочине прежней дороги из Гипереи в Анфию, только на поле между акациями успели подняться белые жилища трезенцев.

Царь Питфей поймал взгляд дочери и кивнул. Эфра проговорила:

– Если ты достаточно силён для этого, сын мой, переверни камень!

Тесей, успокоившийся после учебного боя, только плечами пожал. Присмотрелся. Определив точку приложения сил, без особого напряжения перевернул камень – и...

– Деда, а это что такое? – спросил растерянно, глаз не отрывая от позолоченного наверхия, светящегося в кучке гнилой кожи. Над находкой взметнулось облачко моли.

– Пусть тебе мать твоя объяснит, – не без яда распорядился царь Питфей.

Эфра объяснила, потупившись. Тесей выглядел разочарованным.

– А как же...? – пробормотал. – Вы же мне говорили всегда, что мой отец – Посейдон.

Я и сам...

Царь Питфей пожал плечами. Произнёс, будто давно продуманное:

– Слабый радовался бы, что у него два отца, две опоры в жизни. Согласен я, что для сильного и одного властного отца бывает многовато. Эгей, царь Афин – мой давний приятель. Он славный боец и добрый, справедливый человек. Тебе же, Тесей, надо принять свою судьбу. Вот передала тебе мать распоряжение твоего земного отца – выполняй его. Бери мой хорошо просмоленный личный корабль и плыви в Фалер, порт Афинского царства.

– погоди о корабле, дедушка, пока мы не разобрались с этим вот добром, – показал Тесей на остатки оставленного царём Эгеем под камнем. – Сандалии носить невозможно, и кожа ножен тоже испорчена.

– Это не беда. Я сегодня же закажу тебе новые сандалии в дорогу, а ножны для меча подберём мы вдвоём, покопавшись в моей оружейной палате. Главная примета твоя для царя Эгея – это меч, а он только заржавел немного. Подними его, Тесей.

Крепкие сандалии по ноге были готовы, и ножны они успели подобрать, но не был решён вопрос, каким путём добираться Тесею до Афин – сушей или морем. Предстояло начать путешествие в конце летнего месяца таргелиона, когда море, как правило, безопасно. На это обстоятельство в особенности напирала Эфра, хотя, насколько известно, она прежде никогда не плавала по морю. Царь Питфей, тот, поддерживая выбор дочери, исходил из оценки обстановки, сложившейся по маршруту пешего похода. Славный Геракл, гроза разбойников, в те времена расплачивался за нечаянное убийство Ифита добровольным рабством у царицы Омфалы, поэтому всяческие злодеи расплодились, законы попирались преступниками, и путнику было весьма небезопасно странствовать даже по Пелопонессу.

Однако Тесей настоял на своём, отправился в путь по суше и один – отвергнув уговоры взять с собою Коннида, если не слугой, то оруженосцем. Несколько лукавая, он оправдывался желанием забрать всю славу себе, но на самом деле мечтал не то, чтобы избавиться наконец-то от какой бы то ни было опеки, но просто побыть в дороге одному.

Старый Коннид плакал навзрыд, прощаясь с воспитанником, Эфра ревела белугой, а царь Питфей, смахнув скупую мужскую слезу, отвёл внука в сторону и зарокотал:

– По юности лет тебе сейчас безразлична наша разлука, Тесей. Я и не знаю, когда мы снова увидимся. Но придёт время, и ты вспомнишь нас с матерью, и придурковатого твоего Коннида вспомнишь. И если ты тогда решишь, что мы с матерью недостаточно любили тебя, ты ошибёшься. Боги, когда раздавали людям по толике беззаветной, самоотверженной и жертвенной любви, обделили меня, и мне мало чем было поделиться с твоей матерью. Но знай, что данную мне меру я исчерпал на тебя. Берегись, будь осторожен. Жизнь дороже славы. И не вздумай огорчать нас с матерью! Прощай!

И с этими словами царь Питфей оттолкнул от себя внука на пустынную дорогу, ведущую в Эпидавр, и вскоре Тесей, так и не обернувшийся, скрылся за её поворотом. Солнце поднялось уже высоко, когда вдали, между небом и землёй, блеснуло голубым. Дорога змеилась вдоль моря, повеял свежий ветерок, шагать было легко. Встречные, бедняки с самодельными посохами, обходили его по большой дуге, а кое-кто из них, завидев юношу с мечом на поясе, прятался в кустах. Одна телега с амфорами его обогнала, две с грузом, обвязанным холстом, попались навстречу.

После первого дня пути Тесей заночевал в Калони, деревушке на берегу. Чувства его охватывали смутные, столь долгожданное счастье полного одиночества и неподчинения никому на свете он испытывал очень недолго. Домашняя еда в узелке уменьшилась, а он не умел добыть себе пищи. Царь Питфей снабдил его, конечно, мешочком со статирами, но вот покупать что-нибудь самому Тесею не доводилось – а Коннид на что? Смущало также, что за весь первый день похода он ни разу не встретил никого, кто хотел бы его обидеть, и он начинал уже заранее стыдиться своего прихода в Афины с одним мечом, как доказательством родства – нет, чтобы привести с собой толпу побеждённых и связанных разбойников...

Однако за несколько стадий до Эпидавра, когда город забелел впереди продолговатым пятном на горизонте, из платановой рощи вышел перед Тесеем, явно желая перекрыть ему путь, неопрятный здоровяк. На плече он держал дубинку, медная оковка её поблёскивала на солнце.

– Эй, ты! Я – славный воин Перифет! – заявил он, из пренебрежения к прохожему не договаривая до конца слова. – Всё твоё, сосунок, теперь принадлежит мне – и твоя ничтожная жизнь тоже!

Меч Тесей предпочёл пока не обнажать, но измерил взглядом расстояние до забияки. Сбросил шляпу и узелок на траву обочины. Кроме того, стряхнув гиматий, обмотал им левую руку. Предложил срывающимся от волнения голосом:

– Не лучше ли тебе, славный воин, пойти своей дорогой, а мне продолжить мой путь?

В ответ Перифет резко поднял дубину над плечом и замахнулся. Тесей отскочил на пару шагов. К счастью, он почти тотчас же догадался, что парировать мечом удары тяжёлой дубинки выйдет себе дороже: стальное лезвие может сломаться – и что тогда? Вот и начался достаточно неуклюжий танец. Тщательно избегая свистящей в воздухе дубинки, Тесей описывал мечом кривые фигуры, при этом ловко отступал по кругу перед разбойником. Вскоре царевич совершенно успокоился и теперь успевал посматривать вниз, чтобы не споткнуться невзначай о камень.

Между тем Перифет размахивал дубинкой всё небрежнее, было очевидно, что меча он не страшится и готовится к решительной атаке. И Тесей давно припомнил, как должен поступить, когда распознает её начало. Стоило только Перифету снова, как в начале стычки, размашисто замахнуться дубинкой, как обученный юноша скользнул вперёд и коротко резнул острием меча над чреслами противника, обмотанными грязной тряпкой. Тотчас же он отскочил назад – быстро, но не совсем ловко, потому что споткнулся-таки и покатился на каменистой дороге. Вот именно с земли, лёжа, как гость на пиру, только вместо килика держа меч, он наблюдал оторопело за Перифетом. Тот ещё в замахе выпустил дубинку, и она упала у него за спиной. Обеими руками, сидя с вытянутыми перед собою ногами, разбойник подбирал с земли и запихивал в разрезанный живот сизые, слизью поблескивающие кишки. Лужа чёрной крови натекла и ширилась под ним.

Тесей вдруг осознал, что лежит в облаке едкой, кислой, тошнотворной вони. Его вывернуло на дорогу, и приступы рвоты были так сильны, что он на мгновение потерял сознание. Очнувшись, услышал бормотание разбойника:

– Гефест, отец мой, спаси... Гефест, не давай умирать...

Умиравший повторял эти слова раз за разом, словно молитву. А это и была, наверное, молитва. Тесей подхватился на ноги: ему показалось, что чёрная лужа уже возле его локтя. Тут же он ощутил, что хитон неприятно прилип к телу спереди. Пренебрегая нечистотой одежды, юный герой присмотрелся к Перифету: не отрубить ли ему голову, чтобы долго не мучился? Но разбойник замолчал: он, похоже, кончался, хоть голова и оставалась на плечах. Тут победитель вспомнил о дубинке, упавшей за спину Перифета, и обошёл полутруп, чтобы взглянуть на неё. Удачно вышло, что оружие откатилось и не запачкалось в крови. И сама дубинка понравилась Тесею: выстроганную, конечно же, из самого твёрдого дуба, мастер оковал её медью очень ловко, можно сказать, изящно и, на взгляд понимающего человека, даже красиво.

Тесей наклонился, поднял дубинку – и удивился, когда она пришлась ему по руке. А не оставить ли себе? Ведь и Геракл не всегда же орудовал мечом, иногда и дубиной. Да и противник, бывает, не стоит того, чтобы обнажать против него царский меч. Подпоясался Тесей заново и воткнул дубинку за пояс. Руки при этом выпачкал во рвоте, острый запах снова рванулся в ноздри. Нет, стирки теперь никак не избежать...

Царевич прошёл большой дорогой ещё половину стадия, никого не встретив, а завидев внизу на берегу удобную бухточку, спустился к морю, вымылся сам и неумело отстирал хитон. Разложил мокрую одежду на траве, а сам раскинулся ниже по склону, нагой, положив меч рядом. Под затылком пружинил островок полыни, горькой травы Артемиды, тело горячил раскалённый песок, ноги лизал прохладный прибой. Заснуть ему

не давали маячившие перед глазами сизые кишки разбойника. Пытаясь избавиться от них, припомнил Тесей, что где-то недалеко логово Перифета, там он прятал награбленное, и сокровища принадлежат теперь победителю. А если у злодея осталась семья, то требуется совсем небольшое усилие, чтобы её поработить. Уже в полусне вообразил Тесей, что его нежелание воспользоваться принадлежащим разбойнику будто бы уравнивает само убийство, и поэтому очищения не требуется. Эта иллюзия позволила ему отогнать от внутреннего взора кишки, заплывающие кровью, и задремать...

Однако долго поспать не удалось. Сквозь полусон услышал он, как полынь шуршит под лёгкими шагами. Шорох замолк, и женский голос произнёс:

– Вот унесут вору твой хитон, молодой человек, и поминай как звали.

Спросонья решил было Тесей, что Амфитрита пришла наградить его золотым венком – после первого подвига, как обещала. Вот только какое дело богини до его хитона и с чего бы это ей охрипнуть?

Он раскрыл глаза – и торжественное приветствие замерло на его губах, а чресла он прикрыл, не сильно торопясь. Потому что над ним стояла очень уж земная бабёнка – толстушка лет тридцати, дочерна загорелая, босая, грубо накрашенная. Обвислые груди открыты, тряпки на ней слишком коротки для порядочной женщины, следовательно...

– Да, юноша, я гетера Омфала. Когда-то известная в Истме, а теперь, увы, шлюшка придорожная. Нет, я не думала на тебе заработать монетку-другую, просто любопытство одолело. Кто этот юный симпотяжка, что раскинулся столь беспечно над обычном местом моих омовений, и почему среди его вещей валяется дубинка моего приятеля Перифета?

Отвечать Тесей не торопился. Проще всего было бы нахалку прогнать, да и стояла она в такой позе, будто с любой момент готова слинять, если шуганут. Однако в образовании, дарованном юноше честным Коннидом, зияла обидная лакуна: Тесей не имел никакого опыта плотских утех, да и огорчительно мало знал о них. Приходилось довольствоваться отрывочными и корявыми рассказами сверстников, а именно тех, кого отцы, повинаясь обычаю, успели сводить в гости к гетерам. Один из таких трезенских подростков, увалень Пилад, сын Диксоса, сумел даже побывать у храмовой шлюхи в Коринфе и поделился впечатлениями с пацанами, но Тесей ему не поверил, заправскому лгунишке. Теперь появилась возможность восполнить этот пробел в образовании, но как решиться на опыт, если шлюшка такая страшненькая? Тесей откашлялся.

– Я Тесей, внук Питфея, царя Трезена. Твоему приятелю Перифету я сегодня выпустил кишки, так что дубинка теперь моя.

– Зачем, царевич, ты лишил меня выгодного клиента? А дубинкой владей, мне до неё дела нет.

– Тогда скажи, Омфала, знаешь ли ты, где у покойника берлога? И ещё – твой приятель жил в ней в одиночестве или с семьёй?

Глаза у шлюшки загорелись, и стало заметнее, что правый подбит.

– Ты хочешь сказать, благородный юноша, что прикончил Перифета и не ограбил его? Да, конечно, я знаю, где его хижина, этого бирюка! И какой он мне приятель – тумачами расплачивался, глаз вот едва не выбил...

Омфала принялась переминаться с ноги на ногу, только разговор сдерживал её, не давал умчаться за наследством разбойника. Быстро сообразила, однако. Тесей выговорил солидно:

– Выслушай меня внимательно, женщина. Я позволяю тебе забрать из логова Перифета имущество и деньги в количестве... Да, чтобы покрыть твои убытки. Но с одним условием: ты должна будешь возвратиться сюда и кое-что мне рассказать. Можешь идти.

Омфала поклонилась и убежала, замелькала розовыми пятками. Тесей отметил, что со спины и на бегу она выглядит куда лучше. Да и на хитоне сзади пятен поменьше. Он вернулся на своё лежбище, но сон не возвращался. Вначале царевич разобрал и принялся оценивать своё поведение. Вроде бы правильно поступил. Проявил себя мужем не жадным, это раз. Сумел не показать шлюшке своего испуга перед нею, это два. Он и робость свою тогда оправдывал. Если пацану не страшна окованная медью дубинка в деснице лесного силача, а грязной девки он побаивается, то это ещё не значит, что трусишка. И он вовсе не боится каких-то баснословных стыдных болезней, коими пугал старина Коннид – тоже мне Асклепий нашёлся! Противна и страшна эта новая для него, неизведанная область отношений, столь привлекательная для взрослых – однако почему тогда они стыдятся её и высмеивают при каждом удобном случае? Если и ему суждено присоединиться к постыдным конвульсиям, что ж, так и будет. Но разве не имеет он права выбрать, с кем? А ему судьба подсовывает это потасканное страшилище. Вот если бы Омфала оказалась точной копией Амфитриты – наивной, милой, приятно грудастой и такой чистенькой! Но это, наверное, грех – мечтать о соитии с земной копией богини, жены своего божественного отца. И чтобы отвратить удар молнии гневливого Зевса, принялся Тесей гадать, вернётся ли в бухту шлюшка: ведь ей ничто не может помешать просто спрятаться вместе со своим бедным сокровищем в роще и переждать, пока он уйдёт... Уплывёт на колеснице, влекомой по волнам четырьмя гиппокампам, стоя рядом с загадочно улыбающейся Амфитритой...

– Эй, благородный юноша! Ты снова заснул? Вставай, я принесла хорошую новость. И пойдём со мной, если не желаешь на свою голову неприятностей. Там возчики, оттаскивая тушу Перифета с колеи, прокляли тебя и пожелали тебе невзгод на тысячу лет вперёд, в Аиде тоже.

– Бедствия в Аиде подождут, – пробормотал он. Закутался в гиматий, обмотал волжким хитоном плечи, подпоясался, пристроил к поясу меч и дубинку, поднял с травы свой узелок. – Куда зовёшь?

– Да куда ж ещё, как не в свой лесной дворец, хе-хе... – показала Омфала остаток зубов. – Зову тебя добычу делить.

Они пересекли дорогу, и шлюшка вывела царевича на тропку в миртовой роще. Вскоре показался холм, густо заросший кустарником. Омфала отставила в сторону щиток, сплетённый из засохших ветвей, открывая лаз в пещеру. На коленках заползла внутрь, потом высунула из дыры голову:

– Эй, благородный юноша, входи, не бойся!

Не бойся? Было бы чего бояться... И вот Тесей уже в пещерке. Свет попадал сюда только через вход, но глаза быстро привыкли, и он рассмотрел, что хозяйка сидит на ложе, выстланном из ветвей и покрытом выцветшим ковром и похлопывает ладонью по ковру, предлагая сесть рядом. Слишком широкий для одной, настил занимал половину пещеры. У противоположной стены приткнулся грубо сколоченный низкий столик. На кривой земляной, в космах паутины и древесных корнях, стене что-то блеснуло.

– О! Так ты владеешь зеркалом? – изумился Тесей.

– Да, остаток прежней роскоши. В него можно увидеть занятные вещи, без зеркала такое не разглядишь... А ты, благородный юноша, не желаешь ли посмотреться?

Тесей помотал головой. Сызмальства не доверял он зеркалам. Запустишь глаза в полированную бронзу – и вдруг не увидишь там себя? Или увидишь, что за твоей спиной кривляется злой демон? А если зеркала – это окна в иной мир, есть ли смысл заглядывать в него, не познав толком этот и не прославившись в нём?

Тем временем Омфала сунула руку за пазуху и высыпала на стол кучку серебряной и золотой мелочи. Женские украшения, в основном: шпильки для волос, цепочки на шею, браслет. Несколько монет, драхмы и статир. Ещё фибулы. Скользнув взглядом по наследству Перифета, царевич выпрямил спину и свысока усмехнулся.

Омфала предложила торопливо:

– Вот, выбирай, щедрый юноша, что понравится тебе. Я возьму остаток.

– Женщина, я бился с разбойником не за добычу, – искренне, хоть и немножко, больше перед самим собой красуясь, пояснил Тесей. – Я бы унизил себя, если бы позарился на часть этих цацок. Перифет снимал их со своих жертв, и надо бы, если по справедливости, вернуть всё родственникам убитых.

– Да где их найдёшь теперь, тех родичей?!

– Согласен, женщина, теперь это трудно. Я не рассердился на тебя, когда ты перепрятала часть найденного в жилье Перифета, потому что сам предназначил всё тебе. Забери и это. Но как я и предупреждал, кое-что для меня тебе придётся сделать.

Она потупилась.

– Прости меня, благородный юноша, но такая удача, клянусь Афродитой, случается только раз в жизни! Я и соблазнилась... И вот ведь какая беда. Я не смогу должным образом отблагодарить тебе, по-женски то есть. Сегодня первый день моей ежемесячной болезни. И в доме нету ни капли вина, а я не догадалась стащить у Перифета початую амфору.

У Тесея будто камень с души упал. Притворно нахмурившись, он заявил:

– Не беда. Без вина обойдусь. А твоё нездоровье, я надеюсь, не мешает тебе рассказать мне и, быть может, что-нибудь и показать... Как в общем, ты сочетаешься с мужчинами. Показать в одиночку, само собой, без моего участия. И будем тогда, женщина, в расчёте.

Она не удержалась, прыснула, прикрыв грязной ладонью рот. Справилась со смехом, поджала губы, соображая. Посоветовала, на девственника не глядя:

– Будет понятнее, если ты тоже разденешься, щедрый юноша, да и жарко тут у меня, душно. А мне, чтобы показывать, тоже лучше остаться только в повязках в нужном месте. Скажи, не противны ли тебе бабы, обмотанные тряпками, словно лопнувшие горшки?

Тесей помотал головой и багрово покраснел.

Глава 6

Между Эпидавром и Истмом

Поединки с Синидом и с дочерью его Перигудой

Почти до самого Истма прошагал Тесей без всяких приключений. Весь ушедший в воспоминания о ночи в пещерке староватой, но умелой и опытной Омфалы, он мало внимания обращал на красоты летней природы. Да что там природа, если знаменитый Асклепион и храмы слепо проплыли вдоль дороги под его невнимательным взглядом и остановила Тесея только придорожная харчевня уже на выходе из Эпидавра? Да и то вкусные запахи сработали, а у царевича давно уже посасывало под ложечкой.

Ближе к Истму потянулась слева сосновая роща. Сосна – дерево, посвящённое отцу Тесея, богу Посейдону. Зимой и летом одетые иголками цвета морской волны, деревья светили розовыми стволами, веял здоровый горьковатый запах хвои. На сей раз приятный запах напоминал об опасности, но Тесею недосуг было прислушиваться к этому предупреждению. Мучили тогда его сомнения в том, правильно ли поступил, побудив

шлюшку раскрыть перед ним тайны её скабрезного ремесла. Что не унизился он полученными ночью весьма своеобразными познаниями, это царевич чувствовал и не требовал от себя доказательств. Кроме того, приступая теперь к соитию, когда наступит пора, он будет руководствоваться результатами мудрёного опыта, накопленного многими поколениями искусных любодейц – а неужели лучше было бы, если бы вся его подготовка ограничилась подглядываниями за собаками в пору их весенних безумств? В конце концов, если сама Афродита покровительствует любовным играм, и люди, надеясь на помощь в них, приносят прекрасной богине жертвы в её святых храмах, нельзя считать эту сферу жизни человека сколько-нибудь постыдной. Да, у него стоит сейчас перед глазами Омфала в позах, показанных ночью, и её на вытертом ковре норовит заменить куда более желанная нагая Амфитрита, да, у него колет в паху, да, лицо горит, и мысли путаются, будто после солнечного удара, но всё это не слишком большая цена за полученное знание. И кто сказал, что...

Тут наверху раздался непонятный шелест, и Тесей оказался окутан крепкой рыбацкой сетью. Мгновенно добыл он меч, одним взмахом разрезал ячейки и выпрыгнул на середину дороги. Тотчас же утоптанная глина вздрогнула у него под ногами. Это с ветви огромного дуба, нависшей над дорогой, спрыгнул громадный мужик в панцире и с коринфским шлемом на голове. Длинный меч висел у него на перевязи, но он предпочёл упереть мощные руки в бока. Чёрные глаза сузились в щёлки, великан заорал:

– Как ты посмел, путник, испортить мою сеть? За этот убыток подвергнешься обычной в моих владениях казни!

Тесей не ответил, он лихорадочно обдумывал выбор между мечом и дубинкой. Выигрывая время, стащил с головы шляпу и вместе с узелком положил на обочине. Подумал, что вроде свой ритуал вырабатывается, только в прошлый раз полынь там росла, а сейчас молодой молочай. Нет, мой меч короче, да и рука тоже...

Великан перешёл с рёва на визг:

– И ты смеешь юнец, пренебрегать ответом мне? Мне, Синиду, сыну Посейдона? Мне прозванному Нагибателем сосен? А почему прозванного, знаешь ли?

«Сыну Посейдона, надо же! Тоже мне братишка выискался! Наглая ложь, не иначе», – огорчился Тесей. И на возникшей волне злобы выбрал, наконец, дубинку. Заговорил, однако, вежливо:

– О тебе, Синид, сын Полименона, рассказывал мне мой дед, царь Питфей. Мать твоя Силея в далёком родстве с дедом моим Питфеем. Нам, родичам, не стоит враждовать. Я готов восполнить твой убыток, но вспомни, Синид, что ты первым напал на меня.

– Сын Полименона, говоришь? Ты у меня сначала своими руками починишь сеть, а там увидишь, что я с тобой сделаю!

И Синид, сдвинув шлем на лицо, от души размахнулся мечом и обрушил на родича его острую бронзу. Но Тесей уже успел выхватить из-за пояса дубинку и ловко защитился ею. Меч согнулся, и, пока Синид в тупом изумлении таращился на него, царевич отвёл дубинку вниз и коротко ткнул ею в оставленную открытой частью лица противника. Тот зарычал и со звоном рухнул навзничь. Тесей огляделся, поднял сеть, скрутил её в жгут... А когда повернулся к великану, Синид с воплем метнул в него с земли горсть камней. Самый большой просвистел, толкнув сжатым воздухом, рядом с правым ухом, камень поменьше едва не выбил Тесею плечо.

Пришлось перебросить дубинку в левую руку и утомонить великана. Снова он превратил сеть в грубую верёвку и с горем пополам скрутил у Сонида руки за спиной. Из всех сил затягивал узел, когда услышал позади хриплое дыхание.

– А ну, встань передо мной! Не вздумай прятаться!

Старик-африканец возник у него перед глазами. Измождённый, серый от страха, в одной набедренной повязке. Конечно же, раб Синиса.

– Я Джамбо, раб. Прошу, молодой господин, позволь мне помочь моему хозяину.

– Лучше переверни его и сними шлем.

Однако... Красное лицо в щетине – сплошной кровоподтёк. Правый глаз у разбойника вытек на щёку, второй закрыт. Этаким Полифем теперь, а кстати, тот циклоп – бесспорный брат Тесею. А если и этот не соврал об отцовстве Посейдона, тогда не помиловать ли его? Чтобы очухался и продолжал губить людей? Нет уж, око за око...

– Эй, Джамбо, а сосняк, где вы с хозяином зверствовали, он далеко?

– Да я никого не убивал!

– Никогда не поверю, чтобы он один управлялся. Отвечай!

– Да тут, недалеко. Я не убивал!

– Тогда вот что. Сбегай в дом Сонида и приведи с собой рабов, помогавших ему казнить ограбленных путников. Прихватите с собой воды в водносе и верёвок. Если у кого-нибудь из вас увижу оружие, прикончу на месте. Беги! Стой! Прежде сними с хозяина панцирь и отнеси в кусты. Меч и шлем туда же.

Присел Тесей на обочине, принялся растирать ушибленное плечо, поглядывая на родственничка, распростёртого на дороге. Синид без сознания, на подбородке застряли в кровавой щетине несколько выбитых зубов. Пускает красные пузыри. Боги небесные, опять проезжая часть дороги загромождена! Но на сей раз Тесей позаботится, чтобы её очистить.

А вот и рабы. Общим счётом четверо. Один чернокожий, моложе Джамбо. Сын или брат, и тоже с большой медной серьгой в ухе. И с ним трое светловолосых варваров. Эти обмотаны тряпками, в рвани какой-то. Морды у всех разбойничьи, не хуже, чем у зверя-хозяина. Надо будет проследить, чтобы никто из них не зашёл за спину.

– Эй, вы! Поднимайте вашего хозяина и тащите туда, где он путников казнил.

С ворчанием разобрались, кому где браться, и потащили. Тесей следовал за ними на безопасном расстоянии. Правая ладонь лежала на рукоятке дубинки, ведь и помыслить он не мог, чтобы обнажать заветный меч царя Эгея против презренных рабов. Так уж сразу и презренных... Кормилица Мирто ведь тоже рабыня. Иное дело, что этих следует презирать, поскольку участвовали в преступлениях своего господина. И большой ещё вопрос, должны ли быть за это наказаны смертью... Однако же и смрад! Видно, уже подходим.

Через десяток шагов открылась поляна, а на соснах вокруг неё, как жуткие украшения, полоти гниющих нагих трупов. Вот когда Тесей горько пожалел, что не поплыл морем, тихим в конце летнего месяца таргелиона! Бросив на ужасную поляну второй взгляд, он определил, что каждая половина мертвеца висела на сосне вверх ногой и именно за ногу была привязана, потом повернулся к поляне спиной и больше в ту сторону уже не смотрел. Каша и жареная минога, съеденные в харчевне, подступали к горлу, но Тесей перемогся, подавил на сей раз рвоту и завопил:

– Кладите своего господина между этих двух сосен, этой и вот той! Привязывайте за ноги, как этих несчастных, если не хотите, чтобы я срубил вам головы! У меня это скоро!

Рабы послушно положили неподвижного Синиса в указанном месте и слаженно дёрнулись было выполнять второе распоряжение, однако остановились, уставившись на Тесея. Особого страха на их лицах он не увидел, любопытство, да, оно отразилось.

– В чем дело, рабы? Вам уже не нужны головы на плечах?

Вперёд выступил один из светловолосых. Корёжа греческую речь, он объяснил, что господин их, благородный Синис, всегда сам пригибал сосны и удерживал их, пока купца привязывали за ноги. Он же вот какой силач, их господин. И верёвок нету.

Хотел было Тесей обернуться к поляне, однако не решился. И не глядя припомнил, что мертвецы привязаны к соснам бережливо, лишние концы верёвок не свисают. Если послать рабов развязывать, этими обрывками делу не поможешь. Он выхватил дубинку и поманил к себе старшего африканца.

– Ты, Псамбо, должен был принести верёвки. Да, и полный водонос тоже. Хочешь дубинки отведать?

– Не бей меня, молодой господин! Это хозяйка не дала верёвок и воды! Она за всем добром смотрит, госпожа Мелисса.

– А как же тогда она этих молодцов отпустила? – показал Тесей на товарищей африканца.

– Она не отпустила, госпожа Мелисса. Она сама велела идти, тебя убить, а хозяина в дом отнести.

– Что ж вы её не послушали? – нахмурился царевич, поигрывая дубинкой.

– А пусть сама госпожа без оружия с тобой бьётся! Палки в руки нам побоялась дать. И ловок ты больно, молодой господин! Да и мы тебе будем только благодарны, если ты нашего хозяина-изувера навсегда успокоишь.

Тесей хмыкнул и ненадолго задумался. Спросил небрежно:

– Скажи, твоя госпожа молода и красива?

– Какое там? – скривил Джамбо гримасу. – Стара и безобразна. Они с хозяином парочка, баран да ярочка. А вот дочка у них большая, красивая, толстая.

И африканец скривил своё чёрное, толстогубое лицо уже по-новому и сделал простонародный похабный жест. Тесей удивился, однако отвлёкся ненадолго. Склонился над Синидом и сорвал у него с шеи золотое ожерелье. Бусинки в форме жучков посыпались жёлтой струйкой. То, что от ожерелья осталось, царевич протянул Джамбо.

– Вот, отдай хозяйке. Возьми у неё верёвки и водонос. И сразу набери воды. А ей скажи, что я ещё туда приду, пусть прячется получше.

Джамбо первым делом связал концы разорванной нитки на ожерелье, затем поклонился и исчез. В его отсутствие рабы не теряли времени, они бросились собирать рассыпавшиеся бусинки, непочтительно тормоша при этом поверженного хозяина. Синид продолжал хрипеть и пускать пузыри.

Наконец, прибежал Джамбо, весь оплетённый толстыми верёвками, а перед собой тащил большой кувшин. Тесей велел ему поставить кувшин на землю, а одну из верёвок накинул на шею младшему африканцу и приказал ему лезть на левую из выбранных сосен:

– Привяжи там ближе к верхушке, но чтоб не обломалась потом. Сам не спускайся, пока не скажу!

Когда с дерева спустилась верёвка, царевич вцепился в неё и, натягивая, принялся нагибать сосну. Чернокожий раб своим весом помогал ему, пока не спрыгнул по приказанию Тесея. Тут царевича едва не сорвало с земли. Он удержался, заорал:

– Что стали? Тащите хозяина вверх ногами, привязывайте верёвкой за ногу!

Привязали с грехом пополам. Потом, повинувшись приказам побагровевшего Тесея, рабы скопом нагнули правую сосну и привязали к ней вторую ногу Синида. Их хозяин теперь висел между двумя соснами вниз головой и по-прежнему без сознания. И когда это рабы успели его раздеть и разуть?

– Псамбо, не спи! Плесни своему хозяину водой в лицо!

Вода из кувшина, щедро вылитая на лицо Синида, стекла на траву уже розовой. Разбойник заворчался, закричал.

– Хозяин открыл глаз, молодой господин! – воскликнул услужливый Джамбо.

– Синид, слышишь меня? Сейчас ты будешь казнён тем же способом, которым ты казнил невинных людей! Если есть у тебя чего сказать, говори! Долго мы тебя не удержим.

Рабы, держа за верёвку сосну, привязанную к правой ноге хозяина, согласно заворчали. Синид повёл головой вправо от себя. «Осматривается», – догадался Тесей. Осуждённый им на смерть забормотал – скорее растерянно, чем злобно.

– Ага... Я тебя хотел пощадить... Ударил плашмя... Вырубить и позабавиться... Теперь ты меня убиваешь... Родича своего, если не врешь... Вечное изгнание тебе теперь... Побоишься и ногой ступить в Истм... Казнят тебя той же смертью, что и меня убьешь... А я тебя проклинаю, и отец мой, могучий бог Посейдон... тебя преследовать, пока не погубит... К морю и не подходи...

Тесей крикнул. И, разозлённый, ляпнул такое, что лучше бы удержать за зубами:

– Богам великим стоило бы стыдиться, что позволяли тебе творить твои чёрные дела! Прощай, Синид! Рабы, приготовиться... Отпускай!

И сам первый разжал пальцы, выпустил из рук скользкую от живицы верхушку сосны, отвернул лицо и отпрыгнул в сторону. Раздался звон, треск, глухой стук, короткий утробный стон. Царевич не удержался и посмотрел. Лучше бы ему этого не делать! Тогда увиденное не возвращалось бы к нему в страшных снах, тогда не жалел бы он, что выбрал путь героя, а не художника, судьбы, знаменитого мастера-горшечника или славного в Элладе аэда. Однако тогда, в тот страшный момент он только побледнел и, собирая с хвои свои вещи и оружие, выглядел несколько растерянным.

Одни рабы, ворча и ругаясь, пытались оттереть хвоей с ладоней живицу, другие, во время казни державшиеся только за верёвки, насмехались над ними. Никого не беспокоили две лужи крови, медленно подплывающие к их босым ногам, а Джамбо приступил к Тесею и спросил подобострастно:

– Молодой господин позволит отвести себя в дом мертвеца?

Царевич наклонился, зачерпнул горсть хвои, попробовал вытряснуть из неё песок и ответил рассеянно:

– Пожалуй, раб. Я хотел бы утолить жажду и передать твоей хозяйке несколько приказаний. И, право слово, хочется покинуть поскорее это место. Веди.

Они вернулись на дорогу. На сей раз впереди двигался Джамбо в обнимку с горшком, за ним прочие рабы налегке, а позади их бдительный царевич. Вот сосняк отступил вглубь,

а на большой поляне забелел дом. Обычный богатый дом на два этажа. Рабы к нему и направились, но Джамбо приставил ногу у подлеска, жестом предложил остановиться и Тесею. Потом, то ли улыбаясь, то ли гримасничая, он растянул свои толстые губы и приложил к ним чёрный узловатый палец.

– Что такое? – встревожился царевич, вернув ладонь на рукоять дубинки.

– А ты прислушайся, молодой господин.

Тесей наострил ухо. Женский голос выводил певуче:

– Не выдавай меня, дядюшка чертополох! И ты не выдавай меня, тётушка спаржа! Спасите меня и укройте от злого врага! Богиней Персефоной и единственным моим девичьим сокровищем клянусь, что никогда больше не буду вас рвать и жечь! Не выдавай меня, дядюшка чертополох...

Сетования доносились из чащи кустарника, и присмотревшись, заметил Тесей, что дикая спаржа и вправду выставила ему навстречу свои острые колючки. Взглянул на Джамбо вопросительно. Тот ухмыльнулся. Пояснил вполголоса:

– А это, молодой господин, Перигуда, дочь казнённого тобой Сонида молится. Прячется от тебя, забила в кусты, а чтобы хоть помолчать, соображалки не хватило. Коль столь глупа девка, и выманить её тебе труда не составит.

– Она помогала отцу казнить путешественников?

– Чего не было, того не было. Девка красивая, однако громадного роста, я ж говорил уже...

– Женщины не такие злые, как мужчины, я согласен.

– Неужели ты, молодой господин, не слыхал о Медее? Эта волшебница убила своих собственных детей.

– Не умничай, раб!

Не сразу, но заинтересовался Тесей дочерью Сонида. Тем более, что Джамбо его развлёк. Руки у того были заняты водоносом, давешний похабный жест повторить он не мог, так принялся, высунув язык и выпятив зад, сгибать и разгибать свои трескучие колени. Царевич скупо улыбнулся и, понизив голос, пояснил:

– Коль спаржу от этого самого чертополоха отличает, стало быть, не бесповоротная же дура. Как, ты сказал, зовут её – Перигуда? – и, когда Джамбо кивнул, выкрикнул. – Эй, госпожа Перигуда! Выходи, не бойся! Я, царевич Тесей из Трезена, тебя не обижу! Вот увидишь, что и пальцем не трону!

– И как же это ты нашёл меня, царевич? Нет, не выйду, ты батюшку моего убил, и меня обидишь.

Тесей забрал у Джамбо кувшин, заглянул внутрь, но пить не решился. Поставил кувшин на траву, уселся и сам. Подумав, прокричал:

– Ты сама себя загнала в ловушку, Перигуда. За тобой непроходимый кустарник. Если ты рассердишь меня – а вот-вот рассердишь, я продерусь через колючие кусты и выволочу тебя за волосы. Тогда не обижайся, что не предупредил!

Тут Джамбо кивнул одобрительно и тоже уселся. Они сидели под кустами, издали похожие на двух отдыхающих путников-приятелей, довольно долго, потому что дочь Сенида не внимала доводам Тесея, на что он не больно и обижался. Ведь таким образом хоть какой-то разум обнаруживала, а к полной дуре он и в самом деле не прикоснулся бы. День клонился к вечеру, не плохо бы утолить жажду и пообедать. Впрочем, увиденное на поляне по-прежнему стояло у него перед глазами, и он сомневался в том, что сумеет удержать в себе съеденное. А лёгкая досада на глупую девушку хоть немного отвлекала от страшного воспоминания...

В кустах раздался треск, топот и визг. Рядом с сидящим царевичем дрогнула земля, он встрепенулся, поворачивая голову в сторону шума, а Джамбо заявил почтительно:

– Вот она, молодая госпожа Перигуда.

Снизу глядя, дочь Сенида показалась Тесею просто чудовищно огромной, а поднимаясь на ноги, отметил он, что и богатырским сложением напоминает отца. И круглой головой тоже. Странное это оказалось занятие – угадывать на её лице, грубом, но красивом (Джамбо не соврал), искажённые болью и смертным страхом черты свирепого убийцы. Толстые щеки и руки в свежих длинных царапинах, шелковые одежды изорваны и взлохмачены теми же колючками. Но при всём при том девушка оказалась накрашенной, а правую лодыжку украшал золотой браслет. Открыв рот, разглядывала она Тесея во все глаза, а вот приветствия от неё царевич не дождался.

– Скажи, Перигуда, – вставая на ноги и отряхивая хитон, спросил Тесей, и её решивший не баловать каким-нибудь там «здравствуй», – зачем ты принарядилась сегодня? И глаза зачем подвела?

Она выпучила огромные глазищи.

– Так ведь девица на выданье должна быть каждый день с утра готова. А вдруг жених придёт?

Тесей крикнул. Жених, не жених, а хозяин к девице пришёл. Убив разбойника, его победитель получает право поработить членов его семьи. Эта, как её, Мелисса ему и в служанки не нужна, а вот на Перигуду теперь появились виды. Её формы, выпирающие из одежд, заставили Тесея вспомнить толстых бабищ, начиная с Мирто, лишавших его сна в мучительную пору отроческого созревания. Только стройная и изящная Амфитрита

вытеснила толстух из эротических мечтаний. Стручок царевича заявил тут о себе, вмешавшись в его чувства и чувственные воспоминания. Теперь-то он уж точно осуществит с Перигудой свои права владельца, деться некуда, вот только куда её повести?

Тесей тоскливо оглянулся на белый дом у опушки соснового леса. Над усадьбой поднимался дымок: что бы не стряслось в хозяйстве, хоть наводнение, а кухарка колдует над обедом. Добро, если вдова Сонида ещё прячется, а если она уже вернулась домой и нападёт, дочь защищая, с домашним орудием каким-нибудь, хоть бы и с вертелом? Что же, дубинкой от бабы отбиваться? Он представил себе, как заводит Перигуду в её спальню, а там дверь не запирается. Из кухни воняет жжённым жиром, толпа рабов подслушивает и пытается подсмотреть. К тому же, из-за его неопытности, предстоит нешуточное противостояние, а дома Перигуде и стены будут помогать. Нет, не стоит самому предоставлять девице преимущество. Да и шлюшка та, Омфала, советовала ведь лишать дев невинности на природе, днём и под пение птиц. Тут, в разбойничьем лесу, больше вороны каркают, однако совет следует принять.

– Псямбо! Мне нужна полянка в лесу, и чтобы хвои на неё достаточно нанесло.

Раб скорчил гримасу и направился было вдоль дороги назад. Тесей зарычал и, не найдя слов, ухватил африканца за худые плечи и повернул в обратную сторону. Дом скрылся за соснами, и через несколько минут Джамбо остановился у начала еле заметной тропинки. Тесей кивком послал на неё Перигуду, а рабу сказал вполголоса:

– Подожди меня здесь непременно. Я отдам вам с Перигудой распоряжения. Да, кувшин оставь.

– А не принести ли мне, молодой господин, тебе питья и еды какой-нибудь с кухни?

– Нет, раб, не трудись.

Что в хозяйстве у столь грубого разбойника окажется яд, царевич не опасался, однако кто-нибудь из челяди вполне мог плюнуть в еду или напиток. Да и Истм уже в двух шагах. Тесей окончательно передумал заходить в дом Сонида. Он вздохнул и повернулся к Перигуде.

– Почему остановилась? Шагай на поляну.

– Ты же обещал, царевич, что пальцем меня не тронешь... – заныла великанша.

– Иди, иди, Перигуда. Ты, дочь убитого мной разбойника, принадлежишь теперь мне и должна повиноваться.

Шёл Тесей позади девушки, с опасливым недоумением глазел на её мощные бедра, совершающие сложные движения под шёлковым хитоном, присматривался к золотому витому браслету на толстой щиколотке, когда тот выныривал из-под подола при ходьбе.

Была то nereida с длинным змеиным почему-то хвостом. Неужели Синид и женщин убивал?

На полянке Тесей приказал Перигуде снять одежды и положить их на траву, устроив подстилку. Сам, не дожидаясь, пока послушается, сложил оружие и быстро разоблачился. Девица охнула и уставилась на часть его тела, для неё опасную. Снова запричитала:

– Ты ведь обещал, что не обидишь, убийца моего отца, и обманул... И не стыдно?

– Ты давай раздевайся и ложись, Перигуда! – прикрикнул Тесей, не зло, впрочем. Он к себе прислушивался, этакому неразумному животному, будто оленю перед случкой. – Разве тебя не предупреждала твоя мать, что девушек всегда обманывают? Женщин реже, потому что они опытнее. Ведь их уже успели обмануть в девичестве... Эй, не вздумай драться, а то получишь!

И ухмыльнулся поневоле, потому что попытался представить, до какой сосны заставил бы его пробежаться наставник Коннид и с каким грузом, если бы вдруг здесь оказался. А когда залазил Тесей на замершую от ужаса Перигуду, поразили его своей величиной груди девицы с острыми сосками, и подумалось, что вот в этом путешествии и по горам довелось побродить. Тут же конец хвоста браслета-наяды вонзился ему в голень, и царевич очень кстати разозлился...

Уже собравшись в путь, Тесей заявил заплаканной Перигуде и почтительному Джамбо:

– Вы оба теперь принадлежите мне. Джамбо, тот раб, тоже чёрный, это твой сын?

– Да, молодой господин.

– А жены нет ли у тебя?

– Нет жены. И у сына моего нет.

– Это замечательно. Если ты не хочешь расставаться с сыном, я беру и его. Через несколько месяцев я пришлю посланца, свободного или раба. Если моя наложница Перигуда понесёт от меня, уже будет заметно. Тогда посланец доставит вас троих ко мне, где бы я ни был тогда, в Афинах или в Трезене. Тебе с сыном придётся постеречь вот её по дороге в мою землю. Ребёнка я признаю своим, а тебя, Перигуда, выдам замуж за свободного горожанина. Вас, рабов, отпущу на волю. Что скажете?

– Ох, стыдобушка моя горькая! – захныкала девица. – К тебе взываю за помощью, владычица моя Персефона!

– К спарже так уже не взываешь? – устало усмехнулся Тесей. – А ты всё ли понял, раб?

Джамбо почесал в плешивой голове. Спросил настороженно:

– А если не брюхата будет молодая хозяйка, как поступит твой посланец со мной и с моим сыном?

– Именем моим отпустит вас на волю, и все дела. Если только ты сам не захочешь мне послужить. Выбор будет за тобой. А покамест прощайте.

Он нарочно попрощался разом и со своей наложницей, и с рабом: надо было напомнить Перигуде её нынешнее унижительное положение.

Глава 7

От Истма до Элевсина

Ужасные звери и страшные люди

Ночь царевич провёл в Истме на каменных ступенях древнего храма Посейдона. Грекла мысль, что божественный отец, быть может, ночует рядом, в земном своем доме. А если он здесь и не воспользовался возможностью выразить своё осуждение, то это уже неплохой знак. Надо сказать, что предсмертное пророчество Синида серьёзно тревожило Тесея, и он этой ночью твёрдо решил, что обязательно пройдёт очистительный обряд, и как можно скорее. И поклялся отцом своим Посейдоном.

Утром, завтракая в харчевне, Тесей впервые услышал о небывалой опасности для путников, ожидающей его в Кроммионе, лежащем впереди примерно в восьмидесяти стадиях. В самом этом городке и вокруг него свирепствовали дикие кабаны, однако особый ужас вызывала свинья, как ни странно, домашняя, живущая в самом городе. Она нападает на прохожих, убивает их и пожирает. Её так и прозвали Кроммионской свиньёй.

– Да нет же, свинью эту зовут Файя, – поправил рассказчика другой истмиец, хлебнув из глиняной кружки кикеона. Тесей потянул носом: похоже, что напиток из смеси ячменного теста с водой успел перебродить.

Уже в дверях харчевни рассказчик обернулся и заявил снисходительно:

– Ты, Сикий, своих детей по головам посчитать не можешь, где уж тебе правдиво поведать чужестранцу о том, что происходит на большой дороге? Запомни, что Файя – это имя старухи, злой ведьмы из Кроммиона. Она хозяйка чудовища, нарочно не кормит свинью и натравливает её на путников, чтобы потом ограбить трупы.

Уже на дороге, нежась под нежаркими ещё лучами утреннего солнышка, Тесей задумался. Стоит ли ему связываться со свирепой свиньёй, если она первая не нападёт? Добро бы речь шла о диком кабане, вроде могучего Эриманфского вепря, усмирённого и убитого Гераклом. Однако речь идёт явно о домашней свинье, иначе у неё не было бы хозяйки. Как её там, Файи. И как ему поступить с этой кроммионской старухой, если она

набросится на убийцу своей свиньи? Нельзя добыть славу, охотясь на домашних свиней, а убивать женщину вообще позорно.

В Кроммион, выглядевший скорее деревней, чем настоящим городом, Тесею вступил на закате. Единственная улица оказалась столь же пустынной, как и дорога между Истмом и Кроммионом. Не успел пройти её царевич, как настали быстрые южные сумерки, а уже на выходе из деревни он услышал за спиной частый стук. Мысленно метнувшись влево-вправо, он отскочил влево и следующим движением выхватил из-за пояса дубинку. «Мог погибнуть! – ужаснулся он, но как-то со стороны, будто это не с ним происходило. – Отныне и всегда, глупец, прыгай без раздумий влево, ведь твоя правая нога сильнее левой!». Бок ему оцарапало, будто щёткой для чистки коней. Впереди растворялась в сумерках чёрная тень с нелепым завитком хвоста-кисточки сверху, стук копытец становился глуше. Донеслось то ли хрюканье, то ли рычание. Потом мимо Тесею пробежала, шаркая, растрёпанная полуголая старуха. На него вроде и внимания не обратила, костерила свинью – и такие гнусные выражения употребляла, что воспитанный царевич не всё и разобрал. От нахлынувшего наконец испуга ноги у него подкосились, и герой с размаху уселся на обочину.

Он знал, что дикий кабан, промахнувшись во время атаки, никогда не возвращается, чтобы броситься снова. Но можно ли быть уверенным, что так же поступит и одичавшая домашняя свинья? Тесею трясло от злости, больше на себя за испытанный внезапно ужас, но и на свинью с хозяйкой тоже. Он поднялся на ноги, прислушался – и решительно зашагал назад в Кроммион. Доводы для этого возвращения он придумает после, а сейчас нестерпимо хотелось расправиться с испугавшей его свиньёй.

Для этого он устроит засаду. Место для неё царевич выбрал как раз посередине дороги-улицы, а сам спрятался за низкой стеной здешнего вувлефтика, места для совещаний. Подумав, разделся донага, намотав только гиматий на левую руку и оставив на себе перевязь с мечом. Прислушался к взвизгам старухи, мимоходом задумался над тем, чем она загоняет страшилище в свинарник – неужели хворостиной? Что-то длинное держала она в руке, когда пробежала – палку, копьё? А ведь они со свиньёй возвращаются...

С дубинкой наготове Тесею выпрыгнул на дорогу, крикнул:

– Хрюшка! Ко мне, вкусняшка!

И не сплеховал на сей раз! Ударил по огромной чёрной голове что было сил под острым углом, присоединив силу броска самого чудовища. Свинья вроде бы охнула, потом завизжала истошно. Сделала ещё несколько шагов – и покатила по дороге, поднимая клубы пыли. Тесею тотчас же подскочил ближе и, перехватив дубинку в обе руки, принялся добивать животное, гвоздя раз за разом по твёрдой, как скала, голове. Донимала его

очевидная необходимость вынуть меч и осквернить-таки заветное оружие, дорезав для верности свинью. Боковым зрением видел, что рядом с домами появляются тёмные силуэты мужчин, но посматривал больше на дорогу, куда должна была выбежать из тьмы разъярённая старуха.

И она возникла перед ним – босая и косматая, не с палкой, а с дротиком в узловатой, совсем не женской руке.

– Ты, юнец, посмел обидеть мою свинку! Как мне теперь зарабатывать на жизнь?!

И метнула дротик. Царевич уклонился, а позади него прозвучал хлюпающий звук. О таком Коннид рассказывал. Тот самый, с таким звуком наконечник входит в плоть человека. Раздались возмущённые крики. Затрещал факел. Свистнула стрела, и царевич чётко рассмотрел в красных отблесках огня, как она воткнулась в горло старухи. Файя выронила нож, засипела, обеими руками попыталась выдернуть стрелу... Подёргала ногами и затихла.

Тесей вздохнул облегчённо. Обошлось, не заставили его Мойры пачкать руки о ведьму... Перед ним возник полуодетый бородач. С луком в левой руке, колчан имея на поясе, десницу он протянул Тесею.

– Привет тебе, храбрый юноша! Я – Джонас, один из старейшин Кроммиона. Только что я прикончил пресловутую Файю и, если потребуют сограждане или царь Мегар, пройду очищение. А тебе мы будем вечно благодарны за то, что избавил нас от ужасной свиньи, порождения Тифона и Ехидны.

– О! Вот это родословная! То-то не удавалось вам, кроммионцам, её утихомирить. Не обходилось видно, без помощи ужасных родичей. Ведь я же вижу, что храбрости вам не занимать, почтенный Джонас.

Бородач тяжело вздохнул.

– Сейчас не видно, но днём у неё шерсть рыжая, как волосы у Пифона. Мы давно догадались, что без демонской помощи тут не обошлось. Мой брат Исос вышел против проклятой свиньи в полном вооружении гоплита, а в конце боя довелось ему спастись на платане только в панцире и поножах. Чудовище принялось подрывать рылом и трясти дерево, а когда брат сорвался с ветви, счавкало его вместе с сандалиями... О, прости, юный храбрец, я так взволнован, что забыл справиться о твоём имени!

– Я – Тесей, сын царя Эгея и Эфры, внук Питфея, царя Трезена. Иду из Трезена в Афины. Очищаю большую дорогу для путников, уже убил разбойников Перифета и Синиса, а вот теперь и эту свинью. Любопытно мне, почтеннейший Джонас, кому теперь принадлежит её туша. Весом она не менее, чем в девять талантов! Это же гора мяса.

– Я думаю, что свинья принадлежит тебе, храбрый царевич, а появится желание, так и Файю забирай.

Вспыхнул было Тесей, но бородач ухмылялся добродушно, и царевич поостыл. Тем более, что старейшина продолжил:

– Знаю я своих сограждан. Сейчас добрые кроммионцы бросятся грабить смрадную лачугу Файи, мы же с тобой давай-ка вырежем из свинки по доброму куску филея ближе к хвосту. Я приглашаю тебя переночевать в моём доме, а прежде мы посетим домашнюю баню да поджарим мяса на палках над очагом. В моей кладовке несколько глиняных бочек неплохого вина. Надеюсь, оно достойно царевича. Утром же мои сограждане выдадут нам с тобой наши доли из казны зловредной старушенции. Не бойся, царевич, не обманут.

Однако ужасной свинье не понравилось, что её хотят освежевать и разделать. Снова завизжав, но уже тоном пониже, она посмела ожить, и пришлось Джонасу, энергично порицая свинское жизнелюбие, таки перерезать ей горло своим большим ножом.

Уже довольно стадий отшагал Тесей на дороге в Мегары, когда перестал, наконец, укорять себя за жадность: он принял свою долю из кубышки ужасной Файи, и теперь этот мешочек серебряных монет заметно утяжелил его походный узелок. Перед собой же оправдывался собственной неопытностью и наивностью: слишком мало взял денег на дорогу, и вот, почему-то же позволил это дед Питфей.

Вчера за столом старейшина Джонас предупредил его, что под самими Мегарами к большой дороге выходит силач Скирон. Дорога там петляет по скалам над самым морем, и Скирон встречает путников, сидя на выступе скалы. Гордясь своей силой и безнаказанностью, он заставляет очередного путника помыть ему ноги, а как только тот, сняв свою поклажу, наклоняется, пяткой сбрасывает его со скалы. Несчастный с криком летит вниз, разбивается об острые камни, и его пожирают огромные морские черепахи, приплывающие к той роковой скале. А Скирон забирает себе оставшиеся после путника вещи. Несомненный убийца и грабитель, он в то же время начальник пограничной стражи Мегар, а стало быть, опасен вдвойне. Тесея мало волновали тогда недопустимые представления горожан Мегар о справедливости и праве, он тревожило, что вынужден будет, справившись со Скироном, сражаться с подчиненными ему мегарскими стражниками.

После полудня дорога и в самом деле забралась на скалы. И стала опасной: оступившись, легко было разбиться насмерть и без помощи Скирона. Тесей всё поглядывал вниз: ему казалось, что перед мегарской заставой должны уже будут появиться в воде кровожадные черепахи. Но море под берегом, под солнечными лучами беззаботно-голубое, оставалось пустым. Без рыб там, конечно же, не обходилось, вот только их с такой высоты, да ещё и под водой царевич углядеть не мог.

Засада на то и засада, что устраивается в неожиданном для вероятного противника месте. И Тесей почти не удивился, когда на узкую тропу прямо из скалы шагнул, перекрывая ему путь, здоровенный мужчина в золотистом шёлковом хитоне. Увидев Тесея, он удовлетворённо кивнул и, не торопясь, уселся, как и предупреждал старейшина Джонас, на выступ скалы. Некоторое время устраивал поудобнее на коленях меч в ножнах, потом шумно выпустил газы и вдруг завопил:

– Я не пропущу тебя, сосунок, в благословенный город Мегары, если не помоешь мне ноги!

– У меня нет с собой раба, великий воин, – поклонился в ответ Тесей, – чтобы приказать ему вымыть твои ноги. Ты уж прости.

– А не нужен раб! Сам, болтун, и вымой мне ноги. Иначе голову снесу с плеч!

– Да воды здесь нет, великий воин, – заныл царевич. – Как же я помою без воды-то?

– А воду принеси из пещеры. В кувшине там стоит.

Боковым зрением давно Тесей увидел, что слева темнеет вход в пещеру. Он лихорадочно придумывал, как разведать, сколько в ней ещё мегарцев, а Скирон сам навязал ему повод зайти! Когда глаза привыкли, он разглядел в пещере трёх сторожей. Двое валялись на шкурах в глубине пещеры, ещё один точил меч, сидя на камне почти у входа. Этот, не поднимая глаз, прогудел:

– Да вон кувшин, у самой стены. Эх, простота, простота...

«Если бы ты меня предупредил, я пощадил бы тебя», – подумал Тесей, потянувшись за кувшином. Оказавшись снова снаружи, он услышал, как разбойник советует:

– А ты сними дорожную поклажу, чтобы удобнее тебе было.

Тесей кивнул, поставил кувшин поближе к ногам Скирона и, совсем у стены, положил узелок и дубинку. Меч решил не снимать. Склонился над вонючими ножищами разбойника, вдруг разозлился и, не желая больше терять время на разговоры, ухватил разбойника за ногу и резко дёрнул, при этом сам ушёл в сторону и прижался спиной к скале.

– Да что та...

Рыча, исчез Скирон за краем тропы. Царевича потянуло за ним в бездну, но он сумел удержаться на ногах. Меч Скирона валялся на тропе. Тесей подхватил его, освободил от ножен, оббитых золотом. Не задумываясь, ворвался в пещеру и с ходу срубил голову стражнику, уже успевшему подняться с камня. Двумя следующими ударами успокоил навек его товарищей. В пещере сразу завоняло кровью. Он бросил меч прямо в тёмную лужу.

На свежем воздухе Тесея повело в сторону, он вдруг испугался высоты. Больше того, почувствовал, что бездна справа просто притягивает его. Так неужели он уйдёт, так и не

узнав, что произошло со Скироном? Царевич улёгся на тропу ничком и подполз к её краю. Заглянул.

Да, не обманул его старейшина Джонас: острые камни буквально раскромсали тело Скирона, и вокруг части его останков, унесённых прибоем в море, уже собирались огромные черепахи. Странная получилась картина. Отмытые от крови золотистые полотнища хитона, шевелившиеся под толчками прибоя, казались очень красивыми, как и сказочное в послеполуденных лучах солнца изумрудное море. Чего не скажешь об оторванной руке разбойника, испускающей мутную бурую струю, или о гигантских черепахах. Со своими передними лапами, похожими на руки человека-пловца, почудились они царевичу ожившими утопленниками-людоедами.

Вздохнул Тесей, оторвался от удивительного зрелища и осторожно встал на ноги. Покрутил головой, убедился, что страх высоты прошёл. Поразился, что кувшин, стоявший на тропе, чудом не разбился, и даже вода не вытекла. Этакий подарок судьбы! Узелок лежал, как положил его, а вот дубинка едва не скатилась в бездну. Тесей вернул дубинку за пояс, внёс кувшин в пещеру и поставил у самого порога. Тотчас же покинул пещеру, и недолго постоял на тропе у входа в неё, в последний раз выверяя детали своей военной хитрости. Нет, он ни в чём не ошибся. Мегарец, первым вошедший в пещеру стражников, увидит окровавленный меч Скирона и зарубленных этим мечом воинов. От Скирона не останется и следа... Хотя кто-нибудь, быть может, разглядит в море у берега обрывки его одежды. В любом случае, кувшин с водой в пещере послужит свидетельством, что прохожие в этой истории не фигурировали. Впрочем, это если заскочит сюда мегарец, способный додуматься до таких тонкостей. Коннид, однако, не раз напоминал, что недооценивать противника крайне опасно. Уж лучше переоценить.

Тесей покинул место стычки едва ли не бегом. Ему показалось хорошим предзнаменованием, что вскоре после высоких скал дорога поворачивала от моря к суше, и до самих Мегар петляла между выжженных солнцем холмов с редкими оливами на них. Дома и храмы Мегар, окружённые каменной стеной, теснились на большом холме. Опасаясь, что попытка обойти город по бездорожью может показаться мегарским стражникам подозрительной, он прошёл через ворота, как выяснилось, оставленные без охраны.

Мегары Тесей пересёк, почти не поднимая глаз. По одному только беглому взгляду бросил он на знаменитые храмы Аполлона и Артемиды, построенные его родичем царем Алкафоем. Боги уж точно ведали, что Тесей натворил в пещере на скалах у моря, и, благосклонные к городу после щедрых жертв мегарцев, вполне могли его наказать. А также каждое мгновение ожидал он, что грубый голос спросит:

– А как ты, юнец, сумел пройти заставу Скирона?

Однако храмы миновал Тесей беспрепятственно, а подобный, не точно такой вопрос услышал только в Афинских воротах Мегар, когда дорогу ему перегородил вооруженный до зубов стражник, а второй, с виду родной брат спросившего, тоже не обошёл своим вниманием.

– Эй, иноземец! Не совершил ли ты в Мегарах чего противозаконного?

– Я только прошёл через город, – опустил Тесей глаза. – Даже не останавливался, кажется.

– А заплатил ли ты в Коринфских воротах пять оболлов, проезжую пошлину?

– Нет, – честно ответил царевич.

– Тогда плати. Пять оболлов.

Как сообразил позднее Тесей, он проявил опасную наивность, принявшись рыться в своей кошнице при стражниках. Поднял на них глаза, только протягивая монетки на ладони, и увидел, что те опасно приблизились, а руки держат на рукоятках мечей. Передний из них сгрёб монеты, а задний вдруг схватил товарища обеими руками за плечи и оттащил назад, к столбу распахнутых ворот. Тот возмутился:

– Спятил ты, что ли, Аннас?!

– А ты посмотри на его шею, брат. Не то во внимание принимай, что кудрявый красавец, а на его бычью шею погляди. И что уже расставил правильно ноги и щурится, измеряя расстояние до нас! Тебе нужны неприятности, брат?

Тесей спрятал кошницу в свой узелок и широко улыбнулся.

– Так я могу идти? – спросил как ни в чём не бывало.

– Иди, иди, – разрешил благоразумный стражник. – И лучше не возвращайся в Мегары. Тут у нас и своих сорвиголов хватает.

Мирно покинув Мегары, Тесей пообедал и заодно поужинал в придорожной харчевне, очень довольный тем, что череда холмов заслоняет от него негостеприимный город. Большая дорога вела теперь к морю, легко и весело было шагать на спуске, и настроение почти не портили чёрные тучи, собравшиеся над морем, а оно продолжало сверкать под ними узкой полосой. Уже можно было рассмотреть самые большие строения маленького городка Элевсина, когда на дороге показались две фигуры. Тесей сначала убедил себя, что мегарским стражникам ни к чему было забегать вперёд, пока он наедался в харчевне, потом принялся присматриваться. Эти двое обходились, во всяком случае, без заметного издала оружия. Потом стало ясно, что один из них знатный человек, а второй его раб.

Подойдя поближе, понял Тесей, что двоица не собирается посторониться, чтобы освободить для него проход. Он остановился.

– Ты кто? – презрительно, скучающим голосом спросил знатный элевсинец.

– Прохожий, иду в Афины.

– Я спрашиваю об имени твоём, невежа! И об именах отца и матери твоих.

Присмотрелся Тесей, а у него в волосах золото поблескивает. Не то тонкая золотая корона, не то веночек. Придётся отвечать.

– Я Тесей из Трезена, незнакомец. Моя мать – царевна Эфра, а дед – царь Питфей.

– А отец твой кто тогда? – прищурился аристократ.

– Отцом моим считается всеблагодом бог Посейдон.

Собеседник царевича помрачнел. Выпалил злобно:

– Дочь моя покойная Алопа спуталась с этим твоим всеблагим Посейдоном, а я за распутство закопал её живой в землю. Слабый духом Питфей пожалел твою мать и спас от бродячих собак тебя, но я исправлю одну из его ошибок. Кстати, нечего тут понапрасну прохлаждаться, пора нам на палестру. А то как бы дождь не помешал. Следуй за мной!

И он развернулся и двинулся к Элевсину, а за ним раб, неся на спине, как оказалось, длинный варварский меч. Тесей не пошевелился. Тогда человек в золотом лавровом веночке обернулся:

– Почему ты позволяешь себе не слушаться меня?

Тесей скрестил руки на груди. Заговорил рассудительно:

– Слушаться тебя я не обязан, ты не мой государь. Может быть, по законам твоего городка ты и получаешь какие-то права в отношении иноземцев, но мы не в Элевсине пока, а на границе, как я догадываюсь, твоего царства. Если я захочу, уйду, куда пожелаю. Поэтому скажи мне своё имя и расскажи, зачем хочешь отвести на палестру, и я тогда решу, как поступить.

– «Уйду, куда пожелаю...», – прошипел царь. – Слева непроходимые леса, справа море. Видишь, сучья и сухие ветки приготовлены слева в десяти локтях от дороги? Мой раб разожжёт костёр, на дым сюда прибежит из Элевсина дюжина лучников, и они расстреляют тебя издалека.

– Это если твой раб успеет разжечь костёр, – ухмыльнулся Тесей. – Я далеко в этом не уверен. А тебе спасибо, что предупредил.

– Господин, да ответь ты на его вопросы, глупого юнца, – заговорил вдруг раб. – Тебя не убудет, зато мы отведём его в Элевсин, и ты поступишь с ним своим излюбленным способом.

Царь всмотрелся в иноземца испытующе. И вдруг улыбнулся ему, не разжимая губ, окаймлённых тонкими усами и небольшой бородкой, чёрной с клочьями седины.

– Ты, юноша, ладно сложен и, как надеюсь, обучен началам нашей греческой борьбы. Я предчувствую славную забаву. Я – царь Киркеон, и вот уже много лет я заставляю иноземцев, приходящих в мой город Элевсин, бороться со мной – и всех побеждаю, убивая во время борьбы. Заметь, в честном поединке!

– Что ж, это мне подходит, – заявил Тесей, догоняя царя Киркеона и его раба.

Дошли они до Элевсин в полном почти молчании. Когда Тесей, не то, чтобы пытаясь завести разговор, а действительно заинтересованный таинствами предстоящей ранней осенью, в месяце боэдромионе, Большой мистерии, спросил, как попасть на её обряды неофиту, Киркеон только буркнул в ответ, что у него, наглого пришельца, не будет такой возможности.

Чёрные тучи клубились над Элевсином и над морем. В той стороне погромыхивало, и вспыхивали далёкие зарницы. А вот и окраина городка. Место для борьбы, царём гордо названное палестрой, оказалось опушкой пригородной сосновой рощи. Щедро посыпанная песком с морского пляжа, оно дополнялось дорожкой, уходящей в рощу. Царь Киркеон, конечно же, использовал её для упражнений в беге. На краю поляны Тесей заметил набор камней, удобных для работы с мышцами разных частей тела.

Не теряя времени, Киркеон разделся донага, а раб, добыв сосуд с маслом в кустах мирта, принялся его натирать.

– Эй, раб! – окликнул его Тесей. – Правильно ли я понял, что ты и меня разотрёшь этим твоим маслом?

Раб, продолжая обрабатывать спину хозяина, промолчал, и Тесею ответил царь Киркеон как более словоохотливый:

– Это мой раб, и он мой алеипт. Коль желаешь умаститься, купи себе масла и найми алеипта. Клеопу я не разрешу умащать тебя и тратить на тебя мои драгоценные притирания.

Кивнул Тесей и огляделся. Немногие зеваки, успевшие собраться, тут же отступили в кусты и за стволы сосен. Понятно... Царевич разделся, сложил свои вещи кучкой под кустами и решил приглядывать за ними хоть одним глазом.

– А кто будет судьёй? – спросил он, вдруг вспомнив о правилах состязаний в борьбе.

– Вот Клеоп и судит, – сквозь зубы процедил Киркеон. – Тебя он не устраивает? Однако же ты и привереда...

– Скажи, а камень я хоть могу взять, чтобы с ним размяться?

– Бери-бери, не жаль. Я велю его положить на твою могилу.

Тут припомнил Тесей кое-что из рассказов Коннида. Перед схваткой борцы и кулачные бойцы стремятся напугать друг друга. Однако добрая разминка куда полезнее. Царевич ухватил самый большой камень и принялся с ним приседать, надеясь, что масло, втёртое в кожу во время предыдущего притирания, выступит наружу. А когда же оно происходило, это последнее притирание? Да в бане у старины Джонаса! Прошлой только ночью, а казалось, что неделю назад. И почему вдруг потемнело? Это чёрные тучи зависли уже над самой головой.

Тесей усердно трудился с камнем, поглядывая на соперника. Тот, уже умащенный, разминался по-своему, сгибая и разгибая по очереди руки и приседая то на одной, то на другой ноге. Обнажённый, выглядел он как гора бугристых мышц. Да и тяжелее был явно Тесея. Вот остановился Киркеон, пошептал, глядя в тёмное небо, и кивнул рабу своему Клеопу. Тот незамедлительно:

– Сходитесь!

Киркеон вышел на середину песчаного круга и встал в стойку, пригодную скорее для кулачного единоборства. Ноги полусогнул, правую руку тоже, а вот левую вытянул вперёд. Тесей и не подумал ему подражать, держался, как обычно перед боем, только безоружные руки опустил. Вот Киркеон бросился вперёд, стремясь захватить противника за талию. Тесей ловко уступил ему место и подставил ножку. Киркеон рухнул ничком. Тут же перевернулся и, лёжа на спине, попытался провести хитрый, неизвестный старому Конниду приём. Норовил зажать ноги противника своими. Царевич вовремя отскочил – как хорошо, что не поддался соблазну поставить ступню на спину противнику, желая прижать к земле! Лежал бы сейчас тоже... Вот! Оскалившись, Киркеон снова кинулся, снова намереваясь схватить Тесея и поднять на воздух. Однако царевич на сей раз ловко, с разворота, сам зашёл ему за спину, поднял и сдал ниже грудной клетки. Правый бок и грудь жестоко саднили после того, как по ним проехалось крепкое тело Киркеона – всё в песке, прилипшем к маслу. В боку колело: за обедом следовало обойтись половиной съеденного. Тесей разозлился, но всё же крикнул в ухо царя:

– Сдавайся!

Тот молчал, безуспешно стараясь освободиться, и тогда Тесей, соединивший руки в замок, сжал их, что было сил. Царь подёргался и обмяк. Теперь царевич, контролируя каждое своё движение и не торопясь, сделал бросок прогибом – и Киркеон влетел в край песчаного круга, а голова его разметала в стороны песок. Раздался звонкий треск, такой звонкий, что можно было воспринять его и как протяжный звон. Это треснули кости шеи.

Тотчас же, будто наверху прорвало плотину, по поляне, по роще, и по всему Элевсину ударили струи чудовищного ливня. Молния сверкнула белым будто прямо перед

глазами, и сразу же, без малейшего перерыва, невыносимо громко, разрывая уши, затрещало. Перун низринулся пугающе близко, в городе, а Тесею показалось, что прямо у него за спиной. Вокруг неподвижно лежащего ничком нагого царя Киркеона забили фонтанчики из воды и мокрого песка. Тесей, стоявший на одном колене, поднялся на ноги, вытащил из мокрой кучки своего имущества шляпу и гиматий, прикрылся кое-как. К нему подошёл раб, беззастенчиво растягивающий над головой гиматий мёртвого господина. И вот что он, Клеоп, рассказал в перерывах между раскатами грома.

– Убив злобного Киркеона, ты, царевич, расчистил путь к трону его внуку и законному наследнику Гиппофоонту. Этому молодому господину в жизни, не поймёшь, то ли крепко не повезло, то ли здорово посчастливилось. Его родила дочь Киркеона Алопа от благоподателя Посейдона, и она подкинула младенца пастухам. После чего отец похоронил её живой тут неподалёку, а утром прохожие увидели, что из могилы несчастной бьёт источник. Тем временем пастухи показали найдёныша царю, и он приказал его выбросить. Однако кобылица, потерявшая жеребёнка, выкормила его. Отсюда и имя у него такое. Пастухи же его воспитали, на сей раз в тайне от царя. Но тайна для царя – не тайна для раба, хе-хе... Рискую жизнью, я разыскал Гиппофоонта и поклялся ему служить. В городе у несчастного царевича много таких благожелателей. Уверен, что за Гиппофоонтом уже побежали на пастбище, или где он там зарабатывает себе на хлеб.

Тесей сорвал промокшую шляпу и подставил лицо струям дождя. Спросил, скосившись:

– Это замечательно. Скажи, мне в Элевсине ничего не угрожает? Спрашиваю тебя как судью нашего с Киркеоном борцовского поединка.

– Можешь ничего не опасаться. Даже если бы ты убил Киркеона предательски, мечом в спину, ты покинул бы Элевсин без малейшей помехи. Горожане ненавидят Киркеона, ведь своими борцовскими увлечениями он уничтожил их торговлю с путешественниками. Да и во время мистерий, дважды в год, когда моего господина буквально за руки удерживали во дворце, народу в Элевсин приходило в два раза меньше, чем до его царствования. Боюсь, как бы благодарные элевсинцы не поставили тебе статуи подле Телестериона, святилища Деметры.

Тесей снова на него покосился. И как поступить, если насмехается? Проучить раба дубинкой, так ведь и без того, небось, у болтуна вся спина покорёжена. Да нет, вроде серьёзен.

Гроза, погромыхая, уходила за горы, и ливень подустал. Песок уже не впитывал больше воду, образовались лужи, а по ним побежали пузыри. Тесей усмехнулся. Народная

примета говорит, что такие пузыри предвещают скорое окончание дождя, но в его жизни эта примета уже несколько раз не оправдывалась.

На краю палестры появились пастухи. Самый молодой из них положил свой посох на песок и присел на корточки рядом с мертвецом, с болезненной усмешкой всматриваясь в его искажённое лицо. Раб Клеоп, срывая со своих плеч наброшенные было на них одежды Киркеона, подбежал к юноше и прикрыл его царским гиматием поверх грубого пастушьего плаща.

А Тесей, вытащив из песка золотую узкую корону, отмыл под дождём и увенчал ею лохматую и грязную голову ещё одного своего сводного братца.

Глава 8

От Элевсина до Афин

Спор о мебели и очищение

Солнце садилось. Тесей чувствовал довольство собой, ибо не воспользовался гостеприимством царя-пастуха с неслыханно длинным именем. Он отправился в путь, готовый к иному, коварному гостеприимству, и пренебрёг тем важным для пешехода обстоятельством, что дорога не успела просохнуть. Какие славные люди эти говорливые элевсинцы! Они не только похлопывали его по плечу, щупали, попросив позволения, мускулы на руках и даже предлагали шёпотом стать их царём, но и снабдили поистине бесценными сведениями об угрожавшей ему близкой опасности.

Вытаскивая одну за одной ноги из грязи, царевич всё посматривал налево. И дождался. Дорога спустилась в долину ручья (в сознании Тесея всплыло его название – Кефис), и вот-вот... Да, это здесь, в поместье Герма. Приземистый, в один этаж, дом на холме вынырнул слева из зарослей мирта и лозы, окаймляющих берега ручья, а к нему ведут выложенные из камня ступени. На нижней стоит хозяин дома, благообразный на вид и дорого одетый седой атлет. Если прикрыть лысину и – тоже мысленно – обкорнать бороду, а затем присмотреться – станет похож на покойного Сенида и даже на дочь его глупую Перигуду. Улыбается, манит к себе, предлагает:

– Привет тебе, путник! Я Дамаст, сын бога Посейдона, хозяин этой бедной лачуги. Однако есть у меня комната для гостей. Приглашаю тебя переночевать в ней, отдохнув от трудов долгого пути.

Тесей улыбается в ответ, хоть внутри кипит от злости: ещё один разбойный братец выискался!

– А я Тесей из Трезена, сын Эфры, внук царя Питфея. Благодарю тебя, Дамаст, за приглашение, с удовольствием переночую под твоей крышей.

– Входи. Вот только чей ты сын, не расслышал я.

– Я иду в Афины к отцу моему царю Эгею, почтенный Дамаст.

– Не знал я, что у царя Эгея есть такой взрослый сын... Так входи же.

Однако Тесей предпочёл сначала очистить подошвы сандалий от налипшей на них мокрой глины. Использовал для этого левый край нижней ступени и, трудясь усердно, пытался угадать, распознал ли бы он подвох, если бы элевсинцы не предупредили. Трудно сказать. С одной стороны, в пути был достаточно осторожен и не падал на бесплатные услуги. С другой же, где бы ночевал сегодня, после ливня, раз уж отказался от ночлега в царском дворце в Элевсине? Пришлось бы прошагать всю ночь, быть может, и до самых Афин...

– Достаточно, путник! Коль и запачкаешь лестницу, рабы к утру отмоют.

А наш Пилад тому и рад. Хозяин держался спереди, и отворив вторую от главного входа дверь, пригласил гостя пройти первым. Темновато в спальне после лесной опушки, однако вот оно, пресловутое ложе. Тесей обмерил его взглядом: коротковато и для него, и для рослого хозяина. Так, покрыто одеялом – ну и что? А в углу прислонена обоюдоострая секира с длинной ручкой. Ничего себе украшение спальни! Ещё один взгляд на ложе: под ним свисает кусок тёмного широкого ремня с пряжкой – зачем? Ну и подлец...

– ...совершенно бесплатно.

Вот ведь какой он, Дамаст, бескорыстный. Однако медлить нет смысла, а тем более укладываться на хитрое устройство – и вовсе не для спанья. Тесей приседает, захватывает правую руку стоящего рядом Дамаста и броском через себя обрушивает его на ложе. В боку не закололо. Дамаст разламывает ложе тяжестью туши и вместе с его остатками оказывается на полу. Подскочив, Тесей склоняется над ним, вытаскивает из обломков второй конец ремня, затягивает, всовывает шпенёк в дыру на ремне. Дамаст всё это время колотил его по темени, поэтому царевич, распрямляясь, от души бьёт ему кулаком в челюсть. Отдышавшись, ждёт, когда радушный хозяин очнётся. Вот, наконец, тот мычит и открывает глаза.

– Как... ты... посмел... такое... мной?

Хоть во время схватки Дамаст едва не оглушил Тесея, боль в голове у царевича вот-вот пройдёт. Последки её не помешали выговорить давно продуманное:

– Ты назвался Дамастом, но в Аттике ты известен и под двумя другими именами, Полилемона и Прокруста. Вот именно, ты причинял людям страдания и растягивал своих гостей на этом самом ложе, оказавшемся столь непрочным. Или на другом, пожалуй... Ты

развлекался этой пыткой, если ложе было коротким для путника. А если ноги твоего гостя торчали за пределами ложа, ты их отрубал. Вот этой самой секирой. У тебя ноги высунулись за доски, так что приготовься. Или ты предпочитаешь лишиться головы? Нет, откажусь я, пожалуй, от этой человеколюбивой поблажки, ведь тебя, судя по всему, забавляли именно страдания твоих жертв.

– Будет по-другому... Убью тебя... как и остальных...

– Эй, убери руки! Убери с пряжки, а то пожалеешь! Ну, смотри теперь!

И Тесей одним из лезвий секиры резанул, будто мечом, по кистям Прокруста, пытавшегося отстегнуть пряжку на животе. Отрубленные пальцы застучали по плиткам пола, кровь брызнула фонтанчиками. Прокруст завыл.

Испугался царевич, как бы ему самому в Полилемона, носителя страданий, не превратиться. Надо было кончать с разбойником поскорее. Но он понимал, что не простит себе в будущем, если просто отрубит Прокрусту голову. Уже поднял было секиру, когда тот забормотал:

– О, Посейдон, божественный отец мой, помоги своему сыну! А ты, сын мой могучий Синид, где бы ты сейчас ни был, приди сюда и убей наглеца Тесея из Трезена, распни его на втором ложе и сделай из него жертву для заклания!

Усмехнулся Тесей и опустил секиру. Заявил с подчеркнутой вежливостью:

– Почтенный Дамаст! Тебе придётся уточнить, к какой половине сына своего Сонида ты обращаешься – к правой ли, висящей на окровавленной сосне в бору под Истмом, или к левой, висящей рядом с нею на другой сосне? Я бы посоветовал взывать к правой. Дело в том, что голова твоего сына осталась там же, где висят правая рука и нога. Да, и едва ли он тебе ответит разборчиво, я вышиб ему передние зубы. И внучку твою Перигуду пришлось мне поработить, теперь она моя наложница. Ещё бы одну грудь ей отрезать – стала бы точь-в-точь настоящая амазонка...

– Кончай болтать... Жить тебе недолго осталось... Божественный мой отец Посейдон рано или поздно отомстит за меня и за сына моего Сонида...

Задумался Тесей, стёр улыбку с лица. И проговорил уже абсолютно серьёзно:

– Не ведаю я, кто обманул тебя, утверждая, будто бог Посейдон был твоим отцом. И не мне гадать о свершениях небожителей. Но я искренне сомневаюсь, чтобы всеблагой бог и в самом деле зачал такого злодея, как ты, и чтобы он позволил тебе передать страсть к убийству и мучению людей твоему сыну, его внуку. А теперь молись, Прокруст, я отрублю тебе ноги выше щиколотки. Вполне в согласии с твоим обыкновением.

Но вместо молитвы Прокруст зашипел:

– Да что ты знаешь о моих обыкновениях, невежда? Что ты понимаешь в них? Меня вела страсть к гармонии, вот к чему! Посмотри, как прекрасно сообщество воробьёв, где все одинакового роста и веса – вот почему они всегда веселы и довольны! Почему бы и людям и не быть всем одинаковыми: думать одинаково, голосовать на городских агорах одинаково, а начать уравнивание можно хоть бы и с роста! Я укорачивал высоких, чтобы им не завидовали низенькие, а низеньких – чтобы они не плодили кургузое племя себе подобных. Я хотел быть благодетелем человечества, а ты останавливаешь меня на моём пути. Будь ты проклят, и не знай покоя до самого конца твоей нищей и короткой жизни!

Призадумался Тесей, а потом губы его тронула мимолётная улыбка:

– Дед мой царь Питфей говаривал, что злой философ куда опаснее злого дурака. Так получай же, философ с топором!

Удар вышел таким сильным, что отрубленные ступни ног шлёпнули подошвами золочёных сандалий о стенку, а секира, выщербив выемку в глиняном полу, отпрыгнула вверх, едва не вырвавшись из рук Тесея. Он поспешил выскочить из спальни и успел увидеть спины дюжих рабов, разбежавшихся по коридору в обе стороны.

А за глухими стенами разбойничьего пристанища день угасал. Внутри стемнело, и Тесей почувствовал, что глаза слипаются. Его охватила такая смертная усталость, что запросто прикорнул бы прямо здесь, в коридоре, где уже сильно несло свежей кровью. За дверью Прокруст возился, стонал. И вдруг выговорил членораздельно:

– Уже летят сюда, к тебе. Эринии, юнец... Недалеко им лететь, из пещеры на склоне Акрополя... Много раз пожалеешь, что убил родичей...

Тесей стряхнул дрёму, принялся открывать двери комнат, что рядом с той спальней, и в первой же обнаружил, уже почти наощупь, ложе, намного длиннее, чем в ней. Он заперся на хлипкий засовчик и придвинул к двери всю мебельную мелочь, найденную в комнате. Поставил секиру в угол, вынул из ножен меч и положил его рядом с ложем, под рукой. Вспомнил о своём узелке и принёс его из злополучной спальни, куда обещал себе больше не заходить. Закрыв глаза и, не успев даже устроиться поудобнее на твёрдом ложе, заснул мёртвым, без сновидений сном.

Разбудили его шорохи и стук у двери. Неужели Эринии? В предрассветном мареве разглядел, что между полотном двери и притолокой чернеет щель. Не раздумывая, подхватил с пола меч, подскочил к двери и без замаха прочертил лезвием по щели сверху вниз. Громкий вопль заставил его подпрыгнуть – и окончательно проснуться. Какие Эринии, о боги небесные? Едва ли девам, дочерям Кроноса, известны такие гнусные ругательства. Он захлопнул дверь. Засов сорван, ну и ладно. Он заново придвинул столик и пнул его ногой, потому что спросонья ударился об ножку коленом. Растянулся на ложе, и

ему не помешал опять заснуть мощный хор соловьёв, утешным посвистом встретивших рассвет.

Тесей очнулся отдохнувшим, а что касается голода, то герой должен уметь о нём забывать. Снаружи стоял уже белый день, и он прежде всего осмотрелся в комнатке. Оказалась, что выпался так хорошо на ложе, предназначенном для растягивания низкорослых путников. Над головой его торчали всю ночь крючья, к которым привязывал Прокруст руки несчастных, нашлись и ремни, зажимающие тело. Судя по всему, попав в лапы к Прокрусту, мало кто смог бы выбраться живым: высокие попадали в первую спальню, люди ниже среднего роста – во вторую.

Собравшись в дорогу, Тесей вышел в коридор. От двери его ночного обиталища начиная, пятна засохшей крови петляли по коридору и заканчивались у выхода во внутренний дворик. А под дверью первой спальни натекла изнутри целая лужа. За дверью – тишина. Тесей позволил себе туда не заглядывать: если бы рабы вытащили Прокруста, то потоптались бы по приторно воняющей луже, а их следов нет. И вообще, ночью обрубка-разбойника сумел бы спасти разве что сам Асклепий, вот только зачем бы этому порядочному, спокойному нравом богу озабочиваться жизнью или смертью злоумного преступника?

Прекрасный мир позднего утра цвёл за стенами разбойничьего логова. Шагая подсохшей дорогой, Тесей искренне надеялся, что на Прокрусте черед его кровавых подвигов завершится, и удивлялся, почему не бывает подвигов, столь же полезных для эллинов, однако бескровных и не вызывающих тайного ужаса в душе даже прирождённого храбреца? И мечталось ему о поединках воинов в золотых доспехах, сражающихся мечами, сплетёнными из лозы, на цветочной поляне. И чтобы вокруг летали бабочки и попугаи, а по земле прыгали лягушки и ползали крабы... Э, если уж крабы заползали по поляне, это сон на ходу, и вот-вот жди явления очаровательной Амфитриты. Прелестной, доброй, недалёкой... И вдруг в ушах у царевича сначала будто боевая труба прогремела-прозвенела, а потом раздался резкий голос Афины Паллады: «Кончай мечтать о глупостях, Тесей! Немедленно пройди очищение после убийства своих кровных родственников Синида и Прокруста!».

На несколько мгновений возвратившись в бесправное детство, юный герой с размаху уселся на обочину, отбросил узелок и закрыл лицо руками. В душе он понимал, что без обряда очищения не обойтись, но уж очень не хотелось ему. Кроме того, Тесей просто-напросто боялся. В обряде очищения за убийство человек оказывается наедине с гневливыми богами, и предсказать их решение невозможно. Осознав сейчас, после вмешательства суровой Афины, глубину и серьёзность своего страха, Тесей возмутился.

Пройдя такие жестокие испытания, как посмел он утрашиться жалкой струи свиной крови, льющейся на голову! И он поклялся самой ужасной клятвой, что пройдёт обряд при первой же возможности и уж точно до своего входа в Афины. Он помнил, что уже присягал в этом отцом своим Посейдоном, однако полагал, что лишняя клятва не помешает.

Тесей решил просить об очищении хозяина первого же дома, встреченного на пути. Но ему пришлось прошагать едва ли полдня, выйти к реке, и только тогда сквозь кроны зелёных верб на её берегах проглянули белые стены поместья. Он постоял, собираясь с духом, и решительно зашагал по колее, ведущей к дому.

Видно, хозяева рассмотрели его издали, потому что вышли навстречу. Братья, судя по всему, один почтенных лет и второй помоложе, они и приветствовали Тесея первыми:

– Кто бы ты ни был, благородный юноша, будь нашим гостем!

Старший представился Космой, младший Периклом. Тесей в ответ назвал себя, кратко рассказал о своём кровавом путешествии и с замиранием сердца изложил просьбу.

Братья переглянулись, и старший заявил не без торжественности:

– Мы оба – Фиталиды. Наш предок Фитал принял, накормил и обогрел в своём доме в Элевсине несчастную богиню Деметру, когда она, приняв чужой облик, скиталась в поисках дочери Персефоны, и мы с тех пор пребываем под особым смотрением богов. Заходи в наш дом, и мы прямо сейчас начнём готовить тебя к ритуалу очищения.

Тесей поклонился и поблагодарил. Они вошли в дом, и Перикл отвёл Тесея в гостевую комнату, а Косма отправился в триклиний подготовить всё для беседы. Она началась неожиданно для Тесея, потому что, когда уже умытый и с чистыми ногами, он занял место на почётном среднем ложе, увидел он на столике для угощения только кувшины с напитками.

– Тебе, Тесей, перед очищением придётся попоститься, – пояснил Косма, улыбаясь в чёрную бороду, – ну, а мы не станем сейчас есть, чтобы не огорчать тебя, нашего гостя. Скажи нам, когда ты в последний раз принимал пищу?

– Позавчера вечером я заодно и пообедал, и поужинал в Кроммионе, – припомнил Тесей. – С той поры у меня и макового зёрнышка во рту не было. Боюсь, столько крови видел, что не смог бы есть.

– Перед очищением необходимо поститься три дня, а ты почти два полных дня уже пропостился. Здорово! – воскликнул Перикл. И заглянул в свой пустой киик.

– Глупости говоришь, Перикл! – отмахнулся от него старший брат. – Ничего себе у тебя представление о посте, если во время него ждущий помощи от богов убивает разбойников, да ещё и родственника своего!

– Я, конечно же, во всём согласен с уважаемым Космой, – скромно заметил Тесей. – Разумеется, время поста я намерен посвятить благочестивым размышлениям. Давайте обозначим начало моего поста сегодняшним полднем, к тому же и кое-что произошло тогда... Неважно. А через три дня, в послеобеденное время, если это не противоречит обычаю, я жду от вас очищения.

Братья переглянулись. Потом Косма улыбнулся.

– Если бы ты знал, благородный Тесей, как мне, хозяину дома, горько говорить об этом, но... Три дня ты не имеешь права взять в рот даже крошку. Если муравей заползёт тебе в рот ночью, а ты во сне его разжжёшь и проглотишь, это станет нарушением поста.

– Понял я, – улыбнулся в ответ Тесей. – Три ночи придётся мне держать оборону от муравьишек. А как насчёт попить, уважаемый Косма?

– Питьё не запрещается. То есть вино тебе не позволено, в том числе и размешанное с водой, конечно, а вот кикеон можно. Попить кикеона даже желательно, потому что именно его пригубила богиня Деметра в доме нашего предка. Тут рядом, в Элевсинах, его употребляют посвящённые и посвящаемые во время мистерий. Но об этих вещах следует помалкивать.

– В составе кикеона ячменная мука и мята, поэтому он питателен, и тебе не придётся страдать от голода, – быстро добавил Перикл.

– Я не против пострадать от голода, если это поможет избежать преследования смрадными эринниями и уничтожить проклятия убитых мною злодеев, – заявил Тесей с полной искренностью. – Но я ещё чересчур молод, и не пробовал по-настоящему вина. И на время поста мне понадобится трезвость. А кикеон, мне говорили, сильно пьянит и даже сносит голову.

Братья снова переглянулись. Косма сказал вполголоса:

– Хмелён кикеон, если он перебродит, а для этого он должен постоять довольно долго в тёплом месте. Наша кухарка смешает для тебя свежего кикеона – и такой же свежей останется и твоя голова, Тесей.

– Это замечательно, – признал царевич. – И срок до проведения обряда определён – твое суток, ведь так? А место его – далеко ли отсюда? И кто будет проводить?

Косма широко улыбнулся, показав недостаток зубов.

– Ты задал простые вопросы, царевич, и отвечать на них просто. Очищение твоё состоится недалеко отсюда, на древнем алтаре Зевса Милостивого. А действовать будем мы с братом.

– Прекрасно. Итак, свое присутствие, притом в надлежащем виде правильно постившегося просителя, я обеспечу. Однако вы не сказали, что ещё потребуется для обряда. И сколько я должен заплатить?

– Очень хорошо, что ты об этом первым заговорил, – обрадовался старший из братьев. – Расходы потребуются. Надо будет купить жертвенных животных, это раз. После очищения ты должен будешь надеть на себя новые, длинные одежды, тебе придётся вымыть голову, подстричь и причесать волосы. Это два. Если у тебя нет сейчас денег, мы сумеем устроить всё в долг, а потом когда-нибудь рассчитаешься. Да, чуть не забыл. Во время обряда ты должен иметь в руках то оружие, коим совершал убийства.

Подумав самую малость, Тесею попросил разрешения покинуть на время триклиний и вернулся в него со своей кошелем. Не развязывая, положил её на столик рядом с кувшинами и предложил Фиталидам взять содержимое на расходы, а что останется, вернуть после очищения. Братья сначала отказывались, потом согласились.

Вот так и пришлось Тесею трое суток проваляться на удобном ложе в гостевой комнате Фиталидов на берегу реки, странным образом называвшейся так же, как и давно оставленный позади ручей – Кефисом, по имени аттического речного божества. Молодой герой потягивал из килика напиток элевсинских мистерий и, пока не начало посасывать в животе, не чувствовал, что постится. Благочестивые размышления ему не удались, он снова и снова перебирал в памяти детали схваток, пытаясь взглянуть на них глазами старых бойцов Коннида и деда Питфея. Как ни крути, выходило, что он ничем не уронил свою честь. Если зазевался и оттого перетрусил, когда в первый раз бросилась на него кроммионская свинья, так об этом и не узнал никто. Да ведь она животное к тому же, потому как противник не в счёт. Людям он спуску не давал, и пугали его не разбойники, тут ему не в чем себя упрекнуть, а их кровавые раны и жуткие обстоятельства смертей. Оставался ещё на совести юного храбреца испытанный им страх высоты после схватки со Скироном, но это случилось ведь уже после расправы и со стражниками. Ну, что ж, он испугался высоты, как некогда боялся смиренной лошадки Псиллы. И от этого недостатка он освободится – самостоятельно, или снова с помощью богов. И людей – ведь как долго возился с ним конюх Фоант!

Попытался царевич весьма осторожно, и всеми силами пытаясь избежать самовосхваления, сравнить совершенное им во время путешествия со знаменитыми подвигами Геракла – и пришёл к выводу, что деяния могучего родича неизмеримо более величественны и значительны, чем его расправы с разбойниками. Если Тесею вступал в единоборства с обыкновенными людьми, пусть нечеловечески злыми и преступными, то Геракл – либо с беспримерной храбростью нападавал на сверхъестественных монстров, либо

в одиночку сражался с вражеским войском. Здраво оценив свои победы над разбойниками, Тесей мечтал теперь только о том, чтобы Геракл узнал о них и похвалил родича.

К концу поста вкус кикеона опротивел царевичу, напрасно напоминавшему себе о питательных свойствах напитка. Чтобы утолить жажду, он, прихватив килик, выходил к речке.

Никогда больше не повторились сны, явленные ему во время поста. Тонкой, прозрачной окраски, они почти полностью сводились теперь к беседам мудрых и речистых людей (или всё-таки богов?), спорящих на пиру, устроенном прямо на лесной лужайке. Иногда он слышал и себя, и этот второй Тесей говорил вещи не менее умные, чем призрачные собеседники, однако утром он не мог вспомнить ни слова. А если пытался воспроизвести весь сон, то ловил себя на том, что невольно сочиняет его заново.

Нельзя сказать, чтобы Тесей и в самом деле потерял счёт часам и дням, однако он пребывал в полусонном, а наполовину в мечтательном состоянии, когда в гостевую комнату к нему вошли братья Фиталиды и заявили, что пора, мол. Царевич молча оделся, прихватил меч и дубинку. Вслед за братьями побрёл по тропинке, петляющей среди пронизанного солнцем леса. Алтарь, действительно старенький, замшелый, открылся среди кустов на берегу Кефиса. Был он, впрочем, подготовлен к жертвоприношению: обвешен гирляндами свежих цветов, на площадке сверху сложены две кучки хвороста, а возле него седой раб сторожил связанных белую свинью и чёрного барана.

– Вот твой камень, Тесей, – заявил Косма, и голос его показался царевичу совсем незнакомым, пришлось посмотреть, кто говорит. – Этот приступок внизу. Садись и закатай на себе одежду, открывая больше тела. Глядишь, и удастся отстирать твой потрёпанный хитон.

Теперь Тесей сидел спиной к алтарю и не мог видеть, что делается на нём и с другой стороны жертвенника. Там бубнил Косма, умоляя богов прилететь и принять участие в очищении. Громко зафыркал и вдруг захлебнулся баран. Вдруг отчаянно завизжала свинья. Тесей припомнил, как Коннид убеждал его, что свиньи намного умнее овец или коров и, в отличие от них, догадываются перед закланием, что им предстоит смерть. Поэтому сопротивляются изо всех сил и кричат. Рассказывал Коннид, и что есть варварские народы, приносящие в жертву людей. Тут проскользнула в сознание совершенно неуместная догадка, что и боги тех варваров не без вины... Неизвестно, как повернулось бы очищение, если бы свинья на высшей руладе визга не замолчала вдруг, а на голову Тесея не обрушилась бы внезапно мощная струя горячей и вязкой жидкости. Вот оно, главное унижение для убийцы кровного родственника! Гордый дух героя возмутился, однако тут же поник, когда он представил ничтожество своих сил и своего разума в сравнении с

небожителями. Глубочайшее раскаяние и стыд охватили царевича, и на высшей степени самоуменьшения и умиления наказанием ему почудилось, что рядом с ним возникло нечто вроде высочайшей воздушной трубы, ведущей на небо, а в верхний конец трубы, улыбаясь, заглядывает Зевс.

Видение тут же рассеялось, и конец обряда Тесей перетерпел под отвратительной пахучей коркой свиной крови, слушая молитвенное бормотание Феталидов и вдыхая противные запахи подождённых на алтаре бедер барана, отрезанных по обычаю. Наконец, дождался. Чья-то рука обхватила его правую кисть и потянула вверх. Хрипловатый голос (Космы) прогудел:

– Ну, всё, поднимайся. Я отведу тебя к речке. Помоемся начерно.

– А почему начерно? – не удержался от вопроса Тесей. Он не хотел, чтобы свиная кровь попала ему в рот. Если бычья кровь – известный яд, то разве можно быть уверенным в том, что кровь свиньи безопасна, хоть и обсыпаны были жертвы ячменной мукой?

– Эй, оставь на берегу сандалии, а то так и войдёшь в воду... В поместье наша рабыня Тефала сейчас топит для всех нас баню, а тебя она отмоет по-настоящему.

Оказавшись в прохладных струях Кефиса, Тесей первым делом промыл глаза, и всё, что происходило с ним впоследствии, расценивал как разные стадии мытья и надения внешностью, с которой не стыдно будет показаться перед земным отцом, царём Эгеем. Заметив, что Феталиды уклоняются от разговора об обряде, Тесей тоже помалкивал. Только когда старушка, отмыв ему голову мыльным корнем с пахучими травами, пощёлкала перед его носом огромными ножницами и принялась за стрижку, он не выдержал:

– Только на лбу подстриги мне, как было!

– Как же, как же, благородный юноша, – пробормотала Тефала. – Известное дело, «чёлка Тесея». Как же, я умею эту модную стрижку – ты хоть на младшего хозяина погляди!

Как же это он не обратил на это внимания раньше? Волосы на лбу у Перикла были подстрижены точно на такую же длину, какую Афина Паллада показывала на его, подростка, лбу. Он дождался, с мытьём было покончено, ужасные ножницы напоминали о себе только обрезками волос, щекотавшими спину под новым длинным хитоном. Снова его привели в триклиний, но теперь столики были заставлены блюдами с едой, и рабвиночерпий стоял в полной готовности с кувшином. А главное, наступало единственное разрешенное обычаем время, чтобы, не боясь гнева богов, обсудить обряд и его результаты.

Начали разговор Феталиды. Косма заявил:

– Не было ни одного мгновения обряда, когда бы я не чувствовал спокойной уверенности. Мне кажется, что очищение нашего гостя не вызвало возражений у всеблагих. Оно состоялось!

Тесей, усердно прожёвывая, закивал утвердительно головой. Жертвенное мясо с дымным привкусом казалось ему после поста верхом кулинарного совершенства. Желудок забрал у души все жизненные силы, царевич чувствовал себя изрядно поглупевшим, однако надеялся собраться и произнести речь после того, как своё слово скажет Перикл. Так, так, а перед следующим куском горелой баранины пучок сельдерея не помешает. И парочка маслин... Что там говорит этот Феталид с чёлкой, как у него, безгрешного Тесея?

– Я, в отличие от моего брата, в первый раз принимал участие в мрачном обряде очищения и был сосредоточен на своих действиях в качестве жреца. Да, жреца у нашего почти домашнего алтаря. Однако я сумел заметить, что в тот важнейший момент, когда Косма возливал на голову нашего героя жертвенную кровь свиньи, в пасмурном небе образовался разрыв между облаками, и на кровавую макушку Тесея упал солнечный луч! Боги приняли жертву, и молодой герой, чья слава ещё догонит его в Афинах, может с чистой совестью завершать свой путь!

Герой, полупьяный от сытости, отметил сказанное Периклом о славе, но решил обдумать этот пассаж потом. На сей раз он ограничился темой солнечного луча:

– Ну, да, в небе открылось отверстие, чтобы я мог увидеть в небесах всеблагого Зевса, вот зачем! Великий Зевс улыбнулся мне – разве я вам этого ещё не рассказывал? Таким вот образом... А что же это так удивило тебя сейчас, почтенный Косма?

Прежде чем ответить, Косма изумленно переглянулся с братом. Потом прошептал:

– От жертвенника и до триклиния ты, Тесей, оставался у меня на глазах. Скажи, где взял ты, хитро-мудрый, и когда это ухитрился надеть на голову золотой венец – да так, что мы с Периклом и не заметили?

Глава 9

Афины

Первые шаги пришельца

Разумеется, когда Тесей вступил в Афины, золотой лавровый венец, наконец-то полученный подарок от богини Амфитриты, он нёс в дорожном узелке. Острый от природы разум вернулся к нему, как только удалось переварить праздничный обед, чересчур, наверное, обильный после трёхдневного, нет, почти пятидневного голода. И тогда даже издалека Афины с их Акрополем произвели на него неизгладимое впечатление. В отличие от родного Трезена и других увиденных им городов, Афины казались неподдельно величественными уже в то время, и он с несколько даже и священным ужасом предугадывал, что в будущей истории Эллады они сыграют поистине судьбоносную роль.

И если уж суждено ему самому не только пожить здесь, но и поучаствовать в управлении этим великим городом, отныне и навсегда будет он называть город не Афинами, а только «великими Афинами».

Тесей вошёл в долину, по которой тогда ещё робко раскинулись Афины, с северо-запада, по Священной дороге. Он спросил у прохожего, где дворец царя Эгея, и тот показал ему на Дельфиний, где как раз достраивался храм Аполлона. Проходя мимо стройки, Тесей не сразу сообразил, что это к нему обращаются с крыши рабочие, укладывающие балки. Быть может, Тесей, очень красиво причёсанный, в длинном, до пят, платье, и в самом деле показался этим мужланам похожим на девушку. А скорее всего, они решили посмеяться над явным провинциалом. Самым пристойным из ими вякнутого оказался издевательский вопрос:

– Как это отец отпустил тебя, дева на выданье, путешествовать одну?

Сначала вспылил Тесей, и рука его легла на рукоятку дубинки. Однако он вовремя сообразил, что едва ли это лучший способ привлечь к себе симпатии афинян – в первый же день убить и искалечить нескольких жителей города, и не важно, свободных или рабов. Вздохнув, Тесей решил поступить по-другому. Возле уже выложенной каменными плитами паперти стояла повозка, на ней строители подвозили материалы для крыши. Заставив рабавозчика отпрячь и отвести в сторону быков, Тесей положил на паперть узелок и поднял повозку на уровень груди. Потом присел и с выдохом взметнул её в воздух, после чего подобрал узелок и отошёл в сторонку.

Повозка взлетела выше крыши недостроенного храма, а Тесей, пока парила она в воздухе, загадал: если не сломается при падении, его знакомство с Эгеем пройдет гладко и счастливо. Увы, с треском рухнув на каменистую дорогу, повозка развалилась. Подошвой сандалии Тесей придержал и уложил на землю колесо, подкатившее к нему, помахал рукой оторопевшим строителям и направился к царскому дворцу, маячившему под холмом.

Еще в дороге царевич решил, что не станет называть себя земному отцу, а вот об очистке большой дороги от разбойников, пожалуй, расскажет. Тесею хотелось, чтобы Эгей узнал его по мечу, если уж сандалии за столько лет не сохранились. Надо признать, что трезенский царевич ничего не знал о семейной жизни Эгея в последние годы. В противном случае он сразу же назвал бы своё имя.

Дело в том, что к приходу в Афины Тесея отношения Эгея с очаровательной Медеей здорово изменились, да и сам афинский царь сильно сдал. Прежде всего оказалось, что иноземная красавица и в самом деле не убивала своих детей от Ясона. Это преступление совершили коринфяне, и в наказание за него у них стали умирать малые дети. Кара прекратилась только после того, как коринфяне установили памятник детям Медеи,

Мермеру и Ферету. Приняв на себя вину сограждан-убийц, жители Коринфа постановили приносить в память невинно убитых мальчиков ежегодные жертвы в храме Геры, при этом их дети должны были носить чёрную одежду и остригать волосы. Был установлена также статуя Ужасная, изображавшая женщину страшнее не бывает. Глядя на неё, коринфяне пугались, вспоминая преступление своих соотечественников.

Весьма довольный этими известиями, царь Эгей сразу же, без особой помпы, вступил с иноземной волшебницей в законный брак. Надо сказать, что все эротические ожидания его и робкие мечты, вызванные экзотической красотой вечно юной Медеи, вполне оправдались. Она, благодарная за поддержку, одарила его наслаждениями, о которых он раньше и помыслить не мог. Его искренняя влюблённость, да и её неподдельные добрые чувства придавали невероятный шарм их изошрённым слияниям, и не раз думал Эгей, что такого он не мог был получить ни от одной храмовой гетеры ни за какие деньги. Но любовный союз Эгея и Медеи со временем начал давать трещину – и потому, в основном, что царь Афин вступил в него чересчур поздно для себя. Другой старик расцвёл бы рядом с вечно юной подругой, пережил бы вторую молодость, да и сумел бы, наверное, уговорить жену-волшебницу по-настоящему омолодить его, как это она некогда проделала с Ясоном. А вот Эгей полностью поседел, оплешивел и начал стремительно дряхлеть.

Надо сказать, Медея выполнила своё обещание излечить царя Эгея от бесплодия. Во всяком случае, со временем она родила от него сына, названного Медом. О своём сыне от царевны Эфры, растущем в Трезене, царь Эгей помалкивал, не сказал о нём и Медее. Возможно, у него были для того серьёзные политические соображения, но можно предположить и другое объяснение: одряхлев и выпустив из рук бразды правления в собственном дворце, влюблённый царь Эгей боялся разозлить молодую жену. Ещё более он опасался политических соперников. Те явно дожидались его смерти, чтобы захватить власть, а узнав о существовании молодого и сильного наследника, могли попросту потерять терпение.

Рождение сына Меда, в теории наследника Эгея, и без того раздражило царского брата Палланта и племянников, числом пятьдесят. Мятеж не вспыхнул только потому, что у смуглого сына иноземки не было никаких шансов понравиться афинянам. Тем не менее, царь Эгей чувствовал себя в своём дворце в Дельфинии, словно путник на вершине вулкана, знающий, что тот вот-вот проснётся.

Появление у ворот дворца юного красавца-силача, не желающего назвать своё имя, однако заявившего, что царь Эгей должен будет непременно порадоваться его приходу, вызвало нешуточный переполох. Наскоро посоветовавшись с Медеей, царь Эгей приказал

юношу пропустить, устроить его в гостевой спальне, накормить и помыть в бане. Официальный приём он назначил на завтрак следующего дня.

Тем вечером Тесей засыпал, чувствуя на теле дорогие и ароматные умощения, а из-за двери доносились до него стук и звон доспехов стражи. Однако совесть у царевича была чиста, постель под ним чиста и мягка. Он спал без задних ног, без сновидений, как и надлежит спать герою в конце долгого и трудного пути.

А вот у Эгея и Медеи выдалась бессонная ночь. Их тела будто чувствовали, что вскоре расстанутся навсегда, и никак не желали размыкаться. Среди мучительных ласк Медея пыталась соображать, а приняв решение, безжалостно растормошила мужа, подетски прикорнувшего после сладких трудов у неё под бочком.

– О, как ты ненасытна нынче ночью, моя колхидская тигрица...

– Очнись, о мой мудрый Эгей! Я догадалась, кажется, зачем к нам явился этот юноша.

В свете масляной лампы увидела Медея, что Эгей раскрыл, наконец-то глаза, и блаженная улыбка исчезла с его морщинистого лица. Она вздохнула. Поверить теперь невозможно, что этот костлявый старец поразил её некогда в Коринфе своей спокойной силой и усмешливой рассудительностью! Она начала осторожно:

– Наш гость не назвал своего имени, потому что замыслил убить тебя, а быть может, заодно и меня с маленьким Медом. – Она запнулась, потому что соврала: днём хорошо рассмотрела незнакомца и увидела, что он не из тех, кто возьмётся убить женщину или ребёнка. – Убийцу нанял за деньги Паллант – или его сыновья, а твои племянники в тайне от старика. Гость хочет скрыть своё имя, чтобы его нельзя было поставить перед судом за убийство.

Эгей помолчал. Пару лет назад Медея выиграла судебный процесс, открытый против неё в Афинах неким Гиппотом, сыном коринфского царя Креанта. Она сумела доказать, что не виновна в гибели отца Главки, погибшего из-за собственной неосторожности. С тех пор царь Эгей предпочитал доверять Медее, когда речь заходила о юридических вопросах. И всё-таки он спросил:

– А как ты, моё сокровище, пришла к догадке о том, что незнакомец нанят нашими врагами?

– Сразу же после его прихода я разослала служанок по городу, на базар и в бани. Представляешь, уже несколько дней бродят слухи о юноше-герое. Он идёт большой дорогой и, начиная с Эпидавра, убивает всех разбойников, встреченных на пути. Я задумалась, а каким образом его слава обогнала самого героя? А потому, что он задержался в дороге, договариваясь с выехавшими ему навстречу твоими племянниками.

– Я согласен, что этот юноша не пешее войско, чтобы его обгоняли вестники, – медленно выговорил Эгей. – Однако он мог задержаться в пути не только для того, чтобы сговориться с паллиантами о моём убийстве. Да я и не разбойник, знаешь ли, а законный государь.

– А почему тогда он не снимает оружия в нашем доме? – поджала губы Медея. – Мне говорила, что он не расставался с мечом и дубинкой даже в бане.

– Такая осторожность и у меня вызывает тревогу, – вздохнул царь. – Так что ты предлагаешь, моя умница?

Медея помолчала.

– Нашим стражникам с незнакомцем не справиться. Он один уничтожил мегарскую заставу, когда убил Скирона. Да и твои воины, я заметила, глазают на него с обожанием. Что бы ты сам обнажил меч – о таком я и не помышляю...

– Послушай, Медея, что это всё «незнакомец» да «незнакомец»... – лицо Эгея побагровело, но он старался не показать жене, что обиделся. – Ну, нам он не назвался, но на базаре звучало же его имя!

– Я не очень хорошо расслышала. Вроде «Фесей» или «Фесис». Короткое имя, вы их так любите в Аттике... Я уже придумала. Придётся мне опять самой всё сделать. Я приготовлю яд, утром волью его в вино, смешаю и сама поднесу нашему гостю-убийце утром за завтраком. И я всю вину возьму на себя. Если он не назвал своего имени, то и суда не будет. А если меня всё-таки поставят перед судом, для оправдания я найду достаточно доводов, любимый.

Эгей, конечно же, прекрасно понимал, что отравление гостя за завтраком неизбежно замарает и его самого, поправшего старинные законы греческого гостеприимства, но его поразил последний довод супруги: «Да, эллины гостеприимны, но почему тогда этому же Фесею без конца приходилось расправляться с хозяевами, желавшими его ограбить и убить?». Ночная кукушка, как говорят, всегда перекукует дневную, а тут и дневной не нашлось. Под утро Медея убедила супруга в своей правоте и, позволив ему, наконец, заснуть, сама накинула хитон и отправилась в заветную коморку гинекея готовить яд.

Утром стражник отвёл Тесея в царский триклиний. Царевич, ожидая приглашения, подумывал, не украсить ли ему подарком Амфитриты, однако счёл такое щегольство нескромным. Достаточно и того, что он явится с мечом на перевязи. С облегчением увидел гость, что и царь Эгей к завтраку не надел венка на свою плешивую голову, следовательно, местные обычаи не нарушены. Эгей предложил Тесею среднее, почётное ложе, сам возлёг, естественно, на хозяйском. Других гостей за столом царевич не увидел, однако столики у лож ломились от блюд и закусок, еды хватило бы на десяток гоплитов.

Тесей так волновался, что ему вовсе не хотелось есть. Он даже не заметил, что царь Эгей бледен, заикается, когда говорит какую-то чушь о том, будто всегда рад молодым гостям-воинам, лишь бы только не нашлось от них какой-нибудь подковырки.

Тесей не стал вникать в тайный смысл сказанного царём Эгеем, он судорожно придумывал, как ему представиться, какими словами, если земной отец так и не заметит на нём своего меча. Тем временем раздались лёгкие шаги, и в триклиний впорхнула восточная красавица, роскошно одетая и в украшениях, сияющих под отсветами утреннего солнышка. Она несколько испуганно улыбнулась гостю и протянула ему полный килик.

– Это, незнакомец, жена моя Медея, колхидская царевна. Она желает угостить тебя чашей лучшего афинского вина, – по-прежнему заикаясь, пробормотал царь Эгей.

До того удивился Тесей, что и волноваться стал меньше. Где это видано, чтобы жена хозяина приходила в триклиний и угощала гостя вином? Вон стоят слуги-рабы, это обязанность одного из них. Вот того старинушки, с кратером в руках, он и вид имеет глупый, потому что тоже недоумеваает. Да и не может быть жена его старенького отца такой молодой и ослепительно красивой...

И желая, и боясь снова взглянуть на царевну, Тесей обратился к царю Эгею:

– Это замечательно. Я благодатен твоей жене за такую честь, великий царь. Вот только я по малости лет своих не пил ещё по-настоящему вина, и не хотел бы начинать сегодня, в такой важный для меня день. Об этом после, впрочем... Вот если бы холодной воды мне из хорошего ручья или немного кикеона. Только свежего, перебродивший кикеон не подойдёт.

Супруги переглянулись беспомощно. Тесей пожал плечами и, оглядевшись, поднял с ближайшего столика блюдо с жареным оленьим бедром, густо посыпанным всякой зеленью. Не нашёл на столике ножа и, поставив блюдо на ложе, добыл правой рукой меч из ножен, чтобы разрезать мясо. Левая рука у него оставалась свободной, и Медея, вдруг решившись, сунула ему в эту руку килик. Тесей заглянул в него. Это же надо: в середине кубка вино клубилось, как тучи в грозу, а по бокам пенилось. Он искал место на столике, чтобы поставить кубок, а тогда уже с удобством заняться олениной – и вдруг посудина вылетела у него из руки и, разбрызгивая напиток, покатила по глиняному полу триклиния. Медея ойкнула и отскочила в сторону. Тесей сначала на неё взглянул удивлённо, и только потом – на своего отца. Царь Эгей ведь вышиб килик у него из руки, больше никому. Он успел сползти с хозяйского ложа, и стоял теперь рядом с лежащим Тесеем.

Старик долго не мог ничего сказать, только рот раскрывал и растирал ладонями себе грудь. Наконец, заговорил:

– Это ведь мой старый меч, это же его рукоять... Ты – мой сын... Ты...

– Да-да, отец, – подтвердил Тесей, упустив меч на ложе. Ему очень хотелось обнять царя Эгея, но стеснительность останавливала. – Это твой меч, оставленный много лет тому назад для меня под камнем... Я ещё удивлялся, как это ты до сих пор его не узнал...

Тесей еле успел убрать блюдо с мясом и нож со своего ложа, прежде чем старец взгромоздился на него рядом. Отец повис на шее царевича и обмочил слезами его новый хитон.

– Да, я не узнал меч, сынок... Глаза уже не те, что тут поделаешь? А почему ты не в моих сандалиях? Неужто оказались для тебя велики? И послушай... Ну как я мог узнать свой старый меч, если он не в моих ножнах? Замечательные были ножны, с прекрасной серебряной окантовкой... Я надеялся, что сразу по ножнам тебя узнаю...

Тесей несмело обхватил руками плечи царя Эгея. С робким обожанием взирая на плешь, окаймлённую седыми волосами, забормотал, невольно подражая отцу:

– Да всю кожу моль сожрала, и сандалии, и ножны с перевязью... Столько ведь лет прошло... Главное, что ты, отец, меня в конце концов узнал... Кстати, заметил я, что ни ты, ни твоя жена Медея ни разу не назвали меня по имени... А я Тесей, вот какое имя дал мне мой дед царь Питфей, твой старый приятель. Я Те-сей! А кстати, куда исчезла твоя жена, отец?

Дружно поискали оба глазами по триклинию, как будто предполагали, что Медея спряталась где-нибудь под ложем или присела за шеренгой слуг. Тесей припомнил шелест шёлковых одежд и отметил, что и килика нет на полу. Или его осколков. Вот только лужицы от налитого в глиняную чашу остались. Нет, над ними не взвивались язычки пламени, но царевич уже догадался, что в килике был яд. Вот только поверить, что родной отец пытался его отравить, ему удалось не сразу. Однако царь Эгей потупился, а когда, наконец, поднял глаза на сына, на его морщинистом лице очень трудно было не прочесть признание вины.

– Сынок, мне безумно стыдно, – прошамкал старик. – Я поверил Медее, что тебя наняли паллианты, чтобы меня убить. И разрешил ей отравить тебя хиосским вином с ядом. Как мог я на такое пойти – сам теперь удивляюсь... Прости меня, сынок.

Тесея внезапно будто мгновенный паралич разбил. Он понял вдруг, каждой клеткой своего молодого, сильного тела, что несколькими мгновениями ранее чуть не погиб. Боевая подготовка, полученная от Коннида, и опыт схваток на большой дороге от Трезена до Афин вроде бы подготовили его к внутреннему приятию собственной смерти от оружия. Однако ведь не от яда. И даже смерть от оружия представлялась ему будто понарошку, словно не с ним. Как и большинство его сверстников, Тесей в глубине души просто не верил, что когда-нибудь умрёт. Не мог он представить себе собственного не существования. Однако тогда, на гостевом ложе царского триклия, ощущение неминуемости собственной смерти вдруг

накрыло Тесея, будто гигантский ворон своим чёрным крылом. Дыхание его пресеклось, и дикая, неконтролируемая злоба заполнила сознание. Перед глазами встала красная пелена...

«Миленький, но ты же остался жив. Твой старенький отец и эта Медея, колхидская выскочка, что так много о себе воображает, виновны только в злом намерении, а до настоящего убийства мы не допустили. Успокойся сам и успокой своего представительного отца. И почему это ты на пиру – и не в моём золотом венке?». Смолкла болтовня прелестной Амфитриты, растаяла красная пелена перед глазами Тесея, бешеная злоба переплавилась в слезливую грусть. Он открыл глаза, увидел отца, с тревогой в него всматривающегося, и подумал, что дряхл царь Эгей, но женился же на обольстительной Медее, дряхл и стар, однако из последних сил борется не только за жизнь, но и за царство. Надо прожить самому столь долгую жизнь – и только в конце её позволить себе задуматься о смерти.

Он заставил себя улыбнуться и сказал, потянувшись снова за блюдом с олениной:

– И ты меня извини, отец. Мне нужно время, чтобы спокойно воспринять вашу с Медеей задумку. И нелепость того, что ты так и не узнал, как зовут твоего сына, подрастающего в Трезене. Я, с твоего позволения, всё-таки подкреплюсь дичью, а ты, пожалуйста, расскажи мне, чем опасны для тебя паллианты.

Царь Эгей не пожалел времени, чтобы обрисовать своё положение в политической жизни Афин, правду сказать, незавидное. Красноречие своё он поощрял щедрыми порциями миндского вина, разбавленного морской водой. К концу монолога (Тесей мотал услышанное себе на ус, уделяя внимание закускам) старик устал и с помощью двух рабов покинул триклиний. Тесей слышал, как отец вполголоса спрашивал у рабов, где его жена. Царевича и самого тогда очень это интересовало.

Он сориентировался, попал во внутренний двор, оставил меч в отведённой ему спальне, снова вышел наружу и по каменной лестнице поднялся на второй этаж, в гинекей. Медею не пришлось ему искать, она сама вышла навстречу. Прикрикнула на рабынь, поднявших визг при появлении юноши, и спросила, не боится ли он уединиться с нею в её пещере волшебницы. Тесей не побоялся, конечно же.

В каморке, дверь куда Медея попросила не закрывать, стены прятались под снопиками сухих трав, зелья сушились на верёвках, протянутых под потолком. Полки, предназначенные, очевидно, для сосудов, пустовали. Хозяйка показала Тесею на табурет, сняв с него красивый лекиф. Вообще-то сосуд для масла, но что в нём держала волшебница, оставалось только догадываться. Сама Медея устроилась за столом и сразу же принялась раскладывать травы по шкатулкам и коробочкам. Точнее, вернулась к прерванному занятию.

– Извини, но я с моим сыном Медом собираюсь уехать, пока твой отец не проснулся. Будем разговаривать, а я продолжать собираться. И недолго – понял ли, почему? По той же причине, что и дверь мы не закрываем.

Вместо ответа Тесей покраснел. Спросил в свою очередь:

– Будешь забирать все травы, что здесь сушатся?

– Да не все, конечно. Многие растут везде в Эйкумене, так зачем возить их с собой?

От тебя совсем не пахнет вином, Тесей. Но если ты действительно не пьёшь вина, моя попытка отравить тебя теряет всякий смысл.

Он задохнулся от возмущения. И как это она определила, чем там от него пахнет? Среди такого букета резких запахов и благовоний... Заявил напористо:

– Это верно, я ещё не пил вина, но каждый раз, когда мне предлагают, испытываю соблазн попробовать, наконец. А килик из ручек известной красавицы... Глядишь, и соблазнился бы.

– Ты пришёл сюда не ругать меня. И не пугать, ведь явился безоружным. Говори, Тесей, у нас и правда немного времени.

Тесей успокоился. Сказал весомо, солидно, и слова его в кои-то веки прозвучали именно так, как намеревался:

– Коварная отравка для тебя, колхидская царица, афинская царица и моя мачеха, такое же оружие, как для мужчины-воина меч. Но сегодняшнее твоё деяние я готов оценить неожиданно для тебя. Я знаю, Медея, что ты в Фивах спасла от безумия моего родственника Геракла. Моего обожаемого Геракла ты спасла, а меня едва не погубила. Мы с тобой в расчёте. Больше того, я не держу на тебя зла и не собираюсь с тобой враждовать. Не нужно тебе собираться в дорогу, Медея.

Мачеха подняла на него свои восхитительные глаза-маслины, промолвила мечтательно:

– Какое замечательное благородство! Какое чувство справедливости у тебя, Тесей! И это после резни, учинённой тобой на большой дороге! Греческие мужчины не перестают удивлять меня. А ты ведь даже ещё не настоящий мужчина. Я начинаю жалеть, что вынуждена уехать. Однако причины исчезнуть из Афин весьма серьёзны. Тебе, юному герою и наследнику царского престола, отныне обеспечена любовь простых афинян, а меня будут ненавидеть за сегодняшнюю попытку покушения на тебя.

– Медея, я клянусь защитить тебя и твоего сына! – привстал Тесей на табурете.

– Ты ещё увидишь, Тесей, как сложно тебе будет защитить своего отца, что уж говорить о нас с Медом... Далее, если мы останемся, ты непременно влюбишься в меня, хоть я и в несколько раз тебя старше. Мужчины просто не могут не...

– Постой! – восторженно воскликнул он. – А во сколько раз старше?

– Скажем, в два-три, – усмехнулась она. – Во всяком случае, я не старше твоего отца.

Получается очень неприятный расклад: старый муж, привлекательная молодая жена и юный сын. Отношения в такой семье пахнут кровью. Зачем это нам? Честное слово, Эгей не рассказывал мне о тебе, и твоё появление здесь я не могла предвидеть. Но уже собиралась уехать, и причины были весьма...

– Извини, что во второй раз перебиваю тебя, Медея, но правда ли, что ты умеешь омолаживать мужчин?

– Тебе-то это зачем? – изумилась она. – Клянусь Герой, моей покровительницей, сам ты хотел бы выглядеть старше! А на твой вопрос отвечу: и да, и нет. Седину закрасить умею, а вот согнутую спину мне не выпрямить. И скажу я тебе, едва ли богам пришлось бы по нраву, если бы люди научились по-настоящему не поддаваться Хроносу, ведь способность оставаться вечно молодыми и бессмертные они, всеблагое, ревниво оставляют за собой. Так вот, я говорила о причинах, заставляющих меня уехать.

– Мне говорили, что у афинян есть праздник, посвящённый Хроносу, – нахмурился Тесей.

– Да, на двенадцатый день гекатомбеона месяца. Однако они празднуют формально, исполняя обряды, и никому не приходит в голову, как и тебе покамест, ужас игры, устраиваемой Хроносом с человеком. Я давно уложила платье и драгоценности. Потому что я засиделась в Элладе, Тесей. Решила вернуться в Колхиду и попытаться счастья там. А вдруг мне удастся посадить Меда на трон его деда? И ещё все эти годы мне не дают покоя слухи о том, что несчастный сын мой Мермер на самом деле сумел спастись от убийц и живёт на Коркире. Перед плаванием в Колхиду я обязательно его там поищу. Мне очень жаль было покинуть твоего отца, я не знала, как убедить его в необходимости моего отъезда... Что ж, твой внезапный приход в Афины даёт мне замечательный, хотя и неприятный повод. А теперь пора нам с Медом воссесть на крылатую повозку, запряжённую драконами.

Медея по одной накрыла крышечками коробки, захлопнула шкатулки и повернула на них запоры. Грациозно поднялась из-за стола и легко шагнула навстречу Тесею. Обожгла его мгновенным объятием, поцеловала в щёку и вернулась к столу. Когда царевич опомнился, она уже покидала каморку, нагруженная шкатулками и коробочками.

– Эй, ленивицы!

Вслед за гордо выпрямившейся Медеей, но перед двумя рабынями с кладью, спустился Тесей лестницей и прошёл к задним воротам дворца. Там стояла повозка, запряжённая, увы, двумя обычными битюгами. Возчик-раб поклонился хозяевам.

– Эй, Мед! – ласково позвала волшебница. – А покажись-ка нам, сынок!

Над боротом повозки показалась смуглая рожица, и глазки-маслины уставились на Тесея.

– Здравствуй, брат мой Тесей! – воскликнул мальчик. – А где твоя золотая дубинка?

Глава 10

Афины

Завоевание авторитета в Афинах

Сначала Тесей посчитал, что Медея, пугливая по-женски, воспринимала положение царя Эгея в Афинах чересчур пессимистически, однако вскоре убедился в её правоте. Ещё не оправившись после бегства Медеи, царь Эгей созвал агору, всеобщее собрание афинских граждан, представил на нём Тесея, украшенного по сему случаю золотым венцом, и торжественно объявил его своим наследником. Афиняне приняли юного героя с ликованием, а после агоры долго не отпускали, просили позволения пощупать мышцы на руках, рассмотреть дубинку, взятую у Перифета, и без конца выпрашивали детали его подвигов.

А уже на следующей неделе к вечеру во дворец через задние ворота пришёл один из афинян, доброжелателей царя Эгея, и по секрету рассказал, что седой Паллант собирает сторонников, согласных начать войну с его сводным братом (Паллант давно уже распространял слух, будто Эгей не родной, а приёмный сын царя Пандиона), и готовится напасть на царский дворец внезапно. Царь Эгей и Тесей всё это время продолжали обсуждать происшествие с кубком вина, и договорились до того, что Тесей почти поверил, будто предлагать сыну на пиру чашу с ядом – проступок, не стоящий внимания храбреца. Он с удовольствием включился в негромкую беседу озабоченного отца со сборщиком податей Михеем и устроил смущённому гостю форменный допрос.

Выяснилось, что верные сторонники царя Эгея – люди все, как один, уже пожилые. Они и сами не возьмут в руки оружие, и не станут подвергать опасности жизни детей и внуков. При штурме дворца царь Эгей и Тесей могут рассчитывать только на десяток гоплитов, заступающих на охрану по очереди, в три смены.

– Десяток? Если бы! – воскликнул царь. – Димотик вечно пьян, а Сотер лежит больной, он еле жив.

На лицо Тесея легла тень. Он покинул триклиний и вернулся с горстью песка. Михей освободил ближний столик от посуды, Тесей насыпал и разровнял песок, и старики с немалым увлечением начертили план царского двора и дворца.

– Вот здесь, вот, вот, вот здесь... А также вот здесь, – указывал Тесей пальцем. – Даже если я заменю недостающего гоплита в одной из смен, у нас не хватит людей оборонять входы.

– А если бы я был на стороне Палланта, – воскликнул Михей, – я бы поставил лучников на крыше храма Аполлона и не дал бы вам и шагу сделать по двору!

– Однако ты, друг Михей, как будто на нашей стороне, – буркнул царь Эгей.

– Да, я на твоей стороне, царь мой и друг, – насутился сборщик податей. – А на чьей стороне все добрые афиняне, даже демоны подземные едва ли сейчас понимают. Ещё вчера мои сограждане ликовали, приветствуя твоего сына, здесь присутствующего царевича Тесея, а сегодня в харчевнях бьются о заклад, кто победит в войне. За тебя, царь, принимают в соотношении один к трём. А харчевники на закладах собаку съели.

Тесей улыбнулся.

– Если присутствующему здесь царевичу будет позволено высказать своё мнение, то оно будет такое: нет смысла сдаваться без боя. Если даже афинские харчевники оставляют нам малую вероятность победы.

– Ну, да. Доцарствовал же я как-то до нынешнего времени, – с долей сомнения подтвердил его отец.

Михей вдруг поднял глаза от стола.

– Твой сын не знает, но ведь не только сам Паллант весьма уже стар, но и некоторые из сыновей его в ожидании власти успели одряхлеть. Есть среди них и пьяницы, им Паллант побоится дать в руки мечи. Так что, правители, вам придётся иметь дело не с полусотней врагов, на поле брани их выйдет меньше.

– Вот спасибо, почтенный Михей! – ухмыльнулся Тесей. – А я припомнил сказанное некогда мудрым дедом моим царём Питфеем. Наблюдая, как наш храбрый кот Пселл бросается на огромного сторожевого пса Тифона, он заметил: «Если оборона невозможна, надо переходить в наступление».

Старики растерянно переглянулись, и на этом подобие военного совета закончилось. А Тесей переговорил с гоплитами, стоявшими на страже, несколько приуныл и потратил часть ночи, чтобы переделать и завершить свой план кампании.

Утром он отправился в ближайшую, буквально в двух шагах от Дельфиниума, палестру Посейдона Таврия. Окружённый восторженной толпой, царевич несколько часов возился с юношами, показывая им приёмы борьбы и кулачного боя. А сам к ним внимательно приглядывался, высматривая крутых силачей, однако таких, чтобы и глаза горели, выдавая восхищение некичливой и доступной знаменитостью. Отобранным он назначал место встречи на краю палестры. Там разворачивалась в обратную сторону

беговая дорожка, и атлеты, пронесившиеся мимо, едва ли могли слышать что-нибудь, кроме своего дыхания.

На этой точке сбора Тесей обнаружил девятерых, а это означало, что один из приглашенных не пришёл. Он усадил всех на траве, сам встал перед ними и только хотел раскрыть рот, как вертлявый парень провозгласил:

– Тесей! Ты отобрал нас в свою дружину, чтобы сразиться с паллиантами! Я сразу догадался!

Царевич, не отвечая, обвёл взглядом остальных. Страха он ни в чьих глазах не увидел, как и у оратора. А вот любопытства – хоть отбавляй. Настоящие сыновья славных афинян.

– Позволь узнать твоё имя, юноша.

– Я, Дидим, сын сапожника Евпсихия. И, право, я готов биться за тебя!

– А теперь послушайте все, что я скажу. Да, мои противники, дядя мой Паллант (он со мной и познакомиться не захотел) и его весьма многочисленные сыновья замышляют гражданскую войну в Афинах, а мы с моим отцом царём Эгеем можем опереться только на десяток пожилых гоплитов, охраняющих дворец. Да, я не побоялся бы один выйти против войска мятежников, но это была бы дурацкая смерть. Даже, я сказал бы, самоубийство, неудобное всеблагим богам. Да, мне нужны сторонники и помощники, но это вовсе не значит, что я намереваюсь подвергнуть опасности ваши жизни, необстрелянные и неопытные, наконец, ещё не возмужавшие афинские юноши. Как после такого бесчестного поступка я посмотрел бы в глаза вашим отцам?

Слушатели явно погрустнели. Тесей готов был сам оттащить себя за волосы: вот же нашёл время напомнить ребятам об их грозных отцах... Тем не менее продолжил:

– А предложение моё к вам вот какое. Сколько бы времени ни осталось до начала войны, мы каждый день после завтрака тайно встречаемся во внутреннем дворе дворца отца моего царя Эгея. Я буду обучать вас военному искусству.

Тесей сделал паузу и сполна насладился восторженными выкриками и вздохами юношества.

– Я передам вам, точнее, постараюсь передать все воинские знания и умения, полученные от моего наставника Коннида. Учеником я, говорят, оказался неплохим, посмотрим, какой из меня учитель. Вы же в это время мотаете на ус всё, что услышите в Афинах о подготовке паллиантов к войне. И самое главное: мы не должны пропустить момент, когда они выступят. А по ходу наших занятий я высмотрю среди вас парня, лучше всех овладевшего оружием, и потрошу его прикрыть в бою мне спину. Он получит надёжный литой панцирь, коринфский шлем и самый большой щит, так что особой

опасности не подвергнется. Всех остальных я попрошу наблюдать за битвой из укрытия, при себе имея запас верёвок и мешков.

– А для чего нам верёвки и мешки? – удивился Дидим.

– Да чтобы пленных мятежников вязать, а их оружие собирать в мешки, – улыбнулся Тесей. – Давайте, ребята, теперь посоветуйтесь, решите, согласны ли, а я подожду в сторонке.

Стоял Тесей, шурился на предвечернее незлое солнышко и прикидывал, сколько ещё мирных деньков подарят ему паллианты. Возникли и приблизились осторожные шаги, он повернул голову. Подошёл высокий юноша, на вид старший из отобранных. Тесею запомнились резкие черты его красивого лица.

– Царевич, меня зовут Агамед, я сын булочника Панкратия. Отец мой давно умер, я круглый сирота. Я с удовольствием поучусь у тебя военному искусству, однако имей в виду, что я уже дважды участвовал в войнах гоплитом. Могу и тебе кое-что рассказать о современных способах построения фаланги, ведь сведения твоего наставника могли устареть.

– Спасибо, Агамед. Стало быть, мне не придётся выбирать воина для участия в битве. А ты согласен?

– Да, паллианты, в отличие от тебя, вызывают у меня отвращение. Пустые ребята. Орут на агоре, а если бы вы с твоим отцом отдали им власть, клянусь, что они не знали бы, что с нею делать. Да, я согласен, царевич. Если ты с этого дня выплачиваешь мне дневное жалование гоплита, само собой.

– Это замечательно! Назначаю тебе тройное жалование, Агамед. Тогда не будем терять времени, боевой мой товарищ. Прямо с завтрашнего утра начнём отрабатывать наше с тобой взаимодействие. Мне повезло, что ты сегодня пришёл в палестру. А кстати, зачем?

– Царевич, а для чего вообще взрослые мужчины приходят в палестру? Да на мальчиков посмотреть – зачем же ещё?

Хмыкнул Тесей и вместе с Агамедом вернулся к ребятам. Все они согласились на предложение царевича, и уже на следующий день Дидим, в сдвинутом на лоб коринфском шлеме и чрезвычайно гордый поручением, подменил гоплита Систала, охранявшего задний вход в царский двор, а тот показал юношеству, как скручивать пленников и связывать их между собой. А когда это скучное учение закончилось, Систал продемонстрировал основные удары мечом. Всё это время Тесей с Агамедом, спина к спине, как привязанные, танцевали свой нехитрый танец, танец без музыки и с удивительно однообразными движениями.

Не сомневался Тесей, что противник обязательно узнает о происходящем в царском дворе, однако оказалось, что судьба дала ему на подготовку только несколько дней. Как-то вечером, когда уже стемнело, в ворота заднего входа постучался горожанин. Сторож привёл его в триклиний, где ужинали царь Эгей с Тесеем. Услышав, что глашатай Леой принёс тайную весть, царь пригласил его возлечь на гостевом ложе. Почтенный афинянин, отхлебнув разбавленного вина, начал весьма зычно:

– Царь мой великий Эгей! Храбрый царевич Тесей! Вызвал меня наемни в свой дворец ваш родич, престарелый царевич Паллант, твой брат, царь Эгей...

На это царь Эгей мягко заметил глашатаю, что он не на площади, а Тесей обратил внимания отца на то, что сообщение почтенного Леоя, вполне возможно, не предназначено для ушей рабов, прислуживающих в триклинии. Царь Эгей отослал прочь слуг, а заметно смущённый Леой рассказал, понизив голос, что во дворце Палланта старший сын его Эттиноф заставлял его вызубрить слова, которые завтра следует прокричать на площадях Афин. Навязанное таким образом мошенническое объявление возмутило глашатая. После обязательного «Слушайте, люди!» его вынуждали кричать, что безродные Эгей и его отродье Тесей убиты воинами царя Палланта, подлинного наследника царя Пандиона, за то, что хотели уничтожить граждан Афин так же, как Тесей злодейски поубивал кучу добрых людей и даже собственных родственников по дороге из своей деревни в Афины.

– Едва ли мои добрые афиняне поверят в такое враньё, – заметил побледневший царь Эгей.

Глашатай пожал узкими плечами.

– Поверят, не поверят, но сражаться за вас мёртвых, мои господа, афиняне не станут. Вы должны не позволить врагам убить вас, а тогда повесить на вас, покойников, всех собак.

– Да уж мы постараемся, почтенный Леой, – зловеще усмехнулся Тесей. – И я отдал бы всё, что имею, узнать бы только, какова их задумка.

– А что ты имеешь, мой Тесей, кроме дубинки и меча? – без улыбки спросил царь Эгей. – Но вот я по-царски вознагради бы за такие сведения. Рассказывай, Леой, что знаешь, я же вижу, что ты кое-что прячешь за пазухой.

– То, что я разведал, слоняясь по двору Палланта, завтра к обеду будет известно последней торговке на базаре. Но если вы узнаете о замыслах мятежников от своей кухарки, а не от меня, не успеете подготовиться. Я же пришёл к вам, потому что очень благодарен царевичу Тесею за то, как он обошёлся с моим сыном. Мой Полидор только о Тесее и говорит, предан ему безмерно, но твой сын, царь Эгей, и не подумал вооружить его и других своих почитателей-подростков себе в помощь. Пошутил только, что они помогут связывать пленных и собирать их оружие. Да и пьяный Эттиноф продержал меня перед собою на ногах

навытяжку чуть ли не полтора часа, а ты, царь, пригласил меня, простого глашатая, к столу. И так, вот что они придумали...

– Подожди, почтенный Леой, я сбегаю за песочком, – попросил Тесея. Раба бы послать, но ради сохранения тайны стоило и самому побеспокоиться.

Правду сказать, план Афин и их окрестностей, начерченный на слое песка, покрывавшем одну из освобождённых от посуды столешниц, был нужен только Тесею, но именно он принял решение, когда Леой раскрыл замысел наступления паллиантов. Восставшие разделятся на два отряда. Первый, под командой самого мятежного царевича, сосредоточившись в Сфетте, поместье Палланта, со всем возможным шумом и военной музыкой будет наступать на царский дворец. Паллианты уверены, что Эгей не станет защищать дворец, потому что у него недостаточно для этого воинов. Он-де отступит в Гаргетт, своё укреплённое поместье, чтобы из-за его стен начать переговоры. Однако стоит вступить Эгею и Тесею с их десятком гоплитов в Гаргетт, как они окажутся в смертельной ловушке. Лучшие воины из паллиантов отобраны во второй отряд, в главе с Эттинофом эти мятежники на рассвете должны захватить поместье и устроить там засаду. Если всё задуманное им удастся, участи царя Эгея и царевича Тесея не позавидуешь.

Отец и сын переглянулись. Тесей с радостью отметил, что отец выглядит твёрдым и уверенным в себе правителем. Очень бы хотелось, чтобы он хоть на время забыл о своей ненаглядной волшебнице и завтра твёрдой рукой оборонял царский двор, если будет вынужден. Вот именно, если придётся ему...

Тем временем царь Эгей добыл из складок своего гиматия увесистый, судя со стороны, узелок, а в нём звякнули золотые монеты. Не захотел пачкать его о песок, просто протянул Леою. Взглянул на сына вопросительно.

– Не обижайся, почтенный Леой, – улыбнулся тот, – но лучше тебе не знать о решениях, которые мы сейчас с моим отцом примем. Меньше знаешь, крепче спишь, говорят. Так что не обижайся на нас, а допивай свой килик. Но прежде чем ты покинешь нас, я хотел бы попросить тебя передать своему сыну Полидору слово «Пора!». Чтобы ты не удивлялся, он должен будет оповестить Агамеда и Дидима, а они уж остальных ребят по цепочке. Слово означает, что Агамед должен завтра прибыть сюда и разбудить меня за час до света, а ребята – собраться на рассвете у ворот Дельфиниума. Туда подъедет повозка с верёвками, ремнями и мешками. Я повторяю, что не дам и волосу упасть с головы твоего сына и прочих ребят.

Глашатай откланялся, одарив при этом Тесея весьма неласковым, надо признать, взглядом, а царь Эгей по просьбе сына тотчас же отправил раба за управителем Гаргетта.

Когда управитель, тучный простолюдин по имени Сизиф, прибыл, его оставили ночевать во дворце.

Ранним утром под громкое пение птиц из задних ворот царского дворца выкатилась повозка, запряженная двумя смиренными лошадьми. На ней, устроившись на груде мотков веревок, ремней и мешков из дерюги, ехали Тесей, Агамед и управитель Сизиф. Тесей, в лёгком линотораксе, льняном панцире, и шлеме-шапке, предпочёл таким образом сохранить силы перед битвой, в чём ещё больше нуждался Агамед, имевший на себе тяжёлый доспех и вооружение гоплита. Управителя Гаргетта посадили на повозку из уважения к его почтенному возрасту. Царь Эгей, вооружённый, как и Агамед, до зубов, предлагал Тесею и Агамеду отправиться на боевой колеснице. Однако Тесей наотрез отказался: ему представлялось, что езда просёлками, стоя на колеснице, измотала бы не хуже пешего похода. Отцу он пояснил, что использование колесницы в битве не предполагается его планом сражения.

Итак, отряд направился в Гаргетт кружным путём, чтобы не столкнуться по дороге с противником. Юноши, примкнувшие к Тесею в палестре, развлекались, как могли. Они построились вслед за повозкой парами, изображая гоплитов на марше, и всю дорогу, распугивая мирных птичек, горланили афинские боевые песни. Тесей попросил их замолчать уже на подходе к поместью. По его плану они с Агамедом должны были проникнуть в Гаргетт со стороны, противоположной Афинам. Ребята оставались за стеной, и в случае неудачи атаки Дидиму приказано было посадить всех на повозку и тем же путём вернуться в Афины.

Сизиф показал, где легко перебраться через каменную стену поместья: на его заднем дворе, позади коровников. Тесей отправился снимать часового, поставленного здесь паллиантами, но только напрасно, прячась в кустах чертополоха, поколол руки и колени: часового в опасном для обороны месте не оказалось. Он подозвал Агамеда, и они пролезли через пролом в стене. Коровы мычали, но в перерывах муканья слышна была на дворе поместья какая-то возня. Тесей выглянул из-за угла коровника – и увидел большую толпу вооружённых мужчин, теснящихся вокруг глиняной бочки, судя по запаху, с вином. Он попробовал посчитать по головам, выходило около тридцати. Это могли быть только паллианты, сомнений не оставалось.

Тесей кивком поманил к себе Агамеда. Прошептал:

– Нам здорово повезло. Бежим беззвучно, а на линии крыльца кричим наш боевой клич. Твоя задача меняется. Сечи их! Прикрываешь мне спину, если только окружают меня. Клич наш не забыл?

Агамед покачал головой. Глаза его горели за прорезями коринфского шлема.

– Пора!

С мечами наголо, но молча выскочили они из-за коровника и помчались к толпе. На линии дома не в лад, но изо всех сил завопили:

– Царь Эгей!

Видно, у Агамеда оказалась лужёная глотка, потому что эффект превзошёл все ожидания царевича. Паллианты в ужасе побежали, роняя копья, и Тесей с Агамедом, настигая, едва не переломали о древки ноги. Пустив в ход мечи, они замолчали, но крики «Царь Эгей!» не утихали: это ребята из-за забора, несмотря на строжайший запрет, поддерживали старших товарищей. Стиснутые у ворот, паллианты не смогли пустить в ход оставшиеся копья, а в рубке мешали друг другу, и кое-кто даже поранил своего. У Тесея мелькнула мысль, что они на пару с Агамедом словно прорубаются через бронзовый лес. Под ногами трещали глиняные кубки, запах свежей крови постепенно вытеснил запах пролитого вина. Мечи их погнулись, и Агамед подобрал с земли стальной меч, а Тесей пустил в ход заветную дубинку.

Не прошло и четверти часа, как побоище пришло к концу. Тесей, задыхаясь, уселся на ближайший труп паллианта, Агамед сдвинул шлем на затылок и красиво опёрся на свой щит. Самые смелые их помощники уже присматривались к куче мёртвых тел. Отдышавшись, Тесей удивился:

– И почему это мятежники не смогли открыть ворота? Друг другу помешали, что ли? И откуда под стеной столько отрубленных рук? Вон одна и за камень зацепилась...

Неожиданно ворота Гаргетта распахнулись, в них возник взъерошенный паренёк, Тесею совершенно незнакомый. Убирая меч в ножны, он закричал:

– Приветствую тебя, могучий царевич! Я – Антиох, друг-приятель твоего помощника Агамеда. Это я подпёр ворота брёвнами, это я не позволял твоим врагам и пытаться перелезть через забор! Если теперь седой царевич Паллант рассердится на меня за недобор рук у его войска, прошу заступиться за меня в суде!

Забрызганный чужой кровью, покрытый потом, с нелепо торчащим разрубленным наплечником, Тесей широко улыбнулся неожиданному союзнику, однако подумал, что тот начал свою речь хорошо, во здравие, а окончил за упокой: необходимость оправдаться в суде за совершенные сегодня убийства отравляла царевичу сладкий миг новой победы. Вслух же сказал:

– Слава тебе, смелый Антиох! Присоединяйся к нам и сам выбери свою долю в добыче!

– Благодарю, царевич! Это честь для меня.

Подбежал Агамед и по-братски обнялся с приятелем. Тесей вдруг заинтересовался:

– А кстати, кто из них Эттиноф? Он ведь не мог убежать...

Предводитель погибшего отряда нашёлся в самом низу кучи трупов у ворот. Облечённый в роскошный доспех и пурпурный шёлковый плащ, он пребывал в весьма жалком состоянии – без руки и с головой, разрубленной, будто арбуз. Над розовым мозгом уже роились чёрные блестящие мухи.

– Он прибежал первым и пытался забраться на ворота. Исторопился, не успел надеть шлем, – пояснил Антиох. – Ну, я его с испугу и...

– Не наговаривай на себя, храбрец, – похлопал его по плечу Тесей, в душе довольный, что не ему довелось порешить злополучного племянника. – Забирай его доспех, если по душе тебе. И шлем возьми, если разыщешь. Я заметил у тебя меч из оружейной палаты моего отца, мной подаренный твоему приятелю Агамеду. Найди себе среди добычи подходящий меч. Ваша с Агамедом затея удалась, и я не в обиде на твоего приятеля за то, что он раскрыл тебе тайну моего тактического замысла.

Потом увидел он перед собой лукавую рожицу Дидима. Подросток придержал рукой сползающий ему с затылка на лоб коринфский шлем и ужаснулся:

– Да у тебя ссадина на лбу, Тесей! И почему ты весь в зелёной пыли?

– Насчёт грязи не моя вина, друг. Вели паллиантам впредь получше чистить свои доспехи. Однако ты, как я понимаю, пришёл спросить не о моей внешности, правда?

Дидим оживился.

– Надо же, ты угадал, Тесей! Тут начал я развязывать панцирь на одном вражине, а он закричал. Так чего теперь мне с ним сотворить? Добить?

Тесей призадумался. Вот уж чего он не собирался делать, так это воспитывать из милых афинских подростков нелюдь, вроде той, уничтоженной им по дороге в город.

– Скажи мне, Дидим, ты был раньше знаком с этим мятежником?

– Ну, недаром же мой отец любит говорить, что наши Афины большая деревня. Я не знаю имени полудохлого пузана, но он надрал мне уши, было дело, за совершенно пустячную вину.

– И всё-таки, за что? – прищурился царевич.

– Да почудилось ему, будто я хотел украсть смокву с его прилавка... А я что же – смоквы не видел?

– Дидим, ты не имеешь права решать судьбу пленника. Ты не беспристрастен, как сам видишь, да и не ты сразил его... Я же пока попрошу ребят оттащить раненого в сторону. Если война с паллиантами затянется, велю добить его: ещё очухается, вылечат каналью, дадут ему новое оружие, и станет мстить мне, да и тебе тоже. Если же, как я надеюсь, мятеж быстро придёт к концу, пусть живёт. Один, сам по себе, нам этот враг не опасен. Ты же,

друг Дидим, возьми моим именем у старосты лошадь и скачи прямой дорогой, не кружа по просёлкам, во дворец к моему отцу. А ты умеешь ли ездить верхом?

– Обижает меня, царевич...

– Тогда поезжай. Расскажи о том, что здесь увидел. А спросят тебя о новостях по дороге, остановись и тоже подробно расскажи.

Увы, толстый пленник не дожид даже до вечера. Как только управитель Сизиф вызволил из винного подвала своих домочадцев и прочих обитателей Гаргетта, они, избитые и униженные паллиантами в ходе нелепых и жестоких допросов, выплакались Сизифу, пожаловались Тесею – и вдруг набросились на оставшихся в живых обидчиков и голыми руками прикончили. Царевич было огорчился, что пропал урок, преподанный им Дидиму, однако вскоре счёл неплохим результатом своей нравоучительной беседы и ту малость, что не позволил шустрому мальчишке запятнать руки убийством. Хоть и на войне.

Верёвки и ремни, таким образом, не понадобились, а вот мешков для собранного оружия и снаряжения не хватило. Теперь Тесей уже не возражал, когда его юные помощники обвешались оружием и облачились в доспехи. Пришлось задействовать оставшиеся запряжёнными три повозки паллиантов, но, увы, запряжены-то они были быками. Царевич принял решение отправить в царский дворец повозки с оружием кружным путём под началом Антиоха, не просто нового помощника, а просто дара богов.

Для Тесея и Агамеда выпрягли лошадей из дворцовой повозки, и они поскакали прямой дорогой во дворец. Царевича одолевала каменная усталость, время от времени, изо всех сил цепляясь за гриву, он засыпал без снов. Слава богам небесным, Агамед как коренной афинянин не подкачал, однако ведь и лошади прекрасно помнили дорогу в родную конюшню.

Очнувшись в последний раз, Тесей увидел перед собой белокаменного льва над столбом парадных ворот царского дворца, а ниже – своего отца с открытой головой, пританцовывающего от радости. Царевич скатился с лошади, и царь Эгей прижал его к своей бронзовой груди.

– Победа! Полная победа! – закричал он. – Мятежный братец мой Паллант изволил помереть от страха, узнав, что ты, любимец богов Тесей, в одиночку перебил его второе войско в Гаргетте! Его сыновья и приверженцы разбежались!

– Вот славно, – пробормотал Тесей, уже пришедший в себя. – Только я не в одиночку, дорогой отец. Мне помогли этот вот юноша, Агамед, сын булочника... Э... э... э...

– ...сын булочника Панкратия, – поклонился Агамед, весь в брызгах чужой крови. – Отныне, добрый царь Эгей, я твой верный слуга.

– И ещё его приятель, тоже юных лет, по имени Антиох, здорово нам помог, – продолжил Тесей. – Скоро он привезёт добычу, возы с вражеским оружием и доспехами. Так значит, Паллант до твоего дворца не дошёл?

Царь Эгей сердечно обнял и Агамеда. Сияя, пояснил:

– Вас, храбрецы, сейчас помогут и умастят... О всеблагие боги, впервые за десятки лет я могу вздохнуть свободно, опасность рассеялась! Кухарка с ног сбилась, готовит для твоих мальчишек сладости. А мы наконец-то позавтракаем в триклинии, спокойно все обсудим и сочиним объявление для городских глашатаев. Я решил поставить всех паллиантов, взявшихся за оружие, вне закона. Нечего прощать мятежникам! Пусть бегут те, кто ещё не убежал. А вечером мы навяжем доспехи и с факелами пройдемся, навестим дома моих племянников. Кто восставал, но не убежал, пусть пеняет на себя. Мы прихватим с собой кузнеца. Оковы давно уже придуманы, а где устроить тюрьму, решим за завтраком.

Тесей встрепенулся. Произнёс раздумчиво:

– А не лучше ли будет, мой справедливый отец, простить не убежавших из города? Быть может, они оттого и не убежали, что не чувствовали себя виноватыми, а не считали себя виноватыми, потому что они ничего скверного не успели совершить... Во всяком случае, афинянам понравится твоя доброта, она оттенит мою жестокость, показанную в Гаргетте.

Глава 11

Аттика, поля под Марафоном

Матушка Гекала и покорение Марафонского быка

Несколько дней, увенчанный изящным подарком богини Амфитриты, Тесей отдыхал после побоища. Без суда не обошлось, но суд заседал в Дельфиниуме, рядом с царским дворцом, и у присяжных не вызвала никакого сомнения необходимость подавления мятежа. При этом рассказ Тесея о том, как три бойца уничтожили засаду в тридцать мятежников, встретил даже восторженное недоверие. Оказалось существенно важным, что нападение произошло под клич «Царь Эгей!», ведь он предупреждал о законности возмездия за мятеж. Было вполне одобрено использование несовершеннолетних юношей только на подсобных работах и безоружными. Уходя вчистую оправданным, царевич невольно задумался над тем, какие аргументы в пользу подсудимых выдумали бы эти любезные присяжные, если бы судили победивших паллиантов.

Сказать, что Тесей теперь всё своё время губил на сладостное безделье, было бы преувеличением. Он продумывал свои последующие свершения, стремясь действовать

прежде всего на пользу Афинам и всей Аттике. И первым из таких подвигов могло стать укрощение Марафонского быка. Это незаурядное животное называли ещё Критским быком. Хоть он и пасся тогда на лугах под Марафоном, время от времени с рёвом бросаясь на местных крестьян, реальный бык стал существом сказочным, вокруг него клубились легенды, явно недостойные веры в них. Так, утверждали, что именно на нём Европа, похищенная Зевсом из Финикии, приплыла на Крит. Тесей не мог поверить, чтобы этому тупому и злобному животному влюблённый бог мог доверить такую тонкую миссию: сначала украсть девицу, а потом проложить долгий путь Эллинским морем от финикийских берегов до Кипра. Кроме того, разве великий Зевс, собственной особой обратившись в быка, не оставлял за собой и прелесть общения в пути с Европой – прекрасной девушкой, страстно им желаемой?

Реальную историю Марафонского быка Тесей вёл от неприглядной истории, случившейся с его современником царём Миносом, нынешним властителем Крита. Минос, старший сын Европы от Зевса, был усыновлён царём Крита Астерием, женившимся на его матери. После смерти Астерия, не имевшего собственных детей, Минос принялся убеждать критян, что именно он должен царствовать над ними – и потому, между прочим, что боги выполняют любую его просьбу. И жители острова ему поверили. Чтобы подтвердить свои слова, он попросил в молитве у Посейдона животное для торжественного жертвоприношения – и из моря выбежал великолепный бык со шкурой безупречно белого цвета. Жадному Миносу жаль стало приносить в жертву столь совершенное животное, и он отослал его в своё стадо, а на алтарь предназначил быка похуже. Божественный отец Тесея не стерпел такого обмана богов. Наказание, им придуманное, оказалось весьма изощрённым.

Посейдон вложил в душу и тело Пасифаи, супруги царя Миноса, позорную, противоестественную страсть к белому быку. Ночами она тайно выходила на луг, где бык пасся, и пыталась отдаться ему. Однако глупое (или, напротив, в этом случае с накатками хитрости) животное не понимало, чего хочет от него царица. Похудевшая от неутолённого бешеного желания, Пасифая вызвала во дворец знаменитого афинского мастера Дедала. Мастер прозябал на далёком Крите не от хорошей жизни.

Дедал был талантлив от природы, а благосклонная к нему Афина научила его всем умениям, известным тогда богам и людям. Сам же он изобрёл такие орудия, как топор и бурав, был искусным скульптором, первым изваявшим людей в движении и с открытыми глазами, а также лучшим в Элладе столяром и зодчим. Однако рядом с Дедалом подрастал его ученик и племянник Талос, и паренёк обещал превзойти своего учителя и дядю. В двенадцать лет он изобрёл пилу и циркуль, потом придумал гончарный круг и токарный

станок. Позавидовав Талосу, Дедал сбросил его с Акрополя, однако Афина на лету превратила подростка в куропатку. Как отнёсся к такому превращению юный талант, неизвестно. Хотя и лучше уж раскудахтаться, неумело полетев, испуганной куропаткой, чем безгласным трупом валяться на скалах. Что-то неприятное об острых скалах засело у Тесея в памяти, но докапываться он не стал...

Тут важно, что Дедалу не удалось оправдаться тем, что он, мол, покарал племянника за кровосмесительную связь с матерью, сестрой мастера Поликастой. Пришлось ему отправиться в изгнание, и приветил его только царь Минос в Кноссе на Крите. И вот теперь царица Пасифая сделала ему весьма необычный заказ. Он должен был изваять своего рода футляр, изображающий корову столь достоверно, чтобы белому быку захотелось сочетаться с ней. Однако в футляре расположится Пасифая и постарается приловчиться, чтобы хоть хитростью исполнить свою безумную прихоть.

По мнению Тесея, мастеру следовало призадуматься. Начать с того, что безнравственностью заказ царицы во много раз превышал грех, самим Дедалом приписываемый Талосу. Кроме того, ему следовало опасаться наказания со стороны царя Миноса. Однако, Дедала, судя по всему, привлекла сложность поставленной перед ним задачи. Он знал, конечно же, что лошади признают за своих живых сородичей достаточно примитивные изображения коней, но было неясно, свойственна ли такая доверчивость и быкам. Тем не менее, он с энтузиазмом, достойным лучшего применения, принялся решать технические вопросы. Смастерил из дерева полую изнутри и весьма похожую скульптуру коровы, вставил ей в липовый череп впереди глаза из стёклышек и сверху рога. Позолотил рога и ноздри, а всю остальную поверхность заклеил только что содранной белой коровьей шкурой. На спине у мнимой коровы устроил люк, надёжно прикрытый полосой шкуры. Поставил всё сооружение на доску с колёсиками, чтобы горничным было удобно вывозить его с царицей внутри на луг вечерком. Шёпотом обсудил с Пасифаей деликатный вопрос величины отверстия под хвостом и, поработав в последний раз долотом и теслом, получил обещанную золотую цепочку.

Царевич Тесей поймал себя на том, что на время как бы перевоплотился в излишне деловитого Дедала. Во всяком случае, почувствовал к беспринципному мастеру симпатию и придумал, как напомнить ему о необходимости и для очень талантливого человека соблюдать нормы морали. При встрече он вызовет Дедала на кулачный бой и, постаравшись не искалечить и не повредить драгоценные для Эллады руки, избыёт достаточно болезненно.

Тогда в Кноссе бесстыжая царица Пасифая, добившись желаемого, забеременела и через обычное время родила младенца с бычьей головой, названного Минотавром. А белый

бык, совершив своё дурное дело, по воле Посейдона обезумел и принялся опустошать Крит, в особенности область по реке Тефрин. Настало время, и микенский царь Эврисфей приказал Гераклу привести этого быка в Микены. Славный родич Тесея, получив разрешение у царя Миноса, изловил буйное животное, укротил и на нём переплыл Эллинское море, совсем как раньше прекрасная Европа, только в обратном направлении. Это был седьмой подвиг Геракла из двенадцати, совершенных для трусливого Эврисфея. Царь побоялся оставить страшного быка в своём стаде, посвятил его богине Гере, враждебной Гераклу, и отпустил слоняться по Пелопоннесу. Спрашивается, почему Геракл не убил тогда опасное в своём безумии чудовище? Видимо, после долгого совместного плавания ощущал к нему чувство товарищества, вроде того, что возникает между кавалеристом и его боевым конём.

А белый бык, пользуясь дарованной ему свободой, под защитой Геры промчался через Коринфский перешеек, пересёк Аттику и добежал до Марафона. Обосновался на лугах под этим городом и, если вздумается ему, начинал гоняться за местными жителями с ужасным рёвом, кого убивая, а кого калеча. И вот теперь настала пора его утихомирить.

Попрощавшись с земным отцом, озабоченным его предприятием, Тесей выступил из Афин на рассвете. Он, разумеется, никогда раньше не бывал в Марафоне, но ему показали дорогу на северо-восток, выяснилось и расстояние: меньше двухсот стадий. Царевич отправился пешком и в одиночестве, без доспеха, но с мечом и верной дубинкой. Узелок его был так же тощ, как и в начале похода в Афины, а вместо запаса еды он нёс моток толстой верёвки, чтобы связать Марафонского быка.

К концу первого дня похода погода внезапно испортилась. Безоблачное с утра небо затянули тучи, вначале ударил дождь крупными каплями, а потом полил ручьями, словно путник забрёл под водопад. Тесей натянул гиматий на голову. Гром оглушал, а молнии ослепляли белым, будто дневной, светом. А вокруг чистое поле. Одна из вспышек высветила на горизонте тёмную неровную полосу рощи. Восхвалив всеблагих, он бросился бежать в ту сторону, при этом каждое мгновение рисковал поскользнуться на скользкой глине дороги и растянуться во весь рост.

А вот и платановая рощица. Оказалось, что в ней прячется маленькая хижина. Хоть какая-то защита от льющейся с неба холодной воды! Тесей постучал в дверцу – и она почти тотчас же отворилась. За порогом стояла маленькая, худая, вроде бы ссохшаяся старушка. Она ухватила гостя за подол хитона и втянула внутрь.

– Ну, ты напугал меня, прохожий! Так громко постучать мог бы медведь или пресловутый чудовищный бык. Своими рогами.

Промокнув до нитки, царевич сохранил здравость суждений и потому отметил, что старушка, будто бы испуганная, сразу же, без проволочки, отперла дверь.

– Прости, матушка, не сдержал я руки... Здравствуй благополучно в доме своём. А я Тесей, царевич из Трезена... нет, уже из великих Афин. Иду покорять Марафонского быка. А как тебя зовут, матушка?

– И ты здравствуй, молодой господин. Ух, да с тебя целая лужа натекла... А меня Гекалой зовут, живу тут одна. Знаешь что, снимай-ка всё с себя, не стесняйся меня, старой. И садись на ложе, отдохни.

Освободившись от мокрой одежды, споро развешанной старушкой по стенам, Тесей перестал дрожать от холода. А Гекала принесла хвороста и, раздув угли в очаге, разожгла огонь. Поставила на него котёл с водой. Когда вода закипела, она попросила гостя помочь ей, и вдвоём они вылили кипящую воду в лохань и разбавили холодной. Потом старушка оторвала лоскут от своего одеяла и протянула гостю:

– Теперь можешь омыться, царевич. А вот эту тряпку возьми вместо губки.

Он только головой покачал, однако послушно принялся за купание. А хозяйка тем временем приготовила ужин. Это были свежие бобы вперемешку с мелкими солёными маслинами и вдоволь чёрствого пшеничного хлеба. Согревшись и подкрепившись, царевич почувствовал себя уютно и безопасно, будто в детстве, когда Мирто, искупав, завёртывала его перед сном в чистые, нагретые возле очага тряпки.

А старая Гекала после ужина уложила гостя спать на свою постель, сама же устроилась в углу на соломе. Испытывая искреннюю благодарность за такую трогательную заботу, Тесей, хоть у него и слипались уже глаза, рассказал ей о своём путешествии из Трезена в Афины, а вот о войне с паллиантами не стал вспоминать. И уже сам спросил, отнюдь не из пустого любопытства:

– А как получилось, что ты, матушка, живёшь здесь в одиночестве?

Гекала рассказала, что не всегда бедствовала в убогой халупе. Она знатного происхождения, а мужа ей нашли родители в богатой семье. Родила двух детей, жили они с мужем не хуже других. Потом муж погиб на войне, а дети умерли в страшную чумную зиму. Нет ничего горестнее, чем пережить своих детей! Родители Гекалы к тому времени давно умерли, рабов, принадлежавших им с мужем, убила чума, а из всего имущества осталась только эта хижина да небольшие поле и сад при ней.

– Так это были оливы! А я издали, при свете молний, принял твой сад за рощу...

Старушка захихикала.

– Мой сад настолько одичал, что его легко принять за рощу и в дневном свете. Знаешь ли, Тесей, я не рощу на бедность. Живу под крышей, не мёрзну, не голодаю, мне

и довольно. Спасибо и за это богам, ведь я могла умереть такой же ужасной смертью, как и мои дети. Нищета огорчает меня только тем, что не позволяет помогать людям, чего бы мне очень хотелось.

– О чём ты говоришь, матушка? – искренне изумился Тесей. С него и сон слетел. – Сегодня ты сумела так здорово мне помочь, хоть и весьма стеснена в средствах. Ты... ты самая отзывчивая и самоотверженная женщина из всех, кого я знал.

– Я не всегда была доброй, – горько усмехнулась Гекала. – Меня, в молодости злую и себялюбивую, изменила долгая, полная бедствий жизнь. Красота доброты и любви к людям открылась передо мной не так уж и давно, Тесей. И мне очень по душе, что ты, несмотря на юный возраст, хоть и совершаешь подвиги, чтобы потешить своё честолюбие, заботишься всё-таки о безопасности и спокойствии людей.

Тесей заснул, едва ли не на полуслове, и проснулся уже утром, свежим и бодрым. За хлипкими стенами хибары щелкали соловьи и свистали дрозды, напрочь заглушая лёгкий храп хозяйки. Хитон и гиматий царевича высохли, он оделся и обулся, вооружился и, прихватив со стола горсть солёных маслин, осторожно, опасаясь разбудить Гекалу скрипом, открыл дверцу. На дворе сияло погожее утро, о ливне и буре напоминали только лужи и плавающие в них веточки и листья масличных деревьев, да вязкая грязь на дороге.

Пришлось Тесею месить ногами глину чуть ли не до полудня, когда ушей его достиг недалёкий рёв быка. Он прибавил шагу, и вскоре уже поравнялся с полем чечевицы, где Марафонский бык, надо думать, безраздельно господствовал. Узнать его можно было по внушительному размеру и, конечно же, по белым пятнам, оставшимся на безобразно грязной шкуре. Никакой позолоты на его рогах Тесей не заметил и тогда, когда бык, недовольно фыркая, выбрался на дорогу, наклонил голову и, постепенно разгоняясь, помчался по ней к прищельцу.

Царевич достал дубинку и взял её удобно в руку. Встал прямо на дороге, грудью к чудовищу, несколько расставив и напружинив ноги. Он не забыл урок, полученный в стычке с Кроммионской свиньёй, и крепко накрепко запомнил, что отпрыгивать будет вправо. Бык приближался, и стало отчётливо видны ошметки грязи, летящие в стороны от его копыт. «Вот так и пропадёт вся моя стирка под дождём», – усмехнулся Тесей. А в следующее мгновение отпрыгнул.

Рогатая гора костей и мяса пронеслась рядом, в пальце от груди Тесея, и одна только тугая волна воздуха сбила бы, наверное, с ног мальчика или подростка. Царевич успел приложиться дубинкой по ближнему к себе окороку – для того, чтобы не дать забыть о себе промахнувшемуся в атаке чудовищу. Оно и не забыло: возмущённо рыкнув, начало тормозить, проведя четырьмя копытами по скользкой глине глубокие борозды.

Развернулось и бросилось снова. Но теперь быку уже негде было так могуче разогнаться, как в первый раз, и Тесей сумел встретить его мощным ударом дубинки между глазами, налитыми кровью. Раздался треск, и левый рог чудовища повис на нескольких расщеплённых костях.

Тесей изумился промаху, а бык издал такой обиженный и грозный рёв, что чуть не оглушил бойца. Опомившись, царевич догнал быка и приложился на сей раз уже точно по лбу. Глаза у Марафонского быка помутнели, он тяжело упал на колени. Победитель, не теряя времени, обвязал его верёвкой и, отдышавшись, застыл в недоумении. Вот когда не помешал бы ему совет Геракла, уже справившегося в своё время с этим чудовищем! Сам Тесей ничего лучшего не мог придумать, чем оглушать быка время от времени и этим жестоким средством держать его в покорности.

Тем временем с чечевичного поля донеслись радостные крики. Это из Марафона сбегались местные жители, довольные победой Тесея. А герой понял, что впопыхах не рассмотрел дома города на горизонте, да и то сказать, что было их немного, Марафон оказался поселением небольшим. Зато марафонцев собралось очень много, даже непонятно было, как они помещаются по ночам в тех домиках. Тесея они узнали по причёске и по окованной медью дубинке, и на радостях даже спели ему пеан, наскоро переделав сочиненный в честь Геракла после его победы над Эриманфским кабаном. Так что Тесею довелось услышать, что он связал «Марафонского кабана», да и быку тоже пришлось бы слышать такое, если бы герой не продолжал время от времени отключать его дубинкой.

Счастливые марафонцы тут же договорились устроить празднество, но Тесей отпросился у них, попросив дать ему в долг повозку с рабом-возчиком. Если возчика не дадут, он-де обойдётся, привязав узду за хвост Марафонского быка. Удивлённые марафонские граждане предоставили царевичу повозку с возчиком, и уже сами придумали отправить в Афины к царю Эгею конного вестника с известием о победе.

А Тесей замыслил на той повозке отвести Гекалу в Афины, во дворец своего отца. Чтобы не трудилась из последних сил на поле, в саду и по хозяйству, а отдохнула в сытости и в удобном жилье. И горничным-бездельницам, оставшимся в геникее без госпожи, будет о ком заботиться, за кем ухаживать и с кем власть поболтать. «Так случилось, – думал Тесей по дороге, не забывая поглядывать на быка, чтобы проверить, не оправился ли тот до боевого состояния, – что я не знал своих бабушек. Ни прабабушку царицу Гипподамию никогда не видел я, ни бабушку Пилию. Пусть матушка Гекала заменит мне родную бабушку, и я смогу воспользоваться её женской мудростью и научиться у неё любви к людям». Тесей надеялся, что места в повозке хватит и для всего имущества, которое

старушка захочет захватить с собой. Хотя, если подумать, зачем везти ухваты и горшки в Афины, где она будет жить на всём готовом?

Обоз, состоявший из пешего Тесея, влекущего за собой Марафонского быка, и повозки, запряжённой волами, под управлением пожилого раба, приблизился к хижине Гекалы уже на закате. Тесей ожидал, что старушка услышит скрипучее пение колёс и выйдет ему навстречу, но этого не случилось. Он привязал верёвку к дубу во дворе и постучал в ветхую дверцу. Не услышав ответа, толкнул её.

Матушка Гекала лежала бездыханной на своём ложе, сложив руки на впалой груди. Лицо её было спокойным и просветлённым, Тесею показалось даже, что морщины на нём разгладились. Он коротко всхлипнул и неловким движением опустил ей веки. Постоял, помолчал, пытаясь справиться с отчаянием. Огляделся и нашёл на столе дощечку с вырезанной надписью: «Прохожий, похорони». Потом вышел из хижины и позвал к себе раба.

– Тебя как зовут?

– Лукас, господин.

– Матушка Гекала умерла. Беги в Марафон, оставь здесь на меня волов и повозку. Скажи старейшинам, что царевич Тесей просит прислать за час до света пристойное число плакальщиц, и таких, чтобы могли подготовить тело к погребению. Что там нужно будет? Монету, медовую лепёшку... На кладбище повезёшь на этой повозке. Скажи, я хочу, чтобы над могилой поставили камень с её именем. Я приеду и возьму все расходы. Сегодня какое число?

– Э-э-э... Пятое метагейтниона сегодня.

– Так вот, это будет день ежегодного поминовения матушки, «Гекалийская трапеза». Ещё я заложу в Марафоне храм Гекалийского Зевса, а эту хижину прямо сейчас нарекаю «Гекалийским домом». На её месте я воздвигну строение, достойное матушки Гекалы.

– Будет ли позволено мне высказать своё ничтожное мнение? – почесав в плешивой голове, спросил раб.

– Валяй, Лукас.

– Огляделся я тут и вижу, что покойная была бедной и, смекаю, незнатной. Не достаточно ли было бы просто закопать её на этом же поле? При всём нашем к доброй матушке уважении...

Тесей скрипнул зубами. Долго смотрел в сторону от Лукаса, на лоб быка, явно набухший, потом выговорил неохотно:

– Не умничай, раб. Я не поучил тебя сейчас дубинкой по двум причинам. Первая: ты благоразумно испросил разрешения высказаться. Вторая та, что матушка Гекала завещала мне быть добрым к людям. Давай, беги в город. Одна нога здесь, другая там.

Ту ночь Тесей провёл в углу хижины на соломе, как матушка Гекала в ту ночь, когда уступила ему свою постель. Мёртвой на ложе он совсем не боялся, думал о ней с нежностью. А беспокоился больше всего о том, не переусердствовал ли, вразумляя дубинкой Марафонского быка. Ведь когда закрылся Тесей в хижине, тот валялся на земле, оглушённый. Спал тогда царевич урывками, больше размышлял. Беспокоясь за быка, посреди ночи выглянул во двор. Бык уже стоял на коленях, на губах его белела пена.

Тесей задумался тогда, не слишком ли он жесток к этому животному. Ведь бык-то не простой, подарок божественного отца Посейдона, потом был под покровительством богини Геры, и сам великий Геракл пощадил его. Однако жалость покинула его сердце, стоило ему вспомнить о жертвах Марафонского быка, и о самой известной из них и самой болезненной для Афин, ставших ему родными, – о сыне критского царя Миноса царевиче Андрогее.

Ведь считая Афины виновными в смерти своего сына Андрогее, царь Минос после нескольких побед своего боевого флота над афинским установил дань от Афин в семь юношей и семь девушек. Их афиняне раз в девять лет должны были доставить в Кносс, столицу Крита, а там их скармливали Минотавру, чудовищу с головой быка и туловищем человека. Это полу-животное, сын царицы Пасифаи и того самого недобитого быка, что приходит в себя на бедном дворе покойной Гекалы, заключено в Лабиринт и там съедает местных преступников и афинскую людскую дань.

Насколько справедливо такое наказание, наложенное на Афины царём Миносом? Царь Эгей, брызжа слюной, доказывал Тесею, что если он как царь Афин и провинился перед отцом критского царевича, то нельзя было так несоразмерно и бесчеловечно карать весь город. Он клялся, что история гибели Андрогее проста и понятна, это на Крите и в Афинах плебс накрутил вокруг неё всяких сказок. Много лет тому назад царь Минос прислал в Аттику своего сына Андрогее, чтобы людей посмотрел и себя показал. Царевич Андрогей, юноша достаточно кичливый, принял участие в Панафинейских играх и победил во всех состязаниях.

– Ему поддавались другие участники, что ли? – удивился, услышав это, Тесей.

– Чего не было, того не было, – покачал головой его отец. – Парень и на самом деле оказался крепкий, этакая гора мускулов. Вот я ему, увенчанному и довольному славой, и говорю: «Если ты такой силач, то помоги, пожалуйста, нам, жителям Аттики, убей Марафонского быка!». Заметь, что не мог я ему, гостю, приказывать, в чём обвинял меня

Минос, я мог только попросить. А он не таким уж и зелёным юношей к нам приплыл: на Крите у него осталось двое детей. И Андрогей имел все возможности отказаться и вернуться на Крит к отцу. Нет, он только дёрнул кверху подбородком, встал в колесницу и поехал в Марафон. Буйный бык не признал в нём земляка-критянина, не проявил должного уважения. Разломал колесницу, до полусмерти испугал лошадей, а Андрогея забодал до смерти. А в чём тут, спрашивается, виноваты афиняне и я как их царь?

Тесей подумал. Потом спросил, глядя в сторону:

– А если между нами, отец, неужели так уж и обошлось без задней мысли, когда ты предлагал бедняге съездить в Марафон?

– Давно было дело, не помню я, сынок, – сразу же ответил царь Эгей. – Ну, допустим, мелькнуло такое предположение... Да только разве можно столь страшно карать за заднюю мысль?

Через дыру под стрехой проникла предрассветная свежесть. Вначале робко, а потом во всю мощь засвистели утренние птицы. В перерыве соловьиного громыхания издалёка донеслось пение плакальщиц, подбадривающих себя, небось, в ночной дороге. Тесей поднялся с соломы, всмотрелся в последний раз в чёрное продолговатое пятно в тёмной комнате, где лежала мёртвая матушка Гекала, взял узелок, оружие и вышел во двор.

Там развиднялось. Бык стоял уже на полностью распрямлённых ногах, но головы не поднимал. Сломанный дубинкой рог грозил отвалиться. Поставив его на место и приматывая тряпицей, Тесей понял, что в таком состоянии оставлять чудовище во дворе матушки Гекалы нельзя. Даже на привязи. Значит, он сумеет только проводить похоронную процессию, и то недалеко. Сквозь эти будничные соображения в сознании царевича просвечивал главный вывод из ночных размышлений. Пока не зная, как именно, но он обязательно должен вмешаться в позорную для Афин историю с отправлением человеческой дани на Крит.

СДОХНИ, МИНОТАВР!

Глава 12

Афины, море

Набор критской дани и плавание на Крит

Доставив в Афины с немалыми трудностями Марафонского быка, Тесей провёл его по всему городу, а затем, прежде позолотив ему, согласно обычаю, рога, принёс в жертву Афине в её храме на Акрополе. Надо сказать, герой удосужился меньших похвал, нежели

ожидал, потому что добрым афинянам тогда было уже не до этого чудовища: неумолимо приближался день, когда придётся метать жребий, чтобы определить, кому из афинских юношей и девушек, не знавших брака, боги даровали незавидную участь быть съеденными Минотавром. И хотя до этих грустных событий должны были пройти ещё почти полгода, шесть месяцев скучной аттической зимы, так уж были устроены афиняне, что переживали неприятности задолго до того, как те наступали.

Среди свободных граждан Афин, имеющих детей, подпадающих под ужасный выбор, поднялся ропот. На сей раз царя Эгея обвиняли уже не только как виновника наложенной царём Миносом на город ужасной кары, но и в том, что он исключил своего сына-иноземца из списка для метания жребия. Будто бы правитель равнодушно наблюдает, как его подданные лишаются единственных детей и остаются без наследников.

Правду сказать, царю Эгею было не привыкать к упрёкам подданных, но вот Тесея они задевали. Вначале он решил тянуть жребий наравне с другими юношами Афин, но со временем выкристаллизовалось желание заменить собой одного из неудачников, чтобы в Лабиринте сразиться с Минотавром и убить его. Тесей понимал, что предприятие ему предстоит сложное и опасное, поэтому решил для себя, что в отношении царя Миноса, поступившего явно несправедливо с Афинами, допустима в данном случае военная хитрость. И он принялся продумывать все возможности облегчить выполнение своего замысла.

Помимо всего прочего, его немало заботило, не оскорбят ли его уловки богов. Ведь именно их воля проявляется, когда человеку выпадает тот или иной жребий. На первый случай, он успокоился на том, что едва ли боги, приняв решение, тратят своё бесценное время ещё и на проверку, исполнено ли оно. Беспокоило его также, как воспримет результат его плутовства непредсказуемый царь Минос. Вот тут, надо признать, царевичу немного повезло.

Жеребьёвка должна была пройти в шестой день весеннего месяца мухиниона, а третьего числа в порт Фалер пришёл военный корабль с Крита, а на нём сам царь Минос и отряд критских гоплитов. Раньше ни перед одной горестной жеребьёвкой Афины не удостаивались такой сомнительной чести.

Так что царь Эгей имел все основания изумиться, когда пожилой гоплит Димотик, несший службу у ворот, доложил, икая и пошатываясь, что ко входу прикатил в колеснице грозный царь Минос и желает видеть там хозяина дворца. Царь Эгей нацепил золотой венец и посеменил к воротам, а за ним и сгорающий от любопытства Тесей.

Знаменитый царь Минос оказался тучным, седобородым и пышно разодетым стариком, на голове его в седой шевелюре торчали два нароста. Как бы рога, эти украшения

состояли из пластинок, напомнивших Тесею обрезки камыша, но телесного цвета. А когда царь Минос, кряхтя, спускался с колесницы, царевич увидел, что некоторые из «камышинок» полые внутри. На златотканной перевязи висел меч с большим рубином в навершии и в ножнах сказочной красоты.

– Здравствуй, Эгей, – пробурчал критский гость, утвердившись на земле, и протянул руку хозяину дворца. – Я приплыл, как видишь, не воевать – иначе не стоял бы здесь в одиночестве лёгкой добычей. Я с миром: необходимо кое-что обсудить. Не пощадил тебя, однако же, Хронос! Если бы не твой забавный венец, не узнал бы я в тебе бывшего богатыря.

Царь Эгей пожал ему руку, поздоровался. Не терпел он замечаний о своей внешности, поэтому не удержался и ответил с излишним, наверное, задором:

– И ты не помолодел, властитель Крита! Ах, да... Окажи мне услугу, погости в моей скромной хижине.

Царь Минос кивнул, одобряя, что царь Эгей вспомнил об обязанностях хозяина. Развёл руками.

– Да куда же я денусь, Эгей? Прикажи тотчас же топить для меня баню, и вспомни, что я люблю водичку погорячее. Надо отмыться после морского путешествия. И можешь не запасать на мою долю в триклинии вина из своего подвала. Для себя я привёз наше, критское, лучшее в подлунном мире. Амфоры вот-вот доставят мои гоплиты, они пешком идут из гавани. Я совсем забыл: тебе придётся принять ещё десяток гоплитов с их командиром, десятником Херилом. О чём бишь я? Афинские вина плохо действуют на пищеварение, а афинские колесницы никуда не годятся...

В короткой речи от царя Миноса крепко досталось также вкусу афинских смокв, государственному устройству Афин, характеру афинского гражданина, плебейской хитрозадости афинских купцов, ничтожеству афинского флота и даже расположению царского дворца.

– Уж если почти всё твоё царство, Эгей, помещается на Акрополе, чудесной скале, не скрою очень удачно расположенной для обороны, то какого демона царский дворец торчит у её подножия? Твоё место – рядом с подданными!

– Вот мой укреплённый, как видишь, двор и защищает подступы к Акрополю, – скромно пояснил царь Эгей. – А сам я тут, в Дельфиниуме, защищён храмами и присутствующими в них богами.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – перевёл дух царь Минос и вдруг указал длинным пальцем на Тесея. – А кто этот атлет с новомодной чёлкой? Он слушает меня, раскрыв рот, будто я сейчас, уставший и с похмелья, способен сказать нечто путное. Да я просто болтаю себе языком, юноша, чтобы избыть время, пока нагревается вода!

– Это мой сын от Эфры, дочери трезенского царя Питфея, а зовут его Тесеем.

– Не знал, не знал...

Тесей сделал шаг вперёд и поклонился. Он не решался потянуть носом, однако и без того было очевидно, что царственный гость действительно нуждается в мытье. Царевич заявил со всей возможной почтительностью:

– Как только критские воины пройдутся по базару, им расскажут кое-какие истории обо мне. Я же прошу позволения в более благоприятной обстановке, за обедом в триклинии, задать тебе несколько вопросов.

Царь Минос сделал паузу, кивнул, другим кивком отпустил возницу и прошёл, наконец, в ворота. Царь Эгей с Тесеем переглянулись и последовали за ним.

Ближе к вечеру царь Минос обосновался в триклинии и, отдав дань вкусному обеду, принялся тянуть привезённое с собой кипрское вино из кубка, время от времени указывая на него бровями своему личному виночерпию. Хозяина и сына его невежа не угощал, и царь Эгей заливал жажду отечественным напитком, причём его виночерпий наливал из кратера с вином, уже разбавленным водой. Гость обратил внимание, что царевич не пьёт вина вообще, но и не вздумал похвалить за это Тесея. Напротив, сказал:

– Вижу я, Эгей, что твой паренёк не прикасается к вину совсем. Это не так хорошо, как ты, наверное, считаешь. Все знают, что раз в девять лет я отправляюсь в Зевсову пещеру на Диктийских горах, чтобы получить очередные советы и указания от своего божественного отца. И вот однажды после того, как великий Зевс подсказал мне закон, полезный для виноградарства на Кипре, речь у нас зашла о винопитии. Он высказал тогда три мысли. Первая: если смертный совсем не пьёт вина, то часто так происходит потому, что его натура враждебна вину и он неосознанно боится причинить себе смертельный вред.

Царь Эгей и сын его ахнули. И стали при этом столь похожи, что у царя Миноса исчезли последние сомнения в отцовстве Эгея. Он счёл рассказы о Посейдоне-отце баснями, но решил, если не забудет, спросить об этом у всеведающего Зевса в следующую их встречу в пещере на Диктийских горах. Только бы не забыть об этом пустячном вопросе за три-то года... Гость собрался с мыслями и продолжил:

– Вторая мысль Тучегонителя была вот такая. По его наблюдениям, мужчина, который не пьёт, не пьёт, а потом вдруг начинает, легче становится презренным пьяницей, чем пьющий умеренно с юности своей. Поэтому вот мой, справедливого и мудрого царя Миноса, совет тебе, юноша: если не начал в твои годы пробовать вино, не перекисло ли оно, откажись от винопития навсегда.

– Благодарю за совет, – потупился Тесей. – Я уж буду подчиняться своей натуре. Покамест мне вина просто не хочется, справедливый и мудрый царь.

– Разумно. Отец мой великий Зевс поделился со мной и третьим своим наблюдением. Он сказал, что часто дети не пьют, потому что не желают уподобляться пьяницам-отцам, от которых успели настрадаться.

Царь Эгей побагровел и произвольно отставил кубок. Тесей закусил губу и предпочёл промолчать. Виночерпий царя Эгея, тщательно одетый средовек, слушавший царя Миноса со скрытым неудовольствием, потупился. Царь Минос ухмыльнулся. Сделал знак своему виночерпию и продолжил непринуждённо:

– Так сказал великий Зевс. Я же в своей долгой жизни часто наблюдал, как у отца-пропойцы рождался сын-пьяница. Женщинам мы запрещаем пить, и это весьма разумный запрет! А для мужчины граница между умеренным питием и пьянством смывается, бывает, одним-другим глотком крепкого вина. Я вовсе не стал бы утверждать, что сам в этом отношении безгрешен. Так уж сложилось, что на Крите, дома, я к вину почти совсем равнодушен, вот как этот твой сын, Эгей. Однако стоит мне оказаться в море на корабле, как не просыхаю, пока не высажусь на берег, да и на берегу тоже. Я не стыжусь таких признаний. Во-первых, ко мне, великому и справедливому Миносу, никакая хула не пристанет, да вы и побоитесь её распространять, не так ли? Во-вторых, достаточным оправданием служит почтение к великому и мощному богу Дионису. К богу мощному и, осмелюсь со всем уважением заметить, ревнивому и обидчивому. Всё, что ему принадлежит, следует уважать.

Помолчали. Царь Минос шумно отпил из своего кубка. Тесей выговорил почтительно:

– Ты обещал мне, царь, ответить на пару вопросов...

– Сначала я переговорю с твоим отцом! – отрубил царь Минос.

– Тогда ответь мне, – начал царь Эгей, вертя в руке пустой килик, – чем я обязан... чем мы с сыном моим Тесеем обязаны... Что вызвало твой приезд в Афины?

– Вот уже почти двадцать лет я мщу тебе, Эгей, за смерть моего сына Андрогее, – не сразу ответил царь Минос. – Всё это время я был убеждён в твоей абсолютной виновности. Но в последнюю встречу с отцом моим в Зевсовой пещере Тучегонитель изволил заговорить со мной об этом деле. Я был изумлён, узнав, что ты меня не обманывал, а и в самом деле только попросил покойного Андрогее съездить в Марафон утихомирить Критского быка. Я же, скорбя о безвременном, во цвете лет, погибшем старшем сыне, напрасно прислушивался к лжецам – и в первую очередь, к твоему брату Палланту: он, как я теперь понимаю, нагородил мне о тебе, Эгей, целые горы лжи. Мне рассказали, что ты с ним и с мятежными племянниками наконец-то покончил. Правильно поступил.

Царь Эгей всхлипнул и протянул к гостю дрожащую свободную руку. Пробормотал, распространяя запашок только что выпитого вина:

– Если бы ты знал, как это горько – наблюдать наказание всего твоего народа за мнимую твою вину...

– Тебе надо было договориться со мной о третьей судьбе и выставить свидетелей... Впрочем, что толку обсуждать это сейчас? Я приехал, Эгей, чтобы упорядочить злополучную дань юношами и девицами.

– А нельзя ли её просто отменить, великий и справедливый царь Минос? – подал робко голос Тесей.

– Нет, – отрезал властитель Кипра. – Была две дани, а сейчас поплывёт последняя, третья. Как земная, так и духовная жизнь человека и мира, что его окружает, троична. Оскорблять святую троичность я не решусь. Кроме того, устанавливая этот обычай, я заручился поддержкой многих обитателей Олимпа. Бессмертные меня бы не поняли, юноша...

– А как тогда ты собрался упорядочить дань, Минос? – осведомился царь Эгей, думая явно о другом. Тесей предположил, что отец стыдится своего недавнего порыва.

– Объявить, что это дань третья и последняя. Что она прекращает вражду между Критом и вашими маленькими Афинами. Лично присмотреть за правильностью метания жребия. Сопроводить дань в Кносс на новейшем боевом корабле «Ястреб», чтобы не допустить никаких неожиданностей в плавании на Кипр.

– Ты хочешь забрать отобранных жребием юношей и девушек на своё судно? – удивился царь Эгей. – Неужели забыл, что у нас для них есть надёжный корабль «Полибия», уже дважды плававший на Крит? Он осмолен заново, подкрашен, где надо, его чёрный парус починен. Весьма достойное судно, феорида, предназначенная для послов и паломников. И я в этом году нанял на Саламине славного кормчего Навсифоя с помощником, тоже опытным моряком.

– Да я только рад, ведь мне на «Ястребе» будет просторнее! И ещё я собираюсь проследить, чтобы твои люди, Эгей, не прихватили с собой в Лабиринт оружия.

Тесей откашлялся.

– Ты мне обещал, могучий и справедливый царь Минос, что позволишь задать несколько вопросов...

– Я помню, не пьян же... Спрашивай, юноша.

– Насчёт запрета на «оружие брани» я уже слышал. Но не боевое оружие, а скажем, палку или дубинку можно будет им взять с собой?

Задумался царь Минос, потом произнёс неуверенно:

– Простая палка вряд ли поможет против мощного Минотавра... Да и зачем бы пареньку, осмелившемуся сразиться с ним, палка? Он ведь сможет подобрать себе по руке бедренную кость. Ха-ха-ха... Да ладно, палку я разрешаю.

– И ещё я хотел спросить, позволено ли будет уже после жеребьёвки кому-нибудь из афинских юношей или девушек заменить по доброй воле уже отобранных для плавания?

– Конечно, – кивнул царь Минос. – Тут и размышлять нечего. Правил такая замена не нарушает. Вопрос только в том, где ты найдёшь такого дуралея в наше отнюдь не героическое время?

Тесей поблагодарил царя Миноса, а тот перевёл разговор на женщин. Принялся довольно едко высмеивать царя Эгея и Тесея за то, что те не удосужились поселить во дворце наложниц и тем самым лишились возможности предложить одну из них гостю. В конце концов царь Эгей пообещал нанять для него пару флейтисток.

Неожиданно царь Минос уронил голову на ложе и захрапел. Царь Эгей несколько неуверенно сполз со своего ложа, а по дороге в спальню, поддерживаемый под руки Тесеем и виночерпием Кирилом, спросил у сына:

– Сынок, зачем ты рылся в сундуках моих покойных жён и... И кое-что из одежды позаимствовал? Мне старшая горничная Алкмена пожаловалась.

– Отец, а разве я не просил у тебя позволения? Из-под Истма придёт моя наложница Перигуда, дочь покойного разбойника Синида. Это для неё. Она беременна, пусть развлечётся.

Наступило шестое мухуниона. В пританее, под древней статуей богини Гестии, стояли на подставках четыре амфоры – две керамические, с камешками, и две деревянные, пустые. В керамические амфоры были насыпаны камешки, по несколько сотен, соответственно числу юношей и девушек, тянувших жребий. В каждой – по семь тёмных, остальные белые. За амфорами поставлены три позолоченных кресла – для Эгея, Миноса и Тесея.

Немало времени потратили кипрские воины, отрывая четыреста тридцать двух юношей от плачущих родных и худо-бедно выстраивая их в очередь. Наконец, царь Минос поднял золотой скипетр и провозгласил:

– Начнём с Гестией! Херил, веди сюда первого афинского молокососа.

Квадратный, в бронзовом доспехе, десятник критских гоплитов Херил подтолкнул к амфорам невысокого юношу.

– Назови своё имя и чей ты сын! – распорядился царь Минос. – Громче!

– Ксантос, сын Тэрона...

– Теперь засунь руку в глиняную амфору и вытяни камешек. Так... Белый. Подними над головой и покажи всем! Теперь брось его в деревянную амфору. Свободен. И все поступают именно так: подошёл к царям, представился, вытащил камешек, показал всем... Белый – во вторую амфору, чёрный – десятнику Херилу. Повторять не буду!

Злое дело пошло. Афинским юношам долго везло, и в деревянную амфору, сухо постукивая, падали белые камешки. И вдруг толпа ахнула – нескладный высокий юноша поднял над головой чёрную гальку. Срывающимся голосом произнёс:

– Я, Порфирион, сын Келея, продолжаю полагаться на вас, всеблагие боги!

– Не вспомнишь ли, кто этот Келей? – шёпотом спросил Тесей у отца.

– Почему же, помню, сынок. Это помощник жреца храма Афины.

Тесей кивнул глубокомысленно и едва подавил зевету. Накануне он, не зная, какова будет на корабле кормёжка для афинской дани, постарался наесться впрок всяких вкусовностей.

Тем временем Херил отвёл Порфириона в сторону и оставил под охраной своих воинов. К амфорам робко подступил очередной паренёк.

В толпе ожидающих жребия осталось не более двух десятков юношей, когда Херил поднял вверх руку с зажатыми в ней чёрными камешками:

– Есть семь отобранных! Дальнейшая жеребьёвка среди афинских бычков бессмысленна.

– Вы же, любимцы удачи, можете разойтись! – торжественно провозгласил царь Минос. – А теперь...

– А теперь я прошу слова, справедливый царь, – это Тесей поднялся с кресла, снял перевязь с мечом и положил оружие на сидение. – В великих Афинах толковали, что мой отец царь Эгей, да продлятся его дни, не подверг меня жеребьёвке вместе с другими юношами, не знавшими брака, и что это несправедливо. Я, царевич Тесей, сам, не тянув жребия, включаю себя в состав дани. Для этого я по своему выбору заменяю одного из юных афинян, вынудивших чёрный камешек.

– Это неслыханно! – поднялся с кресла царь Минос, а царь Эгей схватился за голову.

– Ты сам вчера, великий царь, разрешил замены после жеребьёвки, – легко поклонился царевич и зашагал к семерым неудачникам. Ещё по дороге выбрал себе замену – кого же ещё, как не навзрыд плачущего труса? Такие помощники ему на Крите не нужны. Тесей за руку вывел плаксу из шеренги и встал на свободное место. Волны сытости продолжали затуманивать его сознание.

– Ты бы, бывший царевич, оставил отцу и дубинку свою. Да разорвут меня эриннии собачьими пастями своими, если я позволю вам, афинскому сброду, приплыть в Кносс с оружием, – прошептал, подойдя ненадолго, Херил.

– Твой царь разрешил, – сквозь зубы ответил Тесей. Как легко человек привыкает к хорошему! К высокому положению, к мягкому ложу, ко вкусной еде... «Бывший царевич», говоришь? Ну, это мы ещё посмотрим.

А пока посмотреть предстояло на зрелище уникальное, жеребьёвку среди афинских девушек. Вот где не скупилась на крики, плач, попытки выдрать собственные волосы и посыпать их придорожной пылью! Тесей позволил себе усмехнуться. Не иначе и те, кому только предстояла жеребьёвка, и вытянувшие по чёрному камешку рыдали и причитали ещё и потому, что иного поведения, как им представлялось, их подруги и родственники не поймут. Не удивительно, что Тесею приплась по сердцу тугощёкая и большеглазая вострушка, когда она только гордо усмехнулась, поднимая чёрный камешек над головой. Имени её он не расслышал, но положил присмотреться к смелой девице попозже.

Под вопли и рыдания семь неудачниц, отдав свои черные камешки надменному Херилу, выстроились рядом с отобранными юношами. С Тесея вся дрёма слетела. Вот сейчас... Молчат. Неужели побоялись? Вот они!

Из толпы зрителей с трудом выбрались две девушки, одна повыше, другая пониже. Старшая прикрылась веером и выговорила манерно:

– Я Астерия, дочь горшечника Феона. Я по доброй воле хочу заменить собой одну из мокрых куриц, вытянувших чёрные камешки.

– И я, Коронида, дочь Онисима. Я тоже, – промяукала меньшая ростом.

– Ну-ка, милочка, отведи в сторону веер, – попросил царь Минос. И обернувшись к царю Эгею, проговорил уже потише. – С такой рожей этой Астерии замуж нипочём не выйти. Я уважаю её желание оборвать со славой свою нелепую жизнь.

– Да плевать мне на Астерию! – в сердцах промолвил царь Эгей. – Вот сын мой – какую свинью мне подложил! Давай, Минос, объявим сейчас, что дань отменяется, а?

Царь Минос отвернулся от него, пожал плечами и воскликнул:

– Астерия и... и, как тебя? Да, Коронида... Добро пожаловать на Кипр!

Астерия вытолкала из семёрки обречённых толстушку, плачущую навзрыд, а Коронида – самую малую росточком и юную. Толпа афинян шумела, раздавались изумленные возгласы. Тесей насторожился, но царь Минос уже объявил, поднявшись с кресла:

– Жеребьёвка окончена! Я, царь Кипра великий и справедливый Минос, принимаю от Афин дань юношами и девушками, не знавшими брака, и назначаю для их плавания на

Кипр афинскую тридцативёсельную феориду «Полибию». Дань – на корабль! Отплытие обоих кораблей, моего «Ястреба» и афинской «Полибии», из Фалера на рассвете.

Милостиво отпущенный царём Миносом до отплытия в царский дворец, Тесей позаботился о том, чтобы привлечь на свою сторону богов. На базаре он купил белой шерсти и, обмотав ею ветвь, отломанную со священного масличного дерева, вошёл в храм Дельфиний. Там возложил он эту жертву на алтарь Аполлона и попросил помощи невинным юношам и девушкам, отправленным на растерзание свирепому чудовищу. Незамедлительно в ушах его прозвучал красивый грудной голос: «Шерсть в другом применении поможет вам, Тесей, но без обращения к сестре моей Афродите тебе не обойтись!» Тотчас же царевич вернулся на базар. За несусветную цену купил, не торгуясь, белую козу и отвёл её в ближайшую оружейную мастерскую, чтобы позолотили ей рожки.

Остаток того дня Тесей пропировал с царями в триклинии. Ел он с большой неохотой, только для того, чтобы не обидеть сотрапезников. Царь Минос делил своё внимание между вином, хозяевами дворца и двумя податливыми флейтистками. Музыка и непристойные шутки гостя в иное время развлекли бы Тесея, но тогда его огорчал едва не плачущий отец. Как только царь Минос под завывания продажных флейт удалился в спальню, царь Эгей уговорил Тесея взять с собой запасной белый парус, чтобы заменить им чёрный, если удастся на Крите спасти свою жизнь и вернуться живым.

С первыми лучами солнца Тесей привёл отобранных жребием юношей и девушек в храм Афродиты у подножия Акрополя, и там с надлежащей молитвой принёс в жертву богине белую козу. Ответ Афродиты на просьбу оказался шокирующим: издыхая на жертвенном камне, коза превратилась в козла. Что означало это чудо? Тесею хотелось думать, что оно предвещает превращение людской афинской дани из безответной жертвы в равного противника для Минотавра.

Обещание царя Миноса не было исполнено в точности, на рассвете путешественникам отплыть не удалось, оба корабля отчалили уже ранним утром. Кипрский «Ястреб» покидал гавань первым, и царевич успел рассмотреть и оценить его хищный силуэт, съёмную мачту с парусом, а на носу оленье рога сверху и мощный таран внизу. А в открытом море Тесея тотчас же сразила морская болезнь. Его подвела привычка ходить пешком, ведь ничего, похожего на качку, он не испытывал на земле. И хоть погода была хорошая, ветер попутный, не мог он оценить ни красот глубокого летнего моря, ни живописности Кикладских островов, вдоль которых, по возможности не теряя из виду землю, прокладывали курс оба кормчих.

Царевич более или менее оправился в виду гористого острова. Красноватый, медно-охряный в лучах заката, он медленно проплывал по левому борту «Полибии». Заканчивался уже третий день плавания.

– Это остров Серифос, здесь добывают железо, – пояснил ему стоявший рядом кормчий Навсифой. – Нехило идём. Вот если бы северный ветер ещё несколько дней продержался... Что за хрень?

А это на идущем впереди «Ястребе» спустили парус и тотчас же бросили якорь.

– Чего ждёшь, кормчий? – прошипел Херил. – Таранить «Ястреба» задумал? Останавливайся и ты.

Навсифой пошёл распоряжаться. А Тесей, по-прежнему нетвёрдо держась на ногах, выбрался на нос «Полибии» и увидел, что с «Ястреба» спускают челнок. Потом раздался женский визг. Когда челнок отошёл от борта, увидел Тесей, что в нём, кроме двух гребцов, поместились царь Минос и флейтистка, уже со своим инструментом у губ. Под стенания флейты челнок, держа против ветра, приблизился к «Полибии». Царь Минос заорал:

– Спустите сюда ко мне Перибею, девчонку из семи! Пусть перед Лабиринтом попробует моей царской ласки!

– А какая из них Перибея, повелитель? – прокричал Херил, оказавшийся рядом с Тесеем.

– Да ту, мордатенькую такую, выдёргивай, она ещё не заревела, когда вытащила чёрную метку. Утром я возвращу, не жениться же мне на простушке. У неё ещё глазища, как у совы, Херил.

«Уж не на ту ли тугощёкую нацелился рогатый?» – всполошился Тесей. Что-то отвратительное он слышал о заклятии, наложенном на любострастного Миноса его женой Пасифаей. Ещё загубит старый козёл девчонку! Додумывая возражение на ходу, он закричал:

– Царь Кипра великий и справедливый Минос! Это я, царевич Тесей, к тебе обращаюсь. Нельзя тебе приголубить Перибею! Ведь дань должна состоять из подростков, не знавших брака!

Челнок болтался в воде уже рядом с бортом «Полибии». Тесей и Херил прибежали к этому месту с носа. Девушки завели тихий совместный плач. После недолгого размышления царь Минос выкрикнул:

– Вот ведь пристал! Если я правила придумал, то я их и отменить могу. Спускайте девицу в челнок!

– Великий царь! Позволь напомнить тебе, что ты ответил, когда я предложил совсем отменить эту ужасную дань. Ты сказал: «Устанавливая сей обычай, я заручился поддержкой

многих бессмертных. Боги меня бы не поняли». А вот теперь, ради мимолётного удовольствия, ты всё же рискуешь испытать гнев обитателей Олимпа?

– А ты рискуешь вызвать мой гнев, бывший царевич, завтрашний завтрак для Минотавра! И какое ты имеешь право напоминать мне, признанному сыну Зевса, о воле богов? Разве ты имеешь какое-либо отношение к бессмертным? Или ты веришь, несчастный лгун, в сказку, будто твой отец Посейдон?

Тесей подавил гнев. Желая, чтобы у спора стало побольше свидетелей, прокричал:

– Ты, великий царь, имеешь право не верить, что я сын великого Посейдона. Однако я хочу напомнить тебе, что ты сейчас во владениях этого гневливого бога и в его власти. Твоё желание поразвлечься с девушкой из афинской дани может крепко ему не понравиться!

– Я не желаю выслушивать советов от ничтожества. Однако я не могу не согласиться даже с тобой, пустым местом и лгуном, что поступки и побуждения всеблагих могут казаться нам, смертным, непознаваемыми. Верни мне из моря этот перстень – и я поверю, что ты не обманщик, а настоящий сын великого Посейдона.

Какой ещё перстень? Однако на глазах у изумлённого Тесея и полусотни, не меньше, зрителей царь Минос действительно стащил с указательного пальца большое кольцо с рубином и, размахнувшись, бросил его в море. И не успел ещё опасть фонтанчик в нескольких плектрах от челнока и чуть подальше от носа афинского судна, как Тесей сбросил гиматий, взобрался на борт «Полибии» и, как был, в хитоне и с дубинкой за поясом, прыгнул в воду.

Сам не зная почему, царевич надеялся перехватить перстень, пока он не упал ещё на дно, однако не учёл, что на закате в море темнее, чем на суше. Усердно гребя руками и ногами, он преследовал вещицу, быстро уходившую на глубину, покамест золотое кольцо не превратилось в неясную чёрточку, а там и вовсе растворилось в сине-зелёной пучине.

У ныряльщика и воздух заканчивался. Неужто пора возвращаться на поверхность и придумывать, как объяснить неудачу и выйти из неё с наименьшими потерями? Тут море вокруг него неярко осветилось, и он задышал так, будто на земле, только после пробежки. Когда пятно света приблизилось, Тесей увидел, что это плоский камень, покрытый яркими светло-зелёными пятнышками, и его держит малорослое существо, сверху до подмышек чернобородый мужчинка, а ниже до самого конца туловища – рак. То самое создание, что поддерживало его в воде, когда беседовал он с богинями Афиной и Амфитритой.

– О! Ты здорово вырос! Здравствуй, Тесей! – произнес человекорак вполне разборчиво. – Я океанид Онисим, слуга твоей мачехи богини Амфитриты.

– Здравствуй, Онисим! Правильно ли я понял, что моя вторая божественная мать послала тебя мне в помощь?

– Да, конечно же, сейчас помогу... Хотя и терпеть не могу, когда вы, нахалы из суши, бросаете в нас сверху всякой дрянью.

– Ничего себе дрянь! Золотой перстень с рубином...

– Теперь на дно! Нам повезло, что под нами песок. Если бы водоросли или камни, полгода бы искали. И что – разве трудно было бросить кольцо в полдень? И ещё: не бери в следующий раз с собою оружие: мы тут люди мирные...

– Да это всего лишь пастушеская дубинка, окованная медью. Мне с нею, Онисим, легче было опускаться.

– Зато подниматься будет труднее, хитроумный Тесей.

А вот и песчаное дно. Онисим сплавал в сторону и, прежде чем Тесей почувствовал себя неловко в почти полной темноте, вернулся с веткой «морского винограда». Воткнул её в песок и, вооружившись мягко светящимся камнем, принялся нарезать вокруг неё круги. Вскоре Онисим довольно фыркнул, но уже и сам царевич увидел, как на песке мутновато сияет золото кольца.

Тесей подхватил перстень и надел себе на большой палец. Поблагодарил Онисима, пожал ему холодную маленькую ручку, попрощался и принялся выгребать наверх. Быстрее, чем он рассчитывал, возникло рассеянное свечение поверхности и на нём три вытянутых чёрных овала – смолёные днища двух кораблей и челнока. Царевич взял немного вправо и выскочил из воды, как дельфин, вблизи челнока, но от него в сторону моря.

Раздались охи и крики.

Тесей подплыл к челноку и ухватился за борт перед царём Миносом. Протянул к нему правую руку:

– Сними, великий царь, сам с большого пальца, – выговорил, задыхаясь. – Боюсь я снова уронить твой перстень в воду.

Минос стащил перстень, внимательно его осмотрел и вернул на свой палец. Пряча глаза, сказал:

– Ты, Тесей, отсутствовал больше четверти часа. Я уж подумывал, не отдать ли команду поднимать якоря.

Царевич только плечами пожал. Оттолкнулся от борта челнока и поплыл к «Полибии». Услышал, как вдогонку выкрикнул царь Минос:

– Я тут подумал.... Что ж, в твоих словах есть резон... Я не буду забирать Перибею! Гребцы, разворачивайте челнок к «Ястребу»! А тебе, Хлоя, придётся снова сыграть на моей флейте Пана.

И, к изумлению Тесея, показал флейтистке на один из своих рогов. Тесей снова обернулся к близкому уже афинскому кораблю и с помощью гребцов благополучно

взобрался на борт. Ему пришло в голову, что неплохо бы напомнить флейтистке, что ей следует вернуться к хозяину в Афины, но решил не дразнить лишний раз властителя Кносса. Он прислушивался, не скажет ли чего ещё мудрый царь Минос, когда услышал за спиной скрипучий голос Херила:

– Вот теперь ты в тройной опасности, безрассудный юнец. Наш царь никому не прощает таких побед над собой, пусть он и пьян был.

Увы, Тесей пропустил мимо ушей это предупреждение, тем более весомое, что прозвучало из уст заведомого врага. Отдышавшись, он пошёл утешать испуганную, надо думать, Перибею.

Глава 13

В начале Лабиринта

Афинская агора на Крите и речь Минотавра

Яростное южное солнце вошло над Критом. Могучего бога Гелиоса, укрытого за его сверкающей короной, Тесею не удалось рассмотреть. А когда перевёл он взгляд сощуренных глаз на царевну Ариадну, то и вместо девушки увидел красное пятно.

Из огненного круга прозвучало:

– Ты говоришь со мною, пришелец, таким голосом, будто я тебе чем-то обязана. А я, дочь царя Миноса, ничем тебе не обязана. И тем более не обязана помогать.

Тесей стиснул зубы. Конечно же, он предпочёл бы иметь дело с сиротой. Тогда ей, дочери мёртвого повелителя Кносса, пришлось бы угождать живым царям и героям, чтобы занять место под солнцем, достойное её царского происхождения. И девичьей привлекательности своей. Да, пожалуй, что и привлекательности. И тогда за её, сироты, спиной, не стоял бы десяток критских воинов в полном вооружении. А чуть позади царевны – Херил, их чванливый начальник, отвечавший за доставку очередной живой дани из Афин в Кносс. Но, увы... Тесей произнёс почтительно:

– Если ты, добрая царевна Ариадна, захочешь помочь мне, я буду только рад, разумеется. И постараюсь отблагодарить тебя. Но почему не вышел к Лабиринту твой отец, справедливый царь Минос?

Теперь Тесей уже разглядел, как шевелятся красиво изогнутые губы царевны.

– Мой отец после морских путешествий встаёт с ложа поздно, любит поспать поутру на суше. И почему это, Тесей, что бы ты не говорил, всякий раз будто насмехаешься надо мной? Стоит ли мне помогать тебе, невежливому пришельцу?

Царевич из Аттики заставил себя улыбнуться. Красное пятно больше не скрывало от него Ариадны, и, если бы не серьёзность момента, он сейчас с удовольствием полюбовался бы изящно одетой и обдуманно причёсанной девушкой. И чернокожую рабыню, что держит над нею пёстрый зонтик, осмотрел бы со вниманием. Произнёс примирительно:

– Осмелюсь заметить, златообутая Ариадна, что до сих пор я не позволил себе ни одного нескромного жеста или взгляда, и даже слова в отношении тебя. Но скажи мне, что ты прячешь сейчас за спиной? Уж не оружие ли?

Тут из толпы у юного героя за спиной раздались громкие горестные вздохи. Там шесть юношей и семь девушек... на самом же деле восемь юношей и пять девушек, но об этой хитрости ему недосуг рассуждать. Главное, что не обошлось без девушек. Бедняжек длинноволосых хлебом не корми, а дай повздыхать и поплакать. Сейчас повод для девичьих слёз достаточный, ничего не скажешь. Тем временем Ариадна соизволила, наконец, ответить.

– Поверь, что я, слабая девушка, и вздумать не могла замышлять подвох против тебя, такого красивого... То есть я хотела сказать, что сильного. Со столь толстой шеей. Славного победителя Кроммионской свиньи. А прячу я... Да вот, возьми, пришелец, а то мы ещё поссоримся и мне не захочется отдавать тебе средство, чтобы возвратиться из Лабиринта, – и она, вернув руку из-за спины, протянула Тесею вроде как веретено с тупыми округлыми концами и намотанной на нём позолоченной нитью.

Царевич принял моток с поклоном. Однако спросил недоверчиво:

– А в чём сила этой нитки, благородная Ариадна?

– У тебя в руке поистине путеводная нить, пришелец. Если ты пройдёшь Лабиринт, разматывая её за собой, и если братец мой сводный Минотавр не убьёт тебя и не превратит в запас провизии, – тут над толпой взметнулся плач, и Тесей в гневе притопнул ногой в золочёном сандалии, – то сможешь, сматывая нить, вернуться по ней к выходу.

Герою понадобилось всего несколько мгновений, чтобы оценить подарок Ариадны.

– Как просто! И до чего ж остроумно! – пожирая глазами веретено, воскликнул он. – Если это твоя, Ариадна, уловка – ты самая мудрая девушка во всей Элладе! Да что я говорю? Ты земное воплощение всеблаготворительности Афины, и я поставлю твою статую в храме Афины Колокасии в Сикионе!

– Да уж, п-п-превосходное средство, – отозвался из толпы молодёжи юный Солон, хоть мнением его никто не интересовался.

– Где уж мне, глупой девице, придумать такое? Средство это изобрёл Дедал, знаменитый на всю Элладу выдумщик и мастер, – потупилась Ариадна. И покраснела, словно похвала красавца Тесея относилась всё-таки и к ней.

– Дедал? Тот самый афинский мудрец, построивший Лабиринт? – удивился Тесей. – Выходит, он сначала позаботился, чтобы из Лабиринта никто не смог выйти, а потом придумал способ, как его сооружение покинуть...

– Объяснение тут п-п-простое, – беспардонно, не стесняясь своего заикания, встрял в разговор царских детей Солон, сын афинского горшечника. – У Дедала были цари в п-п-п-предках, но род его давно обеднел. К тому он бесправный изгнанник из моих родных Афин. Здесь он п-п-простой ремесленник, мастерит, что п-п-прикажут ему. Велел здешний царь Минос построить Лабиринт – он и построил. Попросила царевна Ариадна п-п-придумать, как выбраться из Лабиринта – он и...

– Как ты догадался, незнакомец, что это я просила хитроумного Дедала? – снова покраснела Ариадна, и Тесей на сей раз отметил мельком, что румянец ей к лицу.

Мельком отметил, потому что он тогда обдумывал, как применить путеводную нить. Надо, в частности, закрепить внешний конец. Вдруг встрепенулся – и властным движением руки остановил Порфириона, когда тот принялся рассуждать о природном милосердии благородных девственниц, тем более посвящённых богам. Поклонился снова (авось шея не заболит) и сказал:

– Тогда прими мою искреннюю благодарность, добрая Ариадна... Однако хорошо бы тебе наступить на конец нити твоей пёстрообутой ногой.

– Вот ещё! Найди камень потяжелее. И поспеши – солнце уже высоко.

Тут молчаливый Идас подошёл к Тесею, жестом показал ему, чтобы позволил возвращаться «веретену» у него в ладонях, отмотал нити на десяток локтей, протянул её позади одного из двух критских воинов, маячивших у ворот (тот только проводил нить взглядом) и привязал конец к бронзовому кольцу, вмурованному в каменный столб. Тесей поймал себя на том, что доселе не замечал воинов-критян у Лабиринта, будто и нет здесь постовых: не любил он смотреть на людей, которых, вполне возможно, предстоит убить.

Он повернулся к табунку юных афинян и афинянок, прямо скажем, странновато выглядевших посреди Кносса, причудливой и в чём-то варварской столицы Крита. Произнёс проникновенно:

– Юноши и девы из благословенных Афин! Сейчас мы войдём в Лабиринт – я первым, вы за мной. Девы! Вас я убедительно прошу не рыдать, потому что тем самым вы даёте знать Минотавр, что мы уже приплыли и в Лабиринте. Станет страшно – плачьте беззвучно. Юноши! Как только углубимся в Лабиринт достаточно глубоко, чтобы не бояться чужих ушей, я устраю собрание. Да, нашу маленькую афинскую агору. А сейчас просто следуйте за мной и, что бы вы не увидели, не пугайтесь. Да, забыл я... Не вздумайте наступать на нить, а то порвёте её.

И решительно направился к воротам. Засов на них был откинут. Однако воин, стоявший у правого столба, сделал шаг влево и преградил путь герою, толстым пальцем показывая на дубинку у него за поясом. Что ж, этого следовало ожидать. Тесей обернулся к Херилу и, тщательно выговаривая слова, объяснил:

– Ваш царь, справедливый Минос, запретил проносить в Лабиринт оружие брани. Оружие брани, уважаемый Херил, именно так сказано царём! У меня же простая пастушеская дубинка.

– Большая и окованная медью, подобно боевому копьё, – скользнул военачальник по дубинке своими выцветшими глазами. – Я рассмотрел её на корабле. Мог бы и не трудиться, пытаюсь спрятать оружие в складках плаща, Тесей.

– А почему бы пастуху не оковать свою палицу, чтобы не развалилась? – показал ему герой свои молодые белые зубы. – Ваш царь, справедливый Минос, не возражал против неё. Вот и царица Ариадна может подтвердить.

И обернулся к Ариадне за подтверждением. Та, помолчав, выговорила неохотно:

– Он ведь и в самом деле царевич, а стал частью афинской дани добровольно. И красавчик такой... Имеет право на послабление. Так что пропусти отчаянного храбреца, будь добр. Но дело вовсе не в дубинке, Херил. Этот афинянин мечтает убить моего единоутробного брата Минотавра. Разве, если ему вдруг удастся такой подвиг, многие здесь не вздохнут с облегчением? И мой отец царь Минос тоже, кстати.

– Только не мать твою, быклолюбивая царица Пасифая, позорище Крита, – проворчал Херил и сделал знак воину. В глазах того промелькнуло что-то человеческое, он тяжело шагнул в сторону столба, пропуская Тесея.

Ещё одна маленькая победа! Одарив благодарной улыбкой царевну Ариадну, Тесей с усилием потянул на себя створку ворот. Стержни заскрежетали в каменных гнёздах, и навстречу герою хлынула вонь – теперь полноценно ощущаемая, она чувствовалась прежде в воздухе источником неясного беспокойства. Едкий, пронзительный дух фекалий и тошнотворный смрад трупов отвратно соединялись в ней. И это при том, что глиняные стены хода выглядели хорошо обработанными, гладкими и пол из каменных плит – чистым.

Разматывая за собой нить, Тесей лёгким шагом преодолел расстояние до поворота. Позади раздавались частые шлепки сандалий, а затем прозвучал скрежет запираемых ворот. Он наставил ухо: а вот и стук дубового засова. Царевич положил руку на рукоятку дубинки, сделал глубокий вдох, решительно повернул за угол – и оказался перед таким же, каким пришёл, пустым отрезком лабиринта. Что ж, опасение, что Минотавр может подстергать свою добычу прямо у входа, можно отбросить. Хотя бы и потому, что оно предполагает у чудища в черепе под рогами мозги человеческие, а не бычьи: иначе как бы нашёл дорогу?

А если мыслил бы Минотавр по-человечески, то давно бы уже из узилища сбежал, сумел бы, заручившись поддержкой богов, очиститься после убийств и устроиться на свободе, как люди живут. Мать у него женщина, у самого только голова бычья, а в Ойкумене, слава богам небесным, места хватает на всех. Жениться ему вряд ли удалось бы, но рабыней вполне мог бы на мамашины монеты обзавестись. Однако зачем тратить дорогие мгновения на далёкого отсюда Минотавра? Самое время ведь наедине подумать о том, стоит ли похищать Ариадну, не доведя до сладкого конца приручение большеглазой вострушки Перибей. Ему пришло в голову, что с царевной не выйдет поступить так же просто, как с дочерью обычного свободного дорийца или ионийца. На ней надобно бы жениться, вот что... Однако при одной только мимолётной мысли о женитьбе Тесея охватила вдруг такая чёрная тоска, что он забыл, где находится. Очнувшись, посмеялся над собой. Ах, царевна... Кроме угаданного на её щеках румянца, груди у Ариадны ему приглянулись, и тотчас же, как только вспомнил о них, встали перед глазами – славненькие такие и упругие с виду, а соски золотом подкрашены... Э, да вот и поворот.

Тесей высунул голову и не сразу сообразил, что поднятая на высоту нескольких ступенек комнатка без крыши вполне годится, чтобы устроить собрание. Вот он и наверху. Достаточно оказалось нескольких беглых взглядов на стены, чтобы понять, что сделанный им выбор не идеален: на фресках Минотавр, стройный и мускулистый, будто дискобол, рвал на части и пожирал испуганных парней и девиц. Вот когда длинноволосые создания завершат! Но делать нечего: строитель и художник не оставил им другого прохода. Вот спасибо тебе, Дедал! Припомнят ещё тебе эту каверзу памятливые боги...

– Подходите ко мне безбоязненно! – выкрикнул Тесей. И усмехнулся: сейчас выяснится, кто из юношей смелее других. Силач Федим, переодетый девой Агамед или, быть может, ревнивец Менесфей, сын Петеоя? Но уж точно не Солон и не Антимах... Итак?

Из-за угла высунулась голова Агамеда, он же мнимая дева Астерия. Мужская причёска «кробил» переложена в женскую, глаза подведены жирной сажей, брови и ресницы подкрашены сурьмой, с щёк стекают румяна – что ж, с такого расстояния на девушку смахивает-таки, а вблизи уж точно женоподобный поклонник Афродиты Урании.

– Давайте сюда все! – махнул рукой Агамед, обернувшись.

Первым, по-женски семеня, взобрался он по ступеням, огляделся – и закусил губу. За ним и вся толпа забилась на площадку. Наступила тишина. Резко запахло потом. Агамед возмущённо вытаращился, второй переодетый, Антимах, обведя взглядом фрески, закрыл рот рукой. Идас задумался. Федим беспомощно оглянулся на Тесея, а Менесфей заслонил собой от фресок Гесиону, скривившуюся, чтобы зарыдать в следующее мгновение. И вся

стайка настоящих девушек, прижавшись друг к дружке, готова была поднять совокупный горестный плач, однако Тесей успел выкрикнуть:

– Молчать, афинские сороки!

Он протиснулся сквозь толпу, спустился по ступеням и встал, подбоченившись, прямо перед площадкой. Они повернули к нему головы. От картинок-страшилок испуганные глаза оторвали, и то хорошо. Теперь удержать их внимание, вот в чём главная задача.

– Испугались? – спросил Тесей и, не дожидаясь ответа, продолжил напористо. – А для того и были размалёваны эти стены, чтобы нас, живую дань, сразу же напугать и лишить воли к сопротивлению. Теперь, когда вы уже знаете замысел художника, ваш страх наполовину уменьшился. Ну-ка, прислушайтесь к себе! Ведь меньше уже боитесь, разве нет?

Юный народец дружно уставился на него. Перибей, большеглазая, будто Керинейская лань, криво усмехнулась, зато на лицах Идаса и Солона он распознал понимание, а Федим и Агамед, похоже, попросту разозлились. Не позволяя слушателям опомниться, Тесей предложил:

– А теперь, когда ужас ваш почти растаял, давайте все вместе присмотримся к нарисованному на стенах. Быть может, извлечём что-либо полезное для победы над Минотавром.

Тут живая дань начала сновать вдоль стен, приглядываясь к страшным фрескам – девушки и Антимах с брезгливыми гримасками. Изменения в толпе живо напомнили Тесею сложный, с перестроениями, танец, виденный в Дельфах. Наконец, созерцатели стеной живописи угомонились и снова повернулись к царевичу.

– Итак, пришли ли вам в голову...? О Афина Агорайа! Как же это я забыл? Это же у нас собрание! Вы согласны ли, афинские юноши, чтобы я был его председателем?

– Кому же, как ни тебе, царевич, вести агору? – тотчас же, явно бездумно, отозвался Федим. Этот могучий почитатель Тесея, по-видимому, продолжал переваривать увиденное.

– А вы, б-б-олтушки, молчите теперь, как рыбы! – прикрикнул Солон. – И скажите спасибо п-п-председателю, славному Тесею, если он не п-п-прикажет вам заткнуть уши и закрыть глаза до окончания нашей агоры.

– Ни в коей случаю не отдам такого нелепого приказа, Солон. Ведь у нас здесь юношеская, ненастоящая агора. А если девушкам всё-таки, согласно древнего обычая, не принято на собрании присутствовать, я никогда бы не стал удалять их, беззащитных, вглубь Лабиринта или принимать меры, о коих ты сказал. Более того, – тут Тесей возвысил голос, – я прошу наших спутниц внимательно выслушать всё, что будет тут сказано. Ум хорошо,

а два лучше, и агора всегда умнее одиночного мудреца-горожанина. Если какую-нибудь из вас Афина Совеокая просветит своей мудростью, и ей придёт в голову полезная для всех нас идея, пусть такая умница догонит меня, когда мы продолжим путь. Я по-прежнему пойду первым, чтобы раньше других встретиться с опасностью.

Девиды потупились на всякий случай, а Перибей позволила себе хихикнуть.

– Итак, у кого из вас возникли полезные для нашей дружины соображения?

Юноши переглянулись. Прокрит, простоватый сын булочника, со снопом волос цвета соломы и, как солома, неподвластных расчёсыванию, поднял руку:

– Прошу слова, славный царевич! – и, получив позволение, выпалил. – А Минотавр по природе своей действительно такой же, как на расписанных стенах? Доводилось мне слышать, что он вроде кентавра, только туловище у него бычье.

– Да, и мне в Афинах описывали Минотавра, как ты сказал, Прокрит, – улыбнулся герой. – И будь наш враг таким, мне пришлось бы легче. Ведь едва ли копыто быка более смертоносно, чем лошадиное. Но увы! Минотавр, как и на стенах, в действительности – мощно сложенный мужчина с бычьей головой, и рога – самое опасное для нас его оружие. Собираясь на Крит, я прихватил с собой мешочек с золотыми безделушками, оставшийся в палатах после бегства Медеи, ну, не важно... А во время плавания раздал их Херилу и рядовым критским воинам, выспрашивая их о Лабиринте и Минотавре. Да, это человекобык, умеренно покрытый шерстью. И с бычьим хвостом.

– Прошу слова! – поднял руку Агамед, и Тесей безотчётно кивнул.

Между тем, стайка девушек застыла в изумлении, а Солон воскликнул:

– П-п-протестую! Девицам не п-п-позволено выступать с речами на собраниях – даже и засидевшимся в девках, как наша мужеподобная Астерия.

– Вижу, пришла пора, – развёл руками Тесей, – выставить все фишки на доску. Знайте же, что перед отплытием я сумел подменить двух девушек, выбранных по жребью, двумя парнями, одетыми в яркое платье, обутыми и причёсанными по-девичьи. Да, и покрашенными тоже.

– Стоило ли гневить богов мегарской шуткой дурного пошиба? – прогнусавил ошеломлённый Порфирион.

– Ответ на твой вопрос мы все получим к исходу дня, – невесело усмехнулся Тесей. – Дело в том, что среди вас, юноши, избранные по жребью, не оказалось опытных воинов, а мне необходим боец, способный заменить меня, если буду побеждён Минотавром. Славу мы с ним поделим в этом несчастливом для меня случае поровну. Возможен и другой исход: я погибну, но при этом и Минотавра прикончу, тогда вам понадобится другой вождь, чтобы вернуться в Аттику. Храбрый Агамед (это он просил слова) отличился в двух сражениях и

сам попросился помочь вам. Ну, а милейший Антимах, известный вам как Коронида, не захотел отпускать друга одного. Тебе слово, Агамед.

– Скажи, хитроумный царевич, должны ли мы с Антимахом и в Лабиринте притворяться девицами?

Подумал недолго Тесей и кивнул утвердительно. Пояснил:

– Нападая на Минотавра в девичьем обличе, ты притупишь его бдительность. Когда речь идёт о жизни и смерти, даже такая мелочь способна опустить чашку весов. Поэтому потерпи ещё немного, храбрый Агамед. Ты же, Антимах, уже можешь очистить лицо и перемотать по-мужски плащ, если тебе припекло.

– Жаль, хитроумный царевич. А я уж мечтал, что сотру сейчас с лица проклятые краски... – скривил силач покрашенный рот.

Тут, не спросив разрешения, затарахтел Антимах:

– Слышь, дружок Агамед, у нас тут нет воды. Если бы ты принялся стирать свою красоту с лица руками, размазал бы только... И едва ли напугал бы чёрно-красной рожей противного и вонючего Минотавра. А я, могучий царевич, и не подумаю возвращаться к мужскому облику, пока меня милые девицы не заставят. И нечего глядеть на меня столь презрительно, гордые афинские девственницы, мы вовсе не нарушили благопристойности. Мы ведь с Астер..., то бишь с Агамедом на корабле всегда по малой и большой нужде приседали на край борта только вдвоём, как близким подружкам и прилично. Поверите ли, но дни, что я провёл в дорийском хитоне и пеплосе, были лучшими в моей жизни, и если мне суждено сегодня умереть, то пусть я последние свои земные мгновения пробуду в девичьем обличе! В детстве я любил украдкой накидывать благоуханные одежды старшей сестры...

– Помолчи, Антимах! – рявкнул тогда Тесей. Рассмеялся невесело. – Останемся живы, тогда расскажешь. Говори, храбрый Агамед.

– У меня не было с собой золота, чтобы подкупить критских гоплитов, однако я сумел поговорить по душам с одним из них. Мужлан, правда, пытался меня пощупать... но я щекотки не боюсь. Этому Главку доводилось охранять вход в Лабиринт, и он говорил, что рёв Минотавра слышен был из разных мест замысловатой темницы. Так вот, он рассказывал, что после ливней к воротам Лабиринта вода выносила нечистоты и кости, человеческие тоже. Ещё лохмотья тлеющей кожи. К воротам приставлен раб. Он убирает на лужайке, а если крупные кости застревают перед щелью под воротами, подбирает их, – тут девушки заохали, и Антимах с ними, а Агамед продолжил невозмутимо. – Ночами на корабле у меня было время подумать. Вот представим себе, что у нас нет никакой надежды на царевича Тесея, а мы, подобно несчастным из первой и второй дани, доставлены сюда

на верную смерть. Нам не было бы никакого смысла продвигаться в середину Лабиринта, где у Минотавра логово. Мы, чтобы продлить свою жизнь, или сгрудились бы у ворот, или попробовали бы спрятаться в хитросплетениях ходов – замысел вполне нелепый. Но если кости потоком воды были вынесены к воротам, это значит, что и убийства, и ужасная трапеза Минотавра происходили, по крайней мере, в одном случае из двух, недалеко от ворот.

– Разумно, Агамед, – помедлив, признал Тесей. – И, кажется, я уже понял, какой вывод следует из твоих рассуждений...

– Вывод простой, даже два простых вывода, хитроумный царевич. Первый: Минотавр может напасть на нас в любом месте Лабиринта: от ворот начиная, а отныне от этого каменного помоста и до его берлоги где-то посредине. Второй. Ты сейчас занял неудобную позицию, Тесей. Если чудовище нападёт прямо сейчас, оно с разгона проломится через девушек, а нас, парней, сбросит с помоста на тебя, и ты рискуешь сразу же проиграть бой. Мы же все будем обречены.

Тесей пунцово покраснел.

– Молодец, Агамед! – собравшись с духом, воскликнул. – Расступитесь, друзья и подруги! А ты, Федим, следуй за мной.

Он поднялся по ступеням, прошёл через толпу (рядом с девушками смрад Лабиринта странно смешался с благовониями), спрыгнул на прямое продолжение хода, пробежал его до конца – и осторожно выглянул из-за угла. Покачал головой и подозвал к себе Федима.

– Стой здесь, только голову выставив из-за угла. Услышишь шум, увидишь Минотавра – кричи, называя его имя, и беги ко мне, как можно быстрее беги, будто на состязаниях. Держись правой стены. Понял, зачем?

– Да понял я, царевич, понял. Буду только рад помочь тебе.

Тесей кивнул, довольный ответом. Не в последнюю очередь именно Федима назначил он дозорным, потому что тот один, подражая ему в причёске, выстриг волосы ровной чёлкой надо лбом.

А Тесей возвратился к площадке и снова стал напротив неё, теперь с другой, опасной стороны. Юноши успели поменяться местами с девицами и были готовы продолжить агору.

– Агамед, ты имеешь ли что ещё сказать?

– Да, мудрый царевич. Поскольку столкнуться с Минотавром мы можем в любое мгновение, хорошо бы тебе пояснить нам, мужчинам, чем мы сможем помочь тебе в бою с чудовищем.

– Разумно. Антимах, при появлении Минотавра ты должен подбежать ко мне и принять вот эту палку с намотанной на неё нитью. Тебе придётся прижаться к стенке и

натянуть нить, чтобы её не растоптали твои храбрые товарищи. Если мы угробим чудище, по нити следуя, оставшиеся в живых сумеют выйти из Лабиринта.

– Будет сделано, командир, – поклонился Антимах.

У Тесея промелькнуло в голове, что он удачно дал поручение переодетому девушкой. Кому же ещё, как не девице, орудовать веретеном? Царевич сосредоточился и продолжил:

– Теперь о главном. Я решил, что ударю Минотавра своей дубинкой между рогов. Если он выбьёт у меня дубинку и не успеет пронзить меня рогом, я постараюсь схватиться обеими руками ему за рога и повиснуть, затрудняя врагу движение. Дубинка тогда отлетит, а в какую сторону, сейчас предсказать невозможно. Но вы не зевайте! Каждый, перед которым она упадёт, должен поднять её и мгновенно передать Агамеду. Если к девушке подкатится дубинка, она должна поступить точно так же. Ты же, Агамед, бей изо всех сил чудищу по ногам, стараясь попасть в колено или внизу голени. Надеюсь, что там Минотавр не будет ожидать нападения. Он упадёт, а на земле станет более уязвимым. Если у тебя, надежда моя Агамед, ничего не выйдет, дубинку следует снова поднять и передать Федиму. В любом случае сражайтесь до конца. Бейтесь вы, если я погибну! Вы не жертва богам, вы – дань. А дань имеет право защищать свою жизнь! Сдаваться Минотавру бессмысленно, убьёт ведь всё равно, только чуть попозже. Оружие у нас надёжное.

– Так п-п-поведай нам о своей дубинке, славный царевич, – попросил Солон.

Тезей достал дубинку, взял в руку, привычно помахал ею.

– Выстругана из ветви самого твёрдого в Греции дерева, коринфского дуба. Окована для крепости красной медью. Я забрал её себе как трофей, убив в Эпидаврской земле разбойника Перифета. Он едва не сломал этой палицей мой славный меч, отцом моим царём Эгеем оставленный для меня под камнем. А эту палицу я решил носить всегда за поясом, подражая родичу моему знаменитому Гераклу: тот, как всем известно, одевает вместо плаща шкуру, снятую с убитого им Немейского льва как зримое свидетельство своего подвига. Так и эта палица как бы говорит: «Своего нового хозяина не смогла я сокрушить, зато в его руке я победоносна». Правду сказать, доселе я брался за неё, если противник мой представлялся мне недостойным смерти от царского меча. К примеру, ею я прикончил ужасающую воображение своими размерами и сверх меры свирепую Кроммионскую свинью. Ну, и заставила же меня эта хрюшка побегать...

– А чьей она работы, твоя палица? – осведомился скрытый широкими плечами товарищей Порфирион.

– Самому интересно. Мало на свете мастеров, способных так ловко облечь в медь деревянную основу. Злобный Перифет называл себя сыном Гефеста, но не хвалился,

насколько мне известно, что божественный кузнец подарил ему палицу. Однако она так крепка, что я подозреваю всё же работу Гефеста Хромононого.

– П-п-прошу слова! – поднял руку Солон. – Не кажется ли тебе, славный царевич, что слишком много богов будет п-п-препятствовать твоему подвигу?

– Послушай, Солон, – улыбнулся Тесей. – Давай поговорим об этом наедине, а? И пригласим к беседе Порфириона. Он много знает о богах и тоже их сильно боится.

– Да потому и боюсь, что знаю их! – выкрикнул Порфирион и снова спрятался за товарищей.

– Ладно. А есть ли у тебя, Солон, что сказать о нашем положении в Лабиринте?

– Конечно. Я п-п-поддерживаю догадку Агамеда, и вот какой у меня аргумент. Почему-то никто из вас не сообразил, что четырнадцати мёртвых человеческих тел для Минотавра недостаточно, чтобы п-п-прохарчеваться в течении девяти лет и дожждаться, пока п-п-приплывёт новая живая дань. Говорят, что для него в Лабиринт заталкивают преступников, осуждённых на смерть. Несомненно, урота периодически кормят, и не только человечинной, вот только едва ли заносят еду и питьё слишком глубоко в Лабиринт. А это значит, что дорогу к воротам из своей берлоги он ведаёт. Иной вопрос, откуда, и какой источник этого его знания...

– Прости, умница наш Солон, но и это обсуждать сейчас не время. Кто ещё хочет высказаться? Ты, Идас? Мы слушаем тебя.

Идас, сын владельца харчевни, отличался молчаливостью. Не удивительно, что его желание выступить на агоре заинтриговало Тесея, и не его одного: над площадкой повисла тишина, только одежды легонько шуршали, и одна из девиц шмыгала носом.

– Прошу слова, значит... Ах, да. Я о воних хотел поговорить. Премудрый Дедал построил Лабиринт таким образом, чтобы он сам очищался дождями. Полы в Лабиринте постепенно поднимаются к центру, иначе такое не устроить. Но вот мы стоим на возвышении, отсюда прах и всякая грязь смыты ливнями, отчего же здесь смердит, как и на гладких ходах, а то и отвратнее? Да потому, что хоть и проведена внизу помоста труба, многое во время ливней застревает перед помостом и загнивает. Посмотри, царевич и председатель, так ли это?

Тесей присел на корточки. Скривил нос, а присмотревшись, присвистнул.

– Да, ты прав. Труба наполовину забита, а под помостом хватает всяких нечистот. Кости тоже белеют. Вот только не возьму я в толк, Идас, к чему нам сейчас разбираться, где сильнее воняет в клятом Лабиринте, а где слабее?

– Просто я слышал на судне от критян, что здесь есть не только поднятые над полом комнаты, вроде этой, но и опущенные ниже его уровня. Ясно, что дождевая вода сливается

в них, собирая кашки и чего похуже. Нам придётся или переходить такие смрадные подвалы вброд, молясь всем небесным богам, чтобы монстр не застигнул нас на переправе, либо поджидать Минотавра с нашей стороны спуска. Кроме того, если клоака начинается сразу за углом обычного прямого хода, чудищу будет удобно устроить там засаду.

Тесей повесил голову, задумавшись. Потом сказал:

– Благодарю тебя, Идас. Лучше нам, увидев такой смрадный подвал, высылать вперед лазутчика, вот как я сейчас Федима. Если в ближайшем прямом ходе он не обнаружит Минотавра, мы как можно быстрее переправимся снова на сухое. Думаю, юноши перенесут девушек. Мне же вовсе не улыбается сражаться с Минотавром, вынырнувшим из клоаки, мокрым и обмазанным нечистотами, будто борец, умастивший свою кожу перед состязанием. Дубинка может соскользнуть, да и мало ли... Что тебе, Менесфей?

– Я прошу слова, царевич, – промолвил Менесфей, выталкивая вперед Гесиону. – Если наша агора продолжается, и я имею на это право, на высказаться.

– Говори. Хоть, правду сказать, ты нас всех достал на корабле своей ревностью.

– Это не ревность, царевич, а защита моих прав обручённого с Гесионой. Таким вот образом.

– Всё хотел я тебя спросить, – осведомился Тесей небрежно, будто думал о чём-то другом, – как так вышло, что вы, обручённые, были выбраны по жребью?

Менесфей почесал в лохматой голове. Выпал ответ, будто давно его уже продумал:

– В том, что из амфор мы с Гесионой вынули по чёрному камешку, проявилась, дело ясное, воля богов. А что мы с нею, будучи обручёнными, подданы были жеребьёвке, это плод людской несправедливости, не иначе. Жирные иеротопы отправили нас под жребий только потому, что мы с Гесионой не знали брака, ведь бедняков все притесняют.

– Я обдумал то, что с тобой произошло, сын метельщика, – презрительно прогнусавил Порфирион. – Как ни крути, а у богов проявилась тройная воля отправить тебя и твою избранницу на съедение Минотавру. Это когда вас обоих несправедливо включили в список, когда ты получил чёрную гальку, и когда – удивительное совпадение! – такая же досталась и твоей невесте. Ты любимчик богов, Менесфей!

– Заткнись, гугнивый. На корабле я был разлучён с невестой, а переодетые мужики спали среди девок и похабно лапали их, небось. Это поруха для девичьей чести Гесионы, и это нарушает мои права как жениха.

– Вот ведь смешной какой мужлан! – ударил руками в полы Антиох, ехидно при том захихикав.

– Дурак ты, Менесфей! Неужели ты до сих пор не понял, что боги не желают твоего брака? – протянул Порфирион. – И что только герой Тесей дарит тебе надежду развязать пояс на невесте по всем вашим мужичьим правилам?

А тут и могучий Агамед, теперь, когда он не считал нужным подражать девичьим ужимкам, выглядевший в женском обличье отменно нелепо, собрался с мыслями.

– Да прояснит твои, Менесфей, невежественные мозги Афина Советная! – воскликнул. – Как у тебя хватает совести пенять на военную хитрость? Она ведь может спасти всем нам жизнь. А насчёт твоей невесты... Я и не смотрел на неё никогда. Даже не знаю, надет ли на ней девичий пояс, а если она косоглаза или кривонога, мне это тоже неизвестно.

Тут Гесиона вырвала ручку из лапы жениха и прикрыла лицо ладонями. Возмущённый Менесфей потерял дар речи. Тесей поспешил вмешаться:

– Если больше нет желающих выступить, будем заканчивать...

– П-п-прошу слова, славный царевич! – воскликнул Солон. – П-п-пока шли мы от ворот, в груди моей, во вместилище души, п-п-прозвучал вот этот диптих:

Жребию повинуюсь, мы вошли в Лабиринт бесконечный,
Молим богов, чтоб конец нам даровали не здесь.

Тесей откашлялся. Промолвил снисходительно:

– Едва ли, Солон, нам стоит тратить время на пение стишков...

– Неужели ты отвергаешь п-п-помощь богов? А всем известно, что они охотнее п-п-п-прислушиваются к мерной стихотворной речи. П-п-пусть мой диптих и хромает, но...

И тут раздался рёв. Неожиданно и пугающе высокий по тону, сразу набравший силу. Словно бы жалующийся, оскорблённый, даже возмущённый вопль, но совсем не похоже звучал он на изданный человеком в пароксизме гнева и нестерпимой боли. Дикий, злобный, непредсказуемо изменяющийся. Понизился почти до рычания, завибрировал, захрипел и надавил на уши, а жалоба сменилась явной угрозой. И на высшей точке громкости и пронзительности, когда слышать стало почти нестерпимо, вой прекратился.

Звенящую тишину нарушило не менее зловещее граянье воронов. Их стая взмыла в воздух где-то далеко над слоёным пирогом серых глиняных стен. Они кружили, каркая, и не удалялись заметно от места, где взлетели.

– Под занавес агоры, – опомнившись, заявил Тесей, – Минотавр спел нам, долгожданным гостям, свою приветственную песнь. Он не рядом, а в середине Лабиринта, он ждёт нас там, урод.

Совокупный вздох облегчения был ему ответом.

Глава 14

В двух следующих коленах Лабиринта**Девичье мнение всё-таки прозвучало**

На площадке девицы с плачем обнимали друг друга, юноши переглядывались. Солон опустил глаза к полу. Наконец, Агамед повернул к Тесею размалёванное лицо, улыбнулся страшновато и спросил:

– Правильно ли я понял дело, хитроумный царевич, что тебе придётся построить дружину иначе?

– Ну, не думаю, храбрый Агамед... Ничто ведь не мешает этой рогатой скотине, повыв в логове, потащиться по Лабиринту нам навстречу. Единственно, что можем расслабиться этак на полчаса, потому что рога и хвост у него есть, а вот крыльев боги не дали. Итак, Федим по-прежнему в передовом дозоре, я от него отстаю на один отрезок лабиринта, от меня точно так же отстаёте вы все. А как услышите, что Минотавр поблизости, вы, парни, бегите вперёд, не раздумывая, летите, как искры от огня летят, и старайтесь завладеть дубинкой, если у меня из руки выбьёт... Вот не хочется, знаете ли, повторять скверные предположения. Итак, мужайтесь, – и повысил голос. – Федим, вперёд, мой смельчак!

Тотчас же сам, разматывая за собой жёлто поблескивающую нить, пустился шагать прямым, словно полёт стрелы в безветрие, и достаточно длинным проходом. Повернул за угол бесечно, надеясь на старательность Федима-дозорного. Попытался собрать мысли, разбежавшиеся после услышанного на собрании.

– Тесей! – раздалось за спиной, и стали слышны быстрые шлепки гладких подошв.

Перибея догоняет, кому же ещё... Усмехнувшись, Тесей прибавил ходу. А вдруг нужно будет увеличить разрыв между ними и толпой? А девушка уже обогнала его и обернувшись, промолвила, задыхаясь:

– Почему бы тебе, сын Посейдона-земледержца, не остановиться, чтобы выслушать меня?

– Мне приятно видеть тебя, Перибея, куда приятнее, чем без конца глазеть на эти прямые, выглаженные глиняные стены, но лучше уж ты держись со мной почти рядом, на полшага только отставая... Нет, слева зайди! Так безопасней поболтать на ходу. А если заварушка, укрывайся за моей спиной. Вот так, хорошо. Говори, с чем пришла.

Теперь девушка уже не маячила перед Тесеем, но ему приятно было вспоминать её покрасневшее скуластенькое личико и как подрагивали её девственные грудки, похожие

на две половинки яблока, когда Перибея забегала перед ним спиной вперёд... Однако! Что она несёт?

– ...не имели права голоса, потому что agora всё равно не настоящая, и можно бы разрешить девушкам высказываться. Вообще, в Элладе женщины лишены всех прав, и это очень обидно и несправедливо. Ведь женщины такие же люди и ничем не отличаются от мужчин!

– Не отличаются, говоришь? А этим? – и Тесей задрал спереди полу хитона и показал.

– Вот ещё нашёл преимущество! Этим твоим... этой штукой ты не сможешь родить ребёнка, а женщины, устроенные в паху иначе, вынашивают детей и рожают. И ведь недаром боги даруют нам более долгий век, чем вам, драчунам и задирам.

– Вот, ты сама пояснила, почему мужчины живут меньше. А о причине неравенства полов в Греции ты лучше спроси у Порфириона, он объяснит, хоть и противным голосом, будто насморк подхватил. Хотя... Послушай, Перибея, тебе не кажется, что царь Минос придерживался идеи равенства полов, когда потребовал дань из равного количества юношей и девушек?

– Вот это да! Но что-то я не заметила у справедливого царя Миноса особого уважения к себе, когда он в плавании пытался затащить меня на ложе. Спасибо, ты ему напомнил, что должна сохранять безбрачие по его же правилам... А что ты скажешь об этом теперь, Тесей?

– Будь я на его месте, ты бы не выскользнула из моих рук, Перибея! Видно, староват стал Минос, мышей уже не ловит. Да и спит слишком долго. Я больше не позволю ему тебе докучать. Ты ведь будешь принадлежать душой и телом мне, ты о том, надеюсь не забыла?

– Да, конечно же, Тесей, я об этом не забыла, – и Перибея мечтательно улыбнулась.
– Ты пообещал взять меня в царский дворец твоей наложницей, и это, мол, куда почётнее, чем изнывать в жалком гинекее у какого-нибудь тридцатилетнего сгорбленного горшечника, за которого выдал бы меня мой отец Алкаф-булочник. И как я могу забыть о той нашей ночи на судне! Мы провели её в объятиях друг у друга, Эрот Сладкоистомный славно вдохновил тебя, и ты, могучий красавец, не овладел мною по той самой только причине, что и противный Минос!

Тут Тесей левой рукой привлёк к себе красноречивую Перибею, и почти тотчас же почувствовал, как коварный Эрот отвлекает его, а ведь сосредоточился уже на предстоящем подвиге.

– Та причина, необходимость сохранять твою девственность, желанная царям и царевичам простолоудинка Перибея, едва ли продолжает действовать и внутри Лабиринта.

Причина эта исчезнет полностью, если я выполню свою миссию. А если и нет, то я за свою короткую жизнь, да и от наставника своего премудрого Коннида кое-какие знания почерпнув, достаточно изучил обычаи и повадки богов. Могу присягнуть Посейдоном, сыном коего считаюсь, что мелочные придирки им не свойственны. Не безразлично ли вечным богам, познают ли таинство брака некоторые из живой дани, если её удалось уже доставить в Лабиринт, и Минотавр вот-вот растерзает нас и сожрёт? Допустим, однако, что всеблагой Зевс, отец царя Миноса, разгневается на нарушителя запрета и пошлёт в него молнию. Или превратит такого в ящерицу, например. Не представляется ли тебе, дорогая, такое наказание предпочтительным перед страшной и позорной смертью в руках человекобыка?

– Ой! Умеешь ты пугать робких девиц, славный царевич... – захныкала Перибей. Впрочем, Тесей не поверил её испугу: каждый раз, когда его бедро соприкасалось с бедром девушки, в него переливался сладкий жар её тела. Он снова заговорил, наслаждаясь редкостной возможностью ляпать языком, как вздумается. И не хотелось разбираться, с чего бы это так разболтался.

– Если бы не простонародная наглость Менесфея, я давно посоветовал бы ему отстать со своей девушкой от толпы и осуществить супружеские права на неё. Я вообще подозреваю, что это условие, «не знавшие брака», относилось только к девицам. Вот я, если далеко не ходить, и в самом деле, не знал уз брака, однако отнюдь не девственник.

– Об этом, если можно, поподробнее.

– О чём именно, сладкая? – усмехнулся он.

– Да скольких женщин ты поимел, красавчик Тесей? Ты красавец – и можно предположит, что многие раскрывали перед тобой объятия. Ты юн и свеж, и хочется думать, что ты в любви не слишком уж опытен.

– В любви? Хотел бы я знать, что ты понимаешь, желанная, под этим словом. Коннид, мой суровый воспитатель, безжалостно отгонял от меня, мальчика, поклонников. Он сумел внушить мне отвращение к разврату, губительному для героя. Когда я подросток, он, вопреки пелопонесскому обычаю, не сводил меня к гетере, а естественные для моего возраста желания подавлял бесконечными, на пределе сил, пробежками, упражнениями с камнями и борьбой с соперниками намного тяжелее меня.

– Бедненький... – ласково протянула Перибей.

– Ну, это вряд ли... Я ведь сизмальства безумно желал стать героем вроде моего родича знаменитого Геракла и мечтал превзойти его в подвигах. Но, жадно поглощая слухи о нём, с щенячьим изумлением понял, что этот силач бросается на каждую девушку и женщину, стоит ей оказаться в его власти. Вот сейчас припомнилось мне, что, задушив в

борьбе Антея, мой кумир приневолил его вдову Тингис, и она родила сына Софака. Чтобы стать настоящим героем, следовало подражать Гераклу и в этом обыкновении. Случай представился, когда я отправился из Трезена от матери и отчима в Афины к настоящему своему отцу Эгею. Геракл тогда отбывал рабство у Омфалы, а без его строгого надзора разбойники расплодились в Элладе, вот я и принялся по дороге наказывать смертью всех безумцев, осмелившихся нападать на меня, шестнадцатилетнего путника с отцовским мечом.

– Как же, слышаны и мы в Афинах...

– Тогда ты помнишь, наверное, и историю с Синисом. Возмутительный негодяй, благородного, это надо признать, происхождения – и даже мой дальний родственник! Додумался разрывать ограбленных путешественников, привязывая их ноги по отдельности к нагнутым соснам! Когда я победил его и увернулся от камня, пущенного им с земли с силой отчаяния, то прикончил им же измышленным способом. И вот его устрашённые рабы рассказали мне, что жена и дочь хозяина перебежали поле и спрятались в роще. До немолодой жены Синиса мне дела не было, однако дочь, по имени Перигуда, та предназначалась мне. Рабы донесли, что она очень красива и громадного роста, на полторы головы выше меня. Да будь она не смазливей гиены и такого же размера, я был обязан приголубить её – иначе какой же из меня герой?

– Надо же, какая диковинная обязанность у героя... – надула губки Перибей. – И тебе не ай-я-яй рассказывать о таких вещах невинной девушке?

– Нет, мне не стыдно... Перед лицом смерти всякие глупые запреты теряют смысл. Уверен, что и ты, если бы не приближались мы сейчас с каждым шагом к логову ужасного людоеда, не догнала бы меня и не вела бы столь смелые речи.

– Я и догнала тебя, потому что смелая, – воскликнула Перибей, накоротке прижавшись к герою бедром и плечом, – потому что достойная тебя подруга!

– Если смелая – дослушай! Пошёл я её искать – а Перигуда забила в кусты камышей и спаржи. Слышу, а она там, как маленькая девочка, уговаривает бездушные растения укрыть её и спасти, она, мол, никогда больше не станет ломать камыш и есть спаржу. Я, право слово, засомневался: не позорно ли для меня изливать своё царское и, как говорят, божественное семя в такую дуру – вдруг родит мне и сына отменно глупого? А ещё этот её огромный рост...

– В Афинах говорят: «Ляжем, сравняемся!», – фыркнула Перибей.

– Как жаль, что тебя не было там рядом со мной, и некому было напомнить мне эту славную поговорку! Ведь я тогда отступился бы от Перигуды, если бы в начале пути, между Трезеном и Эпидавром, не встретил бродячую шлюшку, и она не восполнила бы

пропущенное суровым Коннидом в моём обучении. Итак, я начал уговаривать Перигуду выйти из кустов, уверяя, что и пальцем её не трону...

– И обманул, конечно! – воскликнула девушка. Нервно захихикала и отлепилась от рассказчика, впрочем, ненадолго.

– Да, обманул, ведь так оно богами устроено, – ответил Тесей невозмутимо. И оживился. – Послушай, сердце моё, ты не могла бы взять моток на время? У меня уже рука затекла, а для битвы, сама понимаешь... Тем более, что выходим к повороту. Федин, как там дела?

– Чисто, Тесей, – раздалось глухо, будто издалека.

– Ну, ты и закричал, дружок... Испугал, право, – сморщила носик Перибей. – Уж лучше давай, завершай свой неприличный рассказ.

– Да я и слов таких не знаю, чтобы толком завершить, – ухмыльнулся он. – В общем поладили мы, хоть и не без трудностей. Теперь она живёт в дворце моего отца, как сыр в масле катается, ждёт ребёнка. Когда родит и выкормит, я её выдам замуж за слугу знатного происхождения.

– Уж если мы об этом заговорили, щедрый мой царевич, то заметила я, что ты и к здешней царевне Ариадне присматривался, будто носильщик к большой амфоре, неудобной для перетаскивания. Неужто эту кривляку и притворщицу ты решил украсть и приневолить, подражая родичу своему могучему Гераклу?

– Так ведь мне ничего другого не останется, если Минотавр нами не пообедает, и мы выйдем из Лабиринта живыми. Меня не поймут, если я её не украду и не развяжу на ней девственный пояс, – и Тесей с удивлением понял, что оправдывается перед большеглазой простолюдинкой. – С нею другая трудность возникает: как объяснить царю Миносу, почему я на ней не женюсь. Перигуда ведь тоже родовита, однако безотцовщина теперь, и до того, что у меня она оказалась всего лишь в наложницах, никому, если по большому счёту, и дела нет.

– Ладно, я вижу, что этот разговор тебе неприятен. И что я должна быть благодарна тебе за то, что ты, взяв меня в наложницы, приравниешь к царевне Ариадне и родовитой великанше Перигуде, – заметила Перибей рассудительно. – Но скажи мне всё-таки, и закончим на этом, почему ты не хочешь жениться на той же Ариадне?

Тесей невольно заразился благородием девушки. Скосившись на её смуглые ручки, ловко заставившие золотистую нить разматываться сама собой, он пояснил, скорее для себя, чем для неё:

– Ты спросила о трёх разных вещах, милая. Почему «не хочу», почему не могу жениться и почему не хочу жениться именно на Ариадне. Так вот тебя я хочу, знаешь ли.

Даже здесь, в смрадных хитросплетениях Лабиринта, под угрозой скорой смерти от рогов чудовища, я испытываю приятное тепло в чреслах оттого только, что ты рядом и порой касаешься меня. Мне сладостно вспоминать, что мы будем вместе, если останемся живы. А к царевне я испытываю только холодное любопытство, и при этом мне интересны скорее её украшения и уборы, нежели она сама. Жениться, говоришь? Но как я могу повесить себе на шею жену и семью в семнадцать лет, если я только начал свой путь героя? Если впереди у меня путешествия и опасные подвиги? Нет, ни за что...

– Да, я поняла, кажется... Но детей ты всё же позволяешь себе заводить?

– А если представить, что мы сегодня погибнем? От меня хоть ребёнок Перигуды останется. Представляешь, может ведь родиться и мальчик. Такой огромный, как мать, а от меня ему достанется смекалка. Он сумеет тогда совершить подвиги, только задуманные неудачником-отцом... Послушай, Перибя, у меня к тебе предложение.

– О!

– Если мы с тобой сейчас сделаем пробежку, догоним Федима, а ему тоже прикажем бежать до ближнего угла, выиграем время. Не обещаю, что сумеем насладиться друг другом, но женщиной ты станешь. Во всяком случае, хоть в этом надуешь Минотавра, ведь из предназначенных ему семи девственниц останется только четыре!

Вместо того, чтобы побежать, Перибя замедлила шаг и уставилась на чеканный профиль Тесея, почти тотчас же к ней обернувшегося. Произнесла мечтательно, но без улыбки:

– Ты ведь только предложил, ведь правда, царевич? Значит, я, бесправная и беспомощная девушка, могу отказаться. Вот я и отказываюсь. Не хочу я, чтобы важнейшее событие в моей жизни было связано с сегодняшним ужасом. Не хочу принадлежать тебе впервые в этой гнусной темнице, среди смрада, стоя на высохшей крови и костях. Давай отложим наш телесный союз ещё раз, чтобы возлечь в венках из укропа на душистой траве, среди аромата ландышей и сладостного дыхания аниса.

– Странно, но рядом с тобой я не чувствую смрада, – пробормотал он. – Согласен, мне тоже не стоит расслабляться сейчас. А отключать всякое соображение даже на несколько сладких мгновений слишком опасно.

Они не глядели теперь друг на друга. Оба испытывали чувство неловкости, будто пережитое ими только что в воображении произошло на самом деле. Перибя заговорила нерешительно:

– Ты предположил, непобедимый Тесей, что царь Минос придерживался идеи равенства полов, когда потребовал дань из одинакового количества юношей и девушек...

– Ах, да... Всего лишь пошутил я. Догадка моя звучала не менее нелепо, чем сама идея о равенстве мужчин и женщин. А если серьёзно, то я догадался, в чём причина именно такого требования критского царя, ещё в ночь перед жребием, когда принял решение добровольно присоединиться к вам. Для того, чтобы устроить пир Минотавру, достаточно было бы и одних юношей. Царь Минос (назвать его справедливым у меня сейчас язык не повернулся), устанавливая состав афинской дани, намеревался утолить и любовный голод человекобыка. Разгадав замысел этой отвратительной оргии, я и придумал вместо двух девушек подставить ему переодетых Агамеда и Антимаха. Хоть двух юных афинянок спас от ужасной и позорной смерти. А не пояснял, что к чему, потому что не хотел пугать вас.

Она рассмеялась невесело.

– Послушай, мудрый мой царевич, не принимай нас, девиц, за безмозглых куриц. Мы уже на корабле догадались, что предназначены в стыдные игрушки скотине Минотавру. Этот выродок уже мечтает там, в вонючем логове своём, как будет по одной мучить нас, а затем убивать и пожирать. Меня к тебе отправили как бы послом мои единомышленницы Мелиппа, Андромаха и Европа. Мы придумали хитрость, она позволит тебе легче победить Минотавра.

– Ты не назвала Гесиону, – живо отозвался Тесей. – Она не согласна с вами?

– Гесиона не то, чтобы согласна не согласна, она, не выйдя ещё замуж за Менесфея, попала к нему в рабство. Мы договорились, что она не будет тянуть жребий.

– Какой жребий? О чём ты?

– Одна из нас должна будет отвлечь Минотавра, чтобы ты смог напасть на него внезапно. Для неё мы собрали все благовония, мази и румяна, которые удалось пронести в Лабиринт.

Тесей смерил её удивлённым взглядом и простежки почесал в затылке под шляпой. Заявил решительно:

– Нет, я не позволяю. И выслушай, почему. Выслушай мои слова внимательно, чтобы передать своим храбрым, однако недалёковидным подругам. Прежде всего, хоть туловище у Минотавра человеческое, голова у него бычья. На благовония или там на румяна он попросту не поведётся. Чтобы его отвлечь, надо раздеться и повторить позу, в которой его распутная матушка, царица Пасифая, принимала внутри деревянной коровы его отца, белого быка, подаренного царю Миносу всеблагим Зевсом. И напрасно ты думаешь, что Минотавр, за девять лет изголодавшийся по женскому телу, будет тратить время на ухаживания, если он вообще на них способен... Ты побледнела, Перибейя. Значит, поняла, что я имею в виду.

Девушка кивнула, не глядя на него. Кровь отхлынула от её щеки, и на нежной коже стали виднее не только румяна, но и серая жирная пыль.

– Я против и потому, что жребий может выпасть тебе, милая. И, наконец, гибель девушки-приманки наверняка испортит народу впечатление от моего подвига, если удастся его совершить.

Вздохнула Перибея, а вот облегчённо или озабоченно, не разобрал герой. Сунула ему моток.

– Вот, поддержи, пока я достану... Нет, совсем возьми, я ведь пойду, – и протянула на ладошке два финика, полу-раздавленный плод инжира и огрызок сухаря. – Вот поешь, смелый царевич, это для тебя девушки собрали. Мы все со вчерашнего вечера не ели и не пили, а тебе сражаться.

Он пробормотал благодарность, взял моток под мышку, а еду спрятал за пазуху. Вгляделся в её лицо на прощанье, прижал к себе молодое желанное тело и сразу же отпустил, разомкнув мгновенно сковавшее их блаженное оцепенение.

– Да, ты иди, иди, Перибея, – позволил, стараясь не показать ей своего сокрушения сердечного. – Точнее если, отстань, и дружина тебя догонит. Поблагодари от меня Мелиппу, Андромаху и... да, и Европе передай от меня благодарность. Объясни им, что жертву вы предложили чересчур ужасную, чтобы я смог на неё согласиться. И пусть забудут о ловле отскочившей дубинки: парни сами справятся, если что. Теперь я приказываю отстать от юношей на амму, не меньше. А тебе, милая моему сердцу, да благоволит добрая Афродита. Прощай, Перибея.

– Пусть справедливые боги помогут тебе, Тесей. Прощай.

Склонив голову, она остановилась. А Тесей, хлопнув свободной рукой себе по лбу, воскликнул:

– Кстати о богах! Вели Порфириону догнать меня.

Глава 15

Ещё четыре колена Лабиринта

О богах благих и равнодушных

Оставшись в одиночестве, Тесей даже и не заметил, как достиг очередного поворота. Выяснилось, что разговор с Перибеей замечательно отвлекал от реальности, но стоило ей отстать, как в животе у героя засосало от голода, смрад стал почти нестерпимым (а почему, кстати, он усилился?), высокие серые стены Лабиринта принялись сдавливать с двух сторон. Солнце поднялось уже довольно высоко, но не жгло, прикрытое лёгкими облаками.

Тесею казалось, что впереди различает он лёгкие шлепки сандалий дозорного Федима, подозрительные звуки отсутствовали.

А вот теперь позади стало слышно, как тяжкой поступью бежит Порфирион. Тесей на всякий случай обернулся: не Минотавр ли перепрыгнул через стенку? Нет, это Порфирион, достаточно тучный уже в юности, чтобы к зрелости стать безобразным толстяком. Дышит громко, на весь Лабиринт, топают ножищами своими, будто слон. Наконец, парень поравнялся с Тесеем и насилиу выговорил:

– Прибежал... по приказу твоему... царевич...

– Отдышись, Порфирион, а покамест помоги мне разматывать нить. Вот так: упри с обеих сторон палочки в ладони, легонько придерживай ими, и нить будет уходить сама.

По-видимому, Порфирион пренебрегал физическими упражнениями, столь любезными, как успел заметить Тесей, афинским юношам. Припомнилось герою, что толстяк – сын Келея, помощника жреца храма Афины Паллады. Если пойдёт в жизни по стопам отца, зачем ему ловкость и крепкие мускулы? Это если не выпало бы ему это плавание на Крит... Ну, вот, собеседник худо-бедно восстановил, наконец, дыхание.

– Я хотел узнать, Порфирион, твоё мнение вот о чём. Вмешаются ли боги в моё единоборство с Минотавром – или, если сказать точнее, в наш общий бой с ним?

– Едва ли я сумел бы ответить тебе, царевич, чем-нибудь вразумительным, если бы в ночь перед отплытием из Пирея мы с отцом моим Келеем не просидели ночь без сна, оплакивая, но и вместе с тем и обсуждая выпавшее мне по жребию несчастье. Однако боюсь, что сейчас страх взболтал мне мозги, как овсяную похлёбку, и я не смогу угодить тебе. Помнится, отец говорил, что случай больно необычный, ничего подобного ему не вспомнилось. Чтобы разобраться, нужны не только священные знания и вера, но и голова на плечах. Он говорил, что сначала надо выяснить, как вообще боги к тебе относятся.

– Как относятся? Если я действительно сын Посейдона, то как к отпрыску одного из самых могучих богов! – с гордостью заявил Тесей. И тут же поскучнел. – А вот если у меня только один, земной отец... Знаешь, вряд ли боги считают меня самозванцем, разве что невольной жертвой чужого обмана.

– Мой отец, жрец Афины, говорил о другом. О твоём смертоносном походе от Трезона до Афин, точнее о том, как боги восприняли твои убийства коринфских разбойников. Это важно, ибо может сказаться на исходе твоего сегодняшнего единоборства. Жаль, но до отца не дошли все сведения об этих событиях, и ему пришлось полагаться на приукрашенные или перевернутые слухи.

– Охотно подскажу. О Гефесте, божественном отце убитого мной разбойника Перифета, уже шла речь сегодня, когда ребята восхищались моей, со злодея снятой дубинкой. Для меня очевидно, что Гефест пренебрёг мстью за сына-злодея.

– Так оно и есть, наверное. Мой отец говорит, что Гефест Кривоногий, в отличие от других сыновей Зевса (а в критские сказки верить не стоит), не бездельничает, попивая нектар и приударя за красавицами и красавцами, а неустанно трудится. Ему, кузнецу, строителю, мастеру на все руки, голову некогда поднять от своей наковальни. Ещё и за прекрасной супругой приходится присматривать...

– Ты о прелюбодеянии Афродиты Пандемос с Аресом? – ухмыльнулся Тесей. – Я удивляюсь, почему богиня не наказывает бесплодием рассказывающих о ней такие пошлые басни.

– О! Поберегись, крепкорукий царевич! – вымолвил юнец, глаз, впрочем, не отрывая от мотка с золотистой нитью. – Отец говорит, что для смертного весьма опасно перепутать священное повествование мифа с пошлой, как ты сказал, басней. Такую ложь боги вполне способны счесть клеветой и наказать за неё. Однако если Гефест действительно поймал свою супругу и любовника в тончайшую золотую сеть, он может рассердиться, обидевшись, что ты подвергаешь сомнению его подвиг.

– Так это сложности для обычного смертного, а я, знаешь ли, горжусь возможностью, что рождён от одного из трёх сильнейших богов, – свысока отчеканил Тесей и опустил глаза. Жаль, некому было обратить внимание на его длинные и пушистые, как у девушки, ресницы. – Уверен, ничто иное, как божественная субстанция в моей человеческой душе, отеческий дар могучего Посейдона, составляет разумную её часть. Уф, как сложно ты заставил меня высказаться! Короче, я доверяю своим суждениям о том, слышу ли я священную правду о богах или простонародную сказку. Что же касается Афродиты, то я мечтаю побывать в заливе на Пафосе, где она родилась из пены, невинная и праведная богиня. Уважаемая мной и любимая дарительница людям земного счастья.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – уныло согласился Порфирион. – Тогда давай сами сейчас, надеясь на твоё самомнение, разберёмся в том, как восприняли боги смертные наказания разбойников, совершённые тобой в Коринфской земле. А потом я изложу выводы, услышанные от отца, жреца Афины.

– Кстати, когда тянули жребий, мне запомнилось, что ты сын Келея, помощника жреца храма Афины Паллады. А я на память не жалуюсь. Как объяснишь, что ты дважды назвал отца жрецом? А если соврал, не кажется ли тебе, что ложь в нашем положении опасна?

Покраснел Порфирион, а когда собрался ответить, гнусавый голос у него срывался.

– Ты, царевич, прожил в Аттике без году неделю и не знаешь всех наших обычаев. Мой отец был избран на два срока жрецом храма Афины, а сейчас и без должности помогает теперешнему жрецу Фаэтону. О какой лжи может быть речь?

– Да, я заметил, что афиняне безумно увлечены выборами по жребию и выбирают такой процедурой даже мусорщиков. Хорошо, я не хотел тебя обидеть. Итак, после Перифета я убил Синиса, по слухам, внука отца моего Посейдона, потом Скирона, о нём тоже говорят такое, затем Керкиона, сына не то Гефеста, не то Посейдона. Кстати, я не трогал его дочь Алопу, Керкион задолго до встречи со мной сам закопал её живой в землю. Последним я наказал смертью Прокруста, отца Синиса, их считают сыном и внуком Посейдона. Вот что я совершил реально, а слухов и басен вокруг этих деяний клубится много.

– Знаешь ли, когда я услышал сказанное тобой, – говоря в нос, признался Порфирион, – для меня многое прояснилось. Речь может идти о мести только двух богов, Гефеста и Посейдона. Небесный труженик Гефест, как мы с тобой, царевич, уже выяснили, чересчур занят, а вот почему на гибель столь многочисленного своего потомства никак не отозвался гневливый властитель океана и морей, для меня загадка. Ведь все знают, как безжалостно Посейдон преследовал хитроумного Одиссея, ослепившего его сына-гиганта.

– Ты об одноглазом Полифеме? Вот наградил же меня сводными братьями отец мой благой Посейдон – один другого лучше!

– О нём, да. А ты следи за языком своим: время неудачное даже и для случайного, ненароком, богохульства.

– Да, я слышал, будто мой божественный отец простил Одиссея только после того, как тот в Эпире принёс ему в жертву трёх животных. А почему Посейдон не наказал меня? Вспомним, что в устах греков я его сын, такой же, впрочем, гадательный, как и все остальные. Впрочем, я тогда был совсем неизвестный юнец, куда мне было до славного Одиссея или того же Аякса Малого, утопленного моим божественным отцом в бушующем море.

Тут толстый юноша оживился, и даже позабыл, что следует отпускать нить. Она натянулась, а Порфирион, небрежно восстановив порядок, с увлечением заговорил:

– Перед нами простенькая логическая задача. Если ты сын Посейдона, а убитые тобой разбойники – только самозванцы, то богу до них дела нет. И если все вы не сыновья Посейдона, то тем более.

– Ври, да не завирайся, Порфирион, – буркнул герой.

– Ой, я же хотел вывести к выводу, который тебе польстит, справедливый царевич.

– Пошёл ты в Тартар, льстец! – разгневался Тесей. – Мне помощь нужна сейчас, а не словесные игры.

– Тут тот случай, когда льстивая оболочка не противоречит правдивости... ладно, пусть правдоподобию вывода. Ты только дослушай! Если вы все настоящие сыновья Посейдона, то бог не наказал тебя, потому что ты праведный и богобоязненный его отпрыск, а убитые тобой – отпетые разбойники.

– И я не нападаю на них первый, – пробурчал Тесей, – и я, подражая родичу моему Гераклу, наказал каждого зеркально – той же смертью, на которую каждый обрекал беззащитных путников, и я прошёл обряды очищения на жертвеннике Зевсу у реки Кефиса, гостя у мужей из рода Фиталидов. Тут важно только одно: могучий Посейдон не вмешался в события ни перед ними, ни во время моего путешествия, ни после него. А причины тому могли быть разные: Посейдон либо не знает обо мне, либо знает, но равнодушен, либо поддерживает как своего сына, ничем себя не запятнавшего. Не запятнавшего себя ничем? Да я дорогу через Коринфский перешеек сделал безопасной для путников! Ты только вздумай возразить мне сейчас, сам тебя Минотавру скормлю!

Покачал головой Порфирион, показывая, что не собирается возражать, и прогнусавил довольно хладнокровно:

– Боги небесные не наделили меня даром воображения, поэтому и не воспринимаю я с особым ужасом определённую мне жребием участь. Мне кажется, что со мной это происходит всего лишь во сне. Или что я страшную игру наблюдаю, придуманную бродячими потешниками. Поэтому твоя шутка не испугала меня и не насмешила. Однако снова перемешала мои мысли, и придётся мне, ты уж прости, теперь сосредоточиться, чтобы вспомнить сказанное моим отцом о нашем путешествии.

Поникла круглая, словно тыква, голова жреческого сына, а Тесей, тот повертел своей красиво остриженной головой, осматриваясь. Серые стены на этот раз показались ему ещё выше и темнее, а полоса неба над ходом явно сузилась. Ранним утром безмятежно голубая, она успела затянуться тучками. Учитывая, что пить нечего, это неплохо, а дождь стал бы вообще подарком богов. Тут вдруг осознал герой, что смрад снова ослабел – и отчего бы это? Неужто почтительные беседы о богах облагораживают даже воздух вокруг человека?

А Порфирион уже поднял голову. Заговорил весомо:

– Мой мудрый отец размышлял о том, какое отношение имеет к богам и религии договор о выплате царём Эгеем раз в девять лет царю Миносу дани юношами и девами. По словам его, то, что с нами здесь собираются совершить, ни в коем случае не жертва. «Разве Лабиринт – это храм? – спрашивал мой отец. – Разве есть в нём алтарь? Разве служит там

жрец? И кто такой Минотавр, неужто одновременно и жрец, и божество, коему жертва приносится?»

– Сущность скотины Минотавра и я не прочь обсудить, – согласился Тесей. – Но сейчас мне не даёт покоя один вопрос, вовсе не с богами связанный, однако более важный для нас сейчас, как мне представляется. Почему бы это примерно посредине... ну, быть может, ближе к началу... этого длинного прямого хода смрад вдруг усилился, а вот сейчас снова воняет умеренно, как воняло уже на входе? Что скажешь, мудрый отпрыск жреца?

– Если это не Минотавр притаился в том месте за стеной, то там яма со стоячей смрадной водой, о них ещё предупреждал на агоре тот паренёк, пропахший вонью жареной рыбы... Идас? Да, Идас. Мы прошли мимо, и зловоние ослабело.

– Вот и я так же подумал, – с облегчением соврал Тесей. И гаркнул. – Федим! Не спи! Что видишь впереди?

– Там какой-то провал, царевич. И воняет оттуда знатно.

Голос Федима прозвучал глухо. Тесей воспрянул духом: в ушах у него шумело, он не слышал больше шлепки подошв дозорного и успел встревожиться за него.

– Как дойдёшь, без нас не переправляйся. Подожди, Федим.

Не сговариваясь, Тесей и Порфирион ускорили шаги. Жреческий сынок начал было:

– Минотавр вроде как царский сын...

– Подожди, ради богов небесных! Переправа сейчас важнее...

В молчании обогнули они угол и догнали Федима. И уже втроем остановились у края большой прямоугольной ямы с выложенными кирпичом стенками. Каменные ступени вели вниз и обрывались в буром месиве. На нижней ступени белела косточками полуистлевшая кисть человеческой руки. Тесей перевёл взгляд на противоположную сторону ямы: там ступеньки поднимались вверх до уровня пола в ходе. От лужи исходили такие миазмы, что Тесей понимал Федима и Порфириона, зажавших себе носы, однако себе не мог это позволить.

Вот подтянулись юноши, потом из-за угла появилась стайка девиц. Тесей не стал выискивать среди них взглядом Перибею, предпочёл присмотреться к юношам. Перепуганы, конечно, но их состояние могло быть и хуже.

– Федим! – позвал Тесей бодро, как только смог. – Ты уже здорово для всех нас потрудился, так закончи свою дозорную службу достойно. Перейди на ту сторону, надо проверить, какой глубины лужа.

Кивнул Федим и тотчас же спустился по ступенькам. С последней, потоптавшись недолго, носком сандалиии скovyрнул в воду злополучный остаток руки. Тесей облегчённо вздохнул: он и сам очистил бы путь, но боялся разгневать богов. Кроме того, ему казалось,

что ноги сами понесут дальше, в неведомую тошнотворную глуть, стоит только стать на последнюю ступеньку...

Вот смачно чавкнуло. Глубина оказалась небольшой, низенькому Федиму чуть выше середины голени, и вот уже он, распространяя жуткую вонь, выбирается на сушу на противоположной стороне. Потопал сандалиями и поднялся по лестнице. Повернулся лицом, искажённым гримасой отвращения, к царевичу.

– Молодцом, Федим! Теперь дойди до угла, как обычно. Выгляни осторожно, не пасётся ли там наш бычок?

Никто не улыбнулся даже. Девушки подходили уже, им до ямы оставалось не больше двух плетров. Тесей распорядился:

– Каждый раз, как встретится нам такая лужа, девушек придётся переносить на руках или на закорках. Ты, Менесфей, понятно, будешь переправлять свою Гесиону, тебя, АнTIMАХ, прошу переносить Перибею, тебя, Агамед, – Мелиппу. Далее, Прокрит – Европу, а Идасу придётся переправить Андромаху. Ты, Менесфей, запомнил ли, где проложил брод смелый Федим? Иди там же, а всем приказываю перебрести след в след за Менесфеем. Федим, слава богам, не поранился, а по сторонам могут оказаться острые кости.

– А почему бы тебе самому, могучий царевич, не перенести норовистую Перисбею? – ухмыльнулся АнTIMАХ. – Боишься уронить свою честь? Или красотку уронить боишься?

– Вот почему, прекрасная Коронида.

И Тесей, стоя на краю ямы под стеной, поправил дубинку за поясом, подпрыгнул, оттолкнувшись, что было сил, двумя ногами, и уцепился за верхний край серого ограждения. Ладони его, слава богам, остались целы: хитроумный Дедал не вмуровал сверху в стену острые черепки и осколки камней, и царевич решил при следующей встрече отвесить мастеру на пару оплеух меньше, чем намеревался. Он легко подтянулся и заглянул за край стены – и не увидел ничего, кроме верхушек таких же стен, прячущихся одна за другой, словно щиты, сложенные в оружейной мастерской. Снова повис на руках Тесей и, раскачиваясь, принялся переносить руки поочередно вправо. Плечи не успели устать, как он уже спрыгнул со стены на той стороне ямы.

– Хвала тебе, крепорукий герой! – провозгласил низенький и кривоногий Идас. И до того торжественно, что без доли иронии не обошлось. К тому же, тотчас же посоветовал. – А вы, простые афиняне, прежде чем подражать Гермесу, несущему барана, проверьте, хорошо ли привязаны у вас сандалии.

Отдышавшись, герой предложил Солону и Порфириону самим выбрать способ переправы. Жреческий сын, плюнув, вступил в вязкую грязь, а Солон, подражая Тесею, довольно ловко перебрался поверху. Тогда Менесфей, не дожидаясь напоминания, крякнул,

подхватил на руки Гесиону и шагнул в вонючую жижу. Смрад от потревоженной клоаки стал почти невыносимым.

Убедившись, что вся его дружина переправилась, герой назначил дозорным простоватого Прокрита, а Федима отпустил. Затем подозвал к себе Порфириона и молча продолжил путь. Саднили колени, ободранные о стену, зато ноги и сандалии – точные копии тех самых Эгеевых, заветных, найденных год назад под большим камнем в Трезене, – не замарались. А что касается вони, источаемой теперь Порфирионом, то это зависит от самого Тесея, терпеть её или отослать от себя вонючку. Сын жреца Келея, как оказалось, беспокоился о том же.

– Мне самому, царевич, неловко, что источаю зловоние, словно золотарь, – заметил он стеснительно. – Это мало того, что простудился на свежем морском ветру, и нос у меня заложен... Так что постараюсь сократить услышанное от моего отца.

– Необязательно, Порфирион. Ты говорил о том, кто такой Минотавр.

– Начать придётся с его родителей. Отца этого чудовища ты, царевич, уже успел убить на Марафоне. Как всем известно, это был удивительной красоты белоснежный бык, подаренный твоим божественным отцом Посейдоном царю Миносу для жертвоприношения. Некоторые говорят, что самому Посейдону этого быка подарил Зевс. Ни то обстоятельство, что этот бык принадлежал богу или двум богам, ни его предназначенность в жертву не говорят о его божественном происхождении. Самец, покрывший Пасифаю, был жертвенным животным. Всего лишь смертное животное породило Минотавра.

– Конечно, животное – да ещё какое смертное! – ухмыльнулся герой. – Мне ли не знать? Да и вовсе не белоснежное. Когда я убил Марафонского быка, он был пятнист, как гиена. Ведь его никто не чистил, как конюхи царских белых коней. Во всяком случае, после того, как он был покорён могучим Гераклом и доставлен в Микены царю Эврисфею, а потом снова обезумел и умчался в Аттику.

– Теперь о матери Минотавра. Пасифая – царица Кносса и дочь Гелиоса от Персеиды, нимфы-океаниды.

– Да, по матери наш бычок родовит. Внук всевидящего бога Гелиоса как-никак.

– Об этом родстве и я отцу напоминал. А он говорил, что Минотавр – это сын грешной и преступной дочери бога, он внук, конечно, Гелиоса, но только сам из себя дитя извращения. Ужасного извращения, и его греки царице Пасифае никогда не простят.

– А вот справедливый царь Минос её простил, – снова ухмыльнулся Тесей. – И никак мне было не понять, почему. Спросил я у отца моего Эгея, а старик посмеялся невесело и

говорит: «Никто не осудил бы Миноса, если бы он подверг Пасифаю самой жестокой казни. Ведь измена её отвратительна. Хитрец, однако, побоялся гнева всевидящего Гелиоса».

– Мой отец – да продлят боги его жизнь! – говорил, что покарать супругу Минос не решился, зато покарал её сына-выродка. Осудил его на вечное одиночное заключение в специально построенной ужасной тюрьме. Бог-Солнце, он всё видит, всё слышит, всё знает, однако он это наказание стерпел, не бросился сам на защиту внука-урода и не пожаловался на Миноса великому Зевсу, потому что посчитал содеянное справедливым. Отец надеется, что это дарит и тебе возможность безнаказанно расправиться с рогатым внуком Гелиоса. Вот только... Я не решаюсь сказать тебе, царевич.

– Говори уж, если начал, Порфирион, – буркнул Тесей. – Мне не до обид нынче.

– Скажи, доводилось ли тебе слушать песни о странствиях хитроумного Одиссея, царя Итаки?

– Нет, не стану врать, – не без колебаний ответил герой. – Наши скитания, мои и речистых аэдов, не пересекались. Однако наставник мой Коннид поведал мне содержание некоторых песен об Одиссее.

– Достаточно и содержания, не о поэтических красотах речь... Мудрый мой отец вспомнил историю с быками Гелиоса на острове Тринакрии, ему же принадлежащем. Когда люди Одиссея убили и съели этих драгоценных для Гелиоса быков, Гелиос пожаловался Зевсу, и бог-громовержец Кронион молнией разбил корабль Одиссея. Спасся один хитроумный герой. Мой отец боится, что гнев Гелиоса снова обрушится на нас, простых смертных, а ты, сын Посейдона, выйдешь, подобно Одиссею, сухим из воды.

– Боюсь, что получится с точностью до наоборот, – проворчал герой. И бросил на Порфириона взгляд исподлобья. – И ты не принимаешь во внимание, что перед отплытием я принёс Аполлону и Афродите жертвы, и они благосклонно приняты. И молил я их о спасении не своём только, а всей афинской дани. Если больше не имеешь, что сказать, верни мне моток, а сам остановись и передохни. Когда юноши тебя догонят, пришли ко мне Солона.

– Прощай, царевич.

– До встречи, Порфи...

Бычий рёв заглушил голос Тесея, остановившегося, чтобы принять золотистый моток ниток. Рык отличался от того, впервые услышанного, как пасть одной из голов Цербера, внезапно явившаяся перед путником, разнится с увиденной издали той же головой чудовища, выбежавшего из-за холма в двух стадиях. Но было в этом рёве и другое отличие от прозвучавшего ранним утром: теперь Тесею послышались в нём страстный призыв и нетерпение.

– Подождёшь, скотина бездушная, – пробормотал он.

Глава 16

Проходя самые длинные отрезки

Откровения юных мудрецов

Не останавливаясь больше, Тесей оглянулся. Порфирион стоял с ошалелым видом, и видно было, что он доволен возможностью отдышаться. И избавлением от мотка, наверное. А Тесей как раз приспособился разматывать нитку, не отвлекаясь на неё чересчур. Он надеялся, что закруглённые концы палочки не успеют просверлить в его ладонях дыры раньше, чем он доберётся до рогатого певуна. Это сколько же поворотов проболтали они с Порфирионом, забыв о предосторожностях? Так, так... Выход из длинного отрезка с поворотом направо, того, с ямой посередине, потом короткий отрезок и после него, огибая стену, будто острый мыс, снова поворот и отрезок в обратном направлении. Теперь стоящий на месте Порфирион исчез из виду. Но как там дела впереди, у Прокрита, не случилось ли чего?

– Эй! Что видишь, дозорный?

– Я в начале длинного хода, царевич.

А вот и щуплый Солон бежит, догоняя. Улыбается на бегу. И чему только радуется? Тесей, впрочем, ослабил в ответ.

– Солон, бери вот моток ниток, подменишь меня! Присмотрись сперва, как я разматываю.

– И ничего в том не вижу сложного, царевич.

Тесей хмыкнул. Спросил:

– Отчего, по-твоему, рык Минотавра на сей раз прозвучал тише?

– Мы, п-п-продвигаясь по Лабиринту, дальше отошли от его середины, где засело чудище. Вот п-п-очему. Но я хотел поговорить с тобой о том, в каком качестве мы п-п-приплыли на Крит, и имеем ли мы законное право сопротивляться Минотавру.

– А в чём там разбираться, сметливый Солон? – воскликнул герой. – Ведь я уже разобрался и сказал в своей речи к вам: «Если убьёт меня Минотавр, сражайтесь вы. Ведь вы дань, а не жертва богам. А дань имеет право защищаться от убийцы!». Ты забыл уже, что ли?

Солон проворчал:

– Не знаю, как ты, царевич, п-п-пришёл к этой мысли, а вот я буквально разложил всё по полочкам. П-п-прежде всего, это первый случай в истории Эллады, когда данью одного

царя другому становятся свободные граждане. Справедливый царь Минос настаивал на такой именно дани, ссылаясь на коварство убийства в Аттике своего сына Андрогей.

– И двадцати лет не прошло, как погиб тот Андрогей, – пробурчал Тесей, – а никто уже не помнит в точности, что именно стряслось и в чём состояло упомянутое тобой преступное коварство. Мне порой казалось, что произошла какая-то несусветная мерзость, вроде гнусных художеств Пасифаи, и о ней просто стараются забыть. А мой земной отец царь Эгей уверял, что Андрогей победил на играх в Афинах, и потому отец попросил его как первого силача в Элладе укротить буйного Марафонского быка. И царь Минос принял это объяснение гибели своего сына. Если тебе это осталось неизвестным... Я ведь прикончил уже этого папашу Минотавра. Той самой дубинкой, что у меня за поясом.

– Так или иначе, мы остаёмся свободными, п-п-поскольку царь Минос точно не совершал над нами ритуал п-п-приобщения к государственным рабам Кносса.

– Пусть бы только попробовал совершить такое со мной! – вскричал Тесей. – Тем не менее нас заперли здесь, как рабов, и, как рабов, лишили пищи и воды. Да чего там! Рабов ведь кормят и поят! Хуже, чем с рабами, Минос с нами поступил! Эта несправедливость вопиёт к небесам, и на неё я получил право ответить не только убийством Минотавра!

– А мне сейчас п-п-пришёл в голову вот какой вопрос: почему о Миносе, критском законодателе и справедливом судье, знают только по его убийствам и злодеяниям? Быть может, Минос наказан этой дурной славой вот именно за то, что п-п-придумал афинскую дань Минотавру. Тогда и мы, царевич, обретаем право сопротивляться злему и несправедливому решению, силой навязанному твоему отцу Эгею мощным царём Крита. И в первую очередь, получает оправдание твоя хитрость с заменой двух девиц переодетыми парнями.

– По-твоему, моя хитрость нуждается в оправдании? – поднял густые брови герой. – А перед кем тогда?

Солон пожал щуплыми плечами.

– Если ты убьёшь Минотавра, а царь Минос возьмёт тебя в плен, он или казнит тебя на месте, или устроит над тобой суд. Так что защитительную речь придумать наперёд отнюдь не помешает.

– Дело говоришь. Излагай, Солон.

– Да п-п-поможет мне Афина Паллада. Итак, Минос установил дань в семь юношей и семь девиц. Как тебе известно, число семь посвящено Аполлону, ибо на его кифаре семь струн. Гармонию этого числа, п-п-провещавшего удачу замыслу Миноса, ты разрушил, заменив двух девиц. Теперь уже значения новых чисел, как благие, так и пагубные, стали относиться к тебе и к твоему предприятию. Девиц нынче пять, а юношей девять. А пять –

число счастливое, оно символизирует священный брак Неба и Земли, недаром же и у нас по пять пальцев на руках и ногах. А юношей стало девять, и это опять-таки заветное число – и благоподатное какое! Девять богов существует и девять муз. Новое соотношение юношей и девушек обещает тебе удачу, царевич!

– Но твоё соотношение, Солон, – нахмурился герой, – приравнивает меня, сына Посейдона и царевича, к обычным афинским ребятам. К тому же я отправился в Лабиринт добровольно, а вы по жребью.

– Тогда давай п-п-пересчитаем. Парней, простых афинян, всего восемь – и ты отдельно, сам по себе. Кое-кто говорит, царевич, что восьмёрка есть возвращение к первобытному хаосу после гармонии семёрки...

– Ну, спасибо тебе, утешил.

– Но такое п-п-понимание восьмёрки не может распространяться на сына П-п-посейдона! Ведь восьмёрка знаменует незыблемость П-п-посейдона и его власти над землей.

– А что знаменует единица?

Солон поскрёб в затылке.

– Э-э-э... Ну, монаду, неделимость... Не знаю я, царевич, пристально... Давай лучше разберёмся теперь, не п-п-перешёл ли ты пределы богопочитания и человеческой порядочности, переодев юношей девушками и замыслив убить Минотавра. Иными словами, нам п-п-придётся определить правомерность твоего... Как это? Вот, гиб-ри-са. Геройского дерзновения, а оно может оказаться и п-п-пагубным, и благим для судьбы самого героя.

Тесей скупой улыбнулся. Он было испугался, что Солон-заика будет давить на него своими знаниями, как пытался это делать Порфирион. Однако похоже, что сын горшечника и значения известных ему мудрёных слов не понимает до конца.

– П-п-первому твоему деянию, разумник Тесей, есть красочное соответствие в истории жизни славного Ахилла.

– Давай расскажи, – оживился царевич, окинув неласковым взглядом серые стены. – Отвлеки меня искусной повестью от скучной нашей прогулки вдоль темничных стен и среди смрада. Хоть время пролетит быстрее! Хотя... Если в конце пути нас ждёт смерть, стоит ли подбегать ей навстречу? И непозволительная это роскошь – по своей воле убивать время, скупой тебе отмеренное. Что ты думаешь об этом, Солон?

– Я бы на твоём месте п-п-подумал о другом, царевич. Одна дело – сражаться в мрачном отчаянии, зная, что даже в случае победы будешь жестоко наказан богами, и

совсем другое – быть в таких же обстоятельствах убеждённым в своей п-п-правоте и п-п-правоверии.

– Да я и без твоих уговоров убеждён в своей правоте, Солон. Ладно, рассказывай уж.

– Когда знаменитый Ахилл повзрослел, мать юноши, морская богиня Фетида, решила спасти его от гибели, нап-п-пророченной Зевсом. Будто бы Ахилл совершит великие подвиги, однако погибнет, не дожив до тридцатилетия. И тогда Фетида п-п-передела Ахилла в женское платье и спрятала его среди дочерей Ликомеда, царя Скироса. Фетида сумела совершенно п-п-преобразить наружность Ахилла тёплыми банями, покойною, изнеженною жизнью. Умещения придали мягкость волосам, гладкость и свежесть коже. Богиня научила сына говорить девичьим голосом, ходить девичьей походочкой. После её хлопот мужественный, прирождённый воин Ахилл не отличался от девушек ни осанкой, ни повадками, так что подмены никто не заметил. То есть п-п-проделала с единственным своим сыном то же, что ты, царевич, с нашими мнимыми Астерией и Коронидой. За эту хитрость она не была наказана, как и ты, царевич, за свою.

– Замечательный вывод! – усмехнулся Тесей. – Ты только забыл упомянуть, что и по-девичьи умащенный Ахилл ухитрился в благодарность за гостеприимство соблазнить дочь царя Ликомеда и обрюхатить её. И конечно же, у меня не было времени водить Агамеда и Антимаха в тёплые бани и устраивать для них не жизнь, а малину. А если богине Фетиде такое переодевание сошло с рук, то это ещё не значит, что меня боги тоже не накажут. А ты знаешь ли, что у Фетиды тело ниже пояса покрыто чешуёй, как у рыбы?

– Это не п-п-помешало ей быть нежной и заботливой матерью, царевич.

– Ничего себе заботливая мать! Да она до Ахилла угробила пятерых сыновей от Пелея, поджарив каждого, чтобы проверить, уж не бессмертен ли он! И муж её Пелей, сам царь и внук Зевса, не посмел ей и слова сказать. Я уж не говорю о том, чтобы прогнать детоубийцу со своего ложа. Но я его понимаю. Не для того он такие трудности преодолевал, когда её добивался. Не испугался ведь превращения прекрасной и желанной морской нимфы в львицу, в шипящую ядовитую змею и даже в огонь.

– Да кто из нас историю рассказывает, царевич, – я или ты?!

Не замедляя шага, они уставились друг на друга. Удивился Тесей, обнаружив, что сын горшечника посмел рассердиться на него. В то же время казались несомненными уважение и большая симпатия к нему Солона. Тесей как раз решал, не рассердиться ли всё же ответно, когда над ними промелькнула тень.

– Что это было, гневливый Солон? Успел ли ты рассмотреть?

– Нет, царевич, я ведь глядел на тебя, – усмехнулся юноша. – Некое крылатое существо пролетало над Лабиринтом в сторону моря. Однако уверен, что наш благочестивый Порфирион увидел над собой Гермеса в крылатых золотых сандалиях.

– И чего бы тут делать Гермесу? – буркнул Тесей.

– Он мог быть п-п-посланником Зевса к Посейдону, чтобы сообщить решение о твоей судьбе, Тесей. Однако я более чем уверен, что это был всего лишь ворон. Один из тех, взлетевших утром над логовом Минотавра.

– Если то был ворон, отчего же он не каркнул?

Тесей подумал вслух, однако Солон, всякой бочке затычка, счёл нужным ответить:

– Как п-п-постичь намеренья чёрного трупоеда с большим клювом? Он мог удерживать в себе карканье как из почтения к тебе, так и из п-п-презрения к нам остальным.

– Да пусть летят они прямо в Тартар, вороны! Давай поговорим о гибрисе. Ты и в самом деле считаешь моё желание убить Минотавра этим пагубным дерзновением?

На лице собеседника Тесей распознал сомнение в том, что он, герой и царевич, примет во внимание рассуждения сына горшечника. Однако Солону явно хотелось высказаться – и почему бы не позволить этого простому некрасивому заике, рискующему через несколько часов погибнуть страшной смертью?

– Я слушаю тебя, Солон.

– Знающие люди говорят, что гибрис входит в триаду, где п-п-первый член есть пресыщение, а п-п-последний – отчаяние, горе. Скажи мне, царевич, зачем ты п-п-передел двух парней девушками?

– Так ведь я же объяснял на агоре, зачем, – сам удивляясь своему терпению, ответил Тесей. – Мне нужен был под рукой опытный воин и силач. Такой, как Агамед. А его друг, ловкач и развратный пройдоха, тоже может оказать полезным в битве – в отличие, ты уж меня прости, от доморощенного мудреца.

– Вот-вот, ты действовал, не п-п-пресыщением или избытком побуждаемый, а напротив, восполняя недостачу, это раз. Гибрис предполагает особое дерзновение в отношении богов, а тут ничего п-п-подобного. Это два. Иное дело – твое вмешательство в нашу судьбу, Тесей.

– А в чём ты видишь отличие? – удивился царевич.

– На первом этапе твои действия и вправду весьма похожи. Снова никакого пресыщения властью или избытка богатства, никакой гордыни! Опять и не задумываешься даже, равен ли ты, как человек, богам бессмертным. Ты просто хочешь спасти семь афинских юношей и семь афинских девушек от смерти в Лабиринте и прекратить обычай

выдачи живой дани в Кносс навсегда. Ты отказываешься от своей привилегии как царского сына и по доброй воле заменяешь юношу, избранного по жребию.

– Ну, да. А как я мог поступить по-иному, Солон? Когда пришла пора вынимать жребии, у моего земного отца Эгея пошли раздоры с согражданами. Они горевали и с негодованием сетовали на то, что отец мой, виновник всех бедствий, единственный свободен от наказания. Будто бы, завещав власть мне (а меня ваши отцы считают незаконнорожденным и чужеземцем), он равнодушно глядит, как они теряют законных отпрысков и остаются бездетными. Эти жалобы угнетали отца, и каково мне было наблюдать его страдания! Да я никогда не простил бы себе, если бы вы уплыли на Крит, а я остался бы в благословенных Афинах...

– Ты поступил благородно, царевич, – поклонился ему на ходу Солон.

Тесей помычал, помычал, да и махнул рукой. Усмехнулся криво.

– Да ладно уж, признаюсь тебе, что сам я ни о каком вашем спасении тогда не думал. Вот ты скажи, разве смог бы я иначе достать Минотавра? То бишь, если бы не затесался со своей верной дубинкой в вашу дрожашую от страха толпу? Способ я избрал рискованный, однако надеюсь, что он оправдает себя.

Он почувствовал, как замкнулся Солон, только что источавший чувства преданности и благодарности, захотел обнять его худые плечи и объяснить, что был равнодушен к юным жертвам жребия прежде, до знакомства, а теперь привязался к ним, живым и таким разным, и уже сознательно стремится защитить их от выродка Минотавра. Да ведь и Перибейя, столь вожденная им вострушка Перибейя, тоже в смертельной опасности. Однако слишком долго Коннид воспитывал в нём гордость сына бога Посейдона и одновременно царского сына. Тесей промолчал.

А Солон призадумался. Золотистая нить натянулась, и царевич легонько ткнул его локтем. Солон впечатался в серую стену, воззрился на Тесея недоуменно, а сообразив, в чём дело, отмотал нить. Растирая ушибленное плечо, спросил едва ли не равнодушно:

– Правильно ли я понял, что тебя на присоединение к нам, отверженным богами, подвигло желание славы, честолюбие?

– Да, да, – и всё-таки не удержался, намекнул. – Однако тогда я не знал ещё никого из вас. Ну, кроме Агамеда и Антимаха.

– Как ни крути, в твоём желании убить Минотавра я не вижу никакого гибриса. Твое дерзновение направлено отнюдь не на богов, а на Миноса и незаконнорожденного сына его супруги, человекобыка. А вот постигнет ли тебя горе после подвига (если он удастся, конечно), никто сейчас не сможет сказать, ведь боги творят, что им заблагорассудится. Так

что дерзай, царевич Тесей! А вдруг завоюешь вечную славу, а заодно спасёшь и нас, ничтожных.

– Мне ничего другого не остаётся, как положиться на благую волю богов, – произнёс Тесей небрежно.

Они с Солоном только что повернули за прямой угол, и впереди открылся прямой отрезок Лабиринта – столь длинный, что стал виден Прокрит, одолевший уже где-то половину его. Присмотрелся Тесей – а парень еле переставляет ноги. Не иначе, как утомило постоянное ожидание опасности впереди. Царевич мгновенно решил, что заменит его Антимахом: ещё и потому, что девушку всегда наблюдать приятнее, пусть даже и мнимую. Девушки, девушки... А ведь чуть было не позабыл.

– Спасибо тебе, Солон, за помощь, – выговорил Тесей благосклонно. – У меня к тебе поручение как к певцу. Составь мне быстренько песню для боевого танца. Мотив можно взять готовый, хоть бы из песни «Уж как с милым под кусточком мы беседушку вели – из пэан!».

– Замечательно! – подпрыгнул от радости Солон. – И я, коли позволишь, разучу песню с девушками!

– Конечно, позволяю. Времени у тебя – на два длинных колена Лабиринта. Можешь вернуть мне моток. Теперь остановись, подожди остальных и пошли ко мне Идаса и Антимаха.

Исчез Солон, а царевич снова принялся разматывать нить. Дело показалось привычным, будто всю жизнь это проделывал. Рассказывали, что Геракл вот уже несколько лет только тем и занимается, что в женском платье, раб Омфалы, помогает ей прясть, держа веретено. Тесею пришло вдруг в голову, что его знаменитый родич все эти годы втихомолку наслаждается недоступным ему раньше отдыхом. И не всегда же занят веретеном, если Омфала рождает ему сыновей...

А вот уже слышно стало за спиной, как шлёпают сандалиями Идас с Антимахом. Тесей вручил Идасу моток, а ловкачу Антимаху поручил сменить Прокрита.

– Ты там не храбorestвуй. Если увидишь нашего двуногого бычка, не хватай его за рога, а беги ко мне и вопи при этом во весь голос. За угол выглядывай осторожно и каждый раз кричи мне, что видишь. Прокрит, к сожалению, забывал.

Убежал вперёд Антимах, а Тесей повернулся к растерянному улыбающемуся Идасу:

– Мне понравились твои соображения на агоре, умник наш Идас. Хотелось бы узнать, как ты оцениваешь мои шансы прикончить Минотавра.

Улыбка вихрастого Идаса стала ещё шире, а глаза превратились в щёлки.

– О! И до чего же я благодарен тебе, царевич Тесей! Я уж боялся, что умру, и никто не узнает, чего я в молодой своей жизни напридумывал, а теперь... Даже если все мы погибнем, останется возможность, что сказанное мною тебе пронесётся в пространстве и достигнет крайнего Севера земной поверхности, где сейчас зима...

– Это сейчас-то зима? В середине месяца таргелиона?

– Там всегда зима, царевич Тесей, и всегда стоят такие морозы, что плевков замерзает на лету. На берегу ледяного океана мои слова замёрзнут и сохранятся, пока туда не приедут на оленьих упряжках путешественники из Эллады. Они разморозят мои слова, и мир узнает, что я тебе сегодня говорил.

– Однако же и лихо начал ты свою речь, мой Идас! Напомни мне, кто твой отец.

– Мой отец Аркад – владелец харчевни, что в Афинах под Акрополем. Он человек неречистый, но мы оба не прочь послушать болтливых посетителей и наматываем услышанное на ус. О, как любил я, забившись в тёмный уголок, искать смысл в несвязных речах оборванцев, упившихся несмешанным дешёвым пойлом! Быть может, царевич Тесей, мои слова покажутся тебе тоже несвязными, но они, я надеюсь, новы – и пригодятся тебе, если мы с тобой выживем в этом смрадном закутке.

– А мы выживем, Идас? – усмехнулся Тесей. – Что тебе об этом сказали бессмертные боги?

Фигура Прокрита, стоявшего на дороге с таким видом, будто только что пахал на волах, медленно увеличивалась. Засмотревшись на копну светлых волос на голове парня, Тесей не расслышал сказанного Идасом и попросил его повторить.

– Ты, царевич, прекрасно слышал мои слова, но твой разум отказался их воспринимать. Я сказал, что лучше погожу отвечать тебе, пока мы не минуем Прокрита. Дитина простоват, но ума, чтобы донести жрецу или царю, у него хватит.

– Однако... – удивился Тесей и через пару минут провозгласил. – Спасибо тебе за службу, честный Прокрит. Отдохни теперь, пока не нагонит дружина.

– Да не за что, великий царевич. Вот сандалии совсем в негодность пришли. Скажи, прошу тебя, своему отцу, великому царю Эгею, чтобы выдал мне ремней на новую обувь.

– Будь по-твоему, честный Прокрит.

Пока не отошли они достаточно, чтобы Прокрит их не подслушал, Тесей развлекался, представляя, как важный седовласый Эгей, прислонив к трону резной царский посох, отмеривает простаку ремни для сандалий. Наконец, чужак Идас прокашлялся и выпалил:

– Не знаю, богохульство ли то, что я повторю сейчас. Однако богам давно следует указать их место. О! Отчего ты вытаращился на меня, царевич, не хуже Солона? На их место, богов, то есть на небе.

– Они вездесущи, боги, – пробурчал Тесей. – Не знаю... Боюсь, что богохульство может нам сегодня повредить.

– Не вижу я тут никакого богохульства. Я богов почитаю, только считаю, что надо разграничить сферы их деяний и свершений человеческих. Зачем они, например, гоняются без конца за земными жёнами и девицами? Мало им, что ли, прелестных нимф лесных и морских, только руку протяни? И не следует им вмешиваться в земные войны! Это несправедливо, когда одному войску помогает могучий бог войны Арес или даже наша Афина Защитница, а другое может рассчитывать только на свои силы. Богам – небо, людям – землю и море! Только так! И я позволю себе сказать, что уже совершенные тобой подвиги, царевич Тесей, для меня – чёткое свидетельство того, что такая новая, справедливая эпоха наступает.

– Продолжай, Идас. Как видишь, я не прерываю тебя, но это вовсе не означает, что я одобряю все твои слова.

– Вот-вот! Ты только притворяешься подражателем бесшабашного родственника твоего Геракла, а на самом деле осторожен и рассудителен. Я внимательно прислушивался к пересудам о твоём рождении, будто знал, что мы встретимся в Лабиринте. И забавную вещь обнаружил! Заметил ли ты сам, что главным действующим лицом там выступает твой отец царь Эгей, а земледержец Посейдон в той истории с боку припёка? Он вроде и приголубил твою мать, почтеннейшую царевну Эфру, но об этом говорится вскользь. А теперь, пока ты не успел обидеться, попробуй вспомнить, ощущал ли ты какую-нибудь помощь богов, когда совершал свои предыдущие подвиги.

Тесей только головой покачал. Он и сам удивлялся, но мог бы лишь подтвердить сказанное Идасом. Вот только не станет этого делать. Очень уж неблагоприятный сейчас момент, чтобы схлопотать молнию, сработанную хромоногим папашей покойника Перифета!

– А всё потому, царевич, что ты герой абсолютно нового типа, необходимого сейчас Элладе. Такая неуклюжая, столь глупо и бестолково устроена она, наша страна – и как же я её люблю! Да и ты тоже, царевич. А чтобы её изменить к лучшему, нужны подвиги новых героев, похожих на тебя, а в советниках у них должны быть разумники вроде меня, ничтожного Идаса, сына харчевника. Для тебя, героя нового образца, уже не важно, сын ты божий или нет. Сыном Посейдона ты называешь себя, только повинуюсь обычаю, а действуешь, исходя из своих собственных побуждений. А ты, как я понимаю, не только

безумно жаждешь славы, но из врожденной порядочности стремишься к справедливости. Допускаю, когда мода на таких, как ты, самодостаточных, что ли, героев возникнет и окрепнет, появятся и личности, которые будут руководствоваться только низкими побуждениями. Очевидно, с ними придется бороться силой законов.

– А те разбойники, уничтоженные мной по дороге из Трезена в Афины, они не относятся к этой твоей второй категории? – спросил недоверчиво Тесей.

– Да нет, они ведь все выдавали себя за божьих сыновей, – отмахнулся Идас. – Но тут другое меня цепляет. И года не прошло после этого твоего подвига, а в Афинах рассказывают о нём совсем по-разному, каждый болтун своё талдычит. Можно только представить, какими баснями уснащены истории о героях древности, если о тебе, юноше, уже рассказывают нелепые сказки!

– Ну, я-то знаю, как прикончил того же Прокруста на самом деле, – заявил Тесей самодовольно.

– А для чего, спрашивается, мы, греки, вызнали у финикийских купцов тайну их письма? В хорошо устроенном государстве к тебе приставили бы резчика, и он вырезал бы твои приключения на камне. Камень поставили бы в храме Афины или на рынке, и мы имели бы хоть одну правдивую историю. Вон в Египте, насколько мне известно, такого разнобоя в мифах нет, потому что вся их история вырезана на камнях. Вообще же в этой знойной стране многое достойно разумного подражания.

– Вот именно разумного – и не иначе! – взвился Тесей. – Ведомо ли тебе, что этот глиняный загон Дедал построил, взяв за образец египетский лабиринт в Крокодилополе и уменьшив его в сто раз? Ума не приложу, почему царь Минос просто не построил для незаконнорожденного и позорно зачатого человекобыка обычную крепкую темницу. Дёшево и сердито.

– И мы тогда на этот час уже были бы или живы, или мертвы, – мрачно подтвердил красноречивый, как выяснилось, Идас. – По мне, Минос хотел запугать наши Афины и нашего царя Эгея. Вот именно потому, что он хочет объединить Элладу, подобно тому, как фараоны объединили Египет и сделали из него единую крепкую державу. Мне говорили, что царь Минос построил большой флот и присоединил ко Кноссу не только остальные земли Крита, но и ближайшие Кикладские острова. В этом я тоже вижу влияние Египта, да только влияние тлетворное. Ведь греков никогда и никому не удастся соединить в огромное, самодержавно управляемое государство вроде Египта или Персии. Слишком уж разные мы люди с варварами.

– И чем же мы отличаемся, по-твоему? – прищурился Тесей.

– Мы любим поболтать, царевич. Нас хлебом не корми, а поставь вопрос на обсуждение, хоть бы о том, как соседский бык повалил плетень. Страшно любим голосовать и выбирать жребием. Мы выбираем даже стратегов, что с точки зрения военного искусства есть опасная глупость. Собрать наши толпы пустомель в единую деспотию восточного типа не удалось бы даже Зевсу с его молниями.

– Ну, не скажи, Идас. У нас ведь царь в каждом городе. Главных-то выборов, выборов царей в Элладе не бывает.

– Зато можно установить новые обычаи, полезные для всех маленьких царств Эллады. Например, создать совет царей, и в нём выбирать главнокомандующего для объединённого греческого войска. Это в случае, если внешние враги, тот же просвещённый Египет или славная невежеством Персия захотят нас завоевать. Сейчас варварам очень просто было бы это сделать, большим своим войском покоряя города и царства поодиночке. Если же собрать всех царей на совещание...

– Помолчи, Идас. Вон наш Антимах заглядывает из-за угла в очередное колено Лабиринта... Антимах, что видишь?

Мнимая Коронада уже исчезла за углом. Донёсся голос Антимаха:

– Там пустой отрезок. Очень длинный, самый длинный, царевич. А за стеной, кажется... Да, слышно, как водонос кричит. Там уже город.

– Жди нас за углом, Антимах!

Глава 17

У самой стены изнутри

Танец для слушателей, и к чему он привёл. Стычка у кораблей

На пути до угла Тесей рассказал Идасу о благоприятной для себя ситуации с престолонаследием в Афинах и пообещал обязательно взять его к себе в советники.

– Благодарю, царевич, – поклонился в ответ Идас. – Чистосердечное обещание само по себе дорогого стоит.

Завернув за угол, Тесей впервые за всё время знакомства с Антимахом увидел его растерянным.

– Я не верю своим ушам, царевич, – пробормотал ловкач. – За стеной вопит не простой водонос... Да ты прислушайся сам.

Тесей наставил ухо. Обычный негромкий городской гул, и вдруг его прорезал крик. Недалекий, быть может, прямо за стеной.

– Ключевая вода из лесного источника! Сладкая, как вино! Смакуя её, приятнее будет слушать вопли жертв Минотавра! Всего половина обола, и за те же деньги место на скамье! Ключевая вода...

Царевич закусил губу. Идас вымолвил презрительно:

– По мне, так горожане Кносса продали бы и мать родную, предложи только хорошие деньги.

– А я бы предпочёл, чтобы этот водонос предлагал делать ставки на тебя, царевич, и на Минотавра, – усмехнулся Антимах. – Если три к одному, я бы поставил на тебя. А вот и наши подтягиваются.

Заметно было, что все устали. Лица осунулись, одежды обвисли. Девушки, не боясь запачкаться, прислонились к смрадным стенам, парни один за другим присели на корточки. Только Солон остался на ногах и вопросительно поглядывал на Тесея. Тот спросил:

– Готова ли твоя песня, щедрый на таланты Солон?

– Ты бы, царевич, сам п-п-попробовал сочинить что-нибудь путное за столь короткое время... – осклабился Солон. – Однако на п-п-первый случай сварганил.

– Так спой.

Тогда Солон приложил правую руку к груди, закатил глаза и запел – тягуче и медленно, однако неожиданно высоким голосом:

Как с Тесеем в Лабиринт мы зашли без страха, из пэан!

Впереди герой могучий, из пэан!

С нами сила Посейдона и Афины мудрость, из пэан!

Минотавра гибель ждёт, из пэан!

– И почему бы это, Солон, все твои стихи хромают? – выпятил толстую губу Порфирион. – Уж не потому ли, что сам ты заика?

Певец только глазами сверкнул. Тесей положил руку на его потное плечо, успокаивая.

– И вполне пригодная песня. Сперва длинная строка, потом короткая. Самое то для нашего танца. Ты давай пока разучи песню с девушками, а я покажу танец ребятам.

Девушки собрались в кучку и захихикали, а парни неохотно поднялись с корточек. Раздался дружный треск в коленках. А ловкач в девичьем обличье хмыкнул, полез за пазуху и вытащил свёрток. Размотал кожу – и все увидели небольшую флейту Пана.

– Вот, не жаль мне левой груди для общего дела, – сморщил он нос. – Кто из вас, непорочные афинские девы, умеет играть на сиринге? Никто? Ну, тогда бери ты, проворная Мелиппа. Тут и играть не надо уметь, просто дуй, когда подруги будут выкрикивать «из пэан!».

– А что у тебя на месте правой груди? – поинтересовался Порфирион.

– Фляга из тыквы с хиосским вином. Жаль, вино выпили с Агамедом в дороге. А мне позволишь сплясать, царевич?

Тесей кивнул и показал всем, как надо ставить ногу с вывертом и как вытягивать носок, когда нога висит в воздухе. Потом выстроил танцоров в ряд, и все положили руки на плечи соседей. Сам царевич занял место посередине. Присмотревшись, велел Идасу отдать моток с нитью Перибее.

– Как только девушки запоют, мы попробуем разучить новый танец. С началом песни, под длинный стих, делаем девять шагов вправо... Это вперёд по ходу движения. Потом поворачиваем головы и туловища и делаем шесть шагов влево, назад. Все ли меня поняли?

Не все и не сразу поняли царевича, девушки поначалу стеснялись и в первый раз спели вразнобой, так что Солон хватался за голову, а потом всё само собой сладилось, спелось, станцевалось. В ушах у Тесея звучала немудрёная песенка, девичьи нестройные голоса скреплялись в конце стихов проигрышем на свирели Пана, то влаивавшей, то издававшей тонкий писк. Теперь уже чужие руки на плечах не мешали царевичу, он ощущал себя единым целым с двигающимися в лад товарищами, и казалось ему, что вот так, в обнимку с юношами-простолюдинами, он не только безопасно и безмятежно проникнет в сердце Лабиринта, но и перелетит, стоит только захотеть, через его глиняные стены. Растаяла усталость, а с нею и опасная лёгкость в голове, ведь не ел с самого утра... Вот как лихо сыграла Мелиппа! Перекрыла «Иэ пэан!». Тут он вспомнил о припасе, подаренном от чистого сердца Перибеей, почувствовал на языке вкус финика и попробовал найти девушку глазами.

Но что это за звуки дополняют не в лад музыку и топот танца? Почему запнулись певицы и сбились с такта танцоры? Эти глухие удары о твердый камень могут означать только одно... Тесей выскользнул из-под рук Агамеда и Федима на середину хода, нащупал за поясом рукоятку дубинки и закричал:

– Все назад!

А вот он и выпрыгнул из-за угла, пресловутый человекобык. В поворот не вписался, шмякнулся об стену. Чёрный хвост с кисточкой нелепо хлестнул по мохнатому бедру. Сейчас в полтора плетрах, однако разворачивается и снова побежит. На две головы выше обычного человеческого роста, рога будь здоров, шерстист по-бычьему, кулачищи сжаты, в правом камень. Особой вони пока не слышно. Не ужасней, чем в ночном кошмаре, вот только никто не предупредил, что его круглые глаза горят жёлтым огнём. Стучит пятками по камням, разгоняется. Уже и голову наклонил, острия на рогах вперёд выставляя.

Дубинка зажата в руке. Не побежать ли навстречу? А то собьёт с ног одним только весом...

– Посторонись!

Ветерок остудил на мгновение, ткань сброшенного алого плаща мазнула по плечу – это Антимах опередил царевича. Прыгнул навстречу чудовищу, сумел ухватиться за рога, повис на них... Удивлённый Минотавр пытается стряхнуть помеху, а, как только сообразит пустить в ход пудовый свой кулак или камень, смельчаку конец. На бегу Тесей отшвыривает носком сандалии пустую флягу из тыквы, вот он уже рядом, размахивается и изо всех сил бьёт дубинкой по мощному, густым полуседым волосом поросшему колену.

Огромная мускулистая нога изгибается неестественно, с треском – и Минотавр, издавая возмущённый рёв, рушится на каменный пол. Антимах уже отпустил его рога, между ними открылся плоский лобик. Вот сейчас Тесей ухнет туда тяжкой, медью окованной дубинкой, она уже в воздухе и свистит, опускаясь...

Попал! Слава богам! Попал! Лобная кость поддалась, слышится глухой, с призвоном каким-то звук, огненные жёлтые глаза погасли, покрытое волосами мощное тело опускается на землю. Победа! Оставив дубинку в правой руке, Тесей левой ухватывает Минотавра за рог и закричал:

– Агамед, ты куда пропал? Берись за второй рог! Идас, найди моток и начинай сматывать нить!

– Подружки, не бойтесь! – запищал Антимах. – Чудовище убито!

Из-за стены раздались возмущённые голоса и свист. Вот так все, в Лабиринте и за его стеной, кричали друг на друга, но афиняне, голодные и усталые, только на крик и оказались способны. Бессильно повалились они на грязный пол вокруг Минотавра, а царевич, подстелив гиматий, уселся на него. По коже чудовища, покрытой волосами с проседью, пробежали волны конвульсий.

– Не оживёт ли наш бычок? – осведомился, задыхаясь, Антимах.

– Пусть только попробует, мразь, – ответил Тесей. Хотел улыбнуться, но мышцы лица ему не подчинились.

– А чем недовольны граждане Кносса, спрашивается? – протянул Солон и сам же ответил. – Лишили мы их развлечения, ай-я-яй...

– Так пусть не ожидают от нас мирной прогулки по своему городу, – пообещал Тесей и, не выпуская из руки рог чудовища, медленно распрямил колени. – Агамед, не спи! Поташим Минотавра вдвоём. Идас, веди нас! Девушки, посторонитесь.

Девушки посторонились – но и заплакали вдруг, друг дружку обнимая, а Гесиона на груди у жениха.

– Вот, развели сырость, – пожаловался Прокрит, сам переувлажнённый, будто вот-вот заревёт. И поинтересовался. – А почему бы, царевич, нам не бросить падаль здесь?

– А если и в самом деле вдруг очухается? Кто его добьёт в таком случае? – терпеливо пояснил Тесей. – И мне, честный Прокрит, надо представить доказательство подвига. Вперёд! Нам необходимо во что бы то ни стало отплыть из гавани до темноты.

Обратный путь через Лабиринт оказался не быстрее проникновения в него. Федиму пришлось сменить Агамеда, а Тесею уступить рог Прокриту. Над смрадной лужей юноши сообща перенесли труп Минотавра на руках. Царевич не поверил своим глазам, когда из-за серых глиняных стен вынырнула, наконец, каменная кладка ворот. Он поблагодарил Федима и Прокрита, постучал и, стоило воротам приотвориться, самолично вытащил Минотавра на порог и бросил там, в створе. Слышал топот убегающего стражника, но не придавал этому значения.

– Держите вашего бычка, почтенные обитатели Крита! – выкрикнул афинский герой давно заготовленную фразу. И осёкся. Потому что мимо уха его свистнула стрела и воткнулась в щит ворот. В следующее мгновение Тесей уже укрылся за столбом и оттуда осторожно выглянул.

На почтительном расстоянии от Лабиринта толпился мирный народ Кносса. Ближе справа стояло лёгкое кресло, в нём восседал царь Минос, а за его плечами стояли Херил и два десятка критских гоплитов. Один из гоплитов убирал лук в налучье: стало быть, стрелял для остротки или чтобы привлечь внимание. Слева, ближе к дороге, ведущей в гавань, на табурете сидела, гордо выпрямившись, царевна Ариадна, за ней стояла унылая старуха-рабыня с большим узлом за плечами, у ног девушки – бронзовая статуя Афродиты в треть человеческого роста, полузавёрнутая в дерюгу. «Похоже, наша прекрасноволосая собралась в дорогу», – догадался Тесей.

– Агамед! – позвал он. – Уверен, что вас не тронут. Выводи всех и бегите по этой вот дороге в гавань. Скажите там кормчему, чтобы готовился к отплытию. Быстрее!

На самом деле Тесей не очень-то был уверен, что его подопечные теперь в безопасности, но что он мог ещё для них сделать? Только отвлечь внимание царя Миноса и его людей от бывшей живой дани. Сначала, однако, они должны покинуть проклятый Лабиринт. Не отрывая глаз от противника, царевич прислушивался к происходящему в воротах. Там шлёпали по глине сандалии, а между шлепками раздавались мягкие, похожие на лёгкие хлопки звуки. С ними афинские юноши и девушки попирали ногами живот лежавшего навзничь ужасного Минотавра. Это замечательно!

Рядом, в воротах, теперь тишина. Бывшая афинская дань уже на дороге. Антимах бежит последним, оглядывается на воинов. Те, как и царь Минос, провожают афинян

глазами. Пора! Тесей выскакивает из-за ворот и что было сил, но по возможности бесшумно бежит к Ариадне. Вот он уже рядом, вот встречает пустой взгляд её красивых глаз, вот сжимает в руке холодные тонкие пальцы.

– Однако же и несёт от тебя, Тесей! – звучит её приветствие.

Оправдываться некогда. Тесей становится за табуретом царевны, а для верности выставляет перед собой ещё и старуху. Кричит:

– Минотавр мёртв! Теперь ты, справедливый и мудрый царь Минос, обязан нас освободить.

Сгорбленный, бессильно осевший в кресле царь Минос сообщает свой ответ Херилу. У десятника лужёная глотка, и он орёт на весь Кнос:

– Неужто ты посмел взять в заложницы мою дочь Ариадну?

Тесей не успевает сочинить пристойный ответ. За него отвечает Ариадна – громко, хоть и довольно пискливо:

– Как ты мог подумать, мой мудрый отец, что я позволила бы взять себя в заложницы? Я по доброй воле поплыву с Тесеем, потому что давно хотела покинуть твой геникей. Я хочу объехать материковую Элладу, увидеть её города и храмы. Теперь, после смерти уродливого моего брата Минотавра, я хоть смогу с чистой совестью добрым людям в глаза посмотреть. Ну, и разве ты забыл предназначённое мне Пифией?

Царь Минос помолчал, опустив голову. Потом повернулся к Херилу. Десятник кивнул и проорал:

– Да, взрослые дети – чужие дети. Плыви, пышноволосяя Ариадна, навстречу своей судьбе. Ты же, Тесей, поберегись. Согласен, что ты достиг сегодня многого, но помни, что в любом деянии важен последний результат. Я отпускаю вас обоих с миром. И афинскую дань вместе с вами.

Что тут скажешь? Тесей низко поклонился. И прошипел:

– Царевна, собирайся. И рабыне отдай распоряжение.

– Можно подумать, что я собиралась тут остаться, Тесей! И никакая это не рабыня, то есть она рабыня вообще-то, однако это моя кормилица, любимая мною бабушка Коркина. Она и без того запыхалась, когда тащила сюда всё для меня дорогое. Так что возьми, Тесей, богиню Афродиту и табурет, донеси до корабля.

Царевич задохнулся от злобы. За кого она его принимает? Да по-прежнему за бесправного государственного раба, вот за кого... Это тебе не умница Перибей! Он собрался, дважды глубоко вздохнул и заметил мягко:

– Я выкажу своё почтение прекрасной и всемогущей Афродите, донеся на плече её статую до корабля. Табурет же едва ли стоит брать с собой в плавание, золотообутая Ариадна.

– Как это «едва ли стоит»? – надула она губки. – Это мой любимый табуретик, я обожаю на нём сидеть и мечтать. И на чём прикажешь мне усесться на корабле? Неужели усадишь меня на грязное сидение для гребца?

Он покачал головой, отпустил руку своей почётной добычи, подхватил с земли на левое плечо статую, и не без труда снова ухватил ладошку Ариадны. Та с царственным изяществом поднялась с резного табурета. Заявила, сморщив носик:

– Ты всё слышала, Коркина. Придётся тебе снова тащить табурет. И не вздумай влюбиться в Тесея, как ты влюбляешься во всех моих поклонников, когда он отмоеется и снова станет красавчиком. Сама видишь, он нас обеих совсем не уважает.

О боги! Спускаясь с пологой горы, Тесей подсчитал, сколько кораблей в гавани. Шесть. Один, «Полибия», на воде у причала, пятеро критских вытащены на берег. Это хорошо... Понравилось ему, что афинская молодёжь побежала прямо на «Полибию», хоть некоторые девушки свалились без сил на причале у сходен. Понятно, почему не желают больше оставаться на земле Крита. Он и сам... А вот и кормчий бежит навстречу. Тесей легонько подтолкнул ему навстречу Ариадну и приказал:

– Навсифой, будь готов немедленно поднять якорь!

– Царевич, я счастлив видеть тебя целым и невредимым! Но послушай, такие грязные мореплаватели могут не осилить перехода к Афинам. Заболеют! Я уже придумал: тут есть две бухточки поблизости, справа и слева от причала, в одну пошлём девиц, в другую – парней, да и ты заодно помоешься...

– Нам нельзя задерживаться, Навсифой! Помоемся, когда станешь на якоре у ближайшего острова. Ты же пока расположи на своём судне царевну Ариадну с её табуреткой и кормилицей, где пожелает. И гони всех наших с причала на палубу. Возможна ещё погоня... А вот и она, демоны бы забрали великого царя Миноса!

Это он услышал глухие удары копыт. Присмотревшись, увидел, что с горы скачет только один-единственный всадник, и это Херил. Подъезжая к причалу, десятник сдержал коня и ловко соскочил. Обнажил меч и встал перед Тесеем. Проговорил, восстанавливая дыхание:

– Я придумал замечательный способ прославиться, Тесей. Самый лёгкий и самый простой. Предоставить тупому герою трудиться для подвига, а когда он сделает всю чёрную работу, подменить его. Как ты думаешь, бывший царевич, кого воспоют аэды как победителя Минотавра, если я сейчас тебя убью?

Присматривая не так за мечом, как за мощными кривыми ногами Херила, Тесей промолвил рассудительно:

– Раз уже ты принялся рассуждать о славе, критский вояка, задумался был лучше, почему в твоём зрелом возрасте ничем до сих пор не прославился. Однако скажи мне, если не секрет, это царь Минос приказал тебе меня убить?

Херил покачал головой, и Тесей отметил, что видит почти всё его потное красное лицо, потому что десятник держит шлем на затылке, не опустив забралом вниз. Ткнуть туда, что ли, дубинкой, как проделал это с Синидом, Сгибателем Сосен? Но в любом случае следует вначале выслушать ответ.

– Нет, мой царь Минос решил тебя отпустить. Если бы я не знал своего государя много лет, поверил бы, что он побаивается тебя, молокососа. Царь отправил меня перехватить твоего земляка Дедала, ведь ему не убежать с Кипра, если не сядет здесь на корабль. Царь Минос разгневался на мастера за все совокупные его вины и желает примерно наказать. Но прежде поимки Дедала я решил покончить с тобой, неугомонный царевич.

Притворяясь, будто внимательно слушает, Тесей терпеливо ожидал, когда возникнет удобный момент для атаки. Вот сейчас! Он одним движением выхватил из-за пояса палицу и бросил её вперед, словно целил в лицо Херила, тут же отдернул и уже в ответ на поставленную бездумно десятником защиту захватил и вырвал меч из его руки. Меч глухо упал на доски причала, а Херил схватился за плечо и скривился от боли: вывихнул, наверное.

– Агамед, подбери меч! Навсифой, выдай Федиму корабельный топор! За мной, ребята!

Подбежав к ближайшему критскому кораблю, Тесей принялся крошить дубинкой его днище. Прибежал Агамед с мечом – и очень вовремя: на Тесея бросился уже возмущенный критский моряк с большим ножом.

– Отстань, дядя! – крикнул ему Тесей. – Узнаёшь меч у моего парня? Нет? Это меч десятника Херила! Давай, давай, подходи, если хочешь, чтобы с тобой стало то же, что с Херилом!

Моряк стусевался, тем более, что рядом с Тесеем стоял теперь и Федим, помахивая топором с длинной ручкой. Втроём они, не встречая больше сопротивления, пробили днища ещё у четырех вытянутых на берег критских боевых судов. Можно было не опасаться скорой морской погони, и «Полибия», наконец, отчалила.

Ветер сменил за день направление: теперь дул южный, снова попутный. Тесей встал у борта рядом с сидящей на своём табурете Ариадной. С неожиданным огорчением

всматривался он в белеющий на верхах горы Кносс, город, в котором ему не удалось толком побывать.

– Встань, пожалуйста, с подветренной стороны, – сморщила носик царица, а когда Тесей нехотя повиновался, упрекнула. – Стоило ли тебе самому портить корабли? Странный ты, однако, царевич. И почему-то не боишься рассердить моего отца.

– Скажи лучше, царица, не знаешь ли ты, к какой суше мы приплывём... И приплывём ли до темноты?

– Откуда мне знать? – удивилась Ариадна. – Моё дело девичье – сидеть на табурете и смотреть на волны. Вот кормчий идёт, у него и спроси.

Возник восхитительный, вкусный запах – и резко усилился. Тесей повернул голову – рядом стоял Навсифой. Привычно пружиня ногами, кормчий держал на ладонях по миске пшеничной каши с жареным тунцом.

– Наш повар поставил кашу ещё в полдень, а когда сварилась, заправил рыбой. обернул котёл шкурами и перенёс с моряками на корабль. Это ваши порции, царевич и царица, а ракушки вместо ложек для вас у меня за пазухой. Старушку твою, царица, повар уже покормил. Прошу, не побрезгуйте.

– Вот ещё! – фыркнул Ариадна. – Не ем я кашу, а то ещё разнесёт, как корову – или как мать мою Пасифаю, пожелавшую и телосложением подражать своим рогатым соперницам. Я фиников поем.

А Тесей поблагодарил, присел у борта и взял у кормчего миску и ракушку. Кормчий уселся с ним рядом и принялся за порцию Ариадны. Поев, царевич поставил миску на палубу перед собою, перебросил ракушку через борт, поглядел на волосатые ноги Навсифоя, уже поднявшегося, но не последовал его примеру. Скотал гиматий, положил узелок у табурета царицы, а на него голову. Растянулся блаженно прямо на досках палубы. В следующее мгновение он погрузился в свинцовый сон.

Проснулся Тесей уже в сумерках. Навсифой снял руку с его плеча и улыбнулся:

– Мы бросили якорь возле острова Фира. Здесь отмели по обе стороны от причала, юноши уже ушли вправо. Ты ещё не забыл, царевич, что хотел покупаться?

Герой поднялся на ноги с большим трудом, на свой вопрос о мыле получил ответ, что без этого предмета роскоши придётся дотерпеть до Афин, побултыхался вместе с юношами в мелком заливице и с немалым облегчением вернулся на доски у ног Ариадны. Мелькнула мысль, что царица либо не спала вовсе, либо уже проснулась, и он заснул опять.

Глава 18

*В море и на Кикладских островах***Исчезновение Ариадны и ещё одна оплошность Тесея**

И снова, очнувшись, Тесей увидел над собой красное лицо кормчего. На сей раз Навсифой не улыбался.

– Однако же и здоров же ты спать, царевич! Ну, если ты такой богатырь, как рассказывают, то и сон у тебя богатырский...

– Где мы? Что случилось? – и Тесей зевнул во весь рот. – Ты не разбудил бы меня попусту, кормчий. Мне нужно наведаться на корму, поговорим по дороге.

Стояло прекрасное раннее утро. Корабль был пришвартован к причалу большого острова, покрытого невысокими светло-бурыми горами. Бывшая афинская дань вповалку спала на палубе. Облегчившись в виду блистающего под солнцем моря, Тесей совсем забыл, что ему предстоит выслушать сообщение о какой-то неприятности. Однако кормчий не стал его долго интриговать.

– Мы у причала на острове Наксос, самом большом из Кикладских островов. Ты проспал ночную стоянку у Тиры, дневной переход до Наксоса и ночь здесь. А поднял я тебя потому, что ночью пропала царевна Ариадна.

Тесей присвистнул. Вот это новость! Он тотчас же забыл, что в животе посасывает. Огляделся, увидел пустой табурет царевны, но передумал садиться на него. Поставил табурет напротив морского рундука. Сам сел на рундук, а кормчему показал на табурет.

– Садись, Навсифой. И скажи, когда ты понял, что Ариадна исчезла?

– Не разломать бы... Странная история. Меня, точно так же, как я тебя, разбудил Клеарх, дежуривший у рулевых вёсел. Он вдруг увидел на фоне лунной дорожки, что царевна стоит на борту, протягивая руки вперёд и вверх. Вот здесь Ариадна стояла, на левом борту, что со стороны залива. Протёр он глаза, говорит, а её там уже нет.

– И как ты тогда поступил?

– Подождал рассвета и тогда обшарил весь корабль. Кормилица её, эта старуха, дрыхла себе на палубе, но почему-то в окружении юношей. Царевны нигде не было.

А Тесей только сейчас оценил, какими неприятностями для Афин грозит исчезновение строптивой Ариадны. Он схватился за голову.

– Рано я решил, что имею право отоспаться в покое на морских волнах! Не в службу, а в дружбу, Навсифой, разбуди и пошли сюда Солона, пусть он найдёт принадлежности для письма. А также доставь ко мне Клеарха. Мы с тобой опросим всех, кто в этом деле замешан, а умник Солон запишет главное. Или запомнит, чтобы после, в Афинах записать.

Кормчий поднялся с табурета. Прогудел:

– Да я и сам уже догадался, в какую новую беду мы с тобой вляпались. У меня в каюте валяются диптих и палочка эта острая, стилос. Болтуна Солона я знаю в лицо, не беспокойся.

Ушёл Навсифой. Вернулся вместе с отчаянно зевающим Солоном и сумрачным, явно уставшим моряком Клеархом. Хлопнул себя по лбу кормчий и, добыв из пазухи, передал юноше истрёпанный диптих и поломанный, связанный ниткой стилос.

Тесей показал Клеарху на табурет.

– Да мне не по чину, царевич, – отнекивался моряк, но пришлось ему усесться.

Клеарх дословно повторил то, что Тесей уже слышал в пересказе кормчего. Царевич спросил:

– Как она была одета?

– Обыкновенно, по-царски.

– А на голове что у неё? – услышал вдруг Тесей свой голос. Что за глупый вопрос...

– Да вот и я удивился, – почесал в лохматой голове моряк. – Ночь ведь, а она в шляпке от солнца. Знаете, не то шляпа, не то уже зонтик...

А ведь не из глупых оказался вопрос... Тут же кормчий задал ещё умнее:

– Слышал ли ты всплеск тогда, Клеарх?

– Врать не буду, не слышал. Но... тогда как раз ветер повеял, корабль заскрипел...

Нет, не слышал.

– Спасибо тебе, Клеарх, – уныло промолвил Тесей, и вдруг оживился. – Ты вот что для нас сделай. Разбуди бабку Коркину и приведи сюда. Только по дороге не рассказывай, что её госпожа исчезла.

Ушёл Клеарх, а кормчий заметил раздумчиво:

– Ежели утопилась царевна, то нам не найти труп без помощи местных. Я пошлю за старым здешним рыбаком. Он расскажет, какие тут, у Наксоса, течения, и куда они выносят утопленников.

– А п-п-прежде всего надо установить, были ли у царевны Ариадны п-п-причины прерывать свою молодую жизнь и отп-п-правляться в холодный и скучный Аид, – заметил Солон. Мнением его никто не интересовался, однако Тесей вынужден был признать в душе, что предложение весьма разумно.

– Вот и спросим у кормилицы, – буркнул царевич. – У кого другого такое узнаешь?

Кормилица Коркина вовсе не сердилась, что её разбудили ранним утром. Тесею показалось даже, будто она гордится, что оказалась в центре внимания сильных и смелых

мужчин. Выставив вперёд необъятную грудь, она беспрекословно забралась на табурет и устремила вопросительно на царевича свои глазки-бусинки.

– Я ведь не ошибся? Ты уже ведаешь, матушка, что твоей молодой госпожи нет на корабле? – спросил Тесей почтительно.

– Да, я догадалась. Я не увидела мою воспитанницу на палубе, пока вели меня сюда, а в трюме ей нечего было делать. Ты, красавчик, предложил мне воссесть на её драгоценный табурет, а будь она здесь, ты бы не осмелился... Так скажите мне, куда вы её подевали?

Тесей в трёх словах рассказал, что произошло. И спросил, в свою очередь:

– Как ты думаешь, могла ли Ариадна покончить с собой?

Коркина открыла рот, вытаращила глазки, плеснула в ладони и замотала короткими, похожими на сосиски ногами.

– Да никогда! Вот ведь нелепость! Зачем бы ей, моей красотульчке? Она же только что исполнила свою заветную мечту! Во второй раз в жизни вырвалась из родительского дворца и не собиралась больше возвращаться к строгому отцу. Ты её огорчил, красавчик, но не до такой же степени, чтоб утопиться...

– И чем это я огорчил твою бесценную царевну? – вытаращился Тесей.

– Будто сам не понимаешь? Получил шанс поухаживать за такой красивой и знатной девушкой, а вместо этого продрых двое суток! Хорошо, хоть помыться успел... Ей, моей изысканной, было приятно, что ты улёгся у её ног, но ты же храпел безобразно! Я так и представляю, что она не смогла больше ночью выносить твой храп, встала на борт этой посуды и...

– Что за шутки? – вызверился Навсифой.

А Тесей снова разинул рот. И тут же заинтересовался – и осторожно:

– Когда ты, матушка, выговаривала «имел шанс поухаживать», у тебя на лице нарисовалось весьма похабное выражение. Верно ли я понял, что мне открывались некие эротические возможности?

– Что такое? А-а-а, поняла... – ухмыльнулась старая Коркина. – Само собой, красавчик. У Ариадны уже случались романчики с молодыми людьми. А ты ей, моей девочке, понравился, иначе она не подарила бы тебе тот моток золочёной нити.

– Но разве невеста не должна войти в дом жениха целомудренной? – выпалил Солон.

– Э-э-э, мальчик, – отмахнулась от него старуха короткопалой ладонью, – у нас на Крите женский пол живёт вольней, чем у вас на материке. Добрачная чистота невесты – у жителей Кносса не требование, а только пожелание. К тому же нареченный жених моей Ариадны не просыхает с утра до вечера.

– О боги! – Тесей схватился за голову. – Теперь ещё и жених-пьяница у этой сумасбродки появился...

– Усп-п-покойся, царевич, – встрял Солон. – Давай разматывать этот клубок шаг-п-пенно, как нить Ариадны.

– Разумно, паренёк, – кивнул кудлатой головой кормчий. – Говори, старая, откуда вынырнул жених? Видят бессмертные боги, мы в Аттике о таком не слыхивали.

– Так дело это скорее тайное, силач. Во всяком случае, не для чужих ушей. В прежнее наше плавание в материковую Элладу мы с Ариадной, сопровождаемые достойной нас свитой, посетили Дельфы. И там Пифия предсказала моей воспитаннице, что на ней женится бог Дионис. Вот так. А бог Дионис родился на Наксосе, как всем известно. Вот он за нею ночью и пришёл.

Мужчины были ошарашены, а Тесей даже обижен, неизвестно на что. Впрочем, он вскоре сообразил, что должен быть благодарен царевне Ариадне за то, что она сама взяла на себя развязку их отношений. А ещё больше Дионису Вакхическому, божеству такому же сумасбродному, как и его молодая земная жена. Сам же царевич, укладываясь спать у ног Ариадны, не знал ещё, как с нею поступит.

Навсифой откашлялся. Причесал пятернёй бороду и прогудел, значительно поглядывая на собеседников:

– Я человек простой, о богах знаю мало. Однако я кормчий и отвечаю перед царём Эгеем и великими Афинами за всё, что делается на «Полибии». Поэтому я прошу у тебя, царевич Тесей, разрешения провести следствие насчёт земных обстоятельств пропажи дочери царя Миноса. А уж когда разберусь с простыми вещами, как принято у нас на Саламине, вы, господа, сможете вернуться к деяниям божественным.

– Это разумно, – кивнул Тесей. – Я тебя поддерживаю. Только прошу воздержаться от пыток.

– Матушки-светы! – ахнула Коркина. – Никто и не вспоминал о пытках! Некого здесь пытаться-то...

Не обратив на её слова внимания, Навсифой обратился ко Клеарху:

– Беги в рыбацкий посёлок. Узнай, в какое место у берега течение выносит у них трупы. А тогда бери проводника и челнок, плыви в это место и ищи.

Потом кормчий повернулся к Тесею:

– Мы с тобою не приняли во внимание важное обстоятельство. У исчезнувшей царевны был с собою груз. Ты сам притащил бронзовую статую, а ты, старая, узел с вещами и этот дорогой табурет. Будет неплохо, если мы пошлём вот этого расторопного юношу, Солона, поискать узел и статую на палубе, а не найдутся, то и в трюме.

– Ты слышал, Солон? Иди.

– Да мне и самому интересно, царевич...

– Тебя же, царевич, как знаменитого ныряльщика, я попрошу посмотреть у причала под кораблём. А пока вас не будет, я посторожу эту старую каргу.

Под неистовую ругань старухи Коркины Тесей разделся и прыгнул в воду. Приятно прохладная, она по утреннему времени была прозрачна и чиста. Нырнув, царевич повис, не шевелясь, чтобы узнать, куда понесёт течение, однако оно оказалось чрезвычайно слабым, едва заметным. На дне не оказалось ни бронзовой Афродиты, ни узла Ариадны, ни, слава всеблагим, её самой, однако на одной из песчаных прогалин в кучках легко колеблющегося на дне всякого портового сора, от рваного сандалия и до осколков глиняной посуды, слабо, в дымном ореоле, поблёскивало жёлтым. Он оттолкнулся от воды ногами и едва не влетел носом в полужасыпанное песком золотое ожерелье. Подхватил находку, взял её в зубы и не спеша вернулся под днище корабля, а оттуда и к борту «Полибии».

Тесей взобрался на борт и, отряхнувшись, вернулся на свое место на палубе. Кормчий и старуха уставились на ожерелье в его зубах. Царевич выпустил драгоценность изо рта на ладонь и протянул Коркине.

– Узнаёшь ли вещицу, матушка?

– Тебе я матушка, а этот мужлан принимает меня за убийцу и воровку... Богов ты не боишься, кормчий! А это её ожерелье, моей голубушки...

– Вот услышим, что скажет нам юноша, – недобро усмехнулся Навсифой, – и тогда я, быть может, и сниму с тебя обвинение.

– А вон и он бежит, Солон, – показал Тесей пальцем.

– Узел царевны Ариадны и её статую Артемиды я нашёл в трюме, – ещё на бегу прокричал Солон. – Моряк Феак из Саламина клянётся, что вещи царевны остались на том самом месте, где он их поставил, когда отплывали от Крита.

Кормчий присвистнул. Протянул мозолистую ладонь к Тесею, попросил посмотреть цепочку. Отодвинул её от глаз, прищурился, вернул царевичу. Тяжело вздохнул.

– Я смотрел, не сломан ли замочек. Да нет. Либо нечаянно расцепился, либо сама его хозяйка расстегнула.

– Да. Скорее же всего, сама расстегнула, чтобы на прощанья сделать нам подарок, – согласился Тесей.

– Ты сказал, красавчик, «нам»? – выстроила старуха умильную улыбку из своих морщин. – А почему не только мне одной, её любимой кормилице?

– Наверное, это подарок тебе, матушка, я же не спорю, – легко согласился Тесей и к изумлению кормчего, снова протянул вещьцу старой Коркине. – Бери себе. А твою невинность в этом деле доказать очень просто. Достаточно...

Тут Навсифой взмолился:

– Ты хоть подожди, царевич, пока вернётся Клеарх... Да вот он, бежит к причалу!

Моряк уже на бегу разводил руками. Прибежав, доложил:

– У здешнего причала никто никогда не тонул. Раз. И вообще на Наксосе утопленники... то бишь самоубийцы не имеют обычая топиться в море, обычай у них иной – бросаться на меч. Это два...

Тесей нахмурился. И вдруг широко улыбнулся.

– Убийства не было. Матушка Коркина спокойно спала, а бдительный Клеарх не видел рядом с царевной никакого убийцы. Царевну, даже если она не умела плавать, нельзя было утопить бесшумно: девушка визжала бы, бултыхалась, звала бы меня на помощь. Вещи царевны остались на корабле, их никто не трогал – а значит, не было и грабежа. Не было и самоубийства...

– Прости, царевич, – протянул к нему руки Клеарх. – Не положено бы мне перебивать столь важную особу, но мне следует закончить доклад своему кормчему. Так вот, мне сказали, что летом здесь, у причала, никакого течения не наблюдалось, и места, куда течение выносит утопленников, у них нет, потому что нет ни течения, ни утопленников.

– Все девушки Кносса умеют плавать – иначе им не уйти от морского дракона, если за ними погонится, – выпалила старая Коркина.

– Это замечательно, – улыбнулся ей Тесей. – Так вот, не было и самоубийства. Если бы царевна Ариадна утопилась тихонько, чтобы никто ей не смог помешать, то она осталась бы в воде под днищем нашей «Полибии». Легко покачивалась бы у самого дна рядом с рваной дерюжкой и половиной разбитого каменного якоря...

Он запнулся, потому что представил себе Ариадну утопившейся. Будто выбрала царевна достаточно кощунственный способ, обвязав концами той же верёвки шеи себе и бронзовой Афродите. Стоит царевна в воде вверх ногами, все одеяния опустились к поясу, белое лоно и белые ноги сияют в зеленоватой морской воде, колеблются, будто живые. И никакого не вызывают они желания, а только горечь и печаль... Что?

– Я говорю, что снимаю все обвинения с Коркины, – повторил Навсифой.

– Отлично. Остаётся вопрос, что же с нею, с царевною Ариадною, случилось? Уж если исчезла она из мира смертных, то поневоле думаешь, что перебралась в общество богов. Для меня совершенно очевидно, что её забрал к себе божественный жених Дионис. Я не

могу себе представить, чтобы этот беспечный бог позаботился о корабельном грузе, принадлежащем невесте.

– Почему же тогда я не видел бога Диониса, а только царевну? – хитро прищурился Клеарх.

– А вот почему. Он оказался тогда настолько трезв, что не забыл остаться для прочих смертных невидимым, – небрежно пояснил Тесей. И повысил голос. – Итак, я предлагаю высадить матушку Коркину на берег вместе с узлом царевны Ариадны. Поселившись на острове, ты, матушка, в местном храме Диониса приносишь жертву и просишь бога отпустить к тебе на время любимую воспитанницу, чтобы передать ей имущество. Согласна ли ты, матушка Коркина?

– Спрашивает, будто я могу возразить... – пробурчала старуха. – Да, да, красавчик! Куда же мне деваться. Только цепочка пусть останется мне.

– Да конечно, – подтвердил Тесей. – Я бы с радостью помог тебе парой талантов, да только нынче сам гол как сокол. А вот бронзовая Афродита поплывёт с нами до ближайшего храма Аполлона, нашего скорого божественного помощника.

– То бишь до Делоса. Так. Теперь мне понятно, – пробурчал Навсифой. Поднявшись на ноги, он отчеканил. – Я, кормчий Навсифой, завершил следствие и принял решение. Царевну похитил её жених бог Дионис. Вещи царевны Ариадны будут переданы её кормилице Коркине. Мои ребята, помогут тебе, старая, перебраться в белокаменный городок Наксос. Вот только советую подождать маленько. Повар проснётся и сварит нам ячменную кашу с мидиями.

Через несколько дней плавания «Полибия» уже стояла на якоре у мола в торговой гавани Делоса. Пройдя Священной дорогой, афиняне во главе с Тесеем оказались на главной площади этого острова, посвященного Аполлону и Артемиде. Покрытая каменными глыбами гора Кинг, где родились близнецы, бог и богиня, высилась невдалеке. Заняв денег у кормчего Навсифоя, Тесей купил барана и принёс в храме Аполлона благодарственную жертву солнечному богу, посвятив ему и статую Афродиты, принадлежавшую, собственно, царевне Ариадне. Понимая, что крутого нравом бога может разгневать сомнительное происхождение жертвы и дара, Тесей придумал, как доставить ему удовольствие, чтобы уж наверняка. Станцевать в его честь тут пляску, в первый раз исполненную в логове Минотавра! Такое покровителю музыки Кифареду обязательно понравится.

Он собрал вокруг себя юных афинян и афинянок, слонявшихся по площади и глазевших на святости и паломников, и заявил:

– Жаль, что мы оказались в святилище великого Аполлона без обола за пазухой, и не можем возблагодарить его достойной жертвой. Но я нашёл выход! Давайте спляшем и споём для бога так же, как плясали и пели в смрадном Лабиринте, готовясь к смертельной стычке! Солон, прямо сейчас переделай ту свою песенку, выкинь оттуда Тесея и вставь Аполлона. И скажи о том, что Минотавр уже побеждён. Сумеешь ли?

Солон кивнул, тут же завёл глаза под лоб и, подсчитывая слоги на пальцах да помукивая, отошёл в сторонку. Афинская молодёжь оживилась, девушки переглядывались, парни притоптывали. Тесей продолжил:

– Девушки, как только наш Солон придумает песенку, заучите её от него и попойте все вместе в сторонке, хоть бы в пропилии зайдите. И негромко.

– Ладно, сделаем, царевич, – ответила за всех большеглазая Перибей. Улыбнулась Тесею, а прочее девичье сообщество дружно захихикало.

Упорхнули девицы. Тесей хотел продолжить свою речь, да запнулся. Боги небесные, чем он тут, живой и свободный, занимается? Здесь, на священном острове, запрещено умирать и рожать детей, но о запрете любить он ведь не слышал. Пусть нет на Делосе душистой роци, где так сподручно лишать девушек невинности, но можно же подальше от всех этих храмов и святош найти укромную бухточку с чистым белым песочком и потихоньку договориться с заждавшейся, небось, Перибеей... Он встряхнул кудрями и обратился к юношам:

– А нам надо вспомнить пляску, это раз. И выбрать место, где плясать, это два.

– Быть может, прямо перед храмом Аполлона? – протянул Порфирион.

– Это было бы чересчур просто... – вздохнул Тесей. – А как ты думаешь, Идас?

Сын харчевника обвёл глазами площадь. Подумав, предложил:

– А вон знаменитый Роговой алтарь. Хорошо бы вокруг него, царевич.

И показал пальцем. Тесей присмотрелся: алтарь не показался ему сколько-нибудь впечатляющим сооружением.

– Позволь мне рассказать, царевич, – встрял Порфирион. – Этот алтарь сбил собственноручно сам Аполлон из левых рогов ланей, застреленных его сестрой Артемидой. Было богу на момент этого деяния четыре года, и он будто бы поставил этот алтарь на месте своего рождения богиней Лето.

– Почему «будто бы»? – быстро выговорил Тесей. Вот только не хватало им сейчас обидеть могучего Аполлона! Ведь морское путешествие не закончено.

– А потому, царевич, что родились Аполлон и Артемида, по общему мнению, вон на той горе, – и Порфирион указал пушистым подбородком на гору Кинт.

Все перевели взгляды на гору, а Менесфей спросил:

– Почему же из одних только левых рогов?

Юноши переглянулись. Порфирион призадумался, а Солон, ухмыляясь пояснил:

– А нам, почитающим и любящим Аполлона, и не нужно этого знать. Боги и деяния их должны быть для людей немножко непонятны, потому что абсолютное понимание исключает тёмный, животный ужас. Меня беспокоит иное. Я вижу, что наш царевич взирает на Роговой алтарь с некоторым сомнением. Но Идас предложил плясать вокруг него, и мы оказались в сложном положении. Алтарь, может быть, на самом деле сложен Аполлоном, а может быть, и нет. Если правильно первое предположение, то отказ плясать вокруг него может обидеть бога, если же верным является второе, а мы спляшем, то в любом случае гнева бога не вызовем: мы восславим его искренне, вот только не совсем в том месте, где ему самому бы хотелось. Следовательно, теперь мы обязаны плясать вокруг Рогового жертвенника. Я сказал.

Тесей широко улыбнулся, и эта его улыбка была предназначена не так афинским юношам, как богу Аполлону – на тот случай, если Кифаред притаился с луком за облаком и слушает разговор.

– Вот и будем плясать вокруг алтаря – мне идея Идаса понравилась. Всеблагой Солнечный бог был волен построить алтарь из того материала, что был под рукой. А лесов на Делосе, как видите, нет. Кроме того, рога, помнится мне, чем-то священны, вот только не припомню, чем...

– Ну, как же, могучий царевич? – взглянул на него покровительственно сын бывшего помощника жреца. – Из мозга в рога проистекает мужская сила, это всем известно. Самка лани, да, она безрогая, но самцы с рогами.

Тут Тесей хмыкнул, вспомнив рога на голове у царя Миноса: странное предложение, сделанное им флейтистке, обрело весьма похабный смысл. Тут подоспел Солон с переделкой своего творения и прочитал, заранее, как видно, подготовившись к убийственной критике:

С Аполлоном в сердце нам был не страшен Лабиринт, изэ пэан!

Впереди Тесей могучий, изэ пэан!

С нами сила Аполлона и Афины мудрость, изэ пэан!

Минотавр уже повержен, изэ пэан!

– Вполне, вполне годится песенка! – поспешил откликнуться царевич. – Иди теперь к девушкам и разучивайте вполголоса. А мы пока вспомним нашу пляску.

Вспомнили они движения танца, а девушки разучили новую песню. Парни с Тесеем посредине, держа руки на плечах друг друга, выстроились дугой возле алтаря. Впрочем, царевич почти сразу же перестроил ряд, заняв место крайнего справа и вынеся правую руку

в сторону. Девушки встали под святилищем Артемиды. Вот девушки запели, а Тесей вполголоса распорядился:

– Начали! Вправо!

И сам повёл ряд танцоров вправо на девять шагов. Тягучее девичье пение, поддержанное флейтой, постепенно заворжило, и вот уже он сам ощутил, что танцует красиво и слаженно – как, наверное, и все ребята из бывшей афинской дани. И не ему одному понравилась пляска. Вдруг, подхватив ритм, отозвался флейте уличный волынщик. А там и кормщик Навсифой, обдавая запахом выпитого спозаранку несмешанного вина, прыгнул в ряд, заняв бывшее место Тесея. Ритм пения, боги знают почему, постепенно убыстрялся, и Тесей, опираясь на руку пляшущего рядом Солона, высоко подпрыгнул, расставив ноги. Как это было прекрасно, парить в воздухе хоть несколько кратких мгновений! Приземлившись, царевич выполнил несколько обычных коленец танца и подскочил снова. На этот раз он ввинтился в воздух, поджал ноги и вытянул носки вниз. Толпа, собравшаяся вокруг алтаря, ахнула. Под следующее «Ииэ пэан!», взвизг сиринги и влаивание волынки Тесей оттолкнулся от утопанной земли ещё сильнее и в высшей точке задрал голову вверх. Надеялся он разглядеть в небе улыбающегося красавца Аполлона, но на синем фоне неба (или моря?) возникло опечаленное личико Амфитриты, и пухлые её уста прошептали:

– Не забудь сменить наряд, мой красавец...

Что за притча? Откуда у бесправного члена афинской дани возьмётся сменная одежда? Едва не сломав себе в замешательстве ногу, Тесей приземлился, девичье пение прекратилось, народ на площади застыл на мгновение, а после бросился к плясунам расспрашивать о танце. Когда царевич снова поднял голову, небо увидел он голубое в дымке, а вовсе не напряжённого синего цвета, как только что.

ЦАРЬ ВЕЛИКИХ АФИН

Глава 19

Афины

Горе и воцарение

Царь Эгей тяжело переживал тогда внезапную разлуку с обожаемой Медеей. Почему-то сразу же забыл он, что его возраст начал уже воздвигать стену между ним и восхитительной возлюбленной, помнил только безумство своих желаний, невероятную сладость их воплощения и сокрушался, ясно понимая невозможность подобных телесных

восторгов с другой женщиной. Получалось, что огонь страсти, охватывавший супругов, стоило только рукам их соприкоснуться, разжигался прелестницей, а он был только неуклюжим поленом. Иногда царя настигало просветление, и он понимал, что должен быть благодарен своей последней жене за земные радости, которых не испытал бы, если бы не решился на рискованный союз с нею. Любопытно, что царю Эгею и в голову никогда не приходило, будто колхидская царица околдовала его или опоила волшебными травами. Вышло так, что ещё со времён той давней встречи их в Коринфе боги наделили его даром увидеть в этой волшебнице и преступнице умную и пылкую женщину, готовую ошастливать понимающего её по-человечески спутника.

Горюя по Мее, царь Эгей весьма спокойно относился к тому, что она увезла их сына Меда. Мальчик уродился непохожим на него и, подрастая, приобретал всё более яркие черты внешности колха, иноземца и варвара. Вычеркнув сына Медеи из своих политических планов, царь Эгей не больно-то интересовался им как родным существом. Быть может, и потому, что все его чувства были устремлены к матери мальчика, она поглощала их, как губка воду.

Не мог простить себе царь Эгей и попытки отравления Тесея, обвинял он тут только себя, Медею полностью оправдывая. Сам-то он прекрасно помнил, что в пылу романа с колхидской царицей напрочь забыл о сыне, подрастающем в Трезене. Стыд-позор! Или боги наказали его, лишив отцовских чувств? Сперва отняли возможность стать отцом, а потом пожалели для него простых эмоций любви к своим детям. Непросто было привыкнуть к мысли, что этот красавец с бычьей шеей – действительно его сын от царицы Эфры, а не самозванец какой-нибудь, укравший в Трезене из-под камня меч. Сомнения эти растаяли, а царь Эгей надеялся уже, что сумеет полюбить пришельца, как сына, когда разразилась война с паллиантами.

Поостыв от восторга победы в многолетнем противостоянии, он не на шутку огорчился. Как поступил бы с ним и с сыном его Паллант, если бы взял верх? Скорее всего, свергнул бы, ограбил бы и отправил бы в изгнание. А вот Тесей устроил бойню в Гаргетте, и не удивительно: он ведь ранее и не знал о существовании двоюродных братьев, вот ему и не жаль было крошить их мечом. И о брате Палланте царь Эгей искренне скорбел, ведь прекрасно помнил толстощёкого бутуза, вечно норовящего испортить ему игрушку и ревущего, как бугай, когда старший брат в отместку драл ему уши. И вроде как бы и мороз пробежал по спине у царя Эгея, когда вдруг осознал он, что сын его от Эфры бестрепетно наказывает всех, и родичей в том числе, смертью – ну, прямо как Зевс. Не много ли на себя берёт? И не слишком ли жесток он в душе, этот внешне скромный, улыбчивый юноша?

Однако каждым утром после отплытия «Полибии», просыпаясь и отрезвляясь после мутных стариковских снов, царь Эгей первым делом остро ощущал отсутствие во дворце не только восхитительной Медеи, но и свалившегося ему на голову трезенского царевича. Утолив голод хлебом, размоченным в вине, а жажду – парой кубков миндского, он удалялся на высокий мыс Сунион. Попросив в храме Посейдона у божественного отца Тесея скорого и благополучного возвращения юноши в Афины, царь надолго застывал на краю скалы, всматриваясь до рези в слабых глазах в линию горизонта.

В тот день царь Эгей стоял на своём излюбленном месте на скале. С утра было пито больше обычного, под ложечкой ныло, в голове тяжело перекачивались угрюмые мысли. Он не чувствовал ни тепла, ни холода, и за два часа ни разу не вспомнил о виночерпии, тоскливо переминающемся с ноги на ногу у него за спиной. Глаза застилала ему мутная пелена, но когда царь Эгей в очередной раз протёр глаз концом гиматия и сощурился, он ясно разглядел на море судно и на нём чёрный парус. Отвёл глаза в сторону и всмотрелся снова. Сомнения растаяли. Судьба нанесла ему последний удар! Эгей сделал неверными шагами несколько шагов и, слабой ногой оттолкнувшись, спрыгнул с обрыва.

Тотчас же к нему, камнем падавшему вниз, подлетела, чтобы подхватить, колесница Медеи, запряжённая драконами. Однако это царю Эгею только показалось.

Там в море, действительно, под чёрным парусом шла «Полибия». Впоследствии Навсифой клялся, что видел белое пятнышко, упавшее с края мыса на скалы. Тесею ничего подобного тогда не разглядел.

Через час «Полибия» пристала в афинском порту Фалеры. Юноши и девушки, спасённые от Минотавра, высадились и помогли команде вытащить корабль на берег. Потом Солон поцеловал гальку на земле, принадлежавшей родным Афинам, и многие из бывшей афинской дани последовали его примеру. А Тесею занял ещё один талант у доброго кормчего. Агамеда он послал в портовую харчевню за вином для возлияний богам, Архилоха же, снабдив спешно выструганным жезлом, отправил вестником в город.

Быстроногий Архилох прибежал в Афины, уже взбудораженные известием о смертях Тесея и царя Эгея, принесённым виночерпием. Архилох же на каждом перекрёстке рассказывал о подвиге Тесея и возвращении афинской дани. Добрые афиняне переходили от слёз к радости. Они пожелали украсить вестника венками, но юноша укрепил эти венки на жезле. Он бегом вернулся в Фалеры, чтобы передать горестную весть Тесею.

Архилох прибежал в порт, когда возлияния не были ещё закончены. Он стал в сторонке, чтобы отдышаться, а жезл, обвитый венками, прятал за спиной. Взгляд его скользнул по чёрному парусу, спущенному на «Полибии» – и вдруг вернулся к этому

изрядно посеревшему и небрежно свёрнутому полотнищу. Он догадался, почему царь Эгей покончил самоубийством!

Когда церемония закончилась, Архилох с сокрушением сердечным объявил Тесею о смерти его отца и не скрыл своей догадки о её причине. Тесей подозвал к себе Навсифоя и попросил Архилоха повторить сказанное. Под горестные выкрики и плач царевич (нет, уже царь) и кормчий с гневом уставились друг на друга. Впоследствии Тесей, да и Навсифой тоже, когда пытались в уже вполне дружеской беседе понять, как так вышло, что они забыли сменить на «Полибии» чёрный парус на белый, больше всего грешили на возню с пропажей царевны Ариадны. Другого, лучшего объяснения оба не нашли. А вот если бы Тесей лучше знал своего земного отца и, во всяком случае, если бы поинтересовался его душевным состоянием перед своим отплытием на Кипр, он меньше казнил бы себя за оплошность.

Итак, торжественное вступление спасённых от Минотавра в Афины получилось грустным, и даже небо над городом встретило их тучами и мелким дождиком. А герой, сумевший вернуть родителям афинскую дань, имел все основания считать, что не получил тогда в полной мере заслуженных им славы и почестей. По-царски щедро Тесей расплатился с Навсифоем, устроил пышные похороны своему отцу, а потом отсыпался несколько суток.

Проснулся он окончательно уже с ясным пониманием, что богиня Тюхе сделала его царём Афин, и с неясным чувством недовольства этим поворотом судьбы. Пока спал, резко похолодало, даже в спальне дыхание образовывало облачки пара. После завтрака новый царь распорядился на кухне смешать ему кикиона и подогреть перед тем, как наливать в кубок. Начался уже осенний месяц пианепсион, и в оружейной кладовой, где он хотел засесть поразмыслить, стояли сырость и стынь.

Царёв оружничий Сотер, тяжело болевший ещё во время войны с паллиантами, умер во время Тесеева путешествия на Крит, поэтому новый царь, поставив кубок на пол коридора, сам открыл ключом замок кладовой. О, вот если бы ему оказаться владельцем всех этих сокровищ лет этак в двенадцать! Однако и сейчас зрелище такого количества оружия вызвало весьма приятные чувства. На стенах висел позолоченные царские доспехи, лук в замечательном налучье с золотыми накладками, колчан явно из той же мастерской, стрел в нём, правда, не доставало, несколько мечей, два со стальным лезвием, остальные бронзовые. Невольно подумалось Тесею, что владельцу одиннадцати мечей несложно было и забыть, как выглядит оставленный под камнем в Трезене. Шлемы, все золочённые, но разных типов, стояли на специальной полочке, копья в правом углу и дротики в левом. На

полу топорщились беспорядочной грудой взятые в Гаргетте трофеи. Хвала богам, они успели проветриться от предсмертных запахов своих хозяев и крови.

Царь Тесей присел на вражеские мечи, связанные лозинкой, будто дрова, отхлебнул кикеона и поставил кубок на грудную пластину ближайшего панциря. Здесь даже высокие голоса женщин дворца звучали приглушённо, возникла возможность подумать. Высокая честь царствования в великих Афинах его, как это ни удивительно, не радовала. И дело не только в том, что ликование отравлено гибелью отца, и не в том, что свою вину в этой трагедии он и не думал отрицать. Тесей успел сообразить, что царство не принесло счастья его земному отцу, а только добавило беспокойств и тревоги, а если подумать, так и сократило его жизнь. Тесей не желал такой судьбы для себя, но и не мог просто отказаться от царской власти в пользу какого-нибудь из оставшихся в живых двоюродных братьев. Такой поступок был бы предательством отца, не иначе. Кроме того, так сложилось, что кроме царского дворца в Афинах, нет у него в Ойкумене места, где преклонить голову, ведь бесславное возвращение в Трезен невозможно. Нет и рабов, кроме унаследованных от царя Эгея... Как это нет? А чернокожий Джамбо с сыном и их бывшая хозяйка Перигуда? Сегодня же надо послать раба за ними.

Тесей усмехнулся, вспомнив гротескную схватку с девушкой-великаншей на ложе из хвои. Тут мысли его, естественно, перескочили к большеглазой Перибее. Наступила осень, и стало невозможным вымечтанное им тайное свидание на лесной поляне, на ложе из благоухающих цветов. Но и откладывать сладкое приручение этой вострушки-простолюдинки до весны было бы сущей глупостью. Да и девушка не поняла бы его, это уж точно. Как можно было бы отсрочить на полгода событие, если они оба так страстно его желали? Оба желали? Да нет, страстно желал, пожалуй, он один. Тесей согласился с этой своей догадкой, вспомнив, как рассудительно отнеслась Перибее к перспективе стать его официальной наложницей. И если подумать, с её стороны и не требуется пылкая страсть, достаточно и искреннего согласия пойти навстречу желанию господина. А вот почему в нём самом почти угасла тяга к ней, сладко мучившая его на «Полибии», плывущей на Крит, и даже в вонючем Лабиринте?

Тесей снова отхлебнул кикеона и снова отставил кубок. Теперь чтобы освободить руки для подсчёта. Первое, что приходит в голову, это, конечно, царевна Ариадна. Своенравная, капризная, умная, причудливо последовательная даже в своих девичьих выходках. Великолепно, со вкусом одетая и накрашенная, о чём тоже не следует забывать. Привыкшая повелевать, в отличие от простушки Перибее, да и от него самого, от себя самого нечего скрывать. И была в Ариадне великолепная внутренняя свобода, какое-то счастливое пренебрежение к нему, ведь она его совершенно не боялась – ни как врага её

отца, ни как мужчину. Простейшее объяснение: она знала, что вскоре выйдет замуж за бога Диониса. И вот тут и возникает сомнение. Насколько подходящая жена для неистового, сумасбродного Вакха выйдет из неё? Каково ей будет метаться по Ойкумене в бешеной стае менад и сатиров? А вот рядом со спокойным, рассудительным убийцей Минотавра она выглядела бы куда более органично. Не потому ли их тянуло друг ко другу, что их души оказались родственными? Итак, Ариадна. Тесей сжал кисть левой руки в кулак и отогнул мизинец.

Что же касается вождения к Перибее, то следуют вспомнить, в каких условиях оно возникло. Первый интерес к вострушке зародился, когда удалось отогнать от неё старого царя Миноса, то есть из момента соперничества, наверное. Когда кносский развратник убрался на свой черный «Ястреб», Тесей бросился утешать испуганную, как ему представлялось, девушку, в чём, по правде сказать, на самом деле не было никакой необходимости. Итак, два. Соперничество с Миносом. Он отогнул безымянный палец, и сразу же – средний. Малопочтенное желание получить награду за своё заступничество. Перед собой есть ли смысл скрывать? Это три. А что обусловило блаженные чувствования сменившей тот день ночи? Униженное состояние нашего героя, ожидание скорой гибели, вот что. В объятиях Перибей он пытался забыть и об унижениях, и о смертельной опасности, и буря охвативших его чувств оказала на него такое ж благотворное воздействие, как на пьющего мужика добрый кувшин несмешанного. Итак, подспудная жажда опьянения, желание забыться в жуткой обстановке, это четыре. Он выпрямил указательный палец. И, конечно же, самое простое объяснение. Чувство, вполне природное и неосознанное, охватывающее молодое существо мужского пола рядом с доброй к нему девушкой, да ещё в темноте, делающей всех женщин прекрасными и желанными. Похоть, пять. Тесей скривился и выбросил в сторону большой палец. Посмотрел с недоумением на ладонь с растопыренными пальцами – и опустил руку.

Попытка разобраться ничего не дала. Остаётся принять к сведению, что угасло чувство к Перибее, вот такие дела. Что же касается дел государственных, то их пересмотр стоит начать с нового набора советников. Задача облегчалась тем обстоятельством, что царь Эгей всех своих советников ухитрился пережить, а новых не соизволил назначить.

Царь Тесей хотел было криком вызвать к себе эконома, но передумал и, заперев оружейную кладовую, пошёл сам его искать. Экономом Ликорт, средних лет представительный мужчина, нашёлся в самом тёплом месте дворца, на кухне. Стоя у очага и протягивая к нему руки, он задумчиво вглядывался в огонь.

– Что ты там высматриваешь, Ликорт? – спросил Тесей, сунув ему ключ от кладовой.

– Саламандру, мой господин, – ответил эконоом, возясь со связкой ключей. – Мой покойный отец показал мне некогда саламандру в огне, но я не успел её разглядеть. С тех пор и высматриваю. Занятие это спокойное, безопасное и не требует от меня никаких хлопот. Вот увижу я, допустим, огненную саламандру – что же мне, из очага её вытаскивать?

– Мне нравится твоя рассудительность, Ликорт. Расскажи, будь добр, с такой же основательностью, как отапливается дворец?

– Мой, господин, дворец наш не только ветхий, как ты и сам уже, несомненно, заметил, но и старомодный. Никаких труб под полом для подачи горячего воздуха нет. Пробавляемся жаровнями, а в сильные холода все, от царя и до последнего раба, собираемся здесь.

Тесей задумался. Потом похлопал эконома по обтянутому шерстью плечу:

– Пусть в мою спальню принесут жаровню. И ещё одну в сумерки. И пусть на это время приготовят баню на двоих. И пошли на это время в город за Перибеей, незамужней дочерью... да, торговца Алкафа. А завтра к обеду пригласи в триклиний из города Агамеда, сына булочника Панкратия, впрочем, покойного. Ещё Солона, сына горшечника, Идаса, сына владельца харчевни, и Порфириона, сына помощника жреца. Найти их будет легко, девушка и все пятеро парней плавали со мною на Кипр. И вот что – пусть сейчас жаровню принесёт ко мне виночерпий.

– Кирил?

– Вот как его зовут... Теперь запомню.

Виночерпия Кирила Тесей встретил у дверей своей спальни. Мужик, отдуваясь, тащил, держа на вытянутых руках, большой горшок с двумя ручками. Из широкой горловины струилось уютное густое тепло, однако же и едкий дымок сочился.

Поставил виночерпий жаровню в дальний угол, и умные маленькие глазки его взглянули на хозяина вопросительно.

– Не кажется ли тебе, Кирил, – усмехнулся Тесей, – что у тебя при новом царе слишком мало работы?

– Согласен, мой господин, – наклонил голову виночерпий. – Я и сам догадался, что ты меня уволишь.

– Будет ли тебе чем заняться в таком случае, Кирил?

– Даст Феб новый день, даст и Зевс пищу. Мне бы хотелось остаться во дворце, ведь вся моя жизнь прошла тут. Полы подметать – и во дворе, к примеру.

– А почему бы тебе не послужить Афинском царству в чине советника? – Тесей скорее размышлял, нежели спрашивал. – Я заметил, с каким выражением лица ты слушал

глупые похвальбы подвыпившего царя Миноса. А ведь за годы, проведённые у царского стола, ты успел послушаться умных речей важных людей и, я верю, научился отличать их от болтовни вельможных дураков. Мне нужен такой искушённый советник, как ты, потому что остальные мои советники – неопытные молодые люди, бывшие со мною в Лабиринте. Твой опыт может всем нам крепко помочь. Тем более, что я собираюсь не просто царствовать по пословице «День да ночь, сутки прочь», но и в ближайшее же время попробую с вашей помощью перестроить великие Афины. Чтобы сделать их по-настоящему великими.

Кирил поскрёб в затылке. Взглянул в глаза Тесею с простонародной хитрецей.

– Благодарю покорно, мой господин. Это большая честь для меня. Но не знаю, сумею ли быть тебе полезным. Я всё же больше разбираюсь в винах, чем в людях.

– Это замечательно, – улыбнулся Тесей. – Приходи завтра в триклиний на обед. Но уже как член совета.

Сумерки накрыли Афины, и Тесей услышал робкий стук в дверь своей спальни. Он предложил войти, и в спальню впорхнула, оставив узел в коридоре, красиво подкрашенная и умело закутанная в плащ большеглазая девушка. И хотя не только глаза, но и маленькие её ноги в зимних сапожках сразу вспомнились, однако в первые мгновения Перибея показалась Тесею, приподнявшемуся ей навстречу с ложа, совсем незнакомой.

Поздоровавшись, она наскоро обвела взглядом спальню – и немедленно защебетала:

– Вот ведь какая теплынь у тебя! И до чего же я рада, что ты, наконец, пригласил меня, мой красавец Тесей! Сама-то я не смела прийти. И я сразу хочу сказать, что готова вернуть тебе твоё обещание взять меня в наложницы и признать своим рождённого от тебя ребёнка...

– Сына. Я говорил о сыне, – поправил он. Разве что боги знают, зачем.

– Да? Но ты обещал такое, будучи царевичем, а теперь уже ты царь Афин. Можешь отказаться от меня. Я пойму.

И глазищи её тут же наполнились слезами. Тесей присмотрелся – и присвистнул.

– Голубушка, да у тебя синяк под глазом!

– Чему быть, заработала. Моему батюшке не понравилось, что я собралась к тебе, любимый.

– Так надо было и второй глаз подвести фиолетовым, – посоветовал он. – Бабы решили бы, что в Коринфе все теперь так красятся.

– Вот только не наши соседки. Те все слышали, как папаша орал. А ты, противный, посмел посмеяться надо мной! – и она легонько шлёпнула ладошкой по его ручище.

Словно горячая волна вылилась из ручки Перибей и тотчас же наполнила собой всё тело молодого афинского царя.

После нескольких пылких поцелуев она проворковала:

– А я сразу поняла, почему после моего прихода ты выглядел, мой славный, так странно... Будто сам не знаешь, хочешь ты или не хочешь меня видеть. Но как же могло быть иначе после ужасной смерти твоего отца? Где уж тебе в таком отчаянии было помнить о какой-то малышке Перибее... Ведь правда?

– Наверное... – промычал Тесей. Больше всего на свете он хотел сохранить сладкое оцепенение, снова охватившее его в объятиях большеглазой вострушки. Похожее тепло он ощутил как-то в детстве, прикоснувшись к спящей, свернувшись уютно, кошке. И вдруг вспомнил. – Мы ведь мечтали снова встретиться на цветущей поляне. Разве такое возможно сейчас, милая?

– Такой умный, а говоришь глупости, – рассмеялась она. – По мне, так царское ложе с шелковой постелью и в нагретой роскошной спальне вполне заменит ту нашу поляну. Тут... Да, тут можно запереться, никакой ёжик не придёт на нас посмотреть, и в постели не найдётся сучка, чтобы воткнуться мне в лопатку. И послушай... Мы с твоим слугой подходили к дворцу, и над ним вставали два столба дыма. У вас баню тоже топили?

– Ишь ты, какая у меня подружка глазастенькая! – удивился он. – Да, милая, как только будет готова горячая вода для комнаты с ваннами, за нами придёт слуга. Потом поужинаем и вернёмся сюда. Да тебе и не нужно купаться, ты такая у меня чистенькая. Даже если в Лабиринте от тебя ничем плохим не пахло, то о чём говорить сейчас, когда мы в великих Афинах?

– Как это о чём говорить? – возмутилась Перибей и тут же показала розовый язычок. – Да о том говорить и повторять без конца, какая я чистенькая, какая сладенькая, будто мёдом намазанная! Боги всеблагие, до чего же я боюсь разочаровать тебя, мой красавчик Тесей...

Разочаровала ли его в ту ночь Перибей на самом деле? И да, и нет. Большеглазая вострушка безумно трусила первого в своей жизни соития, да и обоюдная неопытность крепко помешала им. Тесей, тот ничего не успел почувствовать, кроме некоего застилающего сознание взрыва чувств, Перибей ощутила только сильную боль. Она не выдержала и беззвучно заплакала, а Тесей, восстанавливая дыхание рядом, думал о том, что его подруге не помешал бы пояс Афродиты, дарующий привлекательность вечную и при всех обстоятельствах. Любопытно, что он и не мечтал увидеть когда-нибудь Пеннорождённую в своей постели.

Пришлось молодому царю накидывать хитон и вызывать на помощь стряпуху Феону, исполнявшую заодно в округе обязанности повитухи. Она ещё не спала в своей каморке. Поворчав только самую малость, старая Феона прописала любовникам воздержание на три дня, при этом без солёных шуточек не обошлось. Тесею пришлось на неё прикрикнуть.

– Ты бы лучше посоветовала, Феона, – продолжил он тоном уже помягче, – где нам поселить Перибею. Она ведь не только женщиной стала, но и моей наложницей и должна теперь жить в нашем дворце.

– Да где же ещё, как не в прежней спальне царицы Медеи, – не задумываясь, ответила стряпуха. – Однако я прежде посоветовала бы позвать жреца из храма Аполлона, чтобы очистил комнату.

– Достаточно и просто проветрить от колхидских ароматов, – отмахнулся он. – И ещё придётся пристроить где-нибудь Перигуду, дочь Синида. Она вот-вот, прямо на днях, может здесь заявиться беременной, а то и с младенцем на руках.

– Знаешь ты, знаешь, миленький, какой новостью меня порадовать, – проворковала Перибей, по горло закутанная в одеяло.

А Феона подбоченилась и гаркнула:

– Нечего, молодой господин, навешивать на меня ещё и обязанности эконома! Мне уже скоро вставать и придумывать завтрак.

– Тогда придумай что-нибудь особенное на праздничный завтрак для нас с Перибеей, и приготовь торжественный обед в триклинии для членов государственного совета, – распорядился Тесей. – Спасибо тебе, и ты, конечно же, свободна.

Феона сама не догадалась угостить их на завтрак каким-нибудь из традиционных свадебных яств, а Тесей не сообразил подсказать ей. Потом они, вызвав эконома, устраивали Перибею в бывших покоях Медеи, где ещё веяло запахом сухих волшебных трав. Искали по всему дворцу пропавшее из комнаты резное ложе, потом матрас, Тесей делился с подругой постельным бельём... Время до обеда пролетело незаметно.

В триклинии приглашённые чувствовали себя неловко, а в особенности – бывший виночерпий, ведь ему пришлось занять почётное место напротив хозяина. Когда гости утолили голод, Тесей предложил им самим размешивать и наливать себе вино, а сам отхлебнул подогретого кикеона. Одной жаровни на триклиний оказалось маловато, но вскоре горячие тела молодых людей подогрели помещение. Разговор сложился не сразу, потому что новоназначенный советники никак не могли взять в толк, с какой это дури Тесей намеревается сложить с себя царские обязанности.

– Это удивительно! – провозгласил Солон. – Ведь в природе человека стремиться к высшим должностям, и каждый, заняв таковую, стремится удержать её за собой. Тебе, славный Тесей, повезло родиться царевичем и во второй раз повезло, когда ты сел на царский трон в столь юном возрасте.

Хозяин тем временем наставил ухо. Из-под ложа Порфириона доносились мягкие стуки и урчание.

– Кто это там, советники? Неужели убийца или заговорщик? – воскликнул Тесей. Он улыбался – довольно напряжённо, впрочем.

Из-под ложа выполз, держа в зубах кость, грязно-белый пёс, беспородная дворняга. Он положил кость на пол и, придерживая её лапой, коротко облаял Тесея. Потом подхватил кость и снова скрылся под ложем.

– Вот, получил я выговор, – продолжая улыбаться, пояснил Тесей. – Но откуда взялась собака? Я впервые вижу псину во дворце, хоть по ночам иногда слышал лай.

– Позволь мне пояснить тебе, государь, – вмешался почтительно бывший виночерпий. – Доселе собак во дворце не было. Твой покойный отец, царь Эгей (да будет душа его безмятежна в Аиде) собак не любил и сторонился. В соответствии с афинским обычаем должность сторожевого пса у нас исполняет раб, Ксанфом его кличут. Это он порой лает по ночам – от собаки не отличишь!

– Моя это животинка, государь, – свекольно покраснев, пробормотал Порфирион. – Я думал, если я приглашён, то и Беяна можно взять. Он обожает кости с обеденного стола. Мой хвостатый приятель чуть не извёлся от тоски, отказывался от пищи, говорят, пока мы были на Крите.

– Можешь приводить с собой пса, если захочешь. Надеюсь, со временем он признает меня... Ты о чём-то хочешь сказать, Солон?

Умник кивнул и отхлебнул вина.

– Вот, отпил кидского и боюсь, что в последний раз пробую такое хорошее вино. Потому что ты, Тесей... государь то есть, за правду прогонишь меня из совета. Едва ли ты поступил правильно, собрав совет не из мудрых старцев, а из нас, неопытных юношей. Вот Порфирион сразу же сделал ошибку, приведя без разрешения свою дворнягу.

– У меня были важные причины поступить так, – ответил Тесей уже с полной серьёзностью. – Прежде всего, вы прошли испытание Лабиринтом – и справились с честью. Кроме того, плутовские Афины не успели испортить вас... Вот, скажите-ка мне, например, приходилось ли кому-нибудь из вас брать взятки?

Пока юноши переглядывались изумлённо, слово попросил Кирил.

– Увы, государь, мне приходилось брать взятки. Каждой осенью, когда начинались закупки вина для царского подвала. Торговцы вином предлагали, желая всучить свой товар.

– Теперь пускай в ход свою задумку, Кирил, – улыбнулся молодой царь. – Ну, никогда не поверю, что ты не заготовил себе оправдания. Ведь ты спокойно мог и не сознаваться.

– Разумеется, государь. Я брал только те взятки, что предлагались торговцами, вино которых уже признал лучшим и собирался покупать. Таким образом, дело не страдало. Эти торговцы и за вычетом взятки хорошо зарабатывали на вине для дворца, а мне легче было воспитывать детей. На жалованье твоего виночерпия безбедно не проживёшь.

– Ты прощён, Кирил. Скажи казначею, что я устанавливаю тебе жалование, в три раз большее, чем то, прежнее, как виночерпия. И прочим членам государственного совета устанавливаю такое же. А теперь, друзья, налейте себе вина и слушайте внимательно. Я набросал план преобразования наших великих Афин, и мне нужны будут ваши советы. Не подлежит сомнения, что земель, ныне принадлежащих царству, совершенно недостаточно...

Глава 20

Аттика

Дедал и устройство великих Афин

В круговерти государственных хлопот настигла Тесея весть о бесславной смерти царя Миноса. Обстоятельства гибели великого правителя Юга Греции казались невероятными, и Тесей просто не поверил купцу из Наксоса, который первым привёз в Афины эту историю. Но свидетели множились, а в конце концов приплыл из Сицилии непосредственный участник событий, прославленный Дедал.

Оказавшийся двоюродным братом Тесея, Дедал, и раньше глубоко им уважаемый за таланты, совершенно очаровал молодого царя при личной встрече. Тесей позабыл о своём желании измолотить его в поединке панкратия, приказал отмыть и накормить, а после пригласил на государственный совет в триклиний. Прославленный мастер знатно освежился лучшим афинским вином, отрыгнул и начал свой рассказ, отнюдь не избегая красотостей слога.

И вот что услышал молодой афинский царь в самом полном изложении. После во всех отношениях скандального отплытия «Полибии» с Крита великий и могучий царь Минос разгневался отнюдь не на Тесея, чего следовало бы ожидать, а на Дедала – за то, что тот осмелился изобрести и сделать для Ариадны путеводную нить. Надо сказать, что ещё раньше мастер по её просьбе разбил на местности и замостил круглую площадку, где можно

было царевне Ариадне вместе с кносской молодёжью водить хороводы и танцевать любые другие танцы.

– Вот как? – удивился, услышав это, Тесей. – Не знал я, что она любит танцевать и так серьёзно относилась к пляске. Наверное, ей было бы интересно посмотреть на наш, афинской дани, танец в Лабиринте и на Делосе. Мне, кстати, о гневе на тебя царя Миноса говорил ещё до нашего отплытия известный тебе Херил, его военачальник.

Дедал захихикал.

– Херил? При одном только упоминании твоего имени Херил чернеет лицом. Ты ведь отобрал у него прадедовский меч, а с выбитой рукой он не смог выполнить поручение царя. Не удалось ему меня поймать, тупому солдафону. А твой танец назвали «Журавлём» и пляшут его во всей Элладе. Вот только говорят, что никому не удаётся повторить твои прыжки, царь.

Тесей в изумлении переглянулся с молодыми советниками. Кирил ухмыльнулся: ему трудно было представить себе царя, ведущего танец и прыгающего выше всех греческих скоморохов. А Дедал вернулся к своему рассказу:

– Едва ли старый хитрец Минос рассердился на меня вот именно за нить Ариадны. Думаю, что он наконец увидел шанс, не гневя богов, разделаться со мной за деревянную корову для его распутной Пасифаи. Сколько раз я жалел, что поддался на её уговоры, позорной извращенки! Ведь если бы не покрыл тот белый бык царицу, не погибли бы две афинских дани, почти три десятка чистых юношей и девушек, не пришлось бы и тебе, родич мой Тесей, рисковать своей красивой русой головой. Будь проклята та золотая цепочка! Надо было не брать её, а от заказа отказываться!

– А как тебе удалось спастись из Кносса? – прищурился Тесей.

– Никто мне теперь не верит, но я улетел, – и Дедал невольно втянул седую голову.

– Однако человеку не дано богами летать, как птице... – ахнул Порфирион. Тотчас и Белян выполз из-под его ложа, пару раз звонко тьякнул на Дедала и, подхватив с пола огрызок мясного пирога, вернулся в укрытие.

– На сей раз только два моих слушателя выразили недоверие, остальные, в том числе и царь, молчат, – и Дедал коротко поклонился Тесею. – Благодарю вас за то, что готовы поверить мне. До меня один только Мусей летал по воздуху, дар этот получив от Борея. Но если один смертный сумел подняться в воздух, почему другому не повторить этого уже без божественной поддержки?

Изумлённые и недоверчивые взгляды были ему ответом. Дедал усмехнулся и обратился к Порфириону:

– Юноша, ты прав, люди не могут летать, как безмозглые птицы. Наши руки слишком слабы для этого, даже если к ним привязать крылья. Ты же вообще слишком толст для полётов наяву. Я утверждаю это с полной уверенностью, потому что много опытов провёл, пытаюсь открыть для человечества тайну полёта. Я мечтал о времени, когда люди будут летать так же просто и естественно, как они ходят, бегают и плавают в воде. Заказов у меня всегда было немного, времени хватало. Жены, чтобы зудела и запрещала тратить мной заработанное на опыты, не имел, только рабыню Навкрату, ту самую, что родила мне Икара. Малый стал ценным помощником, когда подрос. Нет, Навкрата, она, конечно же, время от времени возникала, строя из себя эконома в моём хозяйстве, и даже осмеливалась поднимать на меня голос. Но у меня на такой случай в углу мастерской стояла палка. Итак, крылья, укрепленные на руках, не годились, а вот ноги у нас посильнее, но как соединить с ними крылья? И тогда я догадался, что подражать птицам можно и в ином: они, птицы летают, не только махая крыльями, но и паря в воздухе на них, неподвижных.

– Здорово! – воскликнул Идас. Глаза у него горели. – И крылья тогда требуются попроще!

– Вот именно, юноша! Я сделал несколько игрушечных птиц с неподвижными распротёртыми крыльями, и некоторые из них, подхваченные ветром, держались в воздухе вполне прилично. Я понял, что можно построить такие лёгкие неподвижные крылья и, вцепившись в них, совершить полёт с какой-нибудь высокой горы.

Раздались изумленные вздохи. Великий мастер торжествующе оглядел сотрапезников, отхлебнул вина и продолжил:

– Беда в том, что мне было необходимо средство для полёта на случай, если придётся бежать с Кипра. А на Кипре нет подходящих гор. Правда, за столицей, в глубине острова, высятся горы Идиорос, но они пологие. Да и как я добрался бы до них, если бы царь Минос повелел меня схватить? Да ещё с крыльями нешуточного размера. С равным успехом я мог попытаться отплыть на каком-нибудь корабле из порта Кносса. Надо было придумать средство для полёта, чтобы вылететь прямо из моего двора.

– А свой двор ты считал безопасным местом? Разве туда не могли войти воины царя Миноса? – прищурился Тесей. Его не покидало ощущение, что Дедал лжёт, и он не мог понять, зачем. Почему вообще люди так поступают? Ведь рано или поздно твоя собственная ложь накроет тебя, словно сеть.

– Свой двор я обезопасил, – заявил Дедал гордо. – Пожелавшего перелезть через глинобитный забор ожидал неприятный сюрприз. В верхний край забора я замуровал осколки стекла и фаянса.

– Мы с ребятами благодарны тебе, Дедал, что ты не применил этого изобретения в Лабиринте, – улыбнулся Тесей.

– В всём Кноссе не нашёл бы я столько осколков, да и замучился бы их втыкать. А Лабиринт и без того угнетал меня своим тупым однообразием. Вы скажете, что воины царя Миноса могли поставить лестницу и с её помощью преодолеть забор? Да, если бы они не боялись смертельно моего Андрона.

– А это кто такой? – изумился Солон.

– Не кто, а что. Я сделал огромную игрушку-воина, действующую мечом и копьём. Пружин только слишком много приходилось заводить. Итак, не опасаясь у себя в дворе нападения, мы с покойным Икаром начали строить устройство, на котором я надеялся улететь с Крита. Всех секретов я раскрывать не буду, скажу лишь, что нас должен был поднять в небо дымный горячий воздух, всегда, как легко убедиться, устремляющийся вверх.

«Не может быть!» – прочитал Дедал на лицах сотрапезников, выругался про себя и продолжил:

– Внизу под устройством должна была висеть жаровня. Я её прикрепил к нижним концам крепкой сети. Мы наполнили её горящими углями, когда поднялся попутный и сильный южный ветер. Мы с Икаром с двух сторон повисли на сети, зацепившись руками и ногами за её ячейки, а плачущая Навкрата развязала верёвку, что удерживала устройство и нас на нём. Навкрату я не мог взять с собою, чересчур уж толста. Мне вон тоже пришлось несколько дней попоститься. Итак, мы вознеслись над двором, и ветер понёс нас в сторону моря. Вот уже и огромный Кносс под нами, но нас никто не замечает. Оказалось, жители Кносса не поднимают голов, чтобы взглянуть на небо!

– Если бы ты летел над Афинами, тебя бы увидели, – убеждённо заявил Тесей. – Увидели бы, рассмотрели бы, восславили бы и освистали. Вот за что я полюбил афинян и хочу сделать наш город поистине великим!

– Афиняне, те, пожалуй, раскритиковали бы моё изобретение и объяснили бы мне, как надо летать правильно, – без улыбки согласился Дедал. – А мы тогда оказались сначала над портом Кносса, а потом и над морем. Замысел мой, совершенно, как выяснилось, безумный, состоял в том, чтобы ветер донёс нас до ближайшего острова, Тиры. Увы! Сначала остыли угли в жаровне, и мы начали заметно опускаться. Пользуясь ячейками сети, как лестницей, я обрезал одну за другой все верёвки, удерживающие жаровню, и она ухнула в море. Мы снова поднялись в небо, однако не слишком высоко. Когда я протискивался мимо Икара, он плакал. Жаловался, что долго не удержится на сети. Я выругал его и помог правильно зацепиться ногами. Однако через час или два Икар с протяжным криком

сорвался вниз. Я проводил его глазами, пока не поднялся фонтан брызг. Плавать Икар умел, но был обречён, потому что нигде на бескрайнем море не видно было ни одного корабля. Жаль мне Икара. Хоть и сын от рабыни, он был смекалист и старателен, трудно мне будет найти и обучить второго такого помощника. После падения Икара летательное устройство поднялось повыше, однако надолго ли? Я задумался и о своей судьбе. И восславил богов за то, что хоть свежий южный ветер не затихал. Он меня и спас ближе к концу дня. На краю моря уже появился остров, когда мой шар (вот и проговорился!) окончательно сел на воду. Еще какое-то время он, как парус, тянул меня к острову, а когда уже совсем погрузился, пришлось плыть самому. И я доплыл до скал! Однако настолько выбился из сил, что ещё полчаса не мог выбраться из прибоя на крутой берег.

Отхлебнул Дедал из кубка и замолчал. Тесей бросил быстрые взгляды на своих советников: те не собирались высказываться. Тогда он сам произнёс осторожно:

– Ты не бойся, наши познания в мастерстве и искусстве настолько ничтожны, что нам не понять, как ты улетел с Кипра. И все мы верим тебе в главном – ты перед нами, жив-здоров, стало быть, твоё бегство от Миноса удалось. А что произошло в твоём дворе в Кноссе?

– Воины Миноса его ограбили, Андрона на колеснице увезли во дворец. Навкрату вроде бы не тронули. Я оставил ей денег на прожитие – а сам превратился в нищего скитальца. Ведь мой мешочек с ценностями утонул вместе с шаром. Слава богам небесным, к Тире как раз причалили две триеры сицилийского царя Кокала, и он принял меня под своё покровительство. Через месяц я уже всюду трудился, руководя постройкой стен его столицы Камик. Город возведён на плато высокой горы, обведённый же каменной стеной, он стал бы вовсе неприступным. Тут приходит к нам весть, что царь Минос объявил на весь эллинский мир, что даст большое сокровище тому, кто сумеет протащить нитку сквозь скорлупу спиральной раковины. Мой Кокал и развесил уши, уж очень ему захотелось получить приз ни за что ни про что. Пристал ко мне: придумай да придумай... А вот вам ребята, что пришло в голову?

– Намазать начало нитки воском, чтобы она не сгибалась! – выкрикнул Идас.

– А что, могло и получиться... Молодец, юноша, ты настоящий советник. А я привязал нитку к большому рыжему муравью, и он пробежал сквозь раковину, огибая все препятствия, и выбежал с нитью с противоположной стороны.

Дедал окинул взглядом изумлённых собеседников и усмехнулся.

– Вот и царь Кокал так же удивился. Но он, простая душа, ещё и обрадовался. Послал гонца с этой раковинкой к царю Миносу, а тот был тогда на Сицилии, в Адране. Не прошло и трёх дней, как царь Минос на своём быстром «Ястребе» уже тут как тут. Еле я успел

спрятаться. А царь Минос и не подумал отдавать обещанное сокровище, зато заявил царю Кокалу: «Эту задачу во всём мире мог решить только один человек, пройдоха Дедал. А это значит, что он прячется у тебя. Выдавай мне его на расправу немедленно!». Не скажу, чтобы царь Кокал так уж сильно меня полюбил, но ему нужно было, чтобы я достроил крепостные стены вокруг Камика. А ещё к нему пристали дочери-царевны, которым я пообещал сделать из золота модные ножные браслеты. Говорят: «Да убей ты старого Миноса, этого обманщика, пожалевшего для тебя сокровище! С ним только небольшой отряд, Кносс далеко, и новый царь не решится пойти на нас войной». Посоветовались и со мной, и вот что мы решили. Царь Минос, как всем известно, обожал мыться очень горячей водой. Его пригласили в баню и там заперли, а рабам было приказано нагреть в котле воду до кипения и именно этот кипяток погнать в баню по трубам. Вот грозный царь Минос и сварился, как цыплёнок.

– Страшная смерть, – прошептал Солон.

– Однако же перед смертью он успел получить удовольствие от своей любимой горячей воды, – возразил бывший виночерпий.

– Смерть вовсе не героическая, – заметил Тесей. – Очевидно мне также, что даже с малой дружиной под рукой царь Минос имел возможность предотвратить своё убийство. Его подвело горделивое пренебрежение к другим правителям Эллады.

– Да, он позволил убить себя такому ничтожеству среди её царей, как Кокал, – согласился знаменитый мастер. – А дружина царя Миноса, что она могла сделать посреди враждебного города? Только подороже продать свою жизнь. Кносская дружина выстроилась черепахой на главной площади Камика и ошетибилась копьями. Я посоветовал царю Кокалу вступить с этими воинами в переговоры. В конце концов они забрали тело царя Миноса, вынесли из города, спустили с горы и там же, на Сицилии, похоронили. Я же достроил стены вокруг Камика, отлил золотые браслеты кровожадным царевнам – и вот, приплыл в конце концов на родину. По дороге до меня доходили вести, что сын царя Миноса Девкалион, к нему перешёл трон после смерти отца, не замышляет будто бы мести ни царю Кокалу, ни тебе, царь Тесей.

Молодой царь усмехнулся.

– Замышляет, не замышляет, об этом нам пристало было бы гадать при могучем царе Миносе, ведь тот имел под рукой лучший военный флот Греции. У Девкалиона нет ни священной, ни державной силы его покойного отца, а самые лучшие корабли без умелого командования не помогут победить. Однако я очень надеюсь, что у меня после преобразования Афин из обычного полиса в могучее государство дойдут руки и до

постройки военного флота, соизмеримого по количеству и качеству боевых кораблей с критским.

– Да неужели маленькие уютные Афины моих детства и юности ты собираешься преобразовать? – удивился Дедал. – Впрочем, со слухами о твоих замыслах довелось мне познакомиться ещё во время плавания.

Тесей сделал знак новому виночерпию, молодому и старательному, долить себе кикеона. Произнёс неохотно:

– Более того, мы уже начали трудное дело объединения жителей Аттики в одну мощную державу, и чтобы управлялась она самим народом, а не царём. Наступила осень, грядёт зима, и мечты о далёких путешествиях приходится отложить. Однако ничто не мешает мне с советниками, оставляя одного из них здесь на хозяйстве, ездить по Аттике от дема к дему, от филы к филе и от рода к роду и уговаривать людей покинуть мелкие деревенские посёлки и поселяться вместе в Афинах, а пританов и членов домов совета – слагать с себя власть в обмен на гражданство и должности в великом городе. Боги не наделили меня даром красноречия, поэтому всех нас крепко выручает старший из моих советников, почтенный Кирил. Он оказался замечательным оратором.

Бывший виночерпий ухмыльнулся, польщённый.

– Да какой уж из меня оратор? Я всего лишь сравниваю каждую из общин с каким-нибудь вином. И всегда завершаю свою речь выводом, что чем больше разных вин в погребе и чем объёмистее сам погреб, тем лучше для хозяина дома. И никто не может возразить! Но должен я признать, что величественный вид нашего молодого царя, много раз успевшего показать всей Элладе свою силу и мощь, очень хорошо действовал на колеблющихся жителей Аттики, побуждая их согласиться на объединение по добру по здорову.

– Такие, пожалуй, разбегутся, когда меня, их пугала, не станет, – без улыбки пошутил Тесей. – И вот тут мне потребуется твоя помощь, искуснейший мастер Дедал. Как только мы закончим переселение, построй вокруг новых, больших Афин оборонительную стену, как это ты сделал на Сицилии. Чтобы граждане не убежали. Разумеется, сначала должны определиться границы нового города, но неужели мы с тобою, Дедал, их не угадаем за две-три прогулки по нынешним пригородам?

– Не так тут всё просто, царь, – ответил Дедал. – Стены по краям плоскогорья, как у Камика, это одно, и совсем другое дело – защитная стена на равнинах, окружающих нынешние Афины. Нужны зубцы, бойницы, забрала и крепкие лестницы. И бойцы, умеющие стойко защищать стену. Но ты прав, что прикинуть, как пройдёт стена по местности, необходимо. И я с удовольствием совершу с тобой вместе такие объезды, если не

забудешь прихватывать с собой в каждую прогулку по бочонку этого замечательного наксосского вина.

Усердно месяц осеннюю, а затем и зимнюю грязь, Тесей с терпением и упорством бобра, строящего плотину, создавал великие Афины. К сожалению, в гинекее дворца молодой строитель государства не находил не только поддержки для своей деятельности, но и полноценного отдыха после державных трудов. Недалёкая великанша Перегуда успешно родила мальчика, названного Меланиппом, и вполне сосредоточилась на его кормлении. Поскольку ей были малы хитоны и золотая обувь прежних афинских цариц, выглядела она не слишком роскошно, не пыталась увлечь Тесея, побаиваясь его. Однако и он, не испытывая к ней никаких нежных чувств, не то чтобы остерегался великанши, но сторонился её. Поэтому сам не мог понять, отчего рассердился на Перигуду, когда дурочка имела наивность признаться служанкам, что мечтает о женихе, обещанном Тесеем. Ему пришло тогда в голову первого же из молодых советников, который проштрафится, женить на этой красивой наложнице. А когда он спросил у Перигуды о бывших рабах её отца, Джамбо и его сыне, оказалось, что старик умер, а сын его предпочёл остаться в поместье Прокруста.

Не так, как предчувствовал когда-то в Лабиринте, сложились у молодого царя отношения с другой наложницей, большеглазой Перибеей. Страсть героя к ней возбуждалась тогда близостью ужасной смерти, а её ответное чувство и в тех страшных условиях представлялось чересчур рассудительным. Нельзя сказать, что после первой их брачной ночи Тесей разочаровался в своей простолюдинке-вострушке, но они не успели привыкнуть друг к другу в постели: Перибея как-то мгновенно забеременела и, хоть переносила новые выпавшие ей на долю тяготы вынашивания ребёнка, почти не жалуясь, ей уже не до любви приходилось.

Тесей уже подумывал, не выписать ли из Трезена свою мать, царевну Эфру, чтобы гинекей дворца выглядел пристойно. Однако он боялся, что царь Питфей не пожелает отпустить дочь. Втайне он радовался, что только по этой причине не приглашает мать, а не потому, что боится, как бы не начала им распоряжаться. Ведь только по этой причине он не пригласил в советники своего старого наставника Коннида – а как полезен оказался бы теперь его воинский и житейский опыт! Но, смешно сказать, царь серьёзно опасался, что Коннид возобновит над ним свою тираническую власть.

В самом начале весны в Дельфы, с пристойными дарами, был отправлен Порфирион с вопросом, удастся ли Тесею выстроить новые, могучие Афины. Тёмный ответ Пифии жрецы истолковали в таком смысле, что печалиться и тревожиться Тесею не стоит: будет он, как лёгкий бурдюк, плавать в житейской пучине. Собравшись в триклинии дворца,

советники пришли к общему выводу, что «бурдюк» в прорицании призван напомнить о загадочном образе бурдюка в прорицании, полученном некогда царем Эгеем. В целом же замыслу Тесея предсказана удача. Кирил остался при своём особом мнении, что «лёгкий бурдюк» есть иносказание, одобряющее отказ молодого царя от винопития. А Тесей не стал делиться с советниками своим удивлением: зачем Пифия сравнивает его деятельность с плаванием по морю, если он и плавал-то по морю всего пару раз в жизни, и то как пассажир? Если это не случайно, то в чём тут смысл?

Весна миновала уже пору расцвета, когда после долгих переговоров Тесею удалось присоединить к Афинскому государству Мегариду. Торжествуя, он задумал поставить пограничный столб на меже между Пелопоннесом и землями новой державы. Солон, для того привезённый на колеснице из Афин, изложил ямбами две его сентенции, а Дедал вырезал надписи на бронзовых щитах, с двух сторон прибитых к столбу. На одном щите, с восточной стороны столба, грамотный путник имел возможность прочесть: «Не Пелопа это земля, но Иония». На другом, с западной, надпись утверждала: «Это земля Пелопа, не Иония». На этом деянии трудоёмкая операция соединения Тесеем двенадцати аттических общин, Солоном звучно названная «синойкизмом», завершилась. Оставалось только придумать и обеспечить ежегодное празднование Мэтэкий и Панафиной, чем усердно занимались жрецы под руководством Порфириона.

В самом начале летнего месяца гекатомбеона Тесей вышел пешком к побережью Саронического залива, чтобы осмотреть удобную гавань, где, по словам глазастого Дедала, было бы полезно построить новый порт вместо тесной гавани Фалета. После толчеи во дворце ему приятно было побыть одному, глубокая синь моря успокаивала – и тем сильнее он изумился, когда в ушах прозвучало: «Тесей! Ну, что же ты медлишь, несносный, спускайся к морю сейчас же!». С мгновенным запозданием он распознал капризный голосок Амфитриты.

Мало что соображая, Тесей нашёл тропинку, огибающую скалу, и сбежал к линии прибоя. Точно так же бездумно принялся выполнять распоряжения войти в воду справа от чёрного камня, проплыть двадцать локтей, развернуться головой к берегу и нырнуть: там будет подводный вход в пещеру. Он сунулся в прибой как был, одетым и в сандалиях, и только серебристый смех Амфитриты побудил очнуться. Пришлось вернуться на берег, раздеться и разуться.

Морская вода не обдала Тесея холодом, да он и не различал тогда, тепла она или холодна. Молодой царь отмерил примерно двадцать локтей от берега, крутанулся на месте, но не стал сразу нырять, а для начала просто опустил голову в воду. И разглядел тёмное пятно в подводной скале почти у самого дна. Он вернул лицо на весело искрящуюся под

солнцем поверхность моря, набрал побольше воздуха – и нырнул. Тесей уже полностью скрылся в подводном проходе, когда вдруг сообразил, что пространство в нём слишком узкое. Стало быть, если он упрётся в тупик, придётся возвращаться, пятясь, подобно раку – а так плавать он не умел. Но его приободрила очередная порция смеха богини, где прозвучали как будто и новые, загадочные нотки – или напротив, вовсе не загадочные? Угадывать он не хотел: слишком обидно было бы ошибиться. А там и большое светлое пятно впереди засветилось.

Шумно вынырнул Тесей, и пока отдышался, понял, что очутился внутри большой пещеры, соединённой с морем. Был прилив, и скальный островок с песчаным намывом посреди морской воды выглядел скромным по размерам. Сначала показалось Тесею, что свет исходит тут от белого тела Амфитриты, потом догадался он, что в скале есть незаметные для взора отверстия.

Одежды богини были тщательно расстелены на песке, раздетая Амфитрита лежала на них навзничь, положив ногу на ногу, а руки закинув за голову. Почему он надеялся увидеть её на ложе из цветов? Тесей выбрался на сухое, поклонился и встал на краю островка, стараясь не замочить розовый пеплос. Тем временем Амфитрита затрещала, не меняя позы:

– Привет, Тесей! Ты мне запомнился таким непосредственным подростком... Нет, кто же мог предугадать, что взрослым превратишься в зануду! Сам подумай: где я возьму тут тебе ложе из цветов – надо же! Бывают довольно красивые водоросли и мягкие, но знал бы ты, как мне надоела морская вода и всё мокрое... Ещё кораллы красивы, но на них не лежишь... И ты постой, постой там, подсохни, а мы, дружок, посмотрим друг на друга... Да уж, я беленькая, да, я такая – а знал бы ты, каких трудов мне стоит оставаться незагорелой, носясь целыми днями под солнцем по морю! О, у меня от одной твоей мужественной красоты пошли мурашки по телу, а у тебя что-то мне не заметно воодушевления...

Сперва откашлялся Тесей, но заговорил всё-таки хрипло:

– Здравствуй вовеки, богиня! Коль нет во мне телесного движения навстречу тебе, то ты сама в том виновата. Нельзя быть такой пленительной! Твоё совершенное тело вызывает столь бешеное желание, что ошеломляет меня и обездвиживает.

– Обездвиживает, говоришь? – и богиня захихикала. – Я сама и оказалась у тебя виноватой, выдумщик... Ого, как быстро высыхают на твоей коже капельки морской воды! Присядь-ка на корточки рядом, дай мне свою руку...

Со стыдом вспомнил Тесей, что нечто похожее происходило у него с Перибеей, но тут же забыл о твёрденькой, с мозолями ручке быстроглазой вострушки. Рука Амфитриты

оказалась не только удивительно нежной, почудилось Тесею, что её кожа утончается под его пожатием, вызывая целый пучок немислимых, невообразимых ощущений. А богиня положила большую ладонь Тесея на своё бедро – и тотчас же в царе восстали чувства куда более грубые, но в то же время безумно приятные.

– Вот видишь, ты в полной готовности, – заворковала Амфитрита, укладываясь на бочок лицом к нему. – Однако мы не будем торопиться, не будем... Ложись рядом со мной. Полежим рядком, поговорим ладком... Хи-хи-хи... Вы, мужчины, думаете всегда только о себе... Сама теперь не понимаю, с какой бабской дури я понадеялась, что ты окажешься тем же стеснительным и воспитанным подростком, что и во время встречи нашей, моей и Афины, той миленькой беседы с тобой в заливе Сароникос... Но я и сейчас хочу прежде возжелать тебя безумно, хочу плакать от женского счастья у тебя на груди... Так вот тебе за это, Тесей!

И легко укусила его за подбородок. Тесей, и без того уже терявший рассудок от легких прикосновений её девичьих грудей, живота и колен, оказался всё же ещё способным сочинить ответ и разборчиво его прохрипеть:

– Я в глубине души всё тот же пылкий подросток, сладкая моя богиня. И давай устроимся так: ты у нас будешь распоряжаться, а я постараюсь не сделать ни одного движения, если сама не попросишь о нём.

– Какое самопожертвование, мой блондинчик! Не думала не гадала я, что когда-нибудь услышу столь благородное предложение от мужчины, готового уже взорваться... Но ты внешне ещё юноша. По крайней мере, я только что убедилась, что ты до сих пор не бреешься... Значит, не уколешь меня этой противной щетиной... Послушай, а ведь ты вполне созрел, чтобы меня наконец поцеловать, противный...

– Я решил отпустить бороду, как только она начнёт расти... – пробормотал Тесей, однако Амфитрита запечатала ему рот поцелуем. Слава богам, и самой ей при этом пришлось замолчать, а потом она легла снова на спину и только постанывала, подставляя под неопытные губы молодого царя свои похожие на две половинки яблока, совершенно девичьи груди.

Амфитрита снова заговорила, когда оторвалась от его сосков, и Тесею пришлось опустить голову, чтобы перед глазами оказался её милая макушка, впрочем, тут же потонувшая в красном тумане. Он слышал, что она говорит, но смысл сказанного воспринимал не сразу.

– Не гони свою квадригу, герой... Нам некуда сегодня спешить... Почти некуда...

Не нашёлся он, что ответить, но и знал бы, едва ли бы сумел выговорить. Спешил ли он, или удалось послушаться богиню и не торопиться, не имело уже значения. Потому что

мир вокруг уже погибал, как остров Санторин, разорванный и сожжённый огненным извержением вулкана, и кто-то рядом рычал, выл и стонал в немыслимой, восхитительной, разума лишаящей агонии...

Тесей очнулся. Тотчас же, как только определил своё положение в пространстве, сполз с Амфитриты, чтобы её не придавливать. Размыкание их тел показалось ему деянием настолько огорчительным, что едва не прослезился. Островок песка в пещере увеличился в несколько раз, по нему ползали креветки и маленькие крабы. И когда только успел наступить отлив? Не подлежало сомнению, прекрасная богиня тоже потеряла сознание. Глаза её оставались закрытыми, а поза едва ли была заранее прорепетирована и выбрана – как та, например, приготовленная к его появлению в пещере. Можно было бы сказать, что нынешняя поза вообще не красит её... Но слишком хороша была сама Амфитрита, пусть и застигнутая обмороком не в лучшем положении.

Вот открыла она свои туманные очи, вот мелькнул в них огонёк понимания... Богиня ойкнула – и тотчас же подтянула и сжала коленки. Затрещала как ни в чём не бывало:

– Мне совершенно необходимо помыться... Делим островок... Моя купальня с этой стороны, от большой раковины начиная, твоя... Ну, сам видишь... На меня не смотреть, пока не позволю... Что лежишь, ты, машина для любви? Тебе тоже следует помыться, чтобы не походил на оленя, забрызганного своей похотью... Да отвернись ты!

Он отвернулся, пожал плечами и сел к ней спиной. Не понимал, почему нельзя смотреть, как Амфитрита моется. Ведь при этом так же хороша, как и всегда, а стесняться друг друга им теперь бессмысленно. Однако послушался – а как иначе, если ей обещал?

– Можешь теперь снова мной любоваться!

А он и рад. Полюбовался от души – да и подхватил её на руки, принялся кружить с ней по мелководью вокруг островка. И как же это было здорово – наслаждаться её красотой, не замутняя и не унижая любованием похотью! Однако он додумался сказать об этом вслух и тотчас же получил в ответ:

– Словно ты не обещал, мой кроткий, исполнять только мои желания... А когда это я просила только вприглядку любоваться мной? О, это другое дело...

Тесей и сам уже почувствовал, как неуклонно в нём нарастает новое стремление к пресловутому замутнению и унижению.

Глава 21

Аттика, Афины

Любовные удачи и неудачи

– Прощай, Тесей... Мне совсем уже пора...

Это звонкий голосок Амфитриты прозвучал, и Тесей, выпутываясь из вязкого полусна, не сразу сумел соотнести ею сказанное с прочими настигшими его весьма огорчительными невзгодами и потерями. Улетучилась, растворилась в окрестном холодном мире телесная теплота богини, только память осталась от прикосновений её атласной кожи и сухих чёрных волос. Нос Тесея уткнулся в песок, когда хозяйка пеплоса беспардонно выдернула его из-под любовника, и это происшествие помешало ему расслышать плеск, сопровождавший уход Амфитриты под воду. Или не было вовсе плеска, и только круги на воды остались после её исчезновения?

Опять наступил отлив, и в пещере потемнело. Это могли быть и вечерние сумерки, поэтому Тесей отказался от мысли полежать ещё на песочке и вспомнить тут творившееся на фоне стен пещеры, это видевших. Он припомнил, в каком месте вынырнул, и там же, несколько раз глубоко вдохнув, ушёл под воду.

Первые десять примерно локтей Тесей проплыл легко и весело, а потом с ужасом почувствовал, что воздуха не хватает. Безумно захотелось вздохнуть, а потом глотнуть холодной водички, руки-ноги начали неметь, а общее состояние напоминало мучительную нехватку воздуха после долгой и быстрой пробежки. Но тогда оставалась возможность отдышаться со временем, а сейчас... Сознание у него помутилось, но он ещё понимал, что еле-еле продвигается вперед в узком туннеле, и вот-вот нелепо утонет.

Однако в самый критический момент маленькие ручки ухватили его за пятки и толкнули вперёд, он почувствовал, что удушье проходит и что, непонятно как, спокойно дышит в воде.

– Ну вот, ты в порядке, Тесей. Так что плыви дальше сам, а то слишком тяжёлым сделался для меня. А ступни-то какие у тебя теперь, прямо богатырские! Выплывем в открытое море, а там поговорим.

Молодой царь узнал тонкий голосок океанида Онисима, сверху маленького чернобородого мужчины, а ниже рака.

– Конечно же, поговорим. Есть о чём. В первую очередь о моей благодарности тебе, её ничем не измерить.

Океанид промолчал, а Тесей принялся потихоньку выгребать из каменного коридорчика. С дыханием-то Онисим ему помог, а вот силёнок прибавить не смог или не догадался. И будто ему больше делать нечего, принялся представлять себе Тесей, с кем из подводных животных мог бы заводить романы его спаситель. Забыл он, что как божество человеко-рак умеет читать человеческие мысли. Поэтому большой неожиданностью для него стало, когда услышал за спиной:

– Мои любовницы ещё отвратительнее, чем ты себе их воображаешь.

Крякнул Тесей и ничего на такое не ответил. Он действительно был очень признателен Онисиму и пожалел, что вмешался в его дела, не подумав.

А вот и оно, заветное светлое пятно над головой. Не очень-то и светлое, если присмотреться, а это значит, что в мире, где дышат воздухом, а не водой, сейчас сумерки или рассвет. Во всяком случае, теперь он не заблудится.

– Я предлагаю спуститься, – прочирикал Онисим. – Посидим на песочке и поговорим.

Тесей поднырнул прямо ко дну, но усесться ему удалось, только взяв на колени по совету океаноида увесистый камень. Онисим, тот устроился собственно лёжа, а вот ручки свои человечьи выпрямил. Помолчали. Тесею пришло в голову, что вот такой же мир, темноватый, вязкий, мутный ожидает его, когда жизненный путь завершится, в Аиде.

– Послушай меня, почтенный Онисим, я безмерно благодарен тебе за спасение. Это ничем не окупится, но я сделаю для тебя, как для морского божества, то, что смогу: заложу тебе храм на лучшем месте в новых Афинах. И ещё устрою ежегодный праздник, уж придумаю, за какую твою заслугу. Это уже решено. Но какое воздаяние ты хочешь получить, если согласишься на мою просьбу не доносить о сегодняшней встрече со мной богини Амфитриты её мужу, моему божественному отцу Посейдону?

– Мне придётся отвечать долго, – не сразу ответил океаноид, – а ты, царь, полтора суток, не меньше, голодал. Между тем, здесь, на песчаном дне, достаточно моллюсков, годных людям в пищу, и почему бы тебе ими не закусить?

– Я предпочёл бы пораньше оказаться на берегу. Слушаю тебя, почтенный Онисим.

– Тогда я начал бы с благодарности за твоё желание, царь, меня прославить храмом и праздником. Ей-богу, не заслужил – и что мне в них проку, если я смог бы увидеть свой храм и побывать на своём празднике в Афинах разве что принесённым в дощатой лохани? Я не буду доносить Посейдону, потому что служу не ему, а Амфитрите. Очень я надеюсь, что сегодняшнее приключение сойдёт с рук моей госпоже. А потому надеюсь, что она наверняка выбрала для него время, когда твой божественный отец выковывал тебе братика где-нибудь в италийской колонии.

– Мне бы очень не хотелось огорчить своего отца бога Посейдона, – пробормотал Тесей, потупившись.

Онисим поплескал в ладони, для чего ему пришлось на время улечься на спину.

– Вы, люди, бываете великолепны со своей моралью! Если не хотел огорчить, зачем тогда... Ладно, я ни осуждаю ни Амфитриту, ни тебя. Амфитрита не желала выходить замуж за грубого Посейдона и убежала от жениха на край света, где Атлант держит небесный свод

на плечах. Пришлось самому сметливому нашему дельфину сплавать за ней туда, выбраться на берег, развлечь и рассмешить строптивицу, а уже тогда вернуть её к жениху. Я был приставлен к ней, чтобы облегчить, подсказывая и показывая, жизнь в нашем морском и подводном мире. Ох, непростое мне выдалось задание! Зато я навсегда привязался к этой милой болтушке. Ясно представляю, как опостытели ей наша вечная сырость и палящее солнце над головой, скользкая чешуя и тупые рыбы глаза вокруг, чёрные спины морских чудовищ для сиденья. Одни звуки, когда тритоны трубят в раковины, чего стоят! Тебе доводилось ли слышать, царь?

Тесей покачал головой.

– Поверь, ты ничего не потерял! Не говорю уж, что это хриплое курлыканье и сравнивать нельзя со сладкой музыкой Аполлона, звучащей для богов на Олимпе. Однако Посейдона устраивают тритоны-музыканты. Но если я не осуждаю тебя, это вовсе не значит, что одобряю твой поступок. Ты, царь, не проявил заботу о своём будущем. Обычный юноша, посягнув на мужнюю жену, может потерять жизнь, то есть огромный её отрезок, что принадлежал бы ему, если бы не соблазнился на достаточно пустую приманку. Ты, юный царь, сын Посейдона, вполне можешь лишиться возможности бессмертия. Как мог ты об этом не подумать? Твоё происхождение, земное и божественное, твои подвиги и твоя добродетельное правление в Афинах вполне могли побудить Зевса даровать тебе после смерти вечное веселье в кругу богов. Теперь такой конец твоей земной жизни под вопросом, под большим вопросом, царь.

Хотя о своём будущем бессмертии Тесею к тому времени приходилось только мечтать, предупреждение океанида его не на шутку огорчило. Он даже в панику впал, но быстро оправился и нашёл, что сказать.

– А от меня немного зависело, почтенный Онисим. Тебе ли, её слуге, не знать, что противиться Амфитрите невозможно. И вот что ещё мне пришло в голову. Представь, что мы собрались с богиней только поговорить в той пещере, а отец мой божественный Посейдон застал бы нас там. Неужто он поверил бы, что речь идёт о невинном разговоре?

– Зачем ты мне зубы заговариваешь, Тесей, мои острые рыбы зубки? Но о пещере ты вспомнил кстати. Прошу тебя больше никогда не посещать её – если, конечно, наша богиня снова тебя не пригласит. А вдруг ты застанешь её с другим любовником? Неужели тебе хотелось бы этого?

Закончилась беседа, и мудрый Онисим, вильнув хвостом, отправился по своим делам, а Тесей поднялся на поверхность. Ревность мучила его, и он казнил себя за то, что постеснялся выпросить океанида о любовниках своей прелестной мачехи. Быть может, и нет у него соперников, и это Онисим решил, что, отдавшись пасынку, она теперь станет

добрее к другим? На последних остатках сил добрался Тесей до берега и, доплыв, долго валялся в волнах прибоя, пока сумел встать и отправиться на поиски своих вещей.

Увы, их не было уже на берегу. Оставалось надеяться, что не вор их унёс, а кто-то из слуг, отправившихся в бухту Пирей на поиски своего царя. Устроив себе пояс из лопухов, Тесей вошёл в столицу в самую тёмную пору летней безлунной ночи. Западные ворота ещё не были построены, он пробрался между котлованами, канавами и холмами выброшенной заступами земли, едва волооча ноги, и был вынужден отдохнуть на кучке глиняных кирпичей. Стало совершенно очевидно, что точно так же беспрепятственно, как и он, в великие Афины может войти вражеское войско. Хмыкнув, он вышел на главную улицу, по ней доплёлся до дворца, упал на ложе в своей спальне и проспал до вечера следующего дня.

Утром выяснилось, что великие Афины второй день обсуждают неожиданное самоубийство своего молодого царя. Как иначе мог народ объяснить, что Тесей сложил опрятно хитон и гиматий, положил их сверху на сандалии, а сам исчез? В причинах афиняне не успели на тот момент разобраться, а самой обидной для молодого царя стала версия, что он-де не вынес трудов объединения Аттики. Однако распространял эти слухи паллиант Филохор, заявлявший, что сам не прочь занять опустевший теперь престол, но только не всей Аттики, а одних старопрежних малых Афин. Понемногу отъедаясь, укрепляя здоровье свежим кикеоном и отсыпаясь на полную катушку, Тесей придумал вполне правдоподобное объяснение своему отсутствию без малого на двое суток и решил испробовать его на членах совета. Он, дескать, решил искупаться и поплавать. Поплыл себе и задумался. Плывёт-плывёт, а уж сумерки спускаются. Обернулся назад – а земли и не видно. Пока думал, что делать, совсем стемнело, а ночь, как на грех безлунная, и звёзды затянуты облаками...

– Так ночь же звёздная была... – удивился Солон, когда Тесей, излагая свою выдумку в первый раз перед членами совета, отвлёкся на глоток кикеона.

– Да? Это здесь звёздная, а над морем небо облачное и туман стоял. Пришлось лечь на воду и, поспать не поспать, а подремать хоть немножечко. Довелось спросонья и морской воды наглотаться... На рассвете пришёл в себя, определился по солнцу, а присмотревшись к горизонту, увидел там сушу. Неужто, думаю, до самой Эгины доплыл?

– Слишком далеко, царь, Эгина от побережья Аттики, – помотал головой Солон. – Скорее всего, ты видел маленький остров Пситалию.

– Как хорошо иметь таких знающих советников! – и Тесей похлопал юношу по худому угловатому плечу. – Эгина то была или Пситалия, но я не спешил высаживаться на остров. Вот явился бы я к островитянам голый – и разве поверили бы они мне, что я царь великих Афин? Поработили бы и заставили бы на мельнице крутить жернова. В общем, я решил разворачиваться и плыть в нашу сторону. И вот я здесь.

Кирил спросил, глядя в сторону, что царь намерен делать теперь с Филохором.

– А ничего, – ответил Тесей беспечно. – Он засветился, и пусть теперь локти грызёт. Ведь теперь, при первых слухах о заговорах, все будут указывать на Филохора пальцем. Кроме того, мне показалось важным, что этот мой племянник заявил о правах только на старые, малые Афины.

– Я понял твою мысль, царь! – воскликнул Идас восторженно. – Политики старого образца мыслят замшелыми понятиями, а мы, новые мудрецы, всегда будем на шаг впереди этих престарелых недоумков.

– Ну, как-то этак вот... – пробормотал Тесей, вообще-то имевший в виду, что у паллиантов не нашлось других вождей, кроме недалёкого пьяницы Филохора.

Поскольку молодой царь со времен морского похода с афинской данью на Крит славился как великолепный пловец, его придумка удалась, и об исчезновении правителя на пару дней, события, в общем-то, незначительном, любознательные и жадные до новостей афиняне вскоре забыли. Самому Тесею очень не нравилось, что пришлось пустить в ход ложь в деле, если вдуматься, государственном, однако больше всего его смущало, как восприняла происшествие Перибей, бывшая уже на сносях. Казалось бы, она должна была только обрадоваться возвращению хозяина, будущего отца своего ребёнка, однако Тесей прочитал в её глазах разочарование – отчего бы это? Тесей отложил разбирательство на время после родов.

Тем временем Перигуда, пользуясь своим положением наложницы, родившей царю сына, захватила власть в гинекее. Младенец, внук убийцы Сонида, названный Меланиппом, целыми днями гудел, как шмель, однако по ночам почти не плакал и не кричал. Мужественная, как у Артемиды, красота его матери оставляла Тесея равнодушным, и он не видел никаких причин терпеть во дворце такую дуру. Улучив время, он попросил принести ему в ложницу два кувшина, с хорошим вином и с кикеоном, и вызвал стряпуху Феону на тайную беседу.

Польщённая Феона, похожая на добрую сказочную лягушку, не только приоделась, но даже и надушилась, не иначе как из запасов Медеи. Тесей изложил свои проблемы с наложницами. Разговор начали с огромной красавицы, её, как выяснилось, недолго любили оба. Феона заявила даже, что Перигуда столь же злобное, сколь и глупое существо. Она кричала, потеряв в ссоре с дворником контроль над собой, что ещё не отомстила хозяину за убийство отца, а он мол, не даёт повода, избегая её.

– И почему это я не пригласил тебя, почтенная Феона, в государственный совет! – изумился Тесей, хлебнув кикеоном. – Я как-то не вижу, кто может заставить меня снова

постигать ужасную Перигуду. Не уберегусь – воткнёт булавку в глаз. Угощайся, прошу тебя.

– Едва ли она станет тебе выцарапывать глаза, – улыбнулась Феона. – Девушка обижена, что ты с нею больше не спишь. Ну, прибьёт сгоряча, не развалишься, красавец. Ты как-то поручал мне разузнать о её личных симпатиях. Это когда не на хозяина обижаться, а когда сердцу не прикажешь.

– Угу, угу...

– Так вот, среди твоих молодых советников злюка Перигуда явно выделяет силача Агамеда. Норовит перехватить его во дворе, когда вы собираетесь в триклиний, и ругает на все корки, главный образом за то, что не оказывает ей должного уважения. И потом ещё, на следующий день, о парне не забывает, уже заочно бранит и высмеивает.

– Ты думаешь об этом, почтенная Фиона, то же самое, что и я? – ухмыльнулся Тесей.

– Да понятное дело, втрескалась! – и стряпуха, которой вино в смехе попало не в то горло, прыснула им на старинный стол. Тотчас же добыла тряпку и вытерла лужицу.

– Не обращай внимания... А что на это Агамед?

– Увалень не огрызается, молчит... Или боится обидеть тебя, как хозяина?

– Агамед далеко не увалень... Смел и предприимчив. Похоже, и он запал на неё. Поговорю-ка я с парнем, и если он не против, дам Перигуде приданое, устрою свадьбу – и мы выпрем из дворца эту крикливую злюку!

– Да помогут нам в том боги бессмертные! На госпожу гинекея она не тянет...

Тесей налил стряпухе вина в килик, сам отхлебнул остывшего, к сожалению, кикеона и только тогда спросил осторожно:

– А что, по-твоему, происходит с нашей Перибеей?

– О, ты тоже, царь, заметил? Что-то мучит её, но какая змея грызёт изнутри, я не могу понять...

– А если и здесь женишок?

Стряпуха вытерла губы, поставила килик и покачала головой.

– Да нет, царь, Перибейя тебя просто обожает... Она страдает из-за твоего отношения к ней. Ты обещал девушке, что без её согласия не будешь посылать её к гостям, и она боится, что теперь, когда ты охладел к ней, забудешь о своём обещании.

Тесей спрыгнул на пол и забегал между ложами. Он решал, стоит ли рассказывать Феоне их с Перибеей историю в подробностях, и решил, что не станет этого делать. Только коротко, совсем коротко... Закончил так:

– Наши чувства друг ко другу возникли в трюме «Полибии», когда нас с нею, как скот, везли на прокормление Минотавру, а укрепились в самом Лабиринте. Думаю, что мы

слишком много ждали друг от друга на свободе, чего не исполнилось. Как она, не знаю, а я успел выгореть внутри, пока мы попали на наше ложе из цветов. Пусть рожает, наконец, и мы с тобой, Феона, выдадим её замуж, за кого сама захочет.

Стряпуха стукнула донцем килика о стол и вдруг надолго, невесело рассмеялась.

– Знаешь, царь, – сказала медленно, – я уже столько лет прожила на свете, что никогда не поверю, будто ты вот так взял и отказался совсем от доброй, умной, хорошенькой, влюблённой в тебя девушки. И только потому, что её низкое происхождение не позволяет тебе жениться на ней своим первым браком! Ты ведь можешь не давать её гостям, слуги приведут для них шлюшек из города, и все дела. И я подумала, ты уж меня прости, не застит ли тебе глаза белое тело какой-нибудь богини – или нимфы?

Густо покраснев, Тесей бросил на неё взгляд исподлобья. Потом вполголоса попросил не говорить с ним на такие темы: безопасные для обычного человека, они отнюдь не таковы для сына Посейдона, вынужденного общаться с женскими морскими божествами. И стараясь перевести разговор, заявил, что жениться на Перибее просто невозможно для него: тогда первый сын его в браке, низкорождённый по матери, будет в Афинах не признан как наследник.

– Так найди себе родовитую жену, – буркнула она. – И запомни, что для брака не нужна пылкая страсть, она может только помешать. Лучше, когда муж и жена связаны дружбой и просто понимают друг друга. Вспомни, как страсть твоего земного отца к Медее разрушила его здоровье и сократила жизнь.

Он кивнул. Что тут скажешь, насчёт Эгея старая Феона абсолютно права.

А там и Геракл, немного постаревший, но такой же могучий и непредсказуемый, как и прежде, свалился младшему родственнику на голову. Между пирами в триклинии старого дворца и странствиями по кварталу гетер он сумел разобраться в семейной ситуации родича и приятеля. В последний день свой в Афинах, в конце пирушки, когда их сотрапезников слуги уже разнесли по спальням, и у стола два героя остались наедине, несокрушимый Геракл заявил:

– Да ты просто великий мудрец, Тесей, что додумался создать великие Афины! В прежних, маленьких, не нашлось бы места для весёлого квартала – и какими скучными выдались бы тогда наши вечера!

– Да, пожалуй, – согласился Тесей и икнул. Кикен при всей его полезности уже доставал. Но в этой ситуации пристойнее было икнуть, чем зевнуть. – Признаться, о таком результате «синойкизма» я не... Нет, такое не предполагалось. И заметь, девушки в большинстве своём свеженькие и иногородние.

– Да, коринфянки предпочтительнее... Но я не о том хотел сказать. Тебе и жениться надо по тому же принципу, что ты строил государство. Невесту следует привезти издалёка. Ни к кому во дворце не привязанная родством или дружескими чувствами, она быстро наведёт в хозяйстве порядок. И я знаю, где тебе следует найти жену.

– И где же? – с Тесея вся дрёма соскочила.

– В стране амазонок, вот где, – и в подтверждение своих слов Геракл стукнул кубком по столу. – И я даже знаю примерно, на кого тебе там следует нацелиться.

– Прямо не верится... – не удержал в себе Тесей. Приустал он к концу пира.

Великий герой огляделся, увидел виночерпия, спящего, прислонившись к стене. Вздохнул, пододвинул к себе ближайший кувшин, отставил. Второй, кивнув, поставил удобно для себя.

– Как раз хватит нам... тьфу, всё забываю, что у тебя священное питье... Хватит мне до конца рассказа. Это произошло, когда я исполнял девятое... или восьмое? Неважно, какое по счёту точно это было поручение ничтожного Эврисфея. Ох, и достала же меня, Тесей, эта злобная волчица Гера!

– Тебе надо было трахнуть старуху, улучшив время, – ляпнул Тесей. И сам испугался. Далёкий гром тотчас же прогрехотал, и было это, конечно, только случайным совпадением.

Великий герой внимательно всмотрелся в хозяина из-под полуседых кустистых бровей.

– А я был уверен, что свежий киклон не бьёт в голову... Я должен был отобрать у царицы Ипполиты её золотой пояс, подаренный ей отцом, как, впрочем, и всех остальных амазонок родоначальником. Я об коварном боге войны Аресе. Мне в битвах дважды удавалось его ранить, а если бы мне чудом невиданным удалось бы убить Ареса, наш общий отец Зевс, уверен, только похвалил бы меня. Мне даже понравилось то поручение, потому что не предполагало смертоубийств людей и мучений животных. Вот, видишь ли, понадобился недоделанному Эврисфею чужой золотой пояс для дочери Адметы! Так сам поплыл и отбери! Недоносок несчастный!

Когда впоследствии Тесей вспоминал рассказ Геракла об этом путешествии, очищенный в его памяти от авторских повторений, проклятий, сильных выражений, бордельных иносказаний и прочей словесной шелухи, выходило примерно вот что. Поразведав у знающих людей об обычаях амазонок, Геракл поплыл не на боевом корабле, а на купеческом, ведь выяснилось, что амазонки прекрасно распознают типы греческих кораблей. Приплыв же в страну амазонок, начинающуюся на южном берегу Понта Евксинского от впадения в него реки Ирис, он обнаружил замечательное внимание к себе

тамошнего исключительно женского населения, тем более, что до заветного дня, в который амазонки призывают домой своих мужей на короткий срок, оставалось чуть ли не полгода. Ему не составило никакого труда выйти на дворец, точнее богатое поместье их царицы Ипполиты, и он убедил её отдать своей пояс добровольно. Однако злобная Гера приняла образ амазонки, чтобы настроить воительниц против путешественника. «Вот был замечательный момент, чтобы с наскоку приголубить злюку!» – подумал в этом месте рассказ Тесей и не замедлил сообщить о своём соображении великому герою. Тот только досадливо головой помотал. Итак, амазонки немедленно вооружились и поскакали к кораблю, однако царица Ипполита успокоила их искусной речью, и Гераклу удалось расстаться с амазонками мирно. Так вот, во время переговоров, пиров и прогулок царицу сопровождали две младшие сестры, Пентесилея и Антиопа. Исподтишка наблюдая за ними, Геракл заметил, что Пентесилея лукава и коварна, самая младшая же сестра, Антиопа, тогда ещё подросток, отличается замечательной красотой и искренним добросердечием. На ней великий герой и предложил жениться Тесею.

– Зачем мне? – изумился молодой и неженатый.

– Да хотя бы затем, что получишь доброго воеводу прямо в семье, на которого, уходя в поход, сможешь спокойно оставлять царство! Многие монархии сохранились бы, если бы их властители были женаты на амазонках. Ты получишь мощного союзника, племя амазонок, о котором у нас тут больше сказки рассказывают, а вот на Востоке они давно уже быстрыми набегами и мощными походами завоевали уважение и даже страх. Царица-амазонка наведёт тебе идеальный порядок в гинекее, да и во всём дворце, где, как я понял, нынче верховодит дура-великанша.

– Ладно, допустим... А ей, этой Антиопе, будет ли смысл за меня замуж выходить?

– Вот ведь как ты закрутил, родич... – Геракл поскрёб в своей буйной шевелюре, но и после этой вспомогательной операции воззрелся на Тесея с явным удивлением. – А ты поймай её, приручи, а тогда уже сам придумай и объясни, какое ей, захудалой амазонской царевне, счастье привалило.

Шутки шутками, но брошенное силачом зерно упало в плодородную почву. Тесей задумался о путешествии на Понт Евксинский и начал постепенно к нему готовиться.

Глава 22

Эгейское море. Остров Наксос

Возвращение Ариадны

Пегобородый Навсифой, вновь приглашённый лучший греческий кормчий, лично изучил каждую доску и проверил каждую деревянную финтифлюшку на славном корабле «Полибия». Славный мастер Дедал, отвлекшись от постройки Великой афинской стены, пересмотрел все уключья и снасти, заменил корабельное гнильё и предложил несколько изобретений и усовершенствований в морской технике. Насифой, побурчав, все нововведения одобрил и поблагодарил мастера. Днище заново, тщательно осмолили, прежние паруса, вызывавшие неприятные воспоминания, заменили на новые, крепкие. Раскрашенные детали подновили. Тесей ходил посмотреть спереди и снизу на скульптуру Афины, венчавшую нос «Полибии», и в какой-то момент грубое, сильно искажённое подобие богини-покровительницы улыбнулось ему, довольное починкой.

Оставив Солона на хозяйстве во дворце и назначив ему в помощники Кирила, Тесей взял в команду остальных парней из афинской дани, дополнив их юношами, отличившимися в войне с паллиантами. Он послал в Трезен за царём Питфеем и Коннидом, деда прося посидеть в его отсутствие на троне в больших Афинах, правда, на не вполне уже царском троне, потому что оставил он себе только руководство войском и суд, а престарелого наставника – осмотреть строящиеся стены и продумать организацию нового афинского войска, поистине всенародного.

Принеся чрезвычайные жертвы в храмах Посейдона и Афины, Тесей в выборе дня отплытия положился на кормчего Насифоя, а тот дождался попутного ветра. Таким образом, осторожно выйдя на вёслах из бухты, «Полибия» в открытом море незамедлительно подняла парус и, убрав вёсла, кроме двух рулевых, заскользила вдоль береговой линии в сторону Кикладских островов.

День Тесей и команда «Полибии» прожили безмятежно, но ближе к вечеру на севере над морем возникло тёмное пятнышко, и уже через несколько минут оно превратилось в огромную чёрную тучу с поблескивающими внутри молниями. Ветер усилился с такой быстротой, что кормщик с помощниками едва успели спустить парус и свернуть его. Уже под завывания бури, взлетая на гребни огромных волн и опускаясь во влажную бездну, им удалось опустить мачту. Были убраны в трюм и закреплены вёсла, оставлены только рулевые. Под окрики Насифоя остальной корабельный народ привязался к бортам и где было возможно, никто не забывал цепляться руками. Однообразный грохот сбесившейся воды перерывался грозowymi раскатами (словно Зевс в ярости руками разрывал холстину), и молнии теперь вонзались в море, казалось, рядом с кораблём. Волны перекатывались через палубу, но пока ещё никого не смыло. Мокрая голова Насифоя возникла рядом с Тесеем, кормчий прокричал ему в ухо:

– «Полибия» не потонет, царь! Я не брал тяжёлых грузов, а без них мы будем прыгать с волны на волну, будто на детской лодочке из коры. Не перевернуло бы только... У рулевых не достаёт сил держать корабль носом к волне, вот беда...

– Я ещё не попадал в подобную переделку, Насифой!

– Кто бури не знавал, тот моря не видал... Уж не твой ли божественный отец на тебя прогневался, а?

Тесей только глазами вверх показал. Он и сам побаивался, что это Посейдон улучшил момент, чтобы наказать сына по-свойски. В то же время молодого царя не оставляла уверенность, что уж он-то не утонет, безотказный океанид Онисим в любом случае выручит.

Однако на сей раз обошлось без помощи океанида. К утру буря утихла, а «Полибию», глубоко осевшую в воде, однако, как будто, не повреждённую, принесло к побережью земли, увенчанной невысокими зелёными горами. Когда совсем развиднелось, мореплаватели распознали остров Наксос, родину Диониса.

– Рулевые, держите на причал! – заорал Насифой. – Афиняне, вставляйте вёсла в уключины и гребите, что есть сил! Спасаем «Полибию»! Нам только не хватало, чтобы, выдержав бурю, она затонула возле берега...

Потерять корабль никто из афинян-путешественников не захотел. Тем более этот, прославленный, почти реликвию. У причала принялись столь же усердно, как гребли, вычерпывать воду. Теперь уже повар схватился за голову и помянул демонов тёмнозранных и когтистых, когда увидел, во что превратились в трюме запасы муки. Тесей, в очередной раз убедившись, что Насифой прекрасно обходится без его поддержки, решил, не дожидаясь ужина, отоспаться на белом песочке. В дальнейшем, пытаясь вспомнить во всех подробностях последующие события, он не раз задавался вопросом, успел ли уснуть на самом деле...

Нет, это не далёкий отзвук новой морской бури разбудил его. Совместный крик толпы, плеск неисчислимых рук, а поверх накладывались истошные женские вопли. Царь разобрал: «Эвоэ! Эвоэ, Иовакх!» и «О Бромий, из!». Возле причала на глазах выросли сады и виноградники, в воздухе повисли запахи зрелых плодов и раздавленного винограда.

– О боги! Это Дионис празднует день рождения... Прощай, наше вино!

Голос был Насифоя. Тесей обернулся: кормчий валялся на песке, и вдруг дёрнул головой, будто получил по уху невидимой рукой. Лёгкий ветерок овеивал теперь Тесея, громкие взвизги флейт и фурчание тимпанов били по ушам, а между деревьями, кустами и прямо через них просачивались к причалу бешено пляшущие участники торжества – нимфы, сатиры, прочая зверообразная нечисть, менады, обезумевшие жители Наксоса...

Постепенно среди них начала вырисовываться фигура белого бычка с венком из плюща на золочёных рогах. Бычок непринужденно рассаживал, будто в кресле, на сплетенных руках нескольких сатиров.

– Да это же сам бог Дионис... – выдохнул Тесей.

И как бы в ответ на эту догадку сквозь бычью натуру стала просвечивать и вскоре утвердилась вместо неё человечья – полный молодой человек очень приятной и располагающей к себе наружности, всё в том же плюшевом венке и весьма небрежном одеянии из лисьих шкур. Дионис поднял десницу.

– Всем молчать! Я малость протрезвел и желаю говорить... А вот о чём? Ага, ты узнал меня, племянник, а я тебя. Знаешь ли ты, что твой отец Посейдон, когда мой отец Зевс донашивал меня в своём бедре, подкрепил его силы, накормив собственноручно пойманным карасём? Я никогда не забуду его доброты! Но ты и сам... – вот припомнил, Тесеем зовут тебя, красавчик-блондинчик... Однако ты и сам, Тесей, сумел оказать мне услугу, охраняя мою невесту царевну Ариадну и почтительно служа ей в плавании от Крита до Наксоса... Так что теперь ты – почётный гость на нашем празднике. Я выдаю тебя на руки своей супруге Ариадне, и теперь она станет твоей хозяйкой и устроит тебе развлечения... Да, чуть не забыл! Твой запас вин на корабле оказался очень кстати: мои поклонники и спутники, как видишь, едва не выдохлись из-за нехватки доброй вышивки... Эй, Ариадна! Надеюсь, любимая, что ты все слышала, и тебе, своенравной, не придётся отдельно повторять...

– Да поклонись ты, и пониже, Дионис это обожает, – прозвучал рядом голосок Ариадны.

Тесей, стоя на коленях, поклонился трижды. Он был очень рад, что Ариадна не утонула тогда, что благоденствует женой мощного и почитаемого бога, но боялся на неё посмотреть. Сам не знал, почему, однако так и не перевёл глаз на неё, сидящую рядом на песке, пока Дионис-человек не растворился в Дионисе-бычке, а тот не исчез среди ветвей и листьев вишнёвого сада. А когда повернул голову, увидел только прежние глаза прежней Ариадны на близко придвинутом загорелом лице.

– Не желаешь смотреть на меня, Тесей? Боишься, что я поплохела и опростилась за время нашей разлуки? Да, я загорела бесповоротно, потому что пантеры порвали, а прочая сволочь растоптала мою шляпку-зонтик! Но мне все подданные и почитатели мужа твердят, что я прекрасна и смуглянкой – и попробуй только возразить!

Он и не собирался возражать. Безумная свита Диониса уже обтекла их и увлекла с собой. От винного духа у Тесея ломило в висках, голова начинала кружиться. Он и не заметил, как оказался на ногах, а его рука – зажатой ручкой Ариадны. Позади веяло

козлиной похотью, перед носом его самозабвенно плясала, всячески выказывая своё к нему расположение, менада с тирсом, с виду двойник Омфалы, шлюшки придорожной, встреченной в юности под Истмом, а быть может, и она сама. На сей раз в кипящей толпе заметил он и юношей из команды «Полибии»...

– Не вздумай выпускать мою руку. Тесей! Нам придётся сделать круг по острову вместе с пьяной толпой, а тогда я смогу выдернуть тебя, и мы сможем поговорить по-человечески... Я спасу тебя, мой красавчик, от неприятностей, потому что приберегаю для себя... Хи-хи... Да ты не бойся, Дионис не ревнив, а ты ему пришёлся по душе... Сам немислимый позёр и в душе вечный комедиант, он любит скромных героев... Садись, садись верхом на тигра, не страшись... Видишь, Муркас сам тебе предлагает, а силы сбережешь... А я оседлаю его подругу, Роксану... Не выпускай мою руку, кому я сказала! Нет, вы только посмотрите на этого волокиту! Пристаёт к первой попавшейся менаде, будучи рядом с такой красавицей, как я... Силен, отстань от него, а то мужу на тебя пожалуюсь! Иди, ищи себе другого мальчика, пьянчуга, а этот мой...

Неизвестно, сколько времени продолжалось это наваждение, но вот, наконец, в голове у Тесея прояснилось. Внутренние стороны бёдер ещё чувствовали прикосновения тигриной шерсти, короткой и жёсткой, но сам Муркас исчез. Возбуждённый донельзя, с волосами, вставшими дыбом, по-прежнему рука об руку с желанной Ариадной, молодой царь стоял на пустой дороге возле причала. Не то закат догорал, не то рассвет занимался. Свет, рассеянно струившийся с небес, походил скорее на лунный, в несколько раз ярче обычного, чем на слабый солнечный. Дикая музыка и крики удаляющейся процессии стихли уже настолько, что можно было разобрать пение птиц.

– О, как хотелось бы мне забраться на «Полибию» и предаться с тобой любви на тех самых досках палубы, где стоял мой незабываемый табуретик! Но даже в безумном водовороте Дионисовых оргий приходится придерживаться приличий и запретов. Мы укроемся, мой милый, в домике моей кормилицы, старой Коркины.

Улочки Наксоса были пусты, собаки или рабы, их роль исполняющие, побрехивали как-то неуверенно, явно не понимая, что происходит.

– А что случилось с твоим красивым табуретом? – спросил Тесей. – Помнится, ты им сильно дорожила, милая Ариадна.

– Ещё бы! Главная ценность моего бедного приданого, особенно после того, как ты забрал медную Афродиту. Да только нет уже моего табуретика. Твой друг Муркас разломал его невзначай, увлечённый брачными играми с подругой своей Роксаной. Пытался усесться на нём, подражая мне или Дионису.

– И не было кому починить?

– Вокруг Диониса не мастера собрались, а напротив, любители разрушить, испохабить, обгадить. Дедал, тот уже к вечеру починил бы – или сделал бы новый, ещё лучший.

– А твой кумир, тот, медный, я пожертвовал от твоего имени в афинский храм Афродиты.

– Вот теперь самое время Анадиомене этот наш дар вспомнить и нам с тобой помочь.

Протолкнув Тесея за белый каменный забор и сама за ним скрывшись, Ариадна задвинула засов на калитке и тотчас же, забросив Тесею руки на шею, одарила таким поцелуем, что он потерял остатки соображения.

Опомнился только в спальне на низком ложе, покрытом шкурами. Был в состоянии полнейшего опустошения. В свою очередь придя в себя, нагая и безумно красивая без одежд Ариадна скрестила ноги, божественные свои руки подложила под голову, покосилась на него лукаво и засыпала словами:

– Наверное, слишком быстро вознеслись мы и низринулись – но ведь оба сбежали с оргии! С чувствами на таком взводе, будто лук, натянутый Гераклом! Я не уверена, что ты помнишь всё, что там проделывал, и это при том, что вина ты не пьёшь. А если бы пил – боюсь, что и я тебя за руку не удержала бы, и даже полосатый Муркос – ухватив зубами за шиворот.

Вино? Да Тесей только недавно с трудом избавился от ощущения, что, облитый им с головы до ног, высох наконец. В камерке продолжало нести вином, запах казался неизбывным. Он придвинулся ближе к Ариадне и спросил:

– А если вдруг твоя кормилица вернётся домой?

– Коркина блаженствует на оргии... – отмахнулась она. И захихикала, скосившись весело на Тесея. – А ты забыл, что именно к ней столь настойчиво приставал? Неужто не узнал Коркину в рыжей вакханке, которая так тебе понравилась?

– Ту шутишь, Ариадна, – отмахнулся он, в свою очередь. – Но помню, как сквозь толпу сатиров ко мне прорывалась какая-то круглолицая тварь на маленьких когтистых ножках и всё допытывалась: «Что бежит без повода?». А ты лежи теперь, не шевелясь, прекрасная Ариадна, а я вспомню всё, что мечтал проделать с тобой, однако в прошлый раз не довелось...

– Вот какой ты предприимчивый! – и она бесстрашно окинула любовника лукавым взглядом той прежней, норовистой царевны. – Знал бы ты, как мне надоели ночи с милейшим толстеньким пьяницей... Так действуй, мой герой, я вся в твоей власти...

– Тогда не опускай своих великолепных рук! – воскликнул он, в восторге покрывая её восхитительные предплечья поцелуями. – Пусть и загорели они, но остаются самыми

прекрасными на свете... Что может быть их соблазнительнее? Только твои девичьи грудки, Ариадна! Ты подкрашивала соски золотом, а теперь они все из упругого золота! Ты сохранила те груди, что снились мне в безумных снах всё время нашей разлуки...

– Ну, сохранила, – заворковала она, бесстыдно подставляя свои груди-груши его жадным губам. – Я, когда первенца родила, Фоанта, ни дня не кормила сосунка, сразу же отдала менаде-кормилице. И второму, Стафилу, не позволила съесть эту мою гордость, так тебя восхитившую, славный Тесей... А вот мой девичий стройный животик никакой не было возможности сохранить... Эй, ты что замыслил, противный! Тотчас же прекрати, щекотно! О! Продолжай, мой герой, продолжай... Не смей останавливаться...

На сей раз он приходил в себя медленно. Вначале определил падающий в комнатушку сверху слабый свет как всё-таки лунный, потом вспомнил, что ночует в халупе старой Коркины. Ощутил жаркую и сладкую тяжесть тела Ариадны. Это значило, что, замирая в блаженном беспомыслии, так и не выпустил прекрасную добычу из объятий.

– Ты не спишь? – раздался вдруг тихий шепот. – Впрочем, какая разница, спишь, не спишь ли... Я должна это сказать, давно должна, хоть и Муркосу в мохнатое ухо. Я крепко просчиталась, мой милый Тесей, в своих девичьих поисках свободы. Мне казалось ужасно пошлым жить по правилам, установленным для женщин в Аттике. Надо же – нос не высовывай из гинекея, а в город не смей показаться без сопровождения мужа! Муж может спокойно шляться по гетерам, а захочет, так и разведётся с тобой, вернув отцу приданое, а ты живёшь с ним почти как раба этого ничтожества с бородой. У нас, на Крите, правда, нравы не столь суровы...

Тесей хотел заметить, что и в Афинах женщинам полегче, но вовремя прикусил язык. Он боялся снова заснуть под шелест её шепота.

– У нас на Крите и девушкам посвободнее... Не могу теперь сказать, хорошо ли это было и правильно, что я отведала телесной любви до брака... Боюсь тебя обидеть признаниями, хоть, если подумать, то тебе какое до этого дело...? Если самому Дионису безразлично... Мне казалось, и думаю, не одной мне, будто внутри меня достаточно разума и морали, чтобы самой решать, достойно ли задуманное или, напротив, неприемлемо... Ну, однажды решила, что поступлю замечательно и что докажу своё право на свободу, если допущу к себе юношу... Скажу только, что испытанное мною тогда было только бледной тенью телесных радостей этой ночи... Мне казалось, что в браке с богом Дионисом я познаю высшую свободу для женщины, и надо сказать, что я жестоко просчиталась... Где свобода в эротических отношениях, там и грязь... Подлая грязь, незаметно пачкающая душу... Я жаловалась на пропажу табурета, дурочка? Спросила бы лучше, куда исчезла моя душевная чистота... Эй, Тесей, да ты на самом деле спишь ли?

Он почмокал губами, зевнул, потянулся, не выпуская Ариадну из объятий. Она захохотала.

– Осторожнее! Лучше не шевелись, если не хочешь, чтобы осколок доски вонзился тебе в бок. Мы поломали Коркинин топчан – то-то крика будет на мою бедную голову!

С грехом пополам переместились они на глиняный пол, сперва перетащив туда шкуры. Когда глаза привыкли к полутьме, обнаружилось жалкое состояние топчана. Ариадне потребовался глоток вина, чтобы подкрепиться – и безмерно рассмешило обоих, что за кувшином, стоящим на кривобоком столике, пришлось тянуться снизу, с полу.

Смех смехом, однако их безумная ночь заканчивалась. Сгустилась предрассветная темень – и вдруг засвистели громким хором соловьи. Сверху, вначале незаметно, начал сочиться уже настоящий, неподдельный дневной свет.

– Как жаль, что я не Зевс и не могу остановить движение солнца! – невольно воскликнул Тесей.

Он и сам понимал, что не смог бы воспользоваться продлением ночи, потому что пребывал в блаженном опустошении и, казалось ему, не смог бы пошевелить и пальцем. Однако обиделся, когда ему об этом сказала Ариадна, прежде глубоко вздохнув и нехотя убрав ладонь с его груди:

– Хорошего понемножку, мой дружок. Нам и без того нет смысла жаловаться Афродите на эту ночь. Вот сейчас я заставлю себя подняться и отправиться в ванную Коркины, хоть вода там и холодна. А ты соберись пока с силами, чтобы встать, мой герой.

Она встала на колени, потом выдвинула перед собою правую ногу и встала на обе ноги. Каждым движением она всё глубже огорчала обречённого на разлуку любовника. Тесею захотелось прикоснуться губами к её прекрасным ступням с изящными пальчиками, с подкрашенными ноготками, без следа мозолей и потёртостей. Захотелось, но, пока заставлял свои мышцы двигаться, стройные ноги Ариадны уже прошагали к двери. Она вытащила из-под шкур свой хитон и спросила раздумчиво:

– И почему мне так хочется продолжить начатое ночью и разнести здесь в щепки всю мебель?

Тесей только плечами пожал – и незамедлительно заснул. Сразу же очнулся: оттого, что Ариадна трясла его за плечо. Он поднял голову, и спростонья подруга показалась такой же свежей, ухоженной и подкрашенной, как и вечером до праздника.

Они вышли на улочку, теперь уже и за руки не держась. Собаки молчали. Издалека слышались звуки музыки и крики.

Ариадна повернула к спутнику своё прекрасное, снова безмятежное лицо. Промолвила заносчиво:

– Знаешь ли, мой герой, в те ослепительные мгновения, когда другие окончательно теряют соображение (ты ведь понимаешь, о чём я, да?), я, как это ни удивительно, размышляю – и многое, в обыденной жизни недоступное моему разумению, становится ясным и безукоризненно понятным.

– Забавно было бы предложить такой способ гадания Пифии, – пробормотал Тесей.

– Эти прозрения касаются только меня... Так вот, тебе придётся до нашего расставания ответить на один вопрос и выслушать один совет.

– Я слушаю, – заверил Тесей. Мысли его уже успели устремиться к судьбе «Полибии».

– Куда ты плыл, когда буря принесла тебя к Наксосу?

– К амазонкам. Чтобы посвататься к царице Антиопе, – ответил он чистую правду.

– Теперь совет. В тот год, когда я вместе с тобой убежала из Кносса, моя мать Пасифая родила мне сестрёнку по имени Федра, зачатую среди ссор её с отцом моим покойным царём Миносом. Женись на Федре, когда она подрастёт, вот мой тебе совет.

– Возможно ли заглядывать столь далеко вперёд, прекрасная Ариадна? – пробормотал он. – Но за совет тебе спасибо.

– Не стоит он твоей благодарности, мой славный и единственный герой. Ты ни в чём не обманул моих ожиданий, а это дорогого стоит. Прощай же.

– Прощай.

И она, золочёными сандалиями лёгкую пыль на дороге-улочке поднимая, отправилась навстречу шумной ватаге своего божественного супруга. Тесей тут же выкинул малышку Федру из головы. Вот если был бы он быком или тем же хвостатым Муркосом, мог бы левым глазом провожать Ариадну, а правым начинать уже высматривать «Полибию». Быком? А ведь Дионис вначале явился ему в образе бычка... Неужели желал намекнуть, что не забыл об убийстве Минотавра, брата своей супруги? А если замыслил месть, то следует бежать, спастись. Но он стоял, как потерянный, сверля взглядом гордо выпрямленную спинку критской царевны и пытаясь внушить ей, чтобы обернулась. Однако она, так и не обернувшись, скрылась за углом, а он, опомнившись, помчался к причалу.

Слава богам небесным, «Полибия» была цела. Неизвестно кем и когда вытащенная на берег, однако невредима, на первый взгляд, во всяком случае. Возле неё, громко причитая, возился Насифой.

– Что с кораблём? – взвился Тесей.

– Без повреждений... – выдохнул Насифой. – Удалось мне её спасти, «Полибию», когда, подстрекаемая сатирами и менадами, а также вдребезги пьяными островитянами, наши афиняне, в состоянии, надо сказать, немногим лучшем... В общем желали сжечь,

принеся в жертву Дионису, чтоб ему икнулось. Отвязали от причала, подняли якорь, вытащили из воды, а тут уж я «Полибию» оборонил.

– А что же твой помощник, кормчий? Не пособил тебе...

– А, Феак? Мой верный Феак погиб, царь. Менады приняли его за молодого оленя и разорвали на мелкие части. И не одни бабы набросились, вся процессия будто взбесилась, наши тоже... На твоих руках нет его крови, потому что тебя удерживала воскресшая кносская царевна, а у меня в голове туман был, но не настолько же... Вино меня почти не берёт, царь. Иначе и корабль мне было бы не отстоять.

– А я вообще вина не пью, ты же знаешь. Кикеон же здесь, кажется, не готовят... А когда вернётся команда, как ты полагаешь? Чем скорее мы отчалим, тем лучше...

– Да мы все только что вернулись, неужели ли ты не видишь парней? Спят как убитые... Бог Дионис отпустил нас на рассвете, по-пьяному заикаясь, благодарил за вино и оказанное ему почтение, а тебе велел передать... Вот ведь, чуть не забыл... Передать, что желает тебе так же удачно найти себе жену, как он с твоей помощью женился на прекрасной Ариадне.

Тесей огляделся. И в самом деле, как можно было не заметить эту ораву, раскинувшуюся на песке? Он схватился за голову и застонал. Поднял всё ещё мутные глаза на кормчего.

– И как прикажешь понимать его слова? Лукавый Вакхий говорил искренне, – или издевался над будущей жертвой? Если поступки пьяной менады невозможно предсказать, что говорить о её повелителе, вечно пьяном боге? Я понимаю, что команду сейчас не поднять, поэтому придётся нам с тобой положиться на волю богов и тоже лечь спать. Ты только сначала разбуди корабельного плотника и отправь его с топором, гвоздями и досками в домик матушки Коркины. Ему покажут. Пусть починит там топчан и при этом ни словом не отзовется на ругань, от хозяйки услышанную. Ты запомнил, Насифой? Я полез на палубу.

Тесей улёгся на том самом месте, где когда-то стоял табурет своенравной критской царевны. Подумать, так совсем недавно это было. Солнце, поднявшееся уже над горами-холмами, ослепило его. Последнее, о чём он подумал, прежде чем провалиться в тёмную пропасть, была радость оттого, что Дионис не замечен ходящим по волнам.

Глава 23.

Эгейское море. Дарданеллы. Южный берег Понта Евксинского. Афины

Покорение царицы Антиопы

Могло показаться, божественный отец Тесея на сей раз решил облегчить сыну морское путешествие, им же беззастенчиво прерванное. Плавание «Полибии» на Север, к проливу Геллеспонт, через который только и можно проникнуть в Понт Евксинский, происходило при попутном ветре и замечательно тихой погоде. Молодой афинский царь, отоспавшийся и отъевшийся, только и знал, что любовался с палубы проплывающими мимо большими и малыми островами, а в части пути и берегом таинственной Финикии.

Войдя в Геллеспонт, тридцативёсельной «Полибии» пришлось пустить в ход вёсла, что преодолеть несильное, но постоянное течение из Мраморного моря в Эгейское. На место гребца сел и Тесей, по той причине больше, что плавание лишило его привычных гимнастических и воинских упражнений. Пролив то расширялся, то сужался, иногда резко менял направление. Тесей поглядывал на бедные рыбацкие посёлки, белевшие на зелёных берегах, и думал о том, что если бы Понт Евксинский был внутренним озером мощного государства, то оно могло бы закрыть доступ к себе по морю, перекрыв Геллеспонт цепями в самом узком месте. Вспоминал и о том, что друг его и старший родич Геракл проплывал в этих местах четырежды: когда плывал на «Арго» за Золотым Руно, когда был послан за поясом царицы Антиопы и когда возвращался из этих путешествий. Смешило, что и сам он народной молвой был зачислен в участники бесполезной и бестолковой экспедиции в Колхиду, и даже поговорку сочинили «Куда ж без Тесея?».

В Мраморном море снова задул попутный ветер, на сей раз восточный, и гребцы смогли отдохнуть. Однако в проливе Босфоре Фракийском встречное течение возобновилось, и попутный ветер мог только помогать вёслам продвигать судно вперёд.

Как только «Полибия» вырвалась на простор Понта Евксинского, Тесей вызвал Насифоя к себе на место гребца. Растирая попеременно бицепсы на руках, распорядился:

– Крикни рулевым, кормчий, чтобы бросили якорь. Нам надо спокойно посоветоваться перед тем, как направимся в землю амазонок.

Кормчий кивнул, но предпочёл отлучиться. Когда течение развернуло «Полибию», и она остановилась, покачиваясь на волнах, а Насифой возвратился и снова встал перед скамьёй Тесея, царь заявил:

– Мы оба не были в этой земле, однако мне о ней подробно рассказывал мой родич Геракл. Я перескажу тебе его рассказ и советы, а ты дополнишь, если будет чем. Согласен, Насифой?

– Конечно, царь. Ум хорошо, а два лучше. Я слушаю.

– Мы сейчас на границе Финикии и страны амазонок, и мы плывём к ним с мирной целью. Я уже говорил тебе об этом, когда выбрал «Полибию». Старушка выглядит со стороны обычным купеческим судном, а не как один из двойников боевого «Ягуара»,

построенных под началом Дедала. Но амазонки – жёнки боевые и прекрасно стреляют из луков, поэтому мы будем двигаться вдоль их берега на расстоянии не менее полутора обычных полётов стрелы от него. А плыть мы будем, пока не найдём столицы.

– Понятно. Один вперёдсмотрящий наблюдает по курсу, второй – шарит глазами по берегу.

– Задача второго глазастого, кормчий, разглядеть столицу. Геракл рассказывал, что у амазонок нет городов из камня, как у нас. И летом, и зимой они живут в военных лагерях, а в лагерях ставят шатры и строят землянки. У них много верховых лошадей, однако конюшен нет. Кони зимой и летом пасутся в лугах и на невозделанных полях.

– Должно быть, они переносят лагерь с места на место. Главный их лагерь, столицу, тоже могут легко перенести.

– Летом они отлучаются в походы на Восток, будто бы на Кавказ и в Скифию. Мы, скорее всего, будем иметь дело с охраной, оставленной в лагерях. Очень надеюсь, что царица их Антиопа не ушла в поход со своим племенем. Поскольку я собираюсь её украсть или уговорить выйти за себя замуж, боюсь, как бы не пришлось поджидать её возвращения из похода.

– В таком случае, царь, мы неплохо проведём это лето, – ухмыльнулся Насифой. – У меня верные сведения, что амазонки весьма любвеобильны и своих избранников отнюдь не обижают.

– В любом случае, нам надо сохранять бдительность. Давай принесём жертву небесной покровительнице нашей Афине и, её помощью заручившись, поднимем якорь.

Днём продвигаясь вдоль берега страны амазонок, а ночью стоя на якоре, «Полибия» осваивала Понт Евксинский. Покамест это море, из-за долгих злых штормов названное ещё Чёрным, не проявляло своего скверного нрава, но едва ли стоило надеяться, что хорошая погода продлится на всё путешествие. Прошла неделя, началась вторая, но кроме одиночных верховых амазонок, маячивших на холмах, будто бронзовые конные статуи, афиняне встретили на берегу только брошенный лагерь с развалившимися землянками.

Наконец, впереди над берегом поднялись дымы. Несколько десятков.

– Вижу большой лагерь! – заорал вперёдсмотрящий, никого, впрочем, своим сообщением не удивив. Царь и кормчий стояли уже рядом с ним. «Полибия» ходко шла под парусом.

– Вот где не помешал бы местный знаток судоходства, – пожаловался Насифой. – Я каждое мгновение ожидаю, что «Полибия» пробьёт себе днище о подводную скалу.

Тесей кивнул и спустился в каюту. Глядясь в блестящее лезвие меча, он тщательно причесался, проверил, не надо ли подстричь виски, оделся в лучшее и обулся в золочёные

сандалии. Уже повернулся к лесенке, когда хлопнул себя ладонью по лбу и засунул за пояс заветную свою дубинку.

По правому борту «Полибии» прибрежные холмы пестрели землянками, между ними змеились тропинки. Кое-где у входов в землянки виднелись женщины, некоторые в полном военном снаряжении, другие как раз надевали шлемы.

– Лодки у них вытащены на берег, – пробормотал Насифой. – Едва ли они угонятся за нами, если ударим вёслами...

– Бросай якорь, не бойся, – приказал Тесей. И усмехнулся. – Боюсь, что девушкам просто не во что нарядиться, кроме как в начищенные панцыри да красивые шлемы. Пусть мне спустят челнок. Я выйду к ним один. А вы схоронитесь от обстрела на всякий случай.

В последний раз Тесей опустил в воду весло, рванул за цевьё – и нос челнока выпрыгнул на песчаный берег. Зная, что в Понте Евксинском нет ни приливов, ни отливов, он всё-таки вытащил челнок из воды полностью и аккуратно положил на его дно весло.

Приятно было снова ощутить под ногами земную твердь. Тесей расставил пошире ноги и обратился к амазонкам, успевшим встать перед ним поблескивающим бронзой полукругом:

– Девушки, вы же понимаете по-гречески? Я пришёл с миром и без оружия. У меня дело к царице Антиопе. Где царица Антиопа? Здесь ли? Позовите её, прошу.

Амазонки, все, как одна, немолодые, только переглядывались, иные хихикали. Вдруг Тесей заметил, что все они смотрят в одну сторону. Он и сам повернулся влево. На берег неспешно выходила стройная девушка среднего роста, одетая богато, в позолоченном поясе и в золотом венке на голове. Властным жестом она прогнала амазонок с берега и обратилась к пришельцу на почти правильном греческом:

– Я царица Антиопа. А кто ты, путешественник? Постой, постой... Знаменитая чёлка, прославленная дубинка за поясом, отчаянная смелость. А главное – смертельно опасная для нашей сестры красота... Да ведь ты Тесей, царь Афинский. Неужто я ошиблась?

– Ты не ошиблась, Антиопа. Да, я Тесей, и я приплыл очень издалёка, чтобы увидеть тебя и поговорить с тобой. Мне о тебе рассказывал родич мой Геракл.

Девушка показала рукой на беседку, видневшуюся перед первым рядом землянок, повернулась и пошла туда неспешно, не оглянувшись, будто безразлично ей, последует ли гость за нею. Тесей усмехнулся: он не решил ещё, станет ли свататься. Прежде всего не мог понять, понравилась ли ему Антиопа внешне.

Беседка оказалась парой скамеек из плохо оструганного дерева, вкопанных под раскидистой кроной старой пинии. Они уселись, и Антиопа, презрительно сощурившись, чётко выговорила:

– О Геракле тебе лучше бы не вспоминать! Он отобрал у моей старшей сестры Ипполиты пояс, подаренный нашим отцом богом Аресом – и не соизволил толково объяснить, зачем ему это понадобилось. И у него слишком тяжёлая рука: начали-то мы переговоры мирно, а потом началась свалка, в которой твой друг мимоходом угробил Ипполиту. А она в битве была не подарок.

– Ты знаешь не хуже меня, царица, – мягко возразил Тесей, – что виновата в этой смерти богиня Гера, вечно преследующая своего пасынка Геракла. Она перекинулась амазонкой и подняла обманную тревогу, крича, что герой похищает твою сестру.

– Вы, греки, вообще легко убиваете людей. Совсем как мы, амазонки. О тебе судачат, что ты юнцом в коротких одеждах поубивал кучу народа и изнасиловал дюжину девиц по дороге из своей родины в Афины.

– Я убивал жестоких разбойников, а поработил только одну девицу, Перигуду, и по праву победителя её отца. Она уже родила мне сына, Меланиппа именем, и покинула гинекей, выйдя замуж. И сейчас не нужен мне твой пояс! Скажу честно, что куда больше интригует меня то, что твоим поясом стянуто.

– Так-то оно спокойнее! – улыбнулась она. – Хотя и не вижу пока причин обнажаться перед тобою. Зато можешь спрашивать меня, Тесей, о чём только твоя душенька пожелает.

Он помолчал, улыбаясь. Забавная амазонка начинала ему определённо нравиться.

– По вашему, амазонок, обычаю, твоя правая грудь, царица, обнажена, а левая скрыта в одежде. Открытая грудь красива и выглядит непорочно девственной, но что у тебя на месте левой? Неужели только страшный шрам от ожога?

Она от души рассмеялась. Потом сдвинула тонкую ткань и с левой груди.

– Можешь убедиться, Тесей! Обе груди у меня одинаковы. А насчёт выжигания у маленьких девочек левой груди, чтобы сподручнее было натягивать лук, то это просто страшная сказка про амазонок. Хорошему стрелку груди не мешают, я и с ними спокойно попадаю в кольцо на расстоянии ста шагов.

– Ты всё-таки принялась разоблачаться передо мною, и я глубоко поражен твоим доверием, царица, – улыбнулся Тесей. – Но скажи мне, есть ли у тебя дети?

– Детей у меня нет, но я не стану показывать свой живот, чтобы убедить тебя в этом. Но если тебя интересует, девственница ли я, то нет, я не девственница.

– Ну, с вашими обычаями, на такое и надеяться было бы глупо, – опустил глаза Тесей.

– А тебе-то какое дело? Могу только представить, сколько женщин, красавчик, было у тебя!

Тесей взглянул на неё новыми глазами: ревнует ведь! Он снова заколебался, потому что никак не мог вспомнить, кого именно она ему напоминает, чей у неё разрез глаз? А вдруг какой-нибудь противной бабы?

– Знаешь ли, как количество испорченных мною девиц, тобой названное, пришлось разделить на двенадцать, точно так уменьши и придуманное тобой количество женщин, прошедших через мою постель.

Она хмыкнула. Окинула его внимательным взглядом и заговорила уже совершенно серьёзно:

– Богиня Гера подала мне чудесную мысль. Я тут осталась с пожилыми товарками охранять наши лагеря, однако сестра моя Пенфесилея вернётся из похода уже вскоре, где-то через месяц. Большой беды моё исчезновение не принесло бы. Тебе ведь не составит труда завлечь меня на свой корабль, чтобы показать его и покатать на нём, ведь правда? А потом мы решим, стоит ли мне сходить на берег – или разумнее отправиться с тобой в Афины.

Тесей вытаращился на неё. Он вдруг вспомнил, кого ему напоминает Антиопа. Кого же, как не няньку-кормилицу, румяную Мирто! Невыносимо прекрасную, так сладко пахнущую! Его тайную любовницу, на которой младенцем собирался жениться! Он невольно потянул носом... Нет, молоком царица не пахла. Однако Тесей уже решился.

– Добро пожаловать на борт «Полибии», царица. Твой план мне чрезвычайно понравился. Однако не слишком ли налегке ты отправишься в далёкое путешествие, если решишь не сходить здесь на берег?

Антиопа кивнула, вложила два пальца в рот и оглушительно свистнула. Почти тотчас же из ближайшей землянки выскочила сгорбленная старушка в роскошных панцире и шлеме. Обвешенная оружием, она тащила в руках два больших узла.

– Разумеется, на моей служанке Текмессе мои доспехи: ей, старой, сражаться уже не доведётся. Давай поспешим, пока мои подданные не опомнились.

Втроём добежали они до челна. Тесей усадил женщин, толкнул челнок в море и сам забрался в него. Амазонки стояли на берегу, раскрыв рты.

Гребцы помогли царице и служанке подняться на борт, Насифой мощной рукой втащил наверх Тесея. Подняли и челнок, закрепили его на палубе.

– Предлагаю, кормчий, поднять якорь и проплыть ещё пару стадиев вперёд. Как будто мы продолжаем плавание в страну амазонок.

– А там уже развернёмся и начнём обратный путь мористее, – подхватил Насифой. – Используем течение и от стрел обезопасимся.

– Как забавно выглядит моя страна с моря! – воскликнула царица невпопад.

Обратное путешествие происходило при сказочно тихой погоде, благоприятных течениях и порой даже попутном ветре. Гребцы покотом отсыпались на палубе, кормчий не переставал сожалеть о запасах вина, потерянных на празднике Диониса, а для себя и Антиопы Тесей с помощью корабельного плотника построил на корме не то плотный шатёр, не то надстройку-каюту. Уединившись, насколько это было возможно на судне-феориде, будущие супруги принялись неспешно знакомиться друг с другом, постепенно привыкая общаться накоротке. Более серьёзное взаимное изучение они отложили до великих Афин и свадьбы. Это ограничение Антиопа и Тесей наложили на себя после крайне неприятного происшествия, случившегося ещё до того, как «Полибия» вошла в Босфор.

На корабле гребцами плыли трое братьев, Эвней, Фоант и Солоэнт, юноши, возмужавшие из подростков, помогавших Тесею победить в короткой войне с паллиантами. Солоэнт, исподтишка наблюдая за царицей Антиопой, имел несчастье вспылать к ней страстью. Гребец, скрывая свои чувства, открыл их только брату Эвнею. Он умолил Эвнею, чтобы тот рассказал обо всём Антиопе. Та хладнокровно пояснила, что не испытывает взаимности к Солоэнту, но в любом случае не стала бы затевать интрижку под носом у своего жениха, царя Афин. Жаловаться же Тесею она не собирается. Юноша внешне спокойно выслушал смущённого брата, но ночью, когда «Полибия» стояла, вытасченная на берег, разделся, оставил свою одежду на палубе и утопился.

Братья не скрыли от царя причину самоубийства Солоэнта. Тесей огорчился чуть ли не до слёз. Конечно же, из-за бессмысленной гибели одного из верных своих подданных, но ещё больше – потому, что увидел в ней отвратительное предзнаменование для брака с Антиопой. И на неё обиделся, хоть и сам понимал нелепость претензий к своей избраннице. А как иначе должна была она поступить? В то же время он не мог не признать, что страсть Солоэнта как бы подчеркнула в его глазах женскую привлекательность Антиопы, им самим, выходит, недооценённую.

Тесей объявил на борту месячный траур, и в конце его принёс на море поминальную жертву Деметре. Волосы, стриженные им, отросли снова как раз через месяц, и ещё на неделю, оставшуюся до причаливания в гавани, богиня судьбы Тюхе подарила путешественникам хорошую, ясную погоду и попутный ветер. Словно совместно с Бореем пожелала, чтобы они уже не угнетёнными печалью вернулись к повседневной жизни и встретили возвращение на родину.

Прибыв в великие Афины уже в начале осени, мореплаватели не успели на праздник Мэтекии, установленный Тесеем в честь соединения общин, но тем пышнее отпраздновали свадьбу Тесея и Антиопы в ближайшее новолуние.

Старый Коннид с комичной важностью исполнил ритуальные обязанности отца невесты, а сильно сдавший, с покрытым редким белым пухом головой, Питфей прямо-таки бесподобно заменил отца жениха. Увы, предсвадебные хлопоты настолько заполонили деда и внука, что время для серьёзного разговора о делах великих Афин Питфей нашёл только в разгар свадебного пира.

Прихлебнув книдского и покосившись на затрещавший вблизи факел, он заметил важно:

– Покамест ты, внучек, плавал за невестой, я присмотрелся к сотворённым тобою новым великим Афинам. Прежде всего, я восхищён ловкостью и предприимчивостью, позволившими тебе в такие короткие сроки и практически бескровно провести этот синойкизм. Душе моей твоё деяние оказалось близким ещё и потому, что мне самому некогда довелось объединить два царства в Арголиде, чтобы образовать наш родной Трезен. Однако ты при этом оказался вынужден отдать своим новым согражданам слишком многое из своих исконных царских прав. Посему твоё царство теперь живо напоминает мне огромный корабль, плывущий по бурной и уснащенной острыми подводными камнями реке.

– И что же это за камни, дед? – поинтересовался Тесей, сосредоточенного вытаскивая из-под золочёного венца, подарка Амфитриты, застрявший в волосах финик. Ох, уж эти обрядовые обсыпания жениха и невесты...

– Это права горожан решать политические вопросы, дружок. Вот ты оставил себе руководство войском и право диктатора во время войны, а также суд. Теперь представь себе, что тебя приглашают на агору, а там в повестке дня лишение тебя одного из этих прав, а то и сразу двоих. И как ты поступишь, если афинские простолюдины проголосуют за увольнение тебя с поста судьи? Или с поста военачальника?

– Я подчинюсь решению агоры, дед, – без колебаний ответил Тесей. Ему уже успели уши прожужжать о беспрецедентном успехе у афинян царя Питфея, за короткое время сумевшего очаровать этих болтунов. Старик не пропускал ни одного собрания горожан, а судил не только справедливо, как и Тесей пытался, но и с остроумным пояснением каждого своего решения, из его судебных речей афиняне порой извлекали для себя пословицы. Тесей предчувствовал, что и дед поделится с ним наблюдениями, сделанными в великих Афинах, но не ожидал, что они окажутся столь мрачными.

– Хорошо. Допустим, решение во вред тебе (или в твою пользу, не суть важно) будет принято с перевесом в один голос, а принадлежать он будет вечно пьяному харчевнику. Не станет ли тебе, дружок, обидно?

– Таковы издержки свободного народовластия, дед. Есть важные недостатки и у царской власти, и ты о них прекрасно знаешь.

– Да в том то и дело, дружок, что недостатки царского правления хорошо известны. Во всяком случае, нам, царям, – усмехнулся царь Питфей, – тогда как издержки народовластия выяснятся, когда оно будет достаточно широко внедрено в жизнь Эллады. Подменяя тебя, внучек, я потолкался тут на агорах, и кое-какие не весьма приятные вещи могу уже предсказать.

– Но стоит ли, дед мой почтеннейший и царь, вспоминать о них именно сейчас? – живо возразил Тесей. Заодно он пытался вслушаться в свадебный пеан в честь его и Антиопы, сочинённый Солоном. Вдруг усмехнулся. – И послушай, разве это не здорово, что такие умные молодые люди, как мой товарищ и подданный Солон, получают выборные должности?

– Виночерпий! – воззвал царь Питфей и показал слугу на свой пустой килик. Отхлебнув вина, снова повернулся к внуку. – Вот в том-то и беда, что верх возьмут не такие бедные и незнатные умника, как твой даровитый Солон, а тупые богачи. Если у них достанет денег, чтобы скупить голоса общины. Однако ты прав, сегодня не стоит тебя огорчать. Давай лучше послушаем Коннида, он всю свадьбу порывается рассказать тебе об осмотре городской стены.

«Только этого сейчас не хватало!» – подумал Тесей, сжимая ручку Антиопы. Он до сих пор не мог понять, разумно ли поступил, решившись на эту женитьбу. В то же время не мог дождаться, когда надоевший пир закончится, и его с Антиопой под ужасный шум и гам отведут в свадебные покои.

– ...если уж в великих Афинах не нашлось красивого мальчика, чтобы положить рядом со мной, – ворчал царь Питфей, скептически взирая, как старец Коннид взбирается на пустую половину его ложа, словно на скалистую гору. – Я позвал тебя, Коннид, чтобы ты рассказал нашему Тесею... В общем то, о чём мне уже докладывал.

Коннид, наконец, улёгся. Его лысая, как колено голова, похожая теперь на черепашью, тряслась, нос заострился, шея согнулась и спряталась между костлявыми плечами. «Неужели этого смешного и слабого человека я так боялся в детстве и слушался беспрекословно?» – изумился Тесей. Мысль о том, что столь неавантажная старость ожидает и его, он тотчас же выбросил из головы.

– Послушай, мальчик, – проскрипел тем временем Коннид, – твоя стена очень хорошо задумана и неплохо построена, но сама по себе она город от неприятеля не спасёт. Запомни, что она станет защитой Афинам только тогда, когда её самоеё будут тщательно

оборонять. Люди, бойцы, убеждённые в необходимости для себя сражаться, не щадя самой своей жизни – вот что может по-настоящему защитить Афины.

– Я благодарен тебе, мой всегда уважаемый мною наставник, за добрый совет, – улыбнулся Тесей. – Но лучше будет, если мы как-нибудь в ближайшие дни вместе объедем стены города. А сейчас веселись, пей вино, любуйся красавицами, горлань песни, чтобы брак наш с милой моей Антиопой выдался долгим и счастливым!

– А вот мне бы хотелось, чтобы наша дорогая Антиопа не молчала себе скромненько в нашей мужской беседе и высказалась по поводу услышанного, – это царь Питфей повернулся к невесте и улыбнулся своей некогда очаровательной улыбкой. Однако теперь выпавшие зубы и прочие отнюдь не красящие оратора приметы старости сделали её настолько жуткой, что Тесей не выдержал и отвёл глаза.

Антиопа, которой очень шёл венок из розовых бутонов, как, впрочем, и свадебные белые одежды, любезно улыбнулась в ответ и, пожав руку жениху, ответила вполне серьёзно:

– Вы тут о многом говорили, цари и царедворцы, однако я, подражая обычаям греческих женщин, сидела тихо, как мышка, и мотала бы услышанное на ус, если бы он у меня был.

– Жаль, что ты пока незнакома со своей будущей свекровью, а моей дочерью Эфрой, – снова улыбнулся Питфей. – Мне пришлось оставить её на хозяйстве в Трезене. Уж наша Эфра не промолчала бы, если бы нашла повод почесать свой острый язычок.

– Я тоже жалею, что не познакомилась до свадьбы с матерью своего избранника, – снова показала в ответ свои великолепные белые зубы царица. – А про свободное народоправство скажу одно: если ввести его в царстве амазонок, у нас воцарится хаос, а государство погибнет. И в войске и, тем более, в воюющем войске без единоначалия не обойтись. Честно говоря, я не понимаю, как мой будущий муж, признанный в Элладе герой, сможет побудить афинских граждан сражаться столь же смело и беззаветно, как и он, если не царствует над ними в обыденной жизни. У нас, амазонок, это устроено самими богами: мы, царицы-сёстры, рождены от бога войны Ареса и поэтому подчинение нам всех остальных амазонок естественно. Однако это всего лишь замечания неопытной девицы из страны на краю Ойкумены. Если я сморозила глупость, прошу мужчин меня простить.

Царь Питфей сделал большие глаза и обозначил жест одобрения, подняв руки вверх от локтей. Начал любезно:

– Для девицы это было бы слишком разумно, если бы мы не имели чести беседовать с дочерью бога Ареса...

Но высказаться ему помешал Коннид, перебивший своего царя с немалым пылом:

– Дай прежде мне сказать, мудрец! Но я хотел бы ответить на пожелание моего воспитанника пить и пить на его свадьбе. Думаю, что надо сначала научиться разбавлять по-людски вино, а то оно у вас в Афинах такое крепкое, что валит человека с ног. А свое мнение о боеспособности граждан Афин как воинов я держу при себе, только потому, что мы на свадьбе.

Его собеседники переглянулись, и тут царь Питфей крикнул, выпрямился на ложе, поднял свой килик и зычно возгласил:

– Пора! Я, наречённый отец жениха, принял решение! Сейчас мы отведём жениха и невесту в их спальню, украшенную цветами, и оставим там под покровительством всеблагих Афродиты и Гименея! Пусть грянет музыка! Пусть гремят медные тазы и чугунные горшки! Пусть...

Надреснутый голос старого мудреца потонул в невыносимом, разрывающем уши шуме. Тесей подумал, что в этом ритуале изгоняемые демоны мыслятся куда менее выносливыми, чем люди, пирующие на свадьбе, и поднимаясь сам с ложа, подал руку Антиопе.

Глава 24

Поля под Калидоном, Афины и пригороды

Трагическая охота и внезапная скверная новость

Следующие полгода молодые супруги мирно, что твои голубок и горлица, проворковали в своём дворце. И хоть никакой связи с этой идиллией тут быть не могло, однако и афиняне на редкость дружно, зажиточно и весело прожили эти полгода. В среде горожан возникло даже мнение и едва не стало всеобщим, что устроенный Тесеем государственный строй идеально подходит для великих Афин и что он обеспечит славному городу и на будущие времена вечное могущество и процветание. Однако Тюхе, всевластная богиня судьбы, рассудила иначе.

В то ясное зимнее утро, уже позавтракав, Тесей предавался любимому своему занятию: приложив ухо к выпуклому животу жены, улавливал движение внутри. В спальню заглянул слуга, доложил, испуганно выпятив глаза, что во дворец прибыл посол от Энея, царя Калидона.

– Погоди мало, а тогда приводи его в триклиний, – распорядился Тесей, ласковым взглядом попрощавшись с обтянутым золотистым шёлком станом супруги.

Вскоре он, в венце, мантии и со скипетром, уже возлегал на хозяйском ложе, недоумевая, что может от него понадобиться правителю столь отдалённого западного

царства. На столиках подле ложей валялись неубранные после завтрака серебряные ложки и посуда, валялись объедки, под дальним столиком, ворча, возился с костью Белян, пёс советника Порфириона. За дверью уже звучали тяжёлые шаги.

Посол ввалился в триклиний в забрызганной грязью и жестоко пропотевшей одежде. Еле держась на ногах, он поклонился царю, раскрыл рот – и тут же зашёлся в приступе жестокого кашля. Тем временем в триклиний проскользнула Антиопа, прищёпал и старый Коннид.

Тесей предложил сочувственно:

– Не лучше ли, посол, тебе сначала отмыться и согреться в бане, отдать одежду для стирки и сушки, подкрепиться и выпить отвара из трав, полезного при простуде...? Ну, да... Сначала оправиться немного, а тогда уже править свою службу?

Откашлявшись, посол проговорил:

– Нет, славный царь, благодарю... В тёплой ванне я могу заснуть, да и чтобы нагреть воду, понадобится время. Позволь мне начать.

– Хорошо, только подожди теперь, пока моя супруга царица Антиопа сходит распорядиться.

Возвратилась Антиопа, и посол заговорил хрипло:

– Послал меня преславный Ойней, царь скалистого Калидона, что в Южной Этолии, а зовут меня Ион. Я – всего лишь один из двенадцати послов, а разослал нас царь Ойней по всем греческим землям.

Вздохнул облегченно Тесей и переглянулся с Антиопой и Коннидом. Царица и наставник успели уже занять свои места на ложах, Антиопа – на хозяйском, рядом с мужем.

– Да, ко всем царям и героям сразу обращается царь Ойней, – криво улыбнулся Ион, – и просит о помощи, а просьбу выслушавший её может и выполнить, и оставить в небрежении. А теперь узнайте, царь, царица и почтенный старец, что за беда постигла волею богини Артемиды наш город...

Явно не в первый и даже не в седьмой раз рассказывал посол Ион свою историю, и она в устах его начала уже походить на переложение эпической песни звучной прозой. Однако Тесею предстояло, выслушав рассказ о несчастьях Калидона, принять решение, теперь затрагивающее и безопасность беременной супруги, не говоря уже о подданных. Поэтому, слушая посла, он сразу же освобождал историю от пустых красот и ненужных подробностей. И вот что получил тогда Тесей в полезном осадке.

Прекрасный урожай собрали в Южной Этолии, и царь Ойней на ежегодном празднике принёс щедрые благодарственные жертвы всем богам, а про Артемиду запомнил. Мстительная дева-охотница наслала на Калидонские поля страшного вепря,

по слухам, из выводка Кроммионской свиньи. Чудовище днём убивало и пожирало всех, кто выходил за городские ворота, скот и людей, выворачивало с корнями деревья, а ночами усердно подкапывало стену Калидона. Не зная, как самому справиться с напастью, царь Ойней разослал послов по всей Элладе, приглашая царей и героев на общую Калидонскую охоту. Сбор назначен на первое число первой декады первого весеннего месяца, в Аттике – элафеболиона. И царь очень просит участников охоты не приезжать раньше: город не сможет долго кормить всех гостей.

Подумав, промолвил Тесей:

– Времени, чтобы принять решение, собраться и достичь Калидона, лично у меня предостаточно.

– Это потому, славный царь, что мы, послы, должны ещё побывать на островах. А вот теперь я просил бы передать меня в руки твоих слуг.

Ворча, толстая стряпуха Феона увела посла, а оставшиеся в триклинии снова переглянулись.

– Эх, невовремя я отпустил советников, – вздохнул Тесей. – Белян остался, но, псина ворчливая, Порфириона он не заменит. А вы что скажете, мои самые близкие люди в Афинах?

– Мне очень жаль, Тесей, – промолвил старый Коннид, – что царь мой Питфей возвратился в Трезен. Потому что тебе так придётся ехать в Калидон. В Элладе, даже на пирушку собираясь, приговаривают: «Как же без Тесея?». А коли этот страшный вепрь и в самом деле порождён Кроммионской свиньёй, кому же, как не тебе, придётся его остановить?

– Мало ли что болтают в народе, наставник... Во-первых, я не уверен, что мамашей этого вепря было Кроммионское чудовище, во-вторых, происхождение его не имеет никакого значения, ведь это дикий кабан, а не царь. Меня больше беспокоит опасность разозлить хозяйку вепря, богиню Артемиду. А ты что об этом думаешь, радость моя?

Царица Антиопа, в беременности совсем не подурневшая, взглянула на мужа без обычной полуулыбки.

– Боюсь, что ехать необходимо. Мне кажется, что тяжесть вражды со стороны Артемиды остаётся на плечах царя Ойнея, но на него девственная охотница и без того уже разгневалась. Меня беспокоит, что по моим подсчётам тебе придётся уехать раньше, чем я рожу...

– Так пусть Феона рассчитает время твоей беременности, моя радость, точно, до дня... Она же у нас повитуха, – вклинился Тесей.

– Согласна... Суды можно будет отложить до твоего возвращения, но вот воеводу, по-вашему стратига, назначить придётся. Поручи эту должность Конниду, ведь старый лис в западню не попадётся. Я помню, что великие Афины мирно живут с соседями, а привычный противник, Кносс на Крите, после смерти царя Миноса притих, но... Бережёного Афина Паллада бережёт.

– Хорошо, – ответил он, подумав. – Время терпит, и я успею обсудить эти дела с советниками.

После заседания совета у Тесея пучило живот от свежего кикеона, и ему пришлось, прежде чем идти в спальню к супруге, прогуляться на свежем воздухе у ограды дворца. Осенние звёзды сияли в немыслимой вышине, привыкшие к темноте глаза ласкали родные очертания городского пейзажа великих Афин. Тесею вдруг остро не захотелось уезжать, словно в поездке его ждала беда. Но делать было нечего: в конце совета он отдал все необходимые распоряжения. Судьёй вместо себя назначил Солона, но тяжущиеся, по их желанию, смогут и подождать возвращения царя. Обязанности стратига будет нести царица Антиопа, за исключением недели до родов (Феона должна предупредить) и двух недель после, когда они переходят к Конниду. Если старый наставник и обиделся, то не подал виду.

Время пролетело быстро, и в назначенный срок Тесей въезжал уже в ворота Калидона. Все трое, царь, возница колесницы Антимах и ехавший на повозке оруженосец Идас, были в полном вооружении и в доспехах, но вебрь на них не напал. Царь Ойней, в грязном хитоне, небритый и нетрезвый, встретил Тесея радушно, однако же и почти равнодушно, он лично отвёл афинянам место для лагеря на городской площади.

Причину, по которой калидонский царь, известный своей добротой, не восхитился, как следовало бы, появлением в городе известного героя Эллады, Тесей понял, наскоро оглядевшись. Дело было в том, что известные герои Эллады роились на площади, что твои пчёлы. Отправив Идаса на разведку, Тесей помог Антимаху установить шатёр, а по возвращении оруженосца царь попытался запомнить имена прибывших на охоту царей и героев. Здесь оказались братья Диоскуры, сросшиеся телами братья Молиониды, славные цари Пелей, Девкалион и Теламон, пожилые уже цари Лаэрт и Нестор, Перифой, царь лапифов, аргонавты Анкей, Евритион, Ификл... Прибыла также знаменитая дева-воительница Аталанта, и ею успел жесточайшим образом увлечься царевич-богатырь Мелеагр, сын Ойнея.

– Было бы чем увлечься... – пробурчал Тесей, набрасывая на панцирь праздничный, расшитый золотом гиматий. – Небось, румянец во всю щеку и грудь, как у лошади.

Идас и Антимах переглянулись. Антимах широко улыбнулся, а Идас заявил озабоченно:

– Я полагал, тебе, царь, будет неприятно присутствие на охоте Теламона, царя острова Саламин.

– И почему бы это?

– Так он же на твоей Перибее женился, Теламон, – выпалил Антимах.

Ахнул Тесей. И сел бы землю, если бы Идас не успел подставить раскладной табурет. Как там юный Мелеагр увлёкся Аталантой, это его, царевича, дела, но что он сам увлечён своей Антиопой совершенно безбашенно, это уж точно. За полгода после возвращения не спросить, куда пропала большеглазая вострушка, да что там – не вспомнить ни разу о ней? Он собрался с мыслями.

– Она же простолюдинка, как он посмел? Невероятно...

– Телемон влюбился в неё, и Перибее была не прочь. Так он нашёл полусумасшедшего старика, и тот засвидетельствовал, будто торговец Алфой, отец Перибее, на самом деле обедневший потомок мегарских царей. Телемон и уши развесил, или до того желал заполучить твою наложницу в жены, что притворился поверившим.

– И кто же из вас посмел отдать ему мою наложницу?!

– Да кто ж, как не дед твой, царь Питфей, – пояснил испуганно Идас. – Перибее не понравилась ему, вот и воспользовался случаем от неё избавиться. Младенца же её царь Питфей оставил во дворце, он у кормилицы. Да, наречен Зеофанесом.

– Ладно, – проворчал Тесей. – Разберусь по возвращении. Пройдусь-ка я по площади, загляну во дворец. Быть может, царь Ойней свежим кикеоном угостит. Ты со мной, Идас, и будь добр, прикрывай мне спину, оруженосец. А ты, Антимах, остаёшься сторожить наше добро.

Возвращались к шатру Тесей с Идасом уже глубокой ночью. На площади, однако, пылали костры, вокруг них плясали воины в полном вооружении, гремели грубые военные песни и пьяные выкрики. Тесей подумал, что не будь площадь каменистой, пирующие охотники могли и сжечь город.

– Антимах, ты спишь? – спросил он вполголоса.

Над повозкой поднялась чёрный силуэт Антимаха. Он прошептал:

– Я здесь, царь, идите оба сюда.

– Почему ты не развёл костёр, не согрелся? – осведомился Тесей.

– Тише, прошу... – и когда Тесей с Идасом приблизились вплотную, зашептал. – Опасно зажигать костёр... Соседи у нас разгневались на тебя, царь. Я решил побережиться, пока вы не возвратитесь. Они уже улеглись, я слышал храп, когда площадь временами стихала. Однако не стоит искушать своенравную Тюхе.

– Давай рассказывай, проныра, – ещё тише приказал царь.

– Проныра? Да тут никаким пронырой быть не нужно! Сросшиеся братья орали на всю площадь!

– Это, стало быть, сыновья Молионы, жены Актора, царя Элиды. От Посейдона будто бы... – пробормотал Тесей. – И чем это я не угодил своим братьям по божественному отцу?

– Да, Еврит и, э-э-э, Ктеат. Родились вместе в серебряном яйце, но особой утончённости я не заметил. Ругаются гнусно, гаже афинских сапожников... Так вот, они орали, что ты родич и приятель Геракла, а потому второй после него в очереди на раздачу.

– Кишка тонка справиться с Гераклом. Мой приятель загубил уйму народу не им чета, и он не постесняется угробить двух уродов. Или одного двухголового? А то убьёт одного из них, чтобы заставить живого таскать за собой мертвеца, пока не подохнет – с Геракла станется.

Коротко хихикнув, Антимах продолжил:

– Они кричали, что ты вовсе не герой, а позор Эллады. Отдал в Афинах власть плебсу – и тем подложил свинью всем прочим царям, настоящим царям. А ещё нарушил древние установления, самими богами положенные. Это один вопил, без конца повторяясь, а второй, басистый такой, напирал на то, что ты, напротив, выстраиваешь в больших Афинах мощную империю, чтобы покорить под свою руку всю Элладу, а начнёшь с Кносса на Крите. Мол, для этого и строишь флот боевых кораблей...

– А я и не знал! – воскликнул Тесей. – Уж не взять ли мне братцев в советники?

– А ты вспомни, царь, о чём я предупреждал тебя в Лабиринте, когда мы беседовали с тобой наедине! – взвился Идас. – Разве я не говорил, что ты герой нового, благородного типа, необходимого сейчас разобщённой Греции? Что уже совершённые тобой подвиги, царь, свидетельствуют, что наступает новая, справедливая эпоха?

– Послушай, друг, – снова перешёл на громкий шёпот Антимах. – Мы ещё успеем выслушать твои мудрые рассуждения на обратном пути в Афины. Это если Калидонский вебрь нас не уроет. Однако я не успел сказать о другой опасности. Перед тем, как захрапеть в шатре, тот басистый близнец предложил прикончить тебя прямо на охоте. Ведь проще простого метнуть дротик в кабана, а попасть в Тесея.

– Всё рассказал? – уточнил Тесей вполголоса. – Ты, мой Антимах, узнал больше полезного, охраняя лагерь, чем мы с красноречивым Идасом, слоняясь по площади и вокруг царского дворца. Предупреждён, значит вооружён. Однако сейчас эти пьяные скоты спят. И нам следует отдохнуть перед завтрашней охотой. Вы оба идёте сейчас спать в шатёр, а я посторожу. Как только начнёт смену стража во дворце, я разбужу тебя, Идас. Мы могли бы, наверное, на остаток ночи обойтись и без дежурства, но мне не хотелось бы, чтобы какой-

нибудь герой спяну растоптал наш шатёр, ведь его пришлось бы убить за нанесённое мне оскорбление.

Тесей, как был в панцире и с мечом, улёгся навзничь в повозке. Любовался звёздами, затуманенными дымами города, и радовался, что запахи сена перебивают вонь, наплывающую с площади. Он вспоминал Перибею, но как-то отстранённо, будто не его столь безумно тянуло к ней, а потом представил себе Аталанту. Такой, какой увидел её в триклинии дворца Ойнея. Тесей не стал входить, потому что места на ложах не нашлось, да и пьяный хозяин его не заметил. Однако Аталанту рассмотреть успел. Он не ошибся: оказалась эта девица красивой и здоровой, кровь с молоком, белокурой от природы, однако чересчур мускулистой и катастрофически невоспитанной. А чего от неё ожидать, если медведица в лесу её вскормила? Тесей увидел перед собой пещеру, а в ней добрую мамашу-медведицу и сам не заметил, как задремал...

На рассвете он имел счастье наблюдать, как мрачные с похмелья близнецы Молиониды совершают утреннее мочеиспускание, каждый в свою сторону. Потом прибежал гонец и от имени царя Ойнея пригласил собираться у главных ворот. И непременно пешими, чтобы все охотники были в равном положении. По дороге Тесей приказал Антиоху прикрывать его слева, а Идасу – сзади.

У запертых городских ворот собралась порядочная толпа греческой знати. После споров и пререканий постановили идти облавой. Тесею досталось место на правом краю. Вышли из ворот и развернулись на разрытом клыками гороховом поле. Тесею пришло в голову, что на месте кабана, почуяв столь густой перегар, он предпочёл бы укрыться в лёжке. Бросил быстрый взгляд влево: Антиох усердно прикрывал его и себя щитом. Посмотрел назад – и над щитом Идаса увидел на фоне белой городской стены разноцветные пятнышки: то самые храбрые калидонские горожане вышли поглазеть на охоту.

Тем временем на поляне у дальнего леса появилась тёмная точка – и тут же превратилась в молниеносно атакующего охотников вепря. В самом деле огромный, это был дикий кабан, издали похожий на громадную крысу, и потому едва ли происходил от домашней Кроммионской... Тесей решил попозже додумать эту мысль и поднял дротик. Но не бросил, опустил: уж слишком далеко от него кабан врезался в цепь охотников. Кто-то упал, а над тем местом вслед за пылью взметнулось тёмное облачко стрел и дротиков. Рухнул ещё один охотник – и практически одновременно Тесей услышал глухой удар и треск слева от себя. Повернулся в ту сторону – Антиох оскалился ему навстречу и одновременно повернул на мгновение щит, чтобы показать засевший в нём дротик.

– Ты не ранен? – спросил Тесей.

– Боги миловали! А вот вепрю, похоже, приходит конец.

На сей раз Тесей застал тот именно момент, когда кабан останавливался, чтобы развернуться и теперь с тылу напасть на поредевшую цепь охотников. Облачко пыли не помешало рассмотреть, что в загривке у него торчит стрела. Сейчас вебрь помчался уже не так стремительно и мощно, как прежде. Вторая стайка стрел и дротиков встретила его, новая стрела застряла в голове у зверя, и ещё через мгновение он поволок за собой и дротик.

Тут навстречу вепря выпрыгнул из разорванной цепи охотников юноша атлетического сложения и несколько раз ударил его копьём. Кабан пошатнулся и лёг на бок. Погода немного, к нему бросились слуги с ножами.

– Конец, конец весёлой песни, – пропел Антимах.

– Что-то мне говорит, что на этом история не закончится, – пробормотал Идас.

Тесей кивнул невольно: прав юный мыслитель, ведь предстоит делёжка трофеев. Тем временем цепь охотников стянулась в середину, но Тесей не спешил вслед товарищам по облаве. Тем более, что там поднялся крик, толпа то сжималась, то разжималась, будто цари и герои бросились растаскивать противников, началась свалка. Потом стало видно, что на поле лежит ещё один знатный охотник, а тот самый молодой силач, в котором на сей раз Тесей узнал Мелеагра, сына царя Ойнея, тычет копьём в толстого средовека в золочёном панцире. Тот выронил меч и упал, а толпа с новыми криками сомкнулась вокруг них.

– Пожалуй, нам с Антимахом стоит пойти разобраться, что происходит. А ты, Идас, поспеши в лагерь и начинай собираться в дорогу.

– Ох, только сейчас мне пришло в голову... Не стащили бы наше добро, оставленное без присмотра.

Однако Тесей и Антимах так и не дошли до толпы охотников. По дороге наткнулись они на молодого человека в дорогих доспехах и в сопровождении оруженосца, оба явно не спешили присоединиться к участникам облавы.

– О! Да это же знаменитый Тесей, царь афинский! – воскликнул незнакомец, после чего откинул коринфский шлем на затылок, и Тесею приветливо улыбнулся красивый, с тонкими чертами лица юноша. – Рад видеть тебя! А я Пирифой, новый царь лапифов, твой большой поклонник.

– И я приветствую тебя, царь Пирифой! – улыбнулся Тесей. – Но почему же я не видел тебя вчера на пиру у нашего добрейшего хозяина, царя Ойнея? Я заглядывал туда под вечер.

– А я предпочёл навестить одну здешнюю гетеру. Клянусь Афродитой, глядеть на неё куда приятнее, чем на силачку Аталанту с волосами, словно из пакли... Кстати, если ты идёшь узнать, что там, у туши кабана, приключилось, то только что возвратился оттуда Филипп, мой оруженосец, и я с удовольствием перескажу тебе его донесение.

– С удовольствием выслушаю, – снова улыбнулся Тесей. Пирифой ему определённо нравился.

– Так вот, дева Аталанта отличилась первой, всадив в кабана стрелу, а тот тем временем сбил с ног и порвал клыками аргонавта Анкея. Бедняга уже умер. Многие стреляли в Калидонского вепря и бросали дротики, я тоже бросил, но не попал. В этот момент охоты наиболее успешными оказались незнакомый мне юноша, попавший вепрю стрелой в глаз, и славный герой Пелей. Он приехал на охоту вместе с тестем своим Евритионом. Тот вместе с дочерью отдал ему треть царства. Сегодня Пелей метнул дротик в кабана, а попал в тестя, убив на месте. Теперь получит, наверное, и остальные две трети его владений.

– В меня тоже метнул дротик какой-то шутник. Антимах, покажи царю Пирифою свой щит!

– О! Меткий бросок – ты ведь, Тесей, стоял на самом правом краю... Я бы посоветовал поискать надпись владельца на дротике, однако уверен, что большинство охотников неграмотны. Продолжаю. Следующим всадил в кабана дротик некто Плексипп, брат жены царя Ойнея. А сын царя, Мелеагр добил зверя, напав на него с копьём.

– Этот подвиг и мы разглядели. А потом началась беготня и мятеж поднялся... Что там стряслось, Пирифой?

– Не успели слуги освежевать вепря, как разразился спор о том, как разделить трофеи. Мелеагр решил дело так, что взял голову себе, а шкуру присудил Аталанте, к ней он, как всем известно, неровно дышит. Однако дядя его по матери Плексипп, оскорбив Аталанту, потребовал шкуру себе. Мелеагр, недолго думая, прикончил дядю тем же копьём, что и вепря, а потом вскорости убил и второго дядю по матери, аргонавта Ификла.

– Благодарю тебя, Пирифой, – и Тесей принял решение. – Я тогда не стану поздравлять лихого Мелеагра и благодарить за гостепреимство царя Ойнея. Думаю, что им обоим сейчас не до гостей-охотников. Пожалуй, поеду я домой, не попробовав мяса Калидонского вепря. Давай-ка, Антимах, беги в лагерь, помоги Идасу запрячь лошадей. Соберётесь, подъезжайте сюда.

– А я останусь ещё на денёк. Обещал гетере, что расплачусь с нею утром, – ухмыльнулся царь Пирифой. – Счастлив бы познакомиться, славный Тесей.

– И мне было приятно, царь Пирифой.

Снова сдвинул вперёд коринфский шлем статный молодой царь и направился к городским воротам. Глядя вслед, подумал Тесей, что не на него одного Пирифой произвёл столь благоприятное впечатление. Уж если ушлая гетера согласилась подождать плату до утра, а самое главное, поверила, что клиент и в самом деле возвратится с деньгами... Но

почему-то он постеснялся признаться Пирифою, что торопится домой неспроста. Беспокойство за жену, оставленную на царстве в чужих ей Афинах и на сносках, вот что его подзуживало.

Уже к исходу первого дня обратного путешествия Тесей отвлёкся от событий Калидонской охоты, и тревога за Антиопу и младенца охватила его с новой силой. Лошади выбились из сил, колесница поломалась и её обломки погрузили на повозку, Тесей и Антимах ехали теперь верхами. Расчитывали починить колесницу в Фивах, но в гостинице к Тесею подошёл фессалийский купец и сообщил невероятную, шокирующую новость: Афины захвачены вражеским войском, и это амазонки. Где царица, царевич-грудничок и весь двор, неизвестно. Убедившись, что в великих Афинах засели амазонки, купец предпочёл объехать город.

В тот же день Антиох нашёл в Фивах мастера, изготовлявшего колесницы, и Тесей купил у него новую колесницу, оставив ему бесплатно обломки своей. Они не ели горячего, перекусили на ходу и поскакали в Аттику. Опасаясь разъездов амазонок, шнырявших в окрестностях Афин, облачились заблаговременно в доспехи. В Керамисе, наконец, получил Тесей долгожданное известие об Антиопе: царица жива, младенец и домочадцы с нею, вместе с Коннидом и советниками они закрылись в Ликее.

Поздним вечером Тесей с Идасом и Антимахом выдвинулись к Ликее. Пригород оказался обведён частоколом из свежеструганного дерева, с двух сторон упиравшимся в городскую стену Афин. На площади горел костёр. Не сразу, но сторож у ворот в частоколе узнал Тесея. Отворил ворота, впустил колесницу и повозку, принялся снова запирать. Тесей спрыгнул с колесницы. Внутри большого дома у площади затлел огонёк и слабо осветил кроны пиний над ним. В доме неясно зашумели, и вот на порог выскочила белая фигура, а у Тесея сердце замерло. Это была Антиопа и, на первый взгляд, такая же стройная и гибкая, как до беременности.

Долго они не выпускали друг друга из объятий. Наконец, Антиопа освободилась, и взглядываясь в запалённое лицо Тесея, прошептала:

– О, если бы ты знал, какое облегчение я сейчас испытываю!

Он как раз знал. Точнее, понимал супругу прекрасно. Ведь нашествие амазонок наверняка связано с её бегством из своей страны, и великие Афины страдают сейчас из-за неё. А что роженица испытала, когда пришлось командовать афинянами в войне против своих соотечественниц и бывших подданных, не мог и представить.

Глава 25

*Афины и их пригороды***Готовясь к войне с амазонками**

Разбудили Феону, и она подала в здешний триклиний остатки вчерашней бобовой каши. Дом принадлежал местному демарху, но он, зевающий (быть может, от страха?) старик, держался скромно, подчеркивая честь, ему оказанную. Пришёл Коннид, взъерошенный со сна, но особенно обрадовал Тесея своим появлением заспанный Дедал: это был настоящий подарок судьбы!

За ужином выяснилось реальное положение дел. Как рассказала царица, влюблённых глаз от мужа не отрывая и левой руки его не выпуская, тревогу подняла именно она. Ночью заплакал маленький Ипполит, и она поднялась разбудить кормилицу...

– Ипполит? – и ложка Тесея замерла в воздухе.

– Я так позволила себе назвать нашего сына. До наречения имени, если ты его признаешь, муженёк...

– Признаю, само собой... А нет ли у вас кикеона? Продолжай, Антиопа...

– У груди кормилицы Ипполит замолчал. И вот тогда я услышала знакомые звуки, и не сразу поверила своим ушам. Это был топот коней и выкрики, которыми мои соотечественницы их подгоняют. Я похолодела. Надо было уходить, пока амазонки не ворвались в город. Я быстро подняла домочадцев, нагрозила всех оружием и доспехами из оружейной палаты и, с младенцем на руках, повела их к западным воротам... ну, чтобы занять Ликей.

– Это ворота Диохара, дорогая, – подсказал Тесей, улыбаясь без причины.

– Да, да, Диохара. Там стражник разинул рот, когда я приказала ему сбить с ворот засов, вынести его наружу, хотя бы и копьём подпереть ворота и отныне нести службу с внешней стороны стены. Наш храбрый Коннид остался во дворце, рассылая гонцов во все филы с приказом собираться с оружием в Ликее. От Акрополя доносились победные крики амазонок. Я начинала беспокоиться за Коннида, когда, уже перед рассветом, в ворота постучался славный Дедал...

– Как я счастлив, – воскликнул Тесей, прожевав, – что вы оба с нами! Но давайте по порядку. Наставник мой Коннид, расскажи сначала ты о пережитом в ту ночь.

Коннид усмехнулся и ласково взглянул на Антиопу.

– Осмелюсь напомнить, мой Тесей, что согласно букве твоего распоряжения перед отъездом обязанности стратега лежали тогда на мне. И доложу я тебе, не было в истории военачальника в более жалком и унижительном положении, чем я в ту ночь! Старики мало

спят, и я лежал без сна и удивлялся, какой странный начался ливень: крупные капли падают только на юге, в стороне порта Фалер. Слава богам небесным, ты удачно выбрал себе супругу, мой Тесей! Милая Антиопа посреди забот о сыне-младенце вовремя подняла тревогу, и двор сумел отступить в Ликей. Я же до последнего момента пытался собрать афинских гоплитов, и чуть не попал из-за этих увальней в плен к злым бабам. Твой могучий Агамед, взятый мной в оруженосцы, помог мне отбиться от разезда амазонок и укрыться в Ликее.

– Двенадцать фил великих Афин должны были выставить три тысячи гоплитов в полном вооружении. Тем, кому не по деньгам купить вооружение и щит, я помогал из царской казны... Кстати, а где моя казна?

– Осталась во дворце, – опустила глаза Антиопа. – Прости, но я считала, что в тех обстоятельствах важнее было вынести побольше оружия.

– Ты правильно поступила, дорогая, – кивнул Тесей. – А казна – дело наживное... И всё-таки, доложи мне, наставник, сколько афинян-гоплитов прибежали в Ликей?

– Стыдно признаться, но аж двадцать семь человек. Не считая членов твоего совета, они почти все здесь.

Коннид закрыл лицо сморщенными руками. А Тесею теперь и каша не шла в горло. Он отложил ложку, помолчал, обвёл триклиний невидящими глазами... Промолвил трудно:

– Это не твоя вина, а моя, наставник. Провалился мой синойкизм, будь он неладен. Вымечтанные мною великие Афины оказались великаном на глиняных ногах. Однако рано нам рыдать и посыпать головы пеплом. Мы здесь свободны, вооружены, защищены стеной и частоколом... О, прости меня, славный мастер, ты-то как оказался в Ликее?

– Я трудился на Сардинии, помогал царю Иолаю строить колонию Ольбию, а когда закончил строительство, начал меня грызть червячок: здесь, мол, ты довёл дело до конца, а вот стена вокруг твоих родных Афин осталась незавершенной. Я и пустился в путешествие налегке, с одними инструментами и парой рабов. Отдыхал в гостинице после плавания, когда поднялась суматоха. Сообразил, что амазонки поднялись верхами к Афинам между стенами Фалерского укрепления, строившегося совсем не для полу-варварских всадниц. И почему-то стража на городских воротах со стороны Фалера не выполнила своих обязанностей.

– Не сыпь мне соль на рану, Дедал, – попросил Коннид. В глазах его блеснули слёзы.

– Что есть, то есть... Амазонки уже, гикая, носились по городу. Я из случившихся под рукой досок скоренько сколотил гроб, положил в него инструменты, дал нести на плечах рабам, а сам, обмотав голову поганой тряпкой, горбясь и хромя изо всех сил,

возглавил процессию. Нам удалось беспрепятственно добраться до ворот Диохара, а через них в Ликей.

– Сам великий Гефест послал тебя к нам в эту горестную годину! – Тесей выпустил руку жены, соскочил с ложа и обнял польщённого родственника. – А как тебе удалось так быстро окружить Ликей частоколом?

– Я был удивлён и рад, обнаружив в Ликее царицу и твоих домочадцев, Тесей. И уговорил их рискнуть и закрепиться здесь, а не отступить дальше вглубь Аттики. Вспомнил, где ближайшее хранилище заготовок из дерева для стены, и заставил домочадцев и гоплитов перенести их в Ликей. В посёлке были и повозки, и лошади, но я побоялся, что курлыканье и визг колёс привлечёт сюда амазонок. А пока подносили материал к частоколу, я занялся воротами в городской стене. Признаюсь, забавляла меня парадоксальность задачи: перенастроить этот участок стены на оборону от противника внутри Афин! Я навесил засов снаружи, пристроил с нашей стороны на скорую руку забрало и лестницу к нему, чтобы обстреливать новое предполье. Потом мы поднатужились и к полудню установили частокол.

– А как отнеслись к вашей стройке амазонки? – поинтересовался Тесей.

– Странное дело, вот тут я чего-то не понимаю, – пожал могучими плечами Дедал. – Насколько мне известно, их разведка пытался подъехать к воротам Диохара только вчера вечером. У частокола дозорные их совсем не замечали, даже разведчиц. Ты, почтеннейший Коннид, высылал лазутчиков. Так, быть может, пояснишь, в чём дело?

Однако старик, отхлебнув из килика, жестоко закашлялся, и вместо него заговорила, потупившись, Антиопа.

– Я могу ответить на твой вопрос, славный Дедал. Мои бывшие соотечественницы никогда не видели таких больших, выстроенных из камня городов, как Афины. В нашей столице вырыты землянки и стоит поставленный покойной матерью моей Отрерой бревенчатый храм отца моего Ареса. На Востоке, где амазонки воевали, можно найти только скифские передвижные поселения из войлочных кибиток. Они просто ошарашены Акрополем с его храмами, массой храмов и статуй на площадях и улицах, и должны вначале освоиться в городе, а тогда уже начать действовать.

– По мне, так уж достаточно освоились, – в последний раз кашлянув, раздражённо возразил Коннид. – Ограбили царский дворец, разбили лагерь под Акрополем, волчицами рыщут по городу, забирая овёс, сено и съестные припасы. Где найдут боевое оружие, уносят, а хозяина вяжут и запирают в пританее. Разведчики донесли: амазонки думают, что мы, обитатели дворца, укрылись на Акрополе и что через их укреплённый лагерь нам не

убежать. Кстати, проход на холм защищает наша стража. Федим с тремя товарищами стоит на узком проходе, перекрытом воротами. Молодец парень, чего уж там.

– Да, не быстр мыслями Федим, зато надёжен, как скала, – кивнул Тесей. И поднял брови. – Однако откуда просочились амазонки в Фалерское укрепление? Не по воздуху же их демоны перенесли с берега Понта Евксинского?

– Они распространяют слух, будто пересекли Боспор Киммерийский по льду, а затем мирно проскакали через Фракию, Македонию и Фессалию, – пояснил Коннид.

– Басни вздорных старух! – взвилась Антиопа. – Во-первых, восточные моря не замерзают, а зима была тёплая. Во-вторых, Боспор Киммерийский амазонкам пришлось бы пересекать, если бы они шли походом на скифов, а не сюда... на нас. В-третьих, мои бывшие соотечественницы настолько воинственны и не способны к мирным соглашениям... В общем, я сомневаюсь, что они пробились к Афинам посуху.

– А если не посуху, – подхватил Дедал, – то по морю, с высадкой в Фалерском порту. Амазонки могли нанять пиратов, однако все мы знаем, чей флот способен перевезти такое большое войско. Кстати, сколько их вошло в Афины? Что насчитали лазутчики, почтенный Коннид?

– До двух тысяч, включая обозников... тьфу-ты, обозниц.

– Да, моя догадка весьма вероятна. У Девкалиона, коварного сына царя Миноса, столько боевых и торговых кораблей, что хватило бы на эту конную ораву, и с лошадьми, и с обозом.

Теперь уже Тесей откашлялся. Явно, чтобы привлечь к себе внимание. Отчеканил:

– Закончится война – и все наши недоумения рассеются. Сейчас важно иное. Скажи мне, мой Коннид, ты обо всём рассказал? Ничего важного не упустил? Может быть, ты не хотел огорчать меня худой вестью?

Старик тяжело вздохнул.

– Есть ещё кое-что. Пленных афинян они запрягают в повозки и возят на них дрова для своих костров. Есть сведения, что наших пленных в пританее насилуют.

Мужчины переглянулись, Антиопа потупилась. Тесей сказал:

– Ладно. Если бы эти мужики выполнили свой гражданский долг, не испытывали бы сейчас эти невиданные унижения. Однако почему мне не сказали, с какой целью амазонки начали войну с Афинами? Какие требования они выдвинули? Никогда не поверю, чтобы лазутчики этого не разузнали...

– Конечно же, разузнали, – не глядя на него, признал Коннид. – Бабы выкрикивали свои требования под Акрополем, а у Федима хватило ума не отзываться... Они хотят, царь, чтобы ты вернул им Антиопу. Обещают уйти с Антиопой и тремя тысячами золотых монет.

Тесей внутренне ахнул. Выходило, что он, и только он виновен в беде, постигшей великие Афины. Его брак с царицей амазонок оказался не только странным и чересчур экзотическим, но и губительным для города, ставшего ему родным. Тесей поднял на Антиопу налитые кровью глаза. Спросил хрипло:

– А что ты скажешь об этом их требовании, дорогая? О твоём возвращении к амазонкам?

Она ответила, не отводя в сторону взгляд и не выпуская руки Тесея:

– Разумеется, я знала о требовании моей сестры Пентесилеи (Коннид забыл сообщить, что именно она командует войском амазонок) и успела обдумать её предложение. Я решительно возражаю против того, чтобы меня выдавали амазонкам. Я не оставлю, пока жива, любимого мною мужа и рождённого от него младенца. И не хочу закончить свою жизнь в смрадной яме на берегу Понта Евксинского – это если коварная и суровая старшая сестра не обезглавит меня мечом без долгих разговоров.

– Я и не ждал от тебя, моя супруга и царица великих Афин, другого решения, – приподнявшись на ложе, торжественно провозгласил Тесей. И продолжил. – А вот моя задумка. Чтобы хоть как-то обезопасить население Афин, мы не ответим сейчас на предложение амазонок, потянем время. А ответим военными действиями, внезапным наступлением, как только будем к нему готовы.

– А где ты возьмёшь бойцов, Тесей? – спросил Коннид.

– Если мы, дорогой наставник, на время потеряли Афины, у нас остались пригороды и вся Аттика. Утром я созову военный совет, к нам добавятся мои советники. Мы решим, какие привилегии и награды можно будет обещать новобранцам. Вооружим всех женщин, способных носить оружие, и они под началом Антиопы будут оборонять Ликей. С ними останется славный Дедал, чтобы заняться изготовлением оружия и щитов...

– Прости, царь, – поднял голову мастер, – но сколько народу ты считаешь набрать в новое войско?

– Поскольку амазонки – это хорошо обученное и опытное войско, против них надо бы выставить не менее полутора тысяч гоплитов. Ну, хотя бы тысячу...

Дедал проворно подсчитал на пальцах.

– То есть сорок эномотий по двадцать четыре гоплита. Две обычные фаланги. Мне пришлось бы ковать несколько лет подряд, – вздохнул Дедал. – Да и где взять столько металла?

У Коннида заблестели глаза.

– Если бы мы владели Афинами, то могли бы поснимать десятки древних весьма уродливых статуй богов, иногда просто бронзовых столбов. Конечно, пообещали ли бы богам после победы отлить им новые, красивые.

– Богов ты, быть может, и умаслил бы, – отмахнулся от старика Тесей, – но афинян разозлил бы навсегда, это уж точно. Столбы-то столбы, однако же древние, намоленные их предками. Ладно, друзья, идём спать, а утром собираемся на военный совет.

Антиопа привела Тесея в комнатку, где стояла колыбель, а на полу спали кормилица и горничная. Стараясь не шуметь, супруги расположились на скрипучем ложе, но и во время объятий под одеялом молодого царя не покидали тяжкие думы о бедственном положении Афин.

Поздним утром военный совет возобновился. Теперь к нему присоединились бывший виночерпий Кирил и молодые члены совета мирных времён. Молодёжь горячо приветствовала Тесея. Как выяснилось, именно эти молодые люди отваживались на ночные разведывательные вылазки в захваченные амазонками Афины. После шумных споров Тесей отдал приказ: Кирил с частью гоплитов отправляется набирать новобранцев в Мегары, Солон – в Марафон, а на себя царь взял самые трудные места для вербовки – пригороды, в войне с паллиатидами стоявшие на стороне его противника. Он начал с южных предместий.

В Сфетте Тесея ждал замечательный подарок судьбы. Когда с помощью обещаний пожизненных бесплатных обедов в афинском пританее и избавления на десять лет от налогов ему удалось завлечь в своё войско три десятка жителей Сфетта, к нему подошёл горожанин средних лет и, явно смущаясь, попросил:

– Обещай мне, великий царь, что не накажешь меня, в чём бы я тебе не признался.

– Едва ли твой поступок, незнакомец, нельзя простить в столь отчаянную для наших Афин минуту, – невесело усмехнулся Тесей. – Говори, не бойся.

– Незнакомец? Ах да, прости... Меня зовут Сосий, я виноторговец. Когда покойный дядя твой, царевич Паллант готовил восстание против твоего отца царя Эгея и тебя, он устроил в нашем городке тайный склад оружия. Не слушая моих возражений, Паллант приказал свозить его по ночам в мой винный подвал, при этом на повозках груз сверху прикрывали пустые амфоры. Подвал был заполнен полностью, и мне пришлось для вина срочно вырыть новый.

– Кроме тебя, Сосий, кто ещё знает об этом складе?

– Разве что соседи. Думаю, они догадываются, но молчат.

– Веди, Сосий.

Постоянно оглядываясь на Тесея и его оруженосца Идаса, старенький Сосий привёл их к своему обширному поместью, а во дворе показал на большой амбар. Тесей издали увидел, что и дверца, и затейливый замок, в густой паутине.

– Отпирай!

Пока Сосий на полусогнутых бегал за ключом, Тесей попытался было обдумать последствия счастливой находки, но отвлёк мысли от планов. Сначала надо было убедиться, что Сосий не обманул, не перепутал, не сошёл с ума, наконец.

Но вот, заскрежетав, замок упал на траву. Дверца распахнулась, в нос ударили запахи лежалого железа и бронзы. Тесей спустился по земляным ступенькам и, когда глаза привыкли к полутьме, увидел прямо перед входом обмотанную густой паутиной большую кипу копий, связанных, как перья зелёного лука, сзади неясно темнели очертаний щитов и панцирей. Не обманул Сосий! Шагнув вперёд, царь разглядел перед связкой покрытых патиной бронзовых мечей завязанный мешочек. Поднял его, потряс – и зазвенело золото.

Тесей вынес мешочек наружу, но развязывать не стал. Обратился к Сосию:

– Ты, значит, не стал продавать оружие покойного Палланта и даже его золото, тоже бесхозное, не взял себе?

– Да, великий царь. Только не думай, что я такой уж честный... Торговец вином должен уметь ловчить. Я просто боялся. Я человек мирный, как мог я не выполнить приказа твоего дяди? А против тебя ничего не имел и не имею. Теперь же это оружие позволит тебе прогнать амазонок. Поганые они бабы, позволившие себе унижать мужчин!

Грустно усмехнулся Тесей, поплескал старика по плечу и заявил, что прощает его, хоть совсем без наказания не оставит: вплоть до окончания войны с амазонками в его большом доме расположится военный совет. А сейчас он должен разослать рабов по Сфетту, созывая граждан на агору в полдень. Тесей уже сообразил, что вместо того, чтобы перевозить оружие в Ликей, разумнее собирать войско вокруг склада, тем более, что городок в приличном отдалении от мест, где появлялись разъезды амазонок.

На агоре Тесей объявил, что граждане Сфетта провинились перед великими Афинами, не выдав своевременно склад оружия, оставленный паллиантами. Однако он, Тесей, не держит на них зла и устраивает в городке основной военный лагерь для борьбы с амазонками. Уж придётся им, горожанам, потерпеть, когда на главной площади будут поставлены палатки гоплитов, а на окрестных полях начнутся их учения. Сегодня же надо починить стены Сфетта и установить на них охрану.

От имени городского совета ему ответил Сосий. Если очистить его речь от украшений и намёков, смысл был такой: пусть лучше афинские гоплиты, защищающие их, топчут поля вокруг Сфетта, чем амазонки копытами своих коней.

Слухи о находке немыслимого количества оружия и богатой казны Палланта быстро распространились по всей Аттике. На золото покойного мятежника были закуплены съестные припасы, котлы и палатки, железо для Дедала. Число добровольцев резко увеличилось, и вскоре их число достигло двух тысяч. На бывшем свекольном поле под Сфеттом старый Коннид срывал голос, обучая гоплитов-новобранцев быстро строиться в фалангу и наступать, сохраняя боевой строй. Тесей и его советники целыми днями толпились во дворе Сосия вокруг ямы с песком, где был вычерчен и выложен камешками план великих Афин, и ломали голову над планом кампании. С этим следовало поторопиться, потому что глашатай под Акрополем выкрикивал под подсказку амазонок их похвальбу: после покорения Афин, города жалких трусов, где не нашлось воинов сразиться с ними, они-де завоюют всю Грецию. Однако Афины покинут только в том случае, если им выдадут Антиопу, живую или мёртвую.

И великий мастер Дедал не сидел сложа руки. Однажды он отозвал Тесея от ямы с песком, и тот увидел, что мастер прячет некий предмет под тряпкой. Однако начал Дедал издали:

– Доводилось ли тебе, царь, слышать об индийских боевых слонах?

– Я об Индии почти ничего не знаю, мастер, только слышал, что есть такая страна. А слон – это такое огромное животное с длинным гибким носом?

– Так вот боевой слон держит этим своим носом меч и поражает им врагов. А на бока его с помощью сбруи навешивают большие острые серпы, а они разрезают во время атаки вражеских пехотинцев пополам.

По-прежнему держа таинственный свёрток в левой руке, Дедал присел на корточки, нашёл на земле палочку и ловко начертил ею вид слона спереди и боевые серпы у него по бокам. Тесей ахнул, однако резонно заметил, что слонов им взять негде.

– Зато у нас есть несколько боевых колесниц, и смертоносные серпы можно прикрепить у них по бокам!

– Лихо! Но... Я только представил себе... Прекрасная задумка, однако мы всё-таки с женщинами воюем. Нет, Дедал, давай отложим.

Тогда Дедал, явно обиженный, размотал тряпку. На его ладони лежал железный ёж с толстыми короткими колючками.

– Это не я придумал. Называется чеснок. Если насыпать на пути атаки конных амазонок, будет поражать копыта их коней. Пехоте тоже не поздоровится.

– Великолепно, мастер! Бери из новобранцев сколько угодно помощников и куй эти... чесноки, пока железо не закончится. А первым делом рассыплем за стеной Ликея со стороны Афин.

Наконец, и замысел битвы был готов. Он приснился Тесею, и, проснувшись в ночной тишине, царь предпочёл продумать замысел во всех деталях, чтобы не забыть. В душе его, как рана, саднил факт, что амазонки прекрасные стрелки, и он понимал, что их стрелы нанесут фаланге афинян большой урон, прежде чем она схлестнётся с конницей амазонок. И вот во сне он, с копьём и щитом, как рядовой гоплит, бежал улицей Афин, сворачивал за угол – и оказывался перед царицей Пентесилеей, а та целилась в него из лука... Уже утром Тесей поставил задачу Конниду, и старик принялся учить фалангу поворачивать под прямым углом налево и как можно скорее восстанавливать строй.

Вечером на военном совете его молодые члены, знавшие Афины как свои пять пальцев, на яме с песком быстро нашли и показали Тесею тот ближайший к лагерю амазонок угол, из-за которого должна была вынырнуть и перестроиться снова в боевой порядок фаланга.

– Ладно, выстроимся, – и Коннид почесал плешивую голову. – А если амазонки не успеют выйти из лагеря нам навстречу?

– Тогда фаланга пусть обрушится на лагерь и навяжет бой среди поваленных шатров! – предложил Тесей. – И вот что, друзья, пришло мне сейчас в голову. Нельзя исключать, что амазонки отобьют нападение, а то и разгонят нашу фалангу. Гоплиты ведь у нас неопытны. На этот случай предлагаю после неудачной атаки не возвращаться на исходную позицию, а продолжать движение, пробиваясь к Ликею. Скажи, славный мастер, ты еще не разбрасывал перед воротами Диохара свой коварный чеснок?

Дедал, весь закопченный, в рабочем фартуке, белозубо усмехнулся:

– Какое там, царь... Нечего пока разбрасывать. Я успел выковать только полтора десятка штук.

Листья на деревьях начали желтеть, а Тесей с Коннидом продолжали набирать и обучать войско. Наконец, после совещания с Антиопой, перебравшейся к мужу, с Дедалом и советниками выступление из лагеря в Сфетте был назначено на двадцать пятое метагейтниона, а битва на двадцать восьмое число. На полевых алтарях, устроенных Порфирионом, Тесей собственноручно принёс жертвы Афине, Зевсу и Аресу. Войско двинулось освобождать столицу Аттики.

У пригорода Синосарга был разбит лагерь для ночлега. В утро битвы Тесей проснулся с плохим предчувствием, ночью его мучил кошмар, но детали забылись. Он вышел из шатра. Над лагерем дымились костры. Запахи дыма и поспевающей походной каши щекотали ноздри, но никакой радости жизни не чувствовалось в гоплитах, сидящих у огня. Они и песен не пели, хоть вечером не давали ими Тесею заснуть.

Из царского шатра вышла Антиопа. Подошла к мужу, но не решилась на виду у войска его обнять.

– Дорогой, мне приснился ужасный сон. Будто Пентесилея...

– Дорогая, послушаем лучше, что скажет нам Коннид, – раздражённо прервал её муж. – Вон он ковыляет, и лица на старинушке нет.

– Царь и царица, происходит нечто невообразимое! – воззвал Коннид. – Командиры эномотий доносят, как один, одно и то же. Гоплиты боятся идти в бой! Это неслыханно!

– Подожди, наставник, – набылчился Тесей. – Скажи прежде, что тебе этой ночью снилось?

– Да ничего мне, царь, не снилось. Я так и не сумел этой ночью заснуть. А гоплиты клянутся, что им... каждому из них, явилась ужасная старуха и, оскорбив самыми обидными ругательствами, пообещала позорную смерть в сегодняшней битве.

Мрачный Тесей немедленно, не дожидаясь завтрака, созвал военный совет. Выяснилось, что половине советников снилась пресловутая страшная старая баба, половина видела кошмар, но содержания, как и их царь, не запомнила. Все согласились, что вести в таком состоянии войско на амазонок подобно самоубийству. Не сразу удалось найти объяснение происходящему, но первый шаг в правильном направлении сделала Антиопа.

– Хочу напомнить, что мой и Пентесилеи отец и в то же время дед – мощный бог войны Арес, – потупившись, вымолвила она. – А у него есть сын и помощник, рождённый Афродитой в прелюбодеянии, по имени Деймос. Это бог Ужаса, но почему он явился нашим воинам в женском облике, мне непонятно.

– Я, кажется, понял, в чём тут загвоздка! – подхватился с травы Порфирион. – Когда коринфяне осмелились забросать камнями мальчиков Мермера и Ферета, детей царевны Медеи, оторвав их от алтаря Геры Браколюбивой, они накликали большие несчастья на свою голову и на своих детей. Тогда во искупление вины коринфяне поставили на площади статую богини ужаса Деймы. Кто её видел, говорит, что на свете нет страхолудней старухи. Вот!

– А я продолжу твою мысль, Порфирион, – кивнул плюмажем на шлеме Солон, с раннего утра уже в панцире. – Там, в Коринфе, борясь за Ясона, соперничали женщины, Главка и Медея. Тут, у нас, противоборствуют царицы Антиопа и Пентесилея, да и все амазонки тоже бабы... То бишь относятся к женскому полу.

– Правильно, друг мой Солон! Приняв образ ужасной бабищи, бог ужаса Деймос пугает нас, желая отвратить от нападения на амазонок, ведь он им покровительствует вместе с могучим своим отцом Аресом. И это при том, что перед нашим походом именно Аресу был принесён в жертву белый баран. Священнодействовал наш молодой царь, и я

сам наблюдал, чтобы все установленные правила были соблюдены. Однако наше положение не безвыходно.

– Надо умиловать Деймоса! – выкрикнул Солон. – Причём именно так, как поступили преступные коринфяне. Ведь их меры оказались действенными: мор в Коринфе прекратился, и дети горожан перестали погибать.

– Вот именно, Солон! Я только что мысленно посоветовался со своим отцом, жрецом храма Афины Келеем. Нужно снова оборудовать полевой алтарь и посвятить его Деймосу. Возле алтаря поставить статую Деймы, из глины или дерева. Тогда принести в жертву Деймосу чёрного барана и просить его больше не препятствовать афинскому войску.

Тесей помедлил. Обвёл ласковым взглядом советников. Поднял скипетр, но речь начал необычно:

– Благодарю, мои Порфирион и Солон! И то подумать, что бы я без вас делал, мои мудрые советники? Поступим так. Порфирион устраивает алтарь, Идас добывает в окрестностях чёрного барана, красивого и здорового. И особая моя просьба к тебе, мой славный мастер. Дедал создает статую ужасной Деймы. К вечеру она должна стоять у алтаря. Тебе решать, из глины или дерева её ваять. Это может быть просто столб, ксоан, как древние предки ставили, однако с ужасной головой. Завтра на рассвете мы должны будем выступить к Афинам.

– Принося жертву, хорошо бы пообещать Деймосу, что после победы над амазонками, каменный храм и каменная статуя ему будут возведены подле Акрополя, – заметил Порфирион.

– Да на время после победы я наобещаю сейчас чего угодно, – ухмыльнулся Тесей. И сразу же посерьёзней. – Хорошая мысль. Я обязательно поставлю в Афинах и храм, и статую. Точнее, дам денег, а построить попрошу Дедала. Что скажешь, великий мастер?

– Да что тут сказать? – улыбнулся Дедал. – Пришёл я на совет, рассчитывая подремать на травке перед завтраком, а дела вот как повернулись. Если Дейму надо будет повторить в камне и поставить посреди великих Афин, то здешнюю уродину лучше сделать из дерева. Быстрее вырезать из готового толстого бревна наподобие древнего ксоана. К вечеру Дейма будет готова, а что ужасная выйдет, за то ручаюсь. Я ведь припомню свою квартирную хозяйку на Сицилии, а она была такая страхолюдина, что собаки оббегали её по широкой дуге.

– Мой Белян и её не испугался бы, – ни к селу ни к городу заявил Порфирион. И добавил уже серьёзно. – Жертву Дейму надо будет принести на закате, чтобы ночью гоплиты убедились, что ужас покинул их сны.

– Так и поступим, мой мудрый Порфирион, – промолвил Тесей.

Участники совета готовы уже были подниматься с травы и вопросительно поглядывали на Тесея, но тот медлил распускать совет. Наконец, признался:

– Меня тревожит эта задержка выступления на сутки. А вдруг амазонки проведуют о нашем походе?

– Твоему горю легко помочь, – взял слово Коннид. – Я, с твоего разрешения поставлю стражу вокруг лагеря и этого... ну, Синосарга. Ну, и собачье же название у местечка... Разве что птица отсюда вылетит, а человеку понадобятся крылья вроде Дедаловых.

Глава 26

Синосарг под Афинами. Улицы и площади Афин. Ликей

Две битвы с амазонками

Войско столь резво выступило из лагеря, что Тесею пришло в голову, будто гоплиты стараются убратся подальше от ужасной статуи Деймы. Он поделился этой догадкой с женой, стоявшей рядом с ним в колеснице, и с Идасом, правившим лошадьми.

– Да и ты, муженёк, как я заметила, без особой радости приносил в жертву Дейму чёрного барана. Я тогда подумала... – призналась Антиопа. – Если бы не ваши, греков, предрассудки в отношении женщин, обряд сподручнее было бы выполнить мне, как никак сводной сестре бога Ужаса. Меня бы он скорее послушался.

– О чём это ты, царица? – удивился Идас. – В Элладе есть жрицы.

– Нас тут только трое, – мрачно заметил Тесей. – Тебе, жена, и тебе, товарищ по Лабиринту, я доверяю, как себе. Уверен, иными словами, что не донесёте на меня жрецам. Наша гоплиты так громко горланят свою походную песню, что боги на небесах меня не услышат. А мне сейчас захотелось признаться, что жертвоприношение никогда не доставляло мне удовольствия. Какая ещё особая радость, Антиопа? Мне легче убить человека, врага в бою, чем зарезать на алтаре животное, ни в чём не повинное. Конечно, я не говорю об убийствах Кроммионской свиньи и того белого быка, забыл название...

– Надеюсь, что такое твоё настроение, муженёк, – встревожилась Антиопа, – не передалось Деймосу во время ритуала...

– Да нет же, ужасы ведь перестали сниться, – буркнул Тесей.

– Осмелюсь напомнить, царь, – вклинился в разговор супругов возница, – что пора бы дать знать Агамеду и его людям, что мы направляемся к Ахарнским воротам.

– Пора, пожалуй. Спасибо, Идас, и натяни вожжи.

Войско с песней протопало мимо колесницы, гоплиты улыбались своему царю и махали ему руками. А вот и обоз. На третьей телеге не доспехи и копьё были навалены, а инструменты Дедала. Он и сам сидел там на сундуке, свесив ноги.

– Пора, славный мастер, отпускай нашего посланца, – попросил Тесей.

Дедал кивнул, на ходу спрыгнул на землю и, вынув из клетки, сплетённой из ивовых прутьев, белого голубя, запустил его в небо. Голубь неторопливо набрал высоту, сделал над колонной несколько кругов и направился на юго-восток, в сторону Афин. Пролетев над Афинами, он должен был сесть в Ликее, на своей родной голубятне. Для того, чтобы его там не спутали с каким-нибудь другим белым голубем, к правой лапке у него было крепко примотан ниткой кусочек зелёной коры. Увидев голубя, Агамед должен был по возможности тайно вывести свой маленький конный отряд к Ахарнским воротам, захватить их и удерживать до подхода афинского войска.

– Не волнуйся, царь, – промолвил Дедал. – Наш Белок долетит домой, и все твои замыслы исполнятся сегодня.

– Белок долетит, если ястреб не ударит на него или амазонка не собьёт стрелой, – пробурчал Тесей. Антиопа приобняла его, успокаивая.

Укрывшись за холмом перед Ахарнскими воротами, войско обступило телеги и уже заканчивало облачаться в доспехи и разбирать копьё, когда прискакал Агамед и доложил Тесею, что ворота в руках афинян.

– Потери есть? – спросил царь, обняв Агамеда и поблагодарив его.

– Убит молоденький Дидим, сын Евпсихия. И наш смелый Антимах ранен, тоже стрелой. Отменно метко они стреляют, эти амазонки! Словно демоны направляют их руки!

– Пленных взяли? – спросила Антиона. Она была уже в панцире и коринфском шлеме.

– Двух лучниц, мы их связали.

– Жаль ребят, – склонил голову Тесей. – А ты, храбрый мой Агамед, держись теперь возле колесницы, пожалуйста. Если убьют трубача нашего, Евтихия, поднимай трубу.

Подъехал Коннид, доложил, что войско уже в доспехах и построено. Тесей сказал ему:

– Стало быть, телеги обоза пусты. Оставь две для раненых, а все остальные пусть Дедал отведёт к Ликеею кружным путём. Я не хочу рисковать жизнью великого мастера в битве. Дорогая, – повернулся к Антиопе, – это совсем сейчас не лишнее, что ты в броне и вооружена. Но не лучше ли тебе отправиться в Ликей, к нашему сыну, вместе с Дедалом? И я буду спокоен за охрану обоза и за Ликей.

– Нет уж, царь, это я должна быть спокойна за твою охрану. Где ты, там и я, мужёнок.

На это Тесей только улыбнулся бледно, думая уже о другом, и приказал Идасу править к войску. Произнёс приличную случаю речь и, возглавив войско, провёл его через Ахарнские ворота.

Странные чувства испытал Тесей, когда копыта четверки коней его колесницы глухо застучали по земле великих Афин. Будто домой вернулся, и возмущён тем, что какие-то ловко стреляющие конные бабы вздумали ему это запретить. Теперь гоплиты уже не пели песен, опасаясь всполошить амазонок, в тихом, будто вымершем городе звучали только их тяжелые шаги и звон металла.

А вот и перекрёсток впереди. За ним налево – большая площадь под Акрополем и на ней лагерь амазонок. Не дать ли гоплитам передохнуть после марша? Но Коннид, не дожидаясь указаний от царя, уже начал выстраивать фалангу. Под носом у противника гоплиты на диво быстро построились. Ждать дольше бессмысленно и опасно...

– Могучая Афина, добрая Амфитрита, мощный мой отец Посейдон, помогите! Жестокий Арес и жуткий Деймос, не мешайте нам, почтившим вас жертвами! – и Тесей поднял меч.

Впереди фаланги колесница царя и царицы выскочила на площадь. Шатры амазонок, прикрытые валом из мешков с землёй или с песком, выглядели мирно, но там засипела труба, объявляя, конечно тревогу. Теперь в лагере замелькали неясно видные фигуры, послышались женские крики и ржанье коней. Фаланга принялась разворачиваться влево, для чего пришлось ей рассыпаться и снова перестраиваться. Однако Коннид и командиры эномотий знали своё дело, и очень скоро толпа афинских гоплитов снова приобрела странный и устрашающий вид подобия пёстрой гусеницы с тупой головой, ошетилившейся впереди копьями. Жаль, фланги её прикрывались не стрелками или пращниками, как это принято, а парой колениц с обоих боков.

«Эх, напрасно я не разрешил Дедалу оснастить колесницы по бокам острыми серпами», – подумал Тесей, сдвинул свой драгоценный шлем вперёд, закрывая лицо, и снова поднял отцовский меч. Тотчас же Евтихий протрубил дважды, атаку.

Словно на ученьях, фаланга ринулась вперёд, не теряя строя. Гоплиты бежали с боевым воплем, а Тесей сквозь прорези шлема высматривал, что делается у противника. Всадницы в доспехах выскакивали из-за мешков и, выпустив по стреле, занимали место в конном строю. Впереди, под варварским стягом, конским хвостом на древке, выкрашенном красной охрой, гарцевала начальница, повидимому...

– Это ведь Пентесилея? – спросил Тесей, повернув голову к Антиопе, стоящей рядом в кузове.

Стрела просвистела мимо, вторая уткнулась в борт колесницы, со стороны фланги донесли хриплые ругательства, а царица промолвила безмятежно:

– Кому ж ещё, муженёк. Ты не отвлекайся, а знай от стрел уворачивайся.

Он счёл совет уместным. В щитах, прикрывавших флангу спереди и сверху, уже торчали стрелы, позади за нею на земле оставались убитые и раненые. Теперь амазонки стреляли залпами, по команде своей царицы...

– Афина – наш передовой боец! За наши родные Афины! – прокричал Тесей, срывая голос.

Два войска, пешее и конное, сшиблись. Длинные копьями голова фланги прорвала конный строй амазонок, разделив его на две неравные части. Теперь амазонки спрятали луки и взолись за мечи и дротики. Особенно доставалось от них флангам фланги, как ни пытались их защитить немногочисленные афинские колесницы. Тем временем первые ряды фланги оказались уже во вражеском лагере. На поле битвы царил обычная неразбериха, тем не менее, поискав глазом Агамеда, Тесей нашёл его на месте. Силач вертелся на коне возле правого борта колесницы Тесея, ловко отбиваясь мечом от трёх всадниц. Прикрывшись щитом, царь прыгнул к этому борту, закричал:

– Мой Агамед, скачи в лагерь и вели Конниду поджигать шатры! Не найдёшь его, распорядись сам! Как загорится, я велю трубить отступление!

– И куда? В Ликей?

– Мы что ж, напрасно бойцов теряем? Занимать западные кварталы! Крайние дома Пника!

Уложив напоследок одну из наскокиваших на него с мечами амазонок, Агамед исчез. Вторую, изловчившись, оглушил мощным ударом по шлему Тесей. Тогда третья воительница бросила поводья и ухватилась за высокий борт колесницы, намереваясь на неё запрыгнуть. Озлившись, Тесей одним ударом отрубил ей руки и вернулся на свою позицию позади возницы и рядом с Антиопой. Из-под колесницы донесся вой.

– Правь ближе к остаткам фланги! – проорал он Идасу. И вдруг окаменел.

Потому что Антиопа метнулась к нему и, заслонив, тут же упала ничком. Загремел её доспех, застучал по полу кузова меч, стукнул о перильца и тоже упал на пол дротик, и лезвие его в крови. Стоя на коленях, Тесей перевернул жену лицом вверх, сорвал шлем. Антиопа побледнела, пыталась что-то сказать и не могла, яркая алая кровь заливала ей шею и грудь панциря. Тесей зарычал и попытался вцепиться себе в волосы, но пальцы его встретили только гладкую бронзу шлема.

– Это была царица амазонок! Она метнула дротик в тебя! Уже ускакала, царь.

Казалось, слова колесничего скользнули по сознанию Тесея, однако он запомнил их навсегда. В последний раз взглянул на по-прежнему прекрасное лицо жены и горько пожалел, что не может провести с нею последние в её жизни мгновения. Окинул взглядом погнутый меч, упустил его на пол кузова, выхватил из держателя копьё и перепрыгнул через борт колесницы. Щит оставил в кузове. Под ногами почувствовал твердую почву, а чувства пытался зажать в железный кулак.

– Вези её в Ликей к Феоне, Идас! А вдруг боги смилостивятся... Скачи во весь опор!

Поглядел вслед колеснице. Она мчалась, оставляя за собой на утопанной земле площади капли быстро темнеющей крови. Вдруг захотелось Тесею собрать эту кровь и сохранить, но сразу же вспомнилось, что кобыла, запряжённая левой в его колесницу, только что прохромала мимо, раненая в ногу.

– Государь, возьми моего коня!

Он обернулся. Морда чёрного жеребца, наполовину в пене, глаза совершенно безумные... Это конь Евтихия, трубача. Нет, своими ногами по земле сейчас надёжнее. Он покачал головой и приказал:

– Держись подле меня, Евтихий! И береги трубу!

Не забывая оглядываться, Тесей старался не думать об Антиопе, а делил своё внимание между ближайшими амазонками и их лагерем. Там, за валами, упал шатер. Однако совсем другого ожидал он. Доскакал ли Агамед? Сумел ли передать распоряжение? Тут голову его потряс удар наконечника стрелы по шлему. В глазах у Тесея потемнело, он выронил копьё и упал на колени... Когда очнулся, в уши ударил тугой шум пламени, а в ноздри – вонь сгорающей грубой ткани. В лагере пылали уже три шатра, крик оттуда усилился. Зато на площади звуки битвы притихли: амазонки перестали насакивать на хвост фаланги, не успевший втянуться в лагерь через ворота, и придерживали коней. Тесей понял, что они ждут только команды от своей царицы, чтобы броситься тушить лагерь. Вот! Скачут беспорядочной толпой, и стяг над ними...

Туго соображал сейчас Тесей, однако понял, что афиняне имеют сейчас некоторое преимущество. Поджигать, когда огонь уже высечен, легче, чем тушить, амазонки отвлеклись на жизненно важное для них дело, а афиняне сохранили управление. Да разве? А где тогда трубач? Тесей оглянулся. Евтихий лежал на земле со стрелой, торчащей из прорези шлема, его вороной исчез, а труба откатилась на несколько локтей. Царь покачал головой и поднял трубу.

С площади казалось, что лагерь пылает уже весь. Языки пламени поднимались высоко, гудело, будто в печи. Ветер нёс над площадью черные клочья дыма и копоти. Кони амазонок артачились, не желая скакать в ворота. Надо было дать возможность гоплитам

напасть на всадниц – или, напротив, скорее выводить из пылающего лагеря своих? Тем временем над лагерем встали белые столпы пара, оттуда донеслось шипение. Тесей, не сумев собрать мысли и сделать вывод, плюнул себе под ноги, поднёс трубу к губам и сыграл на ней второй раз в жизни. Протрубил трижды, приказывая отступить.

Сам, взяв трубу под мышку и подхватив с земли копьё, тяжело побежал к остаткам фаланги. Измождённые боем, гоплиты сидели на земле и, как зачарованные, глазели на горящий лагерь амазонок. Оттуда уже начали выскакивать первые их товарищи. Осевшая было на площади пыль снова начала клубиться. Рядом с Тесеем гоплит сдвинул шлем на затылок, и Тесей узнал в нём эномарха Тиресия.

– Бери свою эномотию, Тиресий, прикрой отступающих из лагеря! Пусть занимают дома в Пниксе!

А когда эномотия выстроилась, Тесей закричал, обращаясь к остальным гоплитам:

– Занимайте кварталы, что перед вами! Уносите с собой раненых и убитых. Из Афин мы больше не отступим!

И воины подхватили, сначала тихо, потом громко, так что и в лагере, небось, было слышно:

– Из Афин мы не отступим!

Подъехали три колесницы, возницы которых сообразили, что надо прикрывать покидающих лагерь. Четвёртая потеряла колесо, и её экипаж выпрягал лошадей.

Тесей отдал ближайшему гоплиту трубу, поднял с земли щит с грубо намалёванной на нём Гидрой и встал рядом с Тиресием. Он окончательно сорвал голос и не собирался больше сам подавать команды. Просипит эномарху, если понадобится, а уже тот будет теперь рвать глотку.

Некоторые гоплиты выбегали из ворот без копий, но с мешками за плечами. Другие на носилках, устроенных из копий и щитов, выносили раненых. Тиресий всех с оружием отправлял через площадь, в Пникс. А одну эномотию, покинувшую лагерь в относительном порядке, Тесей послал занимать соседний квартал, Керамик, квартал гончаров. Раненых старались отвезти в Ликей. Как только стало ясно, что в лагере амазонок не осталось живых и способных отступить афинских воинов, Тесей приказал найти себе коня.

Перед ним возник Коннид. Что это именно старый наставник, царь догадался только по красному плащу и шлему: Коннид не поднимал на затылок шлема.

– наших в лагере нет, царь. Какой недоумок, хотел бы я знать, приказал трубить отступление?

– Я приказал, старик. Объяснять некогда. Мы занимаем Пникс и Керамик. Пошли колесницы с лучниками по всем улицам. Пусть уничтожают разьезды амазонок или прогоняют. Афины будут нашими! Неужели мне не нашли коня?

– Бери мою кобылу, – и Коннид с помощью Тесея удачно сполз со спины своего смиренного одра. – А где царица? Что вообще у вас тут делается?

– Тебе скажут! – бросил Тесей сквозь зубы и бросился навстречу бесхозному гнедку, которого подводили два потных гоплита. Схватил повод и безразлично наблюдал, как гоплиты подтягивают трупы амазонок и бросают их друг на друга, чтобы царь смог с груды залезть на коня.

– Достаточно!

Он подгонял коня, хоть и понимал, что быстрая езда ничего не изменит. Чудо или случилось уже, или не случилось. Не случилось! Над Ликеем стоял плач женщин, оплакивающих свою царицу. Рыдающая Феона встретила его в дверях спальни.

– Не хочешь ли взглянуть на Ипполита? Он точная копия нашей бедняжки.

– Вот именно потому и не хочу! – рявкнул Тесей.

Бросился на пол у ложа, где вытянулось в последней конвульсии окровавленное тело Антиопы, и не вставал до самого заката, когда Коннид напомнил ему, что необходимо провести военный совет.

– И дай, наконец, женщинам возможность подготовить твою царицу к погребению, – добавил старик.

Тесей зарычал и поднялся с пола. В триклиний он пришёл мрачнее тучи, но речи советников на время отвлекли его от тяжких дум. Молодые советники, сами сражавшиеся в лагере, были согласны с тем, что отступить было необходимо, и убедили в этом Коннида.

А бывший виночерпий Кирил, явившийся на совет с левой рукой, висящей на перевязи, взялся подводить итог:

– Тут не о чем спорить. Продолжить битву значило продолжить размен жизней наших бойцов на жизни амазонок, а их больше, они сражались отчаянно, и стены лагеря им помогали. Потеряли бы мы обученных гоплитов, и с кем, спрашиваю вас, мы освободили бы, как сейчас, почти все Афины? А если...

– А где Дедал?! – обвёл собравшихся Тесей налитыми кровью глазами. Идас спрыгнул с ложа и выбежал из триклиния.

– Пока ищут мастера, я хотел бы услышать, как у нас дела с пополнением, – буркнул Тесей.

– Великие Афины проснулись! По всему городу слышна возня. Бабы плачут, мужики выкапывают оружие. Некоторые разьезды амазонок захвачены в плен или уничтожены до

приезда наших колесниц. Очень многие афиняне теперь к нам приходят, целыми толпами, соседи собираются вместе и идут в Ликей. Вчера трудно было и предположить такое! – доложил Солон. – Слава богам небесным, афиняне поверили, что амазонок можно победить и изгнать. В общем, снова имеем воинов уже на две фаланги теперь, вот только половина не держала раньше в руках копье.

– А каковы потери? – спросил Тесей. – Кто из вас, советники, подсчитывал наши потери?

– Я считал, царь, – не сразу отозвался Порфирион. – Сто двадцать один гоплит убит на площади. Еще двадцать девять не вышли из лагеря амазонок. Раненых девяносто девять, но к началу битвы Феона обещает треть из них вылечить.

– Это замечательно! – фыркнул Тесей. – Мудрая стряпуха Феона лучше меня знает, когда продолжить войну. А что ты, сын жреца, думаешь о похоронах?

– Мне нет необходимости выдумывать, царь, достаточно придерживаться обычаев наших предков. Все гоплиты, погибшие на площади, храбро сражались, поэтому заслуживают быть похороненными на месте подвига. Похороним до восхода солнца, чтобы не оскорбить бога Гелиоса, а он в этой войне покамест нам ничем не мешал.

– И царицу с ними заодно, она совершила подвиг, заслонив собою меня, – трудно выговорил Тесей.

Все помолчали, склонив головы. И уже готов был взять слово, прокашлявшись, Коннид, когда скрипнула дверь. В триклиний вошёл, вытирая руки тряпкой, встревоженный Дедал.

– Ты звал меня, царь? Очень не вовремя, знаешь ли...

– Как раз вовремя! Бросай все прочие дела, займись колесницами. Одну надо вывезти с площади и починить, потом на неё и на три прочие, а главное, на мою квадригу поставить боевые серпы – помнишь, мы о них говорили?

Мастер бросил тряпку на пол и схватился за голову.

– Отковать и наточить восемь больших серпов? Ты знаешь, сколько времени на это нужно?

– У тебя три дня. Бери себе из гоплитов столько помощников, сколько понадобится. Нам ведь тоже нужно время, чтобы обучить новых бойцов.

– Тогда полегче. О колеснице с отломанным колесом я знаю. Колесо уже принесли в кузницу, колесницу вывезут ночью.

Тесей обвёл внимательным, упорным взглядом своих советников. Успели умыться, смыть с волос темные окислы бронзы, замазать целебной мазью неглубокие раны. Готовы рискнуть жизнями в новой битве. Что ж, и он кое-что для них придумал...

– Дедал, ты ложись пока на свободное место рядом со мной, послушай меня тоже. Друзья, когда я валялся в ногах своей мёртвой супруги, я не только горевал. Я мечтал о мести. И ещё я мучительно искал способ, чтобы разгромить амазонок в следующей битве, да так, чтобы навсегда убрались из наших Афин... И вот к чему я пришёл. Я сейчас расскажу, а вы по очереди выступите, начиная с моего дорогого наставника Коннида, и честно укажете на недостатки этого замысла на битву. Итак, мы атакуем не одной, а двумя колоннами...

Наступление было назначено на четвёртое боэдромиона. Сначала в атаку пошла первая колонна под началом Коннида. Её составляли новобранцы, все эти дни до упаду их учили боевому применению оружия и щитов, однако не действиям в составе фаланги. Наступали эти гоплиты цепью в два ряда, готовые защищаться от конницы копьями. Но прежде, выстроившись в дальнем конце площади, они намеренно шумели, трубили и били в тимпан, чтобы вызвать на себя атаку амазонок. И добились своего.

Поредевшее конное войско амазонок выступило из лагеря, построилось на том же месте, что и перед прошлой битвой, и по команде бросилось вперёд. Царица Пентесилея со свитой теперь держалась сзади. Тесей установил это, выглянул из-за угла улицы Триподы на площадь. Бегом вернулся он к колеснице и сам повернул на оси левый боевой серп, чтобы его лезвие, выдвинувшись, намертво закрепилось на борту. Идас в это время возился с правым серпом. Невдалеке раздались похожие стуки, это экипажи других колесниц тоже взводили смертоносные кривые складни. Фаланга была уже выстроена, её конец прятался за поворотом улицы.

Тесей и Идас заняли свои места в кузове, Агамед вернул вожжи Идасу и взял в мощную руку дротик, Тесей – вооружился вторым. Оба надеялись поразить царицу Пентесилею тем же оружием, которым она убила сестру свою Антиопу.

Царь поднял дротик и резко опустил его. Застучали об утопанную землю улицы копыта лошадей, почти тотчас же удары по земле ног тяжело бегущих гоплитов фаланги слились в слитный гул.

Колесницы, выстроенные уступом, выкатились на площадь, и Тесей убедился, что момент для нападения выбран удачно. Цепи новобранцев уже отступали к белым домам Керамика, конница амазонок завязла в них, возле царицы остались только амазонка со стягом и амазонка-трубач.

Первый удар серпа поразил всадницу, на всю площадь раздались истошный вопль амазонки и отчаянное ржание её лошади. Амазонки спрыгивали с конских спин и падали на землю, пропустив же колесницы, они бросались к своим изувеченным лошадям или стреляли по экипажам, но их уже нанизывала на копья подоспевшая из улицы Триподы

фаланга. А Тесей в неразберихе, царившей на площади, видел главное для себя: Пентеселию удалось отрезать от её войска, и возле неё всего одна амазонка. С трубой.

– Вперед, Идас! Гони, прижимай её к стенам, как договорились!

Видно, Пентеселия, занятая битвой у стен Керамика, не сразу заметила грозившую ей опасность. Только когда серп вырвавшейся вперёд колесницы Федима обезглавил лошадь её слуги, чуть ли не пополам перерезал всадницу и с тугим звоном сломался, она разглядела, что может стать следующей жертвой. Повернула коня и принялась, как и надеялся Тесей, уходить улицей вдоль выходящих к Акрополю заборов Дема Милета.

– Она наша, эта крыса! Прижимай её к заборам, Идас!

Правый пристяжной жеребец колесницы Тесея уже грыз, обезумев, круп кобылицы Пентесилеи, свернуть царица никуда не могла. Не стала и дожидаться, когда настигнет её страшное лезвие. Держась за гриву, она ловко встала на спину идущей галопом лошади и согнула ноги в золочёных сапогах, готовая перепрыгнуть через забор.

Агамед и Тесей метнули дротики одновременно. Царь промахнулся, а дротик силача вонзился в покрытую красным плащом спину царицы. Она всё-таки прыгнула, унося в спине дротик, и скрылась за белым забором.

– Успеем ещё сучку поймать, – махнул рукой Тесей. – Поворачивай, Идас, к её войску.

А на площади дела афинян были совсем не плохи. Новобранцы приободрились и вернулись на первоначальные позиции. Фаланга под градом стрел разрежала и сильно проредила оставшуюся без предводительницы конницу амазонок. Однако воительницам удалось сомкнуться и вместе отойти к Акрополю. Но имея Акрополь с афинским гарнизоном в тылу, отрезанные от своего лагеря и раненой царицы, амазонки оказались в окружении. Постепенно они прекратили и стрелять.

Идас с помощью Агамеда вернул серпы колесницы в походное положение, и она подкатила к Конниду, сидящему на своей смирной лошадке среди гоплитов, участвовавших в атаке фалангой. Старик уставился на строй амазонок и не заметил появления Тесея.

– Коннид, как думаешь, почему они не стреляют? – прокричал царь.

– Поистратили уже стрелы, Тесей, берегут их для прорыва, – был ответ. – Эх, если бы у меня были такие же лучники, как лучницы у царицы Пентеселии, и довольно стрел! Мы бы сейчас их просто расстреляли бы с безопасного расстояния – и конец войне... Ох, будто что-то ударило меня по правому плечу...

Но схватился Коннид не за плечо, а за горло. В следующее мгновение он сполз со спины лошадки и свалился на землю. Хотел ещё что-то сказать, но не смог. Замер неподвижно. Тесей спешил и бросился к нему. Стрелы торчали только в щите, Коннид

уже не дышал. Сердце у царя сжалось, однако, поднимаясь с колен, он сообразил, что такой смерти очень многие позавидовали бы.

– Прощай, славный мой наставник, – промолвил Тесей, снимая не без опаски шлем.
– Мы сделаем по последнему слову твоему. Конец проклятой войне! Трубач, труби до тех пор, пока эти злые бабы не поймут, что мы предлагаем им перемирие.

Глава 27

Афины, Крит

Испытание юной Федрой

Война с амазонками закончилась так же необычно, как и начиналась. Промыкавшись двое суток с голодными лошадьми в окружении под Акрополем, амазонки согласились на переговоры. Их вела Меланиппа, младшая сестра Антиопы и Пентесилеи. То, что она также, как оказалось, участвовала в походе, немало удивило её шурина. Тесей требовал возвращения всех трофеев, всей военной добычи и компенсации пленным за унижения. Меланиппа, обезображенная ещё в детстве случайным ударом меча, держалась весьма надменно и тяжело соглашалась на уступки.

Одновременно советники Тесея вели два расследования. В порту Фалера Солон должен был установить, как появились там амазонки, а для поисков раненой Пентесилеи в восточных кварталах Афин Тесей дал Идасу в помощь Кирила, а после краткого размышления – и Агамеда. Он вспомнил слова покойного учителя Коннида о том, что между воином и его оружием возникает мистическая связь, и понадеялся, что Агамеду будет легче найти убийцу Антиопы.

Задача Солона оказалась куда более простой. В портовом посёлке Фалере у бухты жили выходцы из Афин, простой греческий люд. Эти корабельщики, кузнецы, корабельные плотники, грузчики и не думали сохранять тайны пришлых амазонок. Почти сразу же выяснилось, что женское войско доставил флот Крита по приказу кносского царя Девкалиона. В Фалере ходили слухи, будто Пентесилея и Девкалион договорились, что критские моряки вернутся в бухту за амазонками в начале осени, в середине месяца пианопсиона. Проверить слух можно было, спросив о нём на переговорах у Меланиппы, но разве не понятно, что она или не пожелает ответить, или солжёт? Возник и более реальный план вымучить ответ у Пентесилеи, придав осмысленность вымечтанным Тесеем предсмертным пыткам, но её сначала требовалось поймать.

Идас хорошо запомнил двор, через забор которого перепрыгнула с дротиком в спине царица амазонок, и вечером после согласия Меланиппы на перемирие Тесей послал его, Кирила и Агамеда туда на колеснице.

– Да ведь тут живёт портной Сирил! – воскликнул Агамед. – Он шил мне хитон на первое моё жалование как советника.

Ворота оказались запертыми, а вот калитка нет. Советники приготовили оружие, взяли у возничего по зажжённому факелу. Во дворе лежал раб средних лет, убитый мечом, в скромно убранных комнатах дома они нашли ещё четырех мёртвых домочадцев. Рядом с плешивым мужчиной в триклинии валялся дротик Агамеда и краснела кучка кровавых тряпок.

– Видно, эта сучка сначала велела мужику вытащить из раны дротик, а потом уже зарезала, – предположил Кирил.

– Боги небесные! Это сам Сирил, я его просто не узнал! – воскликнул Агамед. – Смерть исказила его черты.

– Не важно! – рявкнул Идас. – Мы должны обыскать все углы, куда могла заползти эта безжалостная волчица. Видите, она потеряла немало крови.

Поиски по кровавым следам привели на кухню, где сыщики обнаружили обнажённую хозяйку дома с перерезанной шеей, а рядом на полу и на трупе навалом – продырявленный дорогой панцирь, шлем с плюмажем и прочее снаряжение.

– Сомнений нет, что сучка переделалась в домашнюю одежду несчастной афинянки, – пробормотал Агамед. – Но неужели она решилась в таком виде выйти на площадь? Что-то не верится мне...

– Если решилась убить целую семью... – протянул Идас. – Надо искать. По кровавым следам.

И к тому времени, когда факелы уже почти догорели, и пришлось зажигать от них новые, Кирил обнаружил пятна засохшей крови на гребне высокого каменного забора, за ним лежала соседняя усадьба, она выходила на улицу, ведущую к Ликею. Кровь нашлась и на большой бочке, прислонённой к забору.

По стопам царицы амазонок следуя, Идас и Кирил удачно преодолели препятствие, а вот под могучим Агамедом бочка рассыпалась, и пришлось его втягивать на верхнюю часть забора. Увы, и в этом дворе они не нашли изнемогшей от раны и убийств Пентесилеи, а только новые трупы и кровавые тряпки.

– Тут она заставила сделать себе перевязку, – сделал вывод Кирил. – Железная баба!

– И вышла из двора напротив Ликея, нашей твердыни! – воскликнул Идас. – На неё просто не обратили внимания, и она затерялась в восточных кварталах Афин.

– Где-то отлеживается сейчас, скорее всего в одном из храмов, – предположил Агамед. – Боюсь, нам придётся возвращаться к царю ни с чем.

У Тесея хватило других забот, кроме поисков жестокой царицы Пентесилеи, да и преследователи её нужны были ему и в Афинах, и в Фалере. Война завершилась в огромной неразберихе. Ещё амазонки оборонялись под Акрополем, а сокровища их лагеря на площади успели разграбить. При этом отобранное у одних афинян обогатило других, более предприимчивых, такова же оказалась и судьба царской казны. Если в начале настоящей войны афиняне жестоко расправлялись с амазонками, застигнутыми в мирных кварталах города, то после заключенного в начале осенних холодов мира начали лечить раненых и хоронить трупы воительниц.

Удалось устроить и отправку амазонок, оставшихся в живых, на родину. Кормчий Навсифой сумел несколькими афинскими боевыми кораблями заблокировать в бухте Фалера критский флот, пришедший, как и было договорено с амазонками. Воинов на кораблях из Кносса не было, только корабельщики. После долгих переговоров на половину кораблей Тесей посадил амазонок, а вторую половину флота оставил Афинам как репарацию за враждебные действия Девкалиона и за разграбление амазонками города. Вот тогда-то и вспомнил он снова о царице Пентесилее.

Перед пристанью Дедал за одну ночь построил забор с калиткой. На посадку амазонки пропускались по одной, при этом безжалостно отбиралось всё награбленное имущество или только похожее на взятое в городе. А Тесей, Идас и Агамед, сидя тут же, сверлили взглядом каждую амазонку, уверенные, что сумеют узнать Пентесилею. Однако заполнился оборванными и грязными воительницами последний корабль, а царица так и не появилась.

Когда же до Тесея стали доходить вести о стычках амазонок с греками под Мегарой, Херонеей и совсем уж далеко на северо-запад, в Кинокефалах, он понял, что Пентесилея сумела тайно вывести часть своего войска за стены Афин и надеется вернуться в свою страну по суше. Через несколько лет купцы рассказали, что видели Пентесилею в Трое на празднествах в честь Афродиты. За эти годы желание отомстить за убийство жены перегорело в Тесее, он был сильно увлечён восстановлением Афин после гротескного нашествия амазонок. Вместе с советниками он выявил граждан, позволивших себе не взять в руки оружия при изгнании амазонок, и добился лишения афинского гражданства и выселения из Аттики дема стирийцев во главе с их вождём Петеем. Эти заячьи души, однако, далеко не ушли и основали в Фокиде город Стирис.

Можно сказать, что великий город и сам зализывал себе раны, словно огромный медведь. Унижения мужчин-афинян были смыты конечной победой, а перераспределение

богатств в результате военных действий казалось Тесею в чём-то и справедливым. Ограблены ведь были более трудолюбивые и богатые афиняне, а то, что их ценности попали в руки бедноты, явно уменьшало в городе имущественное неравенство. В этих условиях он и о потере казны не жалел: в конце концов, её составляли дани и налоги, полученные с горожан, стало быть, нет ничего зазорного в том, что они вернулись назад. Зато сам он в результате войны получил замечательные запасы оружия и снаряжения, не говоря уже он о половине критского флота, на которую у него были свои виды.

Дело в том, что Тесей, погоревав по Антиопе, снова начал подумывать о женитьбе. И всё чаще вспоминался ему совет незабвенной Ариадны жениться на её сестре Федре. При этом, конечно же, юная Федре представлялась ему такой же красивой и ребячливой, как и тайная его любовница. Иногда он в воображении своём переигрывал события после победы над Минотавром, и тогда казалось Тесею, что брак с ним был бы для своенравной Ариадны куда более счастливым, чем союз с лукавым Дионисом.

Постепенно молодой царь замыслил большое военно-политическое предприятие, где его женитьба на юной Федре одновременно послужила бы прекрасным поводом для улучшения афино-кносских отношений, мир и союз между этим тогда наиболее мощными в военном отношении державами упрочивал бы мир во всей Элладе. На сей раз Тесей тщательно подготовился. Маленького Ипполита и его сводных братьев Меланиппа, сына Перигуды, и Зеофанеса, сына Перибей, он отправил на воспитание к деду своему царю Питфею в Трезен. Сделал он это для того, чтобы обезопасить детей во время своего отсутствия. Если, воротившись из Калидона, он застал в стенах Афин торжествующих амазонок, то есть ли гарантия, что доброжелатели Петеоя не впустят в город спартанское войско?

Вместо себя Тесей оставил Агамеда как стратега, а Солона снова как судью. В походе флотом командовал Навсифой, гоплитами, они же и гребцы – Федим, а на себя Тесей взял общее руководство. После долгих споров, кроме девяти боевых кораблей, Совет решил отправить в Кносс тридцать купеческих судов из захваченного возле Фалера критского флота, загрузив их товарами афинских купцов в сопровождении приказчиков. Тесей с Навсифоем выбрали для себя испытанную бурями «Полибию», Федим поплыл на триреме прошлого года постройки, «Коршуне».

Дождавшись попутного ветра, афинская флотилия вышла из бухты Фалера в открытое море и быстро достигла Кикладских островов. Оставив Кеа слева, в первый раз она бросила якоря у острова Кифноса, а потом, как водится, кормчий Навсифой старался не выпускать из виду землю вплоть до острова Милоса. Оттуда, снова дождавшись попутного

ветра, афиняне решились на прыжок через открытое море прямо на север. Рассчитывал опытный кормчий, что мимо Крита не проскочит – и не промахнулся.

Они увидели характерные очертания гор на Крите поздним утром, а уже в полдень подходили к порту Амнесос. Теперь уже хорошо можно было рассмотреть белые дома портового городка, реку, протекающую через него, корабли у причала. Кносс, расположенный на возвышенности в нескольких стадиях от моря, прятался за полдневной дымкой.

– Не будем ждать разрешения, бросаем якоря на свободных местах в порту, – предложил Тесей.

– Согласен, – кивнул Навсифой. – Корабли у причалов не военные, да и вооружённых людей на них не вижу... О, да это же старые наши знакомцы! Те посудины, на которых убрались демонские амазонки!

Тесей присмотрелся. Разделить уверенность кормчего он не смог бы, но что критские корабли сильно потрёпаны, заметил. Краска содрана, многое из корабельного дерева сломано, моряков на палубах почти не видно. Он обернулся к трубачу:

– Труби «Тревогу»! Потом «Делай, как я!».

Весьма беспечно, без доспехов, Тесей и Навсифой переправились на берег в челноке. Кормчий убедился, что глубина в гавани небольшая, и гоплиты с «Полибии», навязав на себя панцири, поножи и вооружившись, попрыгали в воду и, добредя до берега, вышли на его песок, будто некое войско властителя морей Посейдона. С «Коршуна» высадился Федим во главе другой тридцатки воинов, и принялся выстраивать их в цепь.

Критяне попрятались. Тесей прислушался и поднял руку, останавливая говор гоплитов, оживлённых после нежданного купанья и высадки на твёрдую землю. Теперь уже все слышали удаляющийся топот копыт. Скакал вестник к царю Девкалиону, брату сладкой Ариадны и загадочной Федры. Копыта его коня стучали по каменистой дороге в Кносс, десять лет тому назад бывшей для Тесея и Федима дорогой сначала к страшной смерти, а потом к жизни и свободе.

Гоплиты успели высохнуть и соскучиться, когда снова донёсся звук копыт и на пристани показалось три всадника, один в красном плаще, второй со стягом Кносса и третий – трубач. Всадник в красном плаще неуклюже спешился, а поднявшись с земли, сдвинул коринфский шлем на затылок и поднял руку, показывая, что желает говорить.

– Ты ли это, десятник Херил? – присмотревшись, удивился Тесей. – Не побаливает ли у тебя рука?

– Я это я, царь. Только не десятник я давно, а эномарх по-вашему. Замещаю главного стратега. Руки у меня в порядке, но ты, царь, задолжал мне меч.

Тесей рассмеялся.

– Спасибо, что напомнил, Херил. Теперь правь своё посольство.

– От царя Девкалиона царю Тесею. Оставь у себя Херила заложником. Если с войной пришёл – пошли ко мне своего посла с требованиями. Если с миром – приходи сам с десятком свиты, поговорим дружески. Богами небесными клянусь, что твоя безопасность обеспечена.

– Мы приплыли с миром, Херил, мы хотим быть гостями Кносса, и ты как заложник мне не нужен. Дай мне коня, и мы вместе поедem к твоему царю.

Подумав, Херил велел спешиться трубачу, и тот подвёл своего коня к камню, поставленному в порту специально для удобства посадки на коней. После Тесея Херил и сам забрался на коня. Сопровождаемые только кносским знаменщиком, они поскакали в царский дворец.

Пересекая Кнос, Тесей изумился огромности столицы Крита. Поневоле подумалось: если коварный Девкалион захватит одинокого гостя в плен, афинянам во главе с Навсифоем и Федимом не удастся его освободить вооруженной рукой. Как нарочно, слева нарисовался мрачный Лабиринт, и Тесей невольно отвёл глаза. Что ж, если уж вся Греция убеждена в твоей отчаянной храбрости, необходимо поддерживать репутацию.

Они без препятствий проехали к величественному дворцу. Пока Херил общался со сторожами, Тесей на скорую руку осмотрел это древнее сооружение. Показалось оно ему слишком пёстрым, а составные части – чересчур разномастным. Нет, он не согласился бы перенести этот дворец целиком в Афины, там царский дворец не должен сильно отличаться от построек, привычных для глаз горожан.

Ну, спешились, наконец. Один из сторожей повёл гостя и посла по бесчисленным коридорам и переходом. Лабиринт, да и только, красиво фресками украшенный. А вот и тронный зал. И на троне – молодой ещё человек в золотом венце.

– Живи вечно, Девкалион, царь Кносса, – склонив голову и правую руку приложив к груди, приветствовал его Тесей.

– И ты живи вечно, Тесей, царь Афин, – ответил молодой человек. – Я уже понял, что ты прибыл к нам с миром. И хотел бы услышать, что ты предложишь Великой державе Крита.

– Да я всё скажу, Девкалион, – заверил Тесей и обвёл взглядом обширный и аляповато украшенный тронный зал. – Вот только пусть мне поставят сиденье. Ноги устали у меня.

На самом деле он не хотел дольше оставаться в положении просителя. Впрочем, по знаку Девкалиона раб приволок резной табурет, и вспоминая об Ариадне, гордо

восседающей на подобном произведении кносского искусства у фальшборта «Полибии», нахлынули на Тесея. Он уселся и откашлялся.

– Да будет тебе известно, царь, что сестра твоя, царевна Ариадна, ныне супруга всеблагого к нам Диониса, посоветовала мне жениться на вашей с нею младшей сестре Федре. С неженской проницательностью она предвидела, что такой брачный союз был бы полезен обоим государствам, и Афинам, и Кноссу. Я уж несколько лет как вдовец, и мне вспомнился этот совет. Однако...

– Однако – что? Почему ты замолчал, славный Тесей? – усмехнулся Девкалион.

– Однако я почти ничего не знаю о царевне Федре, даже не знаю, жива ли она. Сколько ей теперь лет? Не кривобока ли? Ты уж меня извини, но для меня это важно... Да не вышла ли она уже замуж? Согласна ли будет пойти за меня? Ведь девушки у вас, тем более царевны, весьма самостоятельны. Примешь ли ты, царь, выкуп за невесту, если моё сватовство будет успешным?

Хозяин дворца захихикал, а в зале раздался шелест шелковых тканей. Из-за занавесей появились две женщины в роскошных одеждах и просеменили к креслам по обе стороны трона. Сели, не оглянувшись, на мгновенно пододвинутые кресла и дружно уставились на гостя. Гибкая, похожая скорее на подростка, чем на взрослую девушку, царевна могла быть только Федрой, а пожилую, в золоте и драгоценных камнях, ярко окрашенную толстуху он определил, как печально знаменитую Пасифаю. Заговорили обе одновременно.

– Как вы посмели выдавать мою дочь замуж без меня? – воскликнула Пасифая.

– Тебе солгали, Тесей, будто я кривобокая! – пискнула Федра.

Цари переглянулись, расхохотались – и ощутили взаимную приязнь. Тесей боялся присмотреться к личику царевны – а вдруг там родимое пятно или навсегда застыло выражение брезгливости? Обидно было бы приплыть в такую даль и возвращаться ни с чем. Однако решился-таки взглядеться. Слава богу, личико чистое, а комически серьезная мина и точёные черты лица напоминают Ариадну. Очевидно, не замужем, раз в отчем доме живёт, а сохранила ли девственность, так прямо не спросишь...

– Или мне обнажиться перед тобой, Тесей? – не унималась царевна.

– Обнажиться прямо сейчас, доченька, это чересчур, – ухмыльнулась Пасифая. – А вот станцевать перед нами и гостем, это будет славный выстрел в цель. Хотя бы и твой любимый танец с киликом.

Федра соскочила с кресла, всплеснула тонкими руками.

– Так я помчалась переодеваться! А вы давайте все на Дедалову площадку.

– Что ещё за Дедалова площадка, царь? – удивился Тесей.

– А это Дедал, твой земляк, по просьбе Ариадны выбрал в саду у дворца удобное место для хороводов и вымостил хорошенько. Получилась этакая каменная лепёшка, сухая после любого ливня. Пойдём туда, Тесей, а по дороге поговорим о выкупе.

Девкалион и не надеялся уже получить назад корабли, сдуру отряженные в варварские земли за амазонками, поэтому сразу же согласился на предложение Тесея оставить в порту Кносса двадцать пять купеческих судов, а на остальных возвратить на родину афинских купцов. На радостях он даже отказался от пошлины на привезённые товары.

Они покинули дворец и оказались в цветущем саду, возле белёсой, местным камнем тщательно вымощенной площадки. Рабы несли за ними кресла, установили их на краю круга, и цари смогли продолжить свой весьма важный разговор в относительном комфорте. Тесей, во всяком случае, не упустил шанса:

– Ты бы очень обязал меня, царь, если бы прямо сейчас отправил гонца в порт с разрешением для афинских купцов. Что они-де могут выгружать товары, доставлять их в Кносс на рынок и торговать беспошлинно.

– А ты хитёр, мой будущий шурин! – погрозил ему пальцем улыбающийся Девкалион. – Хочешь, чтобы твои торговцы распродали товар даже в том случае, если ты не женишься на Федре. Напрасны твои опасения, и ни к чему твои уловки, премудрый Тесей! От моей сестрицы тебе уже никуда не деться.

Улыбнулся ему в ответ Тесей, но как-то растерянно. А на площадку тем временем выплыли, пританцовывая, музыкантши, три флейтистки и три девушки с тимпанами. Переглянулись – и грянули быстро, весело, ритмично. И уже под эту музыку как-то неожиданно, будто спрыгнула с пинии, перед зрителями появилась Федра.

– Могла бы предупредить, что побежала раздеваться, а не переодеваться, – буркнул Тесей сквозь зубы. Сказанное никто не расслышал, а Девкалион радостно закивал в ответ:

– Я так и думал, что тебе понравится, Тесей! Когда этот танец исполняет настоящая танцовщица, просыпаются гости, задремавшие на пиру.

– Да будет тебе, жених, кукситься, – ухмыльнулась Пасифая. Видимо, она удачнее расшифровала бурчание гостя. – Этот танец Федра танцует только для нас, для семьи.

Музыка оказалась весьма непривычной для уха материкового грека, да и танец такой ему раньше видеть не доводилось. Начать с того, что музыкантши с появлением Федры незаметно освободились от одежд, так что танцовщица, замотанная весьма небрежно в полоску красного шёлка, на их фоне показалась вполне одетой. Танец состоял в том, что девушка извивалась, как змея, легко подпрыгивала, кружилась, становилась на колени,

ложилась на камни, вставала – и всё это время держала перед собой на уровне глаз килик, налитый вином.

Впоследствии не раз пытался вспомнить Тесей, когда именно впервые почувствовал, что вот-вот сделает большую ошибку, в тот момент или всё-таки позже?

Музыка резко оборвалась, музыкантши поклонились, одновременно прихватывая с камней свои одеяния, а Федра выпрямилась, сделала два шажка к Тесею и протянула ему килик с так и не расплескавшимся вином. А вот полоска красного шёлка соскользнула с её плеча и окончательно обнажила маленькие, но красивых очертаний груди, очень похожие на сладостно целованные Тесеем груди Ариадны. Федру взгляд гостя, внезапно замутнённый желанием, не смутил, она открыто улыбнулась ему.

И Тесей не смог не ответить ей улыбкой, однако вынужден был сказать:

– Благодарю тебя, милая Федра, и за искусный танец, и за угощение вином. Но я вина не пью с рождения моего, только кикеон.

Царевна поднесла килик к губам и выпила залпом. Бросила посудинку на землю и убежала. А в ноздрях Тесея остался аромат кардамона, резкий запах крепкого вина и аромат разгоряченного тела юной девушки, снова напомнивший её старшую сестру.

– Надеюсь, я не обидел царевну своим отказом? – пробормотал Тесей.

– Напротив, – ухмыльнулся царь Кносса. – Хоть мы тут и даём девушкам больше воли, чем вы, однако вино им запрещено. Федра только довольна, что получила возможность опустошить килик.

– А что такое кикеон? – спросила Пасифая.

Улыбнувшись ей в ответ, Тесей осведомился, глядя в сторону:

– Далеко ли вы, критяне, заходите, давая волю своим девушкам? Сохраняют ли невинность у вас невесты?

– У каждого народа свои обычаи, – рассудительно заметила Пасифая. – Я вот понятия не имею, что такое кикеон, а тебе, чужестранец, непонятно, как наши мужчины женятся на девицах, потерявших девственность.

«Вот только нет на свете народа с обычаем у замужних женщин отдаваться быкам», – подумал Тесей с удивившей его самого злобой, однако промолчал. Собравшись, пояснил любезно:

– У нас девушки, почтенная царица, подражают богине-девственнице Афине, покровительнице нашего полиса. Об обычаях в этой сфере ваших девиц мне известно только то, что ты и царь, сын твой, мне поведали.

Царь Девкалион заговорил, улыбнувшись своим мыслям:

– Мать моя, царица Пасифая, правильно сказала. Сколько народов, столько и обычаев. Ты же не станешь требовать, Тесей, чтобы моя сестрёнка воспитывалась у нас по вашим, афинским обычаям. Она сызмальства знала, что это ей решать – сохранять или нет девственность до брака, а будущему мужу до того дела нет. Тебе в утешение могу поклясться водами Стикса, что мне ни о каких любовных связях моей сестры Федры неизвестно.

Тут Тесей вспомнив кое-что из девичества Ариадны, поинтересовался, не обращался ли царь Кносса к Дельфийском оракулу по поводу судьбы младшей сестры.

– Конечно же, обращался! И щедро одарил храм в Дельфах. Пифия сказала нечто непонятное, как всегда, но в целом нагадала хорошее. Жрец несколько разъяснил тёмное прорицание стихами, да вот беда: я их не помню.

– Зато я, мать Федры, запомнила, – криво усмехнувшись, вмешалась в разговор мужчин Пасифая. – Вот что затвердил наш посол:

Ждёт вашу деву союз с богонравным героем,
Только в любви меру она превзойдёт.

И я не думаю, что речь идёт о любви вот именно к супругу.

Но последние слова царица произнесла так тихо, что Тесей их не расслышал. Тем более, что зрители шелестели одеждами, поднимаясь с кресел.

Они вернулись во дворец, на этот раз в пиршественный зал. А там уже и Федра сидит на резной скамейке, скромненькая такая, глазки потупила. Тесей и решился:

– Скажи-ка мне, царь, какими словами по вашим обычаям должен я попросить у тебя руку твоей сестры царевны Федры?

Улыбаясь, протянул царь Девкалион свою руку, унизанную перстнями, и похлопал Тесея по могучему плечу.

– Друг мой, больше ничего говорить тебе не нужно. У нас, у критян, сватовство осуществляется просто и не требует определённых ритуалов и речей. Но вот свадьбу мы играем пышно, и начинаем, ты это заметь, в доме родителей невесты. Так что придётся тебе пировать с нами три дня. Значит, вызывай сюда свою свиту, пусть тебя стригут, бреют, моют, одевают. А вечером приходи со свитой в этот зал, где нас уже будут ждать накрытые столы. Ты беспокоился о купцах? Так пусть они торгуют беспошлинно, а их старейшину я приглашаю на свадьбу моей сестры.

А Тесея словно в сердце кольнуло – таким острым было ощущение совершаемой вот сейчас ошибки, однако он чувствовал и то, что влеком могучим течением и остановиться не может. Уже вечером, на первом из трёх свадебных пиров, он исподволь выспросил у смешливого Девкалиона, когда по местным обычаям положено ему осуществить

супружеские права. Оказалось, что после третьего пира гости проводят супругов в спальню. Дождаться этого момента оказалось непросто. Кикеона в Кноссе не готовили, после совещания с заботливым Девкалионом Тесей попробовал заменить вино гранатовым соком. Напиток этот хранили, как и вино, в амфорах, и в одной сок уже перебродил. Хлебнув его, афинский царь испытал новые для себя, но отнюдь не безусловно приятные ощущения. И у него не возникло желания пересмотреть свой отказ от хмельного питья.

Но вот настал он, миг вожделенного уединения с юной невестой. Гости продолжали пировать, музыка и пьяные крики звучали, казалось, прямо за расписной стеной. Тесей припомнил, как Перибей мечтала в Лабиринте, что они вместе возлягут в душистых венках на мягкой траве, среди сладостного дыхания аниса и аромата ландышей. Бывшая вострушка-простолоюдинка теперь царица Саламина и, говорят, родила Теламону сына-богатыря.

Уже обнажённый, он поглядел на Федру, утонувшую в пышной постели. Один носик, право же, торчал. Не удержался, спросил:

– Не лучше ли было бы нам совершить первое соитие в лесу на лужайке?

– Нет, не думаю, – прозвучало из перин. – Тут хоть запереться можно, что ты и проделал. Я, знаешь ли, в том убедилась. А на лужайке? Какой-нибудь простолоудин может подсмотреть за нами, камешек вонзится мне в бедро, мышшь зашуршит в сухих листьях и напугает, муравей укусит в самом неподходящем месте... Нет, в спальне удобней.

– Плохо же ты обо мне думаешь, если предполагаешь, что я могу уложить тебя на муравейник, – усмехнулся жених. Настроение у него внезапно поднялось.

– Да я о тебе вообще не думаю, герой. Я хочу, чтобы поскорее закончилось то, что ты сейчас замышляешь. Вытерпеть и поскорее забыть пережитое с тобой унижение.

– А как же тогда любовь? – не успев обидеться, ляпнул он.

Она подняла над периной красиво причёсанную голову, чтобы окинуть его взглядом, дай бог, если не презрительным. Впрочем, масляная лампа давала не много света, легко было и ошибиться.

– Какая может быть между нами любовь, герой? Если не называть, конечно же взаимной любовью обоюдное согласие пожениться.

Разозлившись, наконец, он ответил бессловесно, делом. И оказался, наверное, чересчур груб. Федра хныкала, повернувшись носом к стене, и о продолжении объятий в ту ночь не заходило и речи. А там и пора настала прощаться с новыми родственниками. Приданое Федры состояло из трёх больших коробов с нарядами и драгоценностями, взяла она с собой в плавание и пожилую кормилицу Диотиму.

На «Полибии» молодожёны не сразу возвратились к прерванному телесному познанию друг друга. В тесной каморке под носом корабля они полушёпотом продолжали выяснять отношения, и не раз приходило Тесею в голову, что лучше бы им молча обниматься и целоваться. Ведь он узнал о себе тогда много неприятного – или такого, что показалось ему неприятным.

Прежде всего, оказалось, что Федра вовсе не считает его молодым. В первый раз услышав такое, афинский герой был изумлен.

– Да как же это я не молодой? Мне, милая, всего двадцать семь лет.

– А выглядишь на все тридцать, – возразила она. – И давно я хотела тебе сказать, что тебе надо что-то делать с этой вашей мужской порослью на щеках и подбородке. Если хочешь выглядеть помоложе – брейся каждый день, а хочешь быть противным взрослым дядькой – заводи бороду.

– А для тебя, милая, что предпочтительнее?

– Если раб будет тебя брить ежедневно, каждый вечер, умело и прилежно, я предпочла бы бритьё. Но небритая щетина уже на второй и на третий день отвратительно колется, так что поневоле предпочтёшь бороду, ведь она только щекочет.

– Ладно, я подумаю. А моя причёска? Надеюсь, хоть она тебя устраивает?

– «Чёлка Тесея»? Неужели ты её носишь вот уже не меньше пятнадцати лет – и тебе она до сих пор не надоела? Кроме того, подражать широко распространённой моде у настоящих модников не принято, знаешь ли. А вот почему ты не завиваешь волосы на висках? Не так было бы заметно, что виски у тебя уже седые.

Тесею очень захотелось доплыть поскорее до берега и посмотреть на себя в первой же попавшейся луже, если не добудет сразу же зеркала. Бронзовым зеркалом Федры он почему-то воспользоваться не желал. Впрочем, насчёт своей причёски царь не смолчал.

– Эту причёску мне посоветовали всеблагие богини Афина и Амфитрита, и я не откажусь от неё, пока жив.

– Да богов бессмертных ради! Только уверена, что твоя Амфитрита с тех пор переменяла причёску неисчислимое количество раз.

Наконец, глубокой ночью, под дружный храп команды «Полибии», они продолжили телесные забавы, прерванные в расписной спальне царского дворца. Нельзя сказать, чтобы разочарование молодожёна было полным, нет. Федра раскрыла перед ним объятия честно и даже самозабвенно, однако ему стало совершенно очевидно, что для неё это только докука. Поблагодарив жену за доставленное наслаждение, Тесей не выдержал и спросил:

– Милая, а как я должен был бы вести себя, чтобы завоевать твоё сердечное расположение?

Федра отнеслась к вопросу мужа серьёзно и ответила после недолгого размышления:

– Ну, тебе следовало бы носить меня на руках. Исполнять все мои девичьи капризы. Вот как появится каприз, так и исполнять. Стараться быть нежным со мной. Пусть и не получится у тебя, но всё равно стараться. Приставать ко мне только тогда, когда этого мне самой захочется. Этому я тебя сумею научить. И главное. Выслушивай до конца то, что я тебе говорю. Нечего сразу корчить такую рожу, будто заведомо известно, что я ничего не могу сказать умного. Это ещё не всё. Ты подожди, я, быть может, ещё что-нибудь важное припомню.

Тесею, наверное, стоило, пользуясь досугом во время морского плавания, вырезать эти наставления юной жены на дощечке и затем уж если не держать дощечку постоянно перед глазами, то и не засовывать её далеко. Однако, чем ближе подплывали афинские корабли к родной гавани, тем чаще он чувствовал себя не только взрослым мужем вздорной девчонки, но и царём великих Афин.

ЗАКАТ ГЕРОЯ

Глава 28

Афины, Фессалия

Дружба с лапифом Пирифоем и свадебная война с кентаврами

Большая была радость для Тесея узнать от рыбаков и грузчиков Фалера, что в Афинах, насколько этому простому человеку известно, всё обстоит благополучно. Тотчас же в великий город поскакал гонец, и Солон с Порфирионом устроили царской чете торжественную встречу. Казна наполнилась во время отсутствия Тесея, так что он получил возможность по-царски наградить искусного кормчего Навсифоя, верного Федима и всех гоплитов, плававших с ним на Крит. Были довольны путешествием и купцы-спутники, немало обогатившиеся и строившие уже планы новых торговых поездок в Кносс.

Празднества закончились, начались будни. Повседневные государственные занятия быстро отодвинули на задний план сердечную смуту с Федрой. Из предложенных юной супругой мер для укрепления их союза Тесей выбрал самую простую для себя. Каждое утро перед завтраком он брал Федру на руки и при хорошей погоде обходил в таком положении вокруг дворца, а в дождь или снег носил её из комнаты в комнату. При этом они всегда

разговаривали, точнее, Федра высказывала свои обиды и претензии, а Тесей обсуждал их с ней и старался найти решения, чтобы удовлетворили обоих. Он ей того не говорил, но первая беременность Феды сделала из этой ежедневной утренней прогулки неплохое атлетическое упражнение, ведь вес её возрастал с каждым днём. Через века, когда прославился богатырь Милон Кротонский, некоторые историки заметили, что его способ развивать свою силу, каждый день перенося на плече бычка через ручей, на самом деле был придуман знаменитым Тесеем.

Время шло. Федра родила своему мужу Демофонта, а потом, почти сразу же забеременев снова, – Акаманта. После вторых родов она почувствовала, наконец, вкус к супружеским объятиям, но к этому времени успел во многом угаснуть интерес к ней Тесея. Сказанное ею он привык считать глупостями, не трудился проникать в смысл её парадоксов и иносказаний, и его всё больше занимала дружба с царём лапифов Пирифоем.

Вообще-то Тесей и Пирифой познакомились ещё в конце Калидонской охоты, но Пирифой придумал весьма оригинальный способ подружиться со знаменитым героем. Он украл принадлежащее царю Афин стадо коров и, не слишком торопясь, погнал его в сторону своей Фессалии. Опросив ошеломлённого пропажей пастуха, Тесей понял, что похитителей немного, разыскал в оружейной комнате прославленную дубинку, вооружился ею и поскакал по коровьим следам. Чувствовал он себя прекрасно: будто юность вернулась, когда он, никому ещё не известный, в одиночку, без панциря и шлема побеждал разбойников.

Овеваемый свежим утренним ветерком, царь догнал стадо за рощей Академия. Похититель оказался всадником, одетым и снаряжённым чересчур роскошно для обычного коровьего вора, и Тесей призадумался, уж не Гермес ли вздумал повторить свой младенческий подвиг, соблазнившись царскими коровушками? Но тут всадник развернул коня и ударил коленями в его бока. Тесей узнал в воре Пирифоя, царя лапифов, своего шапочного знакомца по Калидонской охоте – и удивился ещё больше.

А Пирифой, подскакав, бросил к его ногам дротик, тупым концом которого подгонял коров, и прокричал:

– Век живи, славный Тесей! Вот, разоружаюсь перед тобою и прошу быть мне судьёй! Готов принять от тебя любое наказание!

– Здравствуй и ты, царь лапифов! – не сразу ответил Тесей. – Скажи, чем тебе так понравились мои бурёнушки?

– Мне понравился способ обратить на себя твоё внимание, великий герой. Допустим, бросил бы я копье, и воткнулось бы оно в ворота твоего дворца. Ты расценил бы такой поступок не иначе, как объявление войны с моей стороны. Ведь правда?

– Допустим, – прогудел афинский царь, убирая руку с рукоятки дубинки.

– А кража коров, как все понимают (либо должны бы понимать), это подражание подвигу младенца Гермеса, укравшего коров у Аполлона. То, что бог совершил ту кражу, как бы облагораживает её – разве нет? И это уже не воровское дело, а некий символический акт.

– И ты хочешь сказать, Пирифой, что сам такое придумал? – прищурился Тесей.

– Да где уж мне? Придумал только что сказанное мудрый кентавр Хирон и заставил заучить на память.

Расхохотавшись, Тесей спешился и протянул Пирифойю руку. После крепкого рукопожатия сказал:

– Знаешь ли, Пирифой, мне давно хотелось завести друга. Такого, чтобы был равен мне по силе и доблести, однако не умнее меня. Или пусть будет умнее, но ненамного. А главное, о чём я мечтал, – это о том, чтобы друг никогда мне не врал. А ты не соврал мне в Калидоне, не соврал и только что, хоть вполне мог идею этого кентавра приписать себе. Я с удовольствием подружился бы с тобой, царь.

– А я о том только и мечтаю, – со слезами на глазах промолвил Пирифой. – И предлагаю скрепить клятвою наш дружеский союз и обещание помогать друг другу против врагов.

И когда они поклялись, оба призвав в свидетели клятвы Зевса, Пирифой признался, что приехал пригласить Тесея на свою свадьбу. С красавицей царевной Гипподамией, дочерью Бута, сына бога Борей.

– Заодно ты увидел бы нашу землю, лапифов, познакомился бы с нашими обычаями. О нас в большой Элладе мало знают, живём мы на отшибе, водимся больше с кентаврами.

– Благодарю тебя и с радостью принимаю приглашение. Однако скажи мне, правда ли, что кентавры...

– Лучше будет, если ты увидишь всё своими глазами, – улыбнулся царь лапифов. – А поехали прямо сейчас, а?

– Я бы с радостью отогнал на твои луга это стадо как свадебный подарок, – ответил Тесей, подумав. – Да только у меня во дворце опять пищат два маленьких сосунка. Не могу лишиться их молока, друг. Предлагаю вернуться в мой дворец, я распоряжусь на время отсутствия, прихвачу с собой достойные свадебные подарки тебе и твоей невесте, а себе доспехи, запас на дорогу и оруженосца.

И Тесей покинул Афины на два месяца с лишним, оставив Федру не в лучшем настроении. Возвратился в синяках и с зажившими ссадинами, а оруженосец Идас приехал, подвесив левую руку на перевязи.

Тесей созвал совет в триклинии, пригласив на него царицу и стряпуху Феону. Женщины, чтобы смягчить нарушение обычая, принесли с собою шитье, а Федра привела с собой свою кормилицу Диотиму. Впрочем, Тесей отправил назад в геникей эту расфранченную на кипрский манер старуху. А Федра и Феона о своём присутствии, само собой, не пожалели: удивительные вещи предстояло им услышать из первых уст! Начал царь-путешественник, однако, с того, что сам народ лапифов объявил вполне обычным.

– Они и выглядят как заурядные греки из глубинки, ибо мало чем в одежде и обычаях отличаются от жителей того же Трезена. Лапифы живут в домах и пещерах трёх городков в окрестностях берегов реки Пеней в Фессалии, а столица у них Лариса. Самое же удивительное в них, это их прежняя дружба с кентаврами, родственным им народом: предание лапифов говорит, что кентавров породила богиня Нефела или Облако, после соития с одним из предков лапифов, Иксионом. Он-то был обманут: боги подсунили ему двойника Геры, в которую несчастный влюбился на пиру в Олимпе. Да ещё и похвастался перед смертными, что возлегал с Герой. Этого Зевс уже не вытерпел. По его приказу Гефест выковал колесо с крылышками, распял на нём Иксиона, Афина привязала на колесо змей, и теперь Иксион вечно летает на этом колесе в Аиде.

– Судя по этой истории, боги Олимпа теснее живут с лапифами, нежели с нами, – грустно заявил Порфирион.

– Возможно, это потому, что гора Олимп высится в Фессалии, а не у нас в Аттике, – согласился Тесей. – Но я очень надеюсь, что сын Иксиона Пирифой, мой самый близкий друг, будет держаться от небожителей подальше. Ведь Иксион, его отец, не пострадал бы столь жестоко, если бы не благосклонность к нему великого Зевса.

– А ты не запутался ли, муженёк? – осведомилась Федра насмешливо. – Только что ты поведал о том, как жестоко Зевс велел его покарать.

– Не сомневаюсь, жёнушка, что в гинеее эту историю рассказывают получше, – ядовито заметил Тесей. – Однако же я не запутался. Великий Зевс облагодетельствовал Иксиона раньше, чем этот дерзкий грубиян посмел волочиться за его супругой. Когда Иксион женился, он пообещал своему тестю Деионею богатый свадебный дар. А поскольку жених не выполнил обещания, тесть забрал у него в залог коней. Тогда Иксион пригласил Деионею к себе в гости и столкнул в яму, где пылал хворост, а сверху прикрытую досками. Говорят, что это первое в Элладе убийство близкого родственника возмутило богов и людей настолько, что никто не захотел дать Иксиону очищение. Только Зевс заинтересовался наглостью лапифа и, желая присмотреться к убийце поближе, очистил его и даже пригласил на трапезу небожителей. Чем это закончилось, вы уже знаете.

И Тесей обвёл слушателей внимательным взглядом, чтобы убедиться, что на сей раз все его поняли. И бойкая на язык Федра тоже. Да, вон и она кивнула, опустив глаза на своё шитьё. Воодушевлённый этим успехом, царь толково и связно рассказал о потрясших царство Иксиона новейших событиях, где и без его участия не обошлось.

Согласно обычаям, свадебный пир должен устраивать отец невесты, но Бут, отец красавицы Гипподамии, давно погиб. Его разбойные подручные выкрали кормилицу Диониса Корониду, и царь Наксоса сделал её своей наложницей. Коронида пожаловалась Дионису, бог наслал на обидчика безумие, и Бут, прыгнув в колодец, утонул. Так что пришлось Пирифую позаботиться о свадьбе самому.

Царский дворец в Ларисе оказался маловат для многолюдного свадебного празднества, поэтому Пирифой собрал гостей в огромной пещере невдалеке от столицы. Были это лапифы и их родственники, кентавры...

– Богов ради, прости меня, что перебиваю тебя, царь! – взмолился Порфирион. – Но ты видел кентавров, а мы – никогда. Скажи, правда ли, что они от головы до пояса люди, а ниже у них лошадиное туловище, четыре конские ноги и хвост?

– Рассказни невежественных баб, – отмахнулся Тесей. – Действительно, Зевс гневался на их отца Иксиона, когда богиня Нефела рожала прародителей кентавров, и потому наделил их некоторыми очень неблагоприятными свойствами. Кентавры панически боятся огня, а сами в то же время чересчур вспыльчивы, и похоть загорается в них мгновенно. Я заметил также, что они не умеют сражаться обычным человеческим оружием. Однако к тому времени, как потомство Иксиона и богини Нефелы начало подрастать, Зевс успокоился, сменил гнев на милость – и одарил каждого из них замечательной способностью объезжать лошадей и управлять ими. Кентавры не ходят пешком вовсе, только верхом ездят, держатся на спинах коней как влитые, не хуже амазонок, а их лошади в бою сражаются вместе со всадниками. Их копыта немало повыбивали челюстей лапифам в битве, о которой я всё собираюсь вам рассказать, да никак не начну.

– И эти синяки тебе навесили кентавры? – спросил недоверчиво Агамед.

– Да, а некоторые – их кони. Как вы знаете, я считаю себя неплохим мастером борьбы и кулачного боя, да только как уклоняться от прямого удара копытом или как лягаться с кобылой, меня покойный наставник Коннид не учил. Однако я хотел бы сказать всё, что собирался, о кентаврах. Когда они верхом, издали неопытному или восторженному, ждущему чудес глазу вполне может представиться, что всадник и конь – одно существо. И не верьте, если услышите, что уши у кентавров лошадиные, уши у них, как у нас с вами... На чём я остановился?

– Ты начал описывать место свадебного пира, – подсказала Федра и перекусила нитку.

Оказалось, что столики с роскошным угощением были поставлены вдоль всей пещеры, для гостей постелены лапник и ветки тамариска. Однако кентавры уложили у столиков своих коней, улеглись на них и получили возможность поглядывать на безлошадных сверху вниз.

И вот наконец! Как положено, у входа в пещеру затрещали факелы, зазвучал гимн Гименею, и замужние женщины ввели внутрь невесту. Она села в кресло рядом с тронном Пирифоя, и после первых возлияний все только и восхищались её красотой. Однако вино слишком быстро ударило в голову кентаврам, и один из них, Эврит, подскочив к Гипподамии, сорвал её с кресла и, ухватив за волосы, попытался выволочь из пещеры. Тотчас же другие кентавры похватили женщин и мальчиков, вблизи сидящих. Тут уж лапифы повскакивали с мест, и Тесей, понятно, тоже. Он отобрал Гипподамию у Эврита, других пленниц и пленников лапифы также освободили.

А Тесей спросил у Эврита: «Да как ты посмел так оскорбить моего друга Пирифоя, да и меня тоже, хотя мы ещё живы?» Нечего было ответить на это пьяному кентавру, и он молча полез руками в лицо Тесею, желая, наверное, рот разорвать. Но Тесей схватил огромный кратер с вином и разбил его об голову Эвриту, да и голову заодно. Многие лапифы тогда закричали: «К оружию! К оружию!». Вот только оружие оказалось далеко, пришлось сражаться всякой посудой и утварью, что под руку попадёт. А кентавры опустошили при этом домашний алтарь и не побоялись гнева богов.

Про свадьбу все забыли. Разразилась кровавая драка, а поскольку лапифы сумели-таки вооружиться, драка перешла постепенно в избиение безоружных кентавров. Тесей действовал своей заветной дубинкой, а также вырванным из земли дубом. Многих тут кентавров он уложил, а подытожить свои подвиги ему помог Пирифой, когда они после бегства кентавров вернулись на поле битвы осматривать трупы. Оказалось, что, угробив Эврита, Тесей сломал локоть другому кентавру, Афарею, когда тот готовился метнуть в него не камень, а целую скалу. Гигантскому кентавру Биенору он разбил дубинкой лицо и череп, а потом уложил дубом ещё пятерых, в том числе Терей, ловца медведей. Тогда кентавр Демопеон вырвал из земли огромную сосну и метнул её в Тесея. Однако неудачно.

– Сама Афина Паллада, спасибо ей, предупредила меня о летящей сосне, и я легко сумел уклониться, – с гордостью сообщил Тесей.

– Осмелюсь заметить, царь, – отозвался на эту похвальбу с несчастным видом Солон, – лучше бы Афина Паллада остановила судей Дельфиниума, когда они голосовали за предложение предателя Менесфея, сына изгнанного тобой мятежника Петеоя. Они

присудили изгнать тебя на год из Афин, и это наказание за убийство тобой твоего дяди Паллианта и пятидесяти его сыновей, твоих племянников. Прости, но я всё не решался сказать тебе об этом.

– Чепуха противозаконная! – загремел Тесей. – Они ведь один раз уже заседали по этому делу и тогда оправдали меня, как совершившего убийство по праву. Да, я знаю, что я – первый, кого оправдал тот суд, что собирается в Дельфиниуме, этом храме Аполлона. До меня убившему родственника приходилось или немедленно бежать из Афин, или готовиться умереть той смертью, которой порешил свою жертву. Однако же я уже был оправдан. О-прав-дан!

– Сдаётся мне, что судьи не имели права изменять уже принятое некогда решение, – пробормотал Кирил. – Тут открывается возможность и нам посутяжничать, царь. Но я всё равно скажу тебе то, что уже давно собирался сказать. Слишком много воли ты даровал афинскому народу.

– Слишком много воли не бывает никогда в нашем жестоком мире, – убеждённо возразил Тесей, и вдруг белые зубы его блеснули среди русой бороды. – Почтенная Феона, распорядись, голубушка, чтобы подали мне кикеона! Соскучился я по родному напитку.

– Иногда мне кажется, муженёк, – пропела Феона, – что твои подвиги слишком кровавы.

Великий герой нахмурился, а Солон встрепенулся, будто желал ответить, но тут же вернулся в прежнее положение. Мужчины переглянулись: женщины не должны были присутствовать на совете, а, следовательно, на нелепые слова молодой царицы не стоило обращать внимания.

Тем более, что служанка принесла кубок со свежим кикеоном, и Тесей, совершив возлияние в честь Афины Паллады, благоговейно отведал напитка. Лицо его разгладилось, острый, всегда настороженный взгляд смягчился. Глядя на этого добродушного и кроткого силача, трудно было поверить, что ещё неделей раньше он крушил дубинкой черепа загадочных кентавров, а сам уклонялся от летящей в него сосны, вырванной с корнем.

Отхлебнув кикеона во второй раз, герой замер, прислушиваясь к собственным ощущениям, удовлетворённо кивнул и продолжил рассказ о битве с кентаврами.

– Было бы несправедливо, если я умолчал бы о подвигах, совершенных тогда моим другом Пирифоем. Крепко я ему сочувствовал и удивлялся, как это боги позволили кентаврам так испохабить свадьбу царя лапифов. Но он не растерялся и рядом со мной принялся крушить обидчиков. В такой схватке, внезапной и яростной, с опьянёнными вином противниками, некогда мне было, конечно же, отслеживать деяния Пирифоя, чтобы потом рассказывать о них. Там надо было крутить головой во все стороны, ожидая от врагов

подарочка, и я навсегда запомню услугу моего славного оруженосца Идаса, надёжно прикрывшего мне спину в той толчее и сумятице. Но когда кентавров удалось частью наказать смертью, частью прогнать, и лапифам, как и мне, спасённые нами женщины перевязали раны, а трупы слуги убрали из пещеры, мы, победители, ещё разгорячённые боем, выбрали ложа из лапника, не залитые кровью и мозгами, улеглись и худо-бедно завершили свадебный пир. Вот тогда-то и вырисовалась общая картина битвы и подвиги, совершенные её участниками, между прочим, и кентаврами тоже. Вы удивлены? Я тоже удивился тогда.

– Как тут не удивиться? – откликнулся Солон. – Что победители соревновались в похвальбе, это в порядке вещей. Но чтобы отдавали при этом должное и только что побеждённым врагам...

– Я думал об этом по дороге домой. Очевидно, лапифы воспринимают кентавров как своих соседей, вроде как мы здесь граждан Элефсина. Даже если у нас случится с элефсинцами война, в конечном счёте мы с ними помиримся и будем снова посещать их мистерии. Я, кстати, пришёл к выводу, что если пехотинцы лапифы и всадники кентавры объединятся против общего врага, то вместе составят непобедимое войско.

– При условии, если они овладеют современным военным искусством, – уточнил Агамед.

– Ты полагаешь? – поднял выгоревшие брови Тесей. – А я так и не рассказал о подвигах моего друга Пирифоя. На пиру, когда его удалось продолжить и завершить, выяснилось, что обиженный жених разъярился и метал дротики с чудовищной силой. При этом гнев не застилал ему глаза, и он внимательно следил за ходом битвы. Когда Пирифой заметил, что гигантский кентавр Петрей раскачивает дуб, чтобы вырвать его из земли, он дротиком пригвоздил врага к этому дубу, пробив ему грудь. Я видел, как жёлуди осыпали умирающего в конвульсиях силача, но не знал тогда его имени. Ещё двоих кентавров мой друг поразил дротиками, а следующему пробил голову насквозь: дротик вошёл в левое ухо, а вышел из правого. Эти подвиги Пирифоя до того напугали кентавра Диктида, что он побежал и сорвался в пропасть. Тяжестью своею он сломал вяз, что рос на крутом склоне, и его кишки повисли на обломке дерева.

– А мой завтрак попросился наружу, – пожаловалась Федра, прикрыв ротик рукой. Она действительно побледнела.

Глава 29

Трезен

Заботы изгнанника. Горестные события в семье

Тщательно выстроенная Кирилом и Солоном судебная волокита позволила отсрочить изгнание царя Тесея на десять лет. Он таки вынужден был уехать на год из Афин со своей семьёй, с бессменным оруженосцем Идасом, с Солоном и верной Феонией. Путь их лежал в Трезен, где Тесей встретили радостные объятия матери Эфры и деда Питфея, а также стеснительные приветствия отправленных к ним на воспитание отпрысков – сына Перигуды Меланиппа, сына Перибей Зоофанеса и Ипполита, сына законной жены Антиопы.

Питфей за годы разлуки поседел как лунь, руки у него дрожали, Эфра же, как показалось её сыну, почти не изменилась. А Трезен, тот чудесным образом уменьшился. Он превратился в уютный городок, мало кому интересный и от большого мира вокруг не очень-то и зависящий. Да и царский дворец не выдерживал никакого сравнения с афинским. Отдыхая вместе с Федрой после поездки в своей прежней, но для двоих взрослых явно тесной спальне, Тесей невольно задумался над тем, как сложилась бы его жизнь, если бы не покинул он Трезен ради Афин. Что ж, коротал бы время царевичем сорока с лишним лет, портил бы на досуге местных девиц, охотился бы и мечтал бы о царстве, в фантазиях не принимая во внимание суровую правду: что престол он может получить только после смерти любимого деда...

Надо было построить свою жизнь в изгнании таким образом, чтобы возвратиться на царство не пришибленным неудачами изгнанником, а правителем, набравшимся в зелёном Трезене новых сил, и с новыми планами и идеями. На первый случай придумал Тесей вернуться к ежедневным упражнениям в гимнасиуме. Потом привёл туда сыновей и усердно занялся совершенствованием их умений в беге, бросании камня, борьбе и кулачном бою. Позабывшись о подготовке мальчишеских тел, передавал в учение Солону, чтобы развивал их ум и воображение. При этом Тесей выработал обыкновение, когда сыновья усаживались на траве вокруг философа, и самому, устроившись позади всех, выслушивать урок-беседу. Как выяснилось со временем, внебрачные отпрыски Меланипп и Зоофанес, похожие друг на друга угловатые подростки, душевно смирились, что проживут обычную жизнь обеспеченного знатного афинянина, и боги не наделили их ни способностями, ни претензиями на нечто большее. Сыновья от Федры Акамонт и Демофонт – милые мальчуганы, эти обожают отца и стараются ему подражать. А вот средний сводный брат в этой шумной мальчишеской компании, Ипполит, сын незабываемой Антиопы, явно в ней выделялся.

Наблюдая за Ипполитом, Тесей жалел иногда, что в своё время отправил его с глаз долой, на воспитание царю Питфею. Весьма уже престарелый, Питфей, в отличие от

покойного Коннида, был далёк от искусства воспитания мальчиков, почему и позволил опрометчиво душе маленького правнука отправиться в свободное плавание. Тесей каялся, что не принял во внимание, что Ипполит – сын амазонки и несёт в себе таинственное наследие их сугубо женского царского рода. Ведь нельзя несколько поколений коренным образом исказить человеческую природу и естественные отношения мужчин и женщин, а при том избежать извращений и пагубных изменений в такой тонкой сфере, как неповторимый характер человека! Теперь Тесею уже казалась, что и в незабвенной Антиопе он был очарован в первую очередь своеобразием её души, тем трудноуловимым, что отделяло царевну амазонок от обычной греческой девушки.

Правда, нельзя сказать, что в натуре Ипполита его происхождение от амазонки проявилось каким-то явным недостатком, скорее речь могла идти о приметном и не всегда понятном своеобразии. К отцу он относился с неизменной любовью и доверием. Тут уж постарался старый Питфей, он сумел создать в мальчике благоприятное представление о далёком отце. Молодую мачеху, её сыновей и старших сводных братьев Ипполит воспринимал ровно и с одинаковой благожелательностью, она не проявлялась им свысока, а была естественной линией поведения. Присмотревшись к Ипполиту, Тесей пришёл к выводу, что он не будет, опираясь на старшинство среди законных детей царя, во что бы то ни стало добиваться власти, а предпочтёт, если его жизненные вкусы и пристрастия не изменятся, вести одинокую жизнь лесного охотника. Ведь охота занимала тогда все его мысли и чувства. Нестриженный, в пропотевших мехах, в компании псарей и своры голосистых гончих псов Ипполит метался по лесам и лугам, срывая цветы непонятных его славному отцу удовольствий.

Правда, против самого увлечения охотой Тесей не имел предубеждения. Сам он убивал животных только по необходимости, как Кроммионскую свинью, например. Освящённое обычаем убийство живых существ, вполне возможно, что и душ не лишённых, ему самому претило, но не стоило отговаривать сына от увлечения им. Да и не смог бы он отговорить. Слишком далеко зашёл Ипполит в своём пристрастии. Дело в том, что его же товарищи по охотничьим забавам донесли Тесею, что его сын соорудил в лесной недоступной чаще алтарь Артемиды, приносит ей там жертвы, и слышали, что он подолгу разговаривает с богиней. Вот тут-то Тесей и призадумался.

Что Артемида покровительница амазонок, это он помнил. И вполне возможно, что преклонение Ипполита перед девственной богиней коренилось в его сыновней любви к матери. Хоть он и не мог помнить Антиопу, но создавая для себя её идеальный образ, опирался на рассказы о ней. А ведь царица Антиопа обратила на себя внимание афинян щедрыми жертвами Артемиде Бравронии. Мать, понятное дело, надеялась на помощь

богини как родовспомогательницы, а сына восхитило и вызвало желание подражать увлечению Агротеры охотой. Но, к сожалению, не только. Тесею донесли, что сын его собирается хранить девственность и соблюдать целомудрие, подобно Артемиде, и высказывал презрение к товарищам, успевшим пообщаться с гетерами.

Юноша, отрицающий для себя телесную любовь, став мужчиной в детородном возрасте, будет противником брака. А если именно Ипполиту суждено стать наследником Тесея, то с такими убеждениями он не сможет продолжить род афинских царей. Однако Тесей рассчитывал, что его сын от любимой жены ещё перерастёт крайности своих увлечений.

Эти ожидания героя не оправдались. Беда пришла, откуда он не ожидал её, да и не проявил тут обычной своей пронизательности. Жена Федра казалась ему взбалмошной молодой женщиной, острой на язык и себе на уме, однако он и помыслить не мог, что она способна на бунт против семейных устоев. И явные приметы того, что с Федрой неладно, он не принял во внимание. А ведь они были.

Как-то раз Тесей заметил, что у миртового дерева возле дворца все листочки в дырочках. Когда он спросил у проходившей рядом с амфорой служанки, что это за диво, она со смехом ответила:

– А ты спроси, царь, у своей жены.

Герой завершил беседу шлепком по выпуклому заднику и, не утолив своего любопытства, последовал совету. Федра полулежала на ложе и внимательно изучала в зеркале свой божественный подбородок. Мужа встретила вопросом:

– Не правда ли, муженёк, я удивительно молодо выгляжу? Как думаешь, понравлюсь ли я молодому красавцу?

Он ухмыльнулся. В ответ сказал:

– Знаешь ли, я привык к твоей красоте, Федра, и мои глаза видят тебя такой же, какой ты была в невестах. Иными словами, ты для меня, твоего мужа, остаёшься прекрасной и молодой. Однако меня ты назвала молодым красавцем, и я этому удивляюсь, ведь при нашем знакомстве ты не воспринимала меня молодым, а с тех пор много воды утекло. Однако я пришёл спросить тебя о другом.

Выслушав вопрос о продырявленных листочках, произнесла Федра скучающим тоном:

– Да, это я сделала, муженёк, вымещая на дереве свою обиду. Я пылаю любовью и не получаю удовлетворения. А ты бы предпочёл, чтобы исколола булавкой тебя?

Разумеется, Тесей, хмыкнул, тотчас же разоблачился и принялся выправлять положение. И был столь усерден в исполнении супружеских обязанностей, что пропустил мимо ушей замечание Федры:

– Что тебе ни скажи, муженёк, всё ты принимаешь на свой счёт...

В иной раз Федра напомнила ему о прорицании Оракула:

Ждёт вашу деву союз с богонравным героем,

Только в любви меру она превзойдёт.

Подумав, Тесей ответил осторожно:

– Милая Федра, я очень ценю, что ты, будучи весьма своенравной девицею, сохранила для меня девственность, вопреки обычаям Крита. Я ценю не менее, что в муках, как это суждено женщинам, ты родила мне двух здоровых наследников. Благодарить мне надо богов небесных, что обе жены и все наложницы рожали мне только сыновей! Я славлю Афродиту, которая после этих родов зажгла в тебе земную страсть ко мне, твоему мужу. Но ты уж прости, но меру любви ко мне ты не превзошла, потому что для меня она установлена первой женой моей Антиопой. Она, спасая меня, пожертвовала своей молодой жизнью.

– Иногда ты кажешься мне простоватым, муженёк, – ответила на это Федра, потупившись. – Ты забываешь, что прорицания Пифии всегда двусмысленны.

Вскоре Тесей отправился в Афидну, селение в Аттике, на торжества по случаю рождения у друга его Афидна сына, его принятия в дом и наречения имени. Возвращение героя в Трезен оказалось не более счастливым, чем давний приезд в Афины, захваченные амазонками.

Рабы, встретившие его в воротах, были мрачны и прятали глаза. На вопрос о том, что стряслось, не отвечали. Наконец, вытолкали к нему плачущую Феону. Она прорыдала:

– Мужайся, царь, и да помогут тебе боги одолеть скорбь! Этой ночью твоя супруга царица Федра повесилась в супружеской спальне.

– Ты лжёшь, безумная старая перечница, – рявкнул царь сгоряча. – Моя жена сумасбродна, кто спорит, но не до такой же степени!

Но гневался на стряпуху Тесей напрасно. Безжизненное тело Федры, холодное и задубелое, лежало на ложе в праздничных одеждах. На шее оставалась петля, слуги только отвязали другой конец золототканого пояса от крюка в потолке, на котором некогда висела колыбель Тесея-младенца. Взглянул муж в лицо мёртвой жены и отвёл взгляд. Возможно, Федра не знала, как исказится её лицо при выбранном ею виде смерти, либо так торопилась уйти из жизни, что посмертное состояние своей красоты не приняла во внимание. Эти размышления, однако, никак не приближали Тесея к пониманию причины столь неожиданного самоубийства жизнелюбивой и самовлюблённой молодой ещё женщины.

Царь хотел уже вызвать Феону, рыдающую под дверью, когда его беспокойный взгляд наткнулся сперва на блеснувший золотом стилос, потом на брошенную рядом с ним на столик дощечку, покрытую воском. На воске виднелись процарапанные буквы.

Тесей подхватил дощечку и прочитал: «От Федры Тесею. Меня изнасиловал Ипполит». Что за чушь! Но выбранные Федрой для начертания буквы и последовательность их давали только одну возможность чтения. Не могла покойная сумасбродка перепутать столько букв, чтобы это значение появилось случайно, никак не могла! Следовательно, послание имеет тот смысл, который из него вычитывается. Тесей зарычал и, стукнув кулаком по столику, разломал его.

– Феона! Ипполита немедленно ко мне!

Ожидая, царь пытался утишить свой гнев на сына. Для этого перебирал возможные причины его поступка. Нет, не смог он принять никаких оправданий из тех, что приходили на ум...

Но вот и сын от Антиопы ввалился в спальню. Видно, разбуженный Феоной, он зевал, но на мёртвую Федру покосился с неподдельным ужасом.

– С возвращением тебя, отец! – приветствовал он Тесея. – Правда ли, что моя мачеха Федра повесилась?

– О, да! Сам Асклепий не смог бы вернуть её к жизни. Однако тебе будет интересно прочитать её предсмертное послание ко мне. Читай, Ипполит, я разрешаю. И требую.

– Здесь прочитать, отец?

И юноша прочитал послание, побуквенно и медленно, но прочитал вслух. Лицо его побагровело. Не сразу и выговорил:

– Это клевета, отец. Я не трогал твою супругу и пальцем.

– И кого ты обвиняешь в клевете, мой преступный сын? Женщину, которая подтвердила своей смертью это обвинение? Своеобразным же оказалось твое целомудрие, ничего не скажешь! Я представить себе не могу причины, что могли подвигнуть тебя на это позорное преступление. Не хватило, что ли, смекалки поладить с какой-нибудь простолюдиной или служанкой твоего прадеда Питфея? Ты хорош собой, и едва ли тебе стали бы противиться, если бы ты постригся и помылся.

– Я не делал этого, отец. И сохранял целомудрие от рождения моего. Клянусь покровительницей моей богиней Артемидой.

Казалось бы, невозможно разгневаться ещё сильнее, но Тесей буквально вскипел. Чувствуя, что вот-вот не сможет управлять собой, он перевёл глаза на труп Федры, и ему бросились в глаза чистые подошвы её изящных ступней. Эта чистюля никогда не ходила босиком, она не изменила своему обычаю, и готовясь всунуть голову в петлю.

Пронзительная жалость и отчаянное раскаяние (а в чём, он не смог бы тогда сказать) охватили Тесея, он устался в пол и не сразу совладел с голосом, чтобы прохрипеть:

– К отвратительному преступлению, Ипполит, ты добавил богохульство, ложно поклявшись своей любимицей-богиней. Уж лучше бы водами Стикса, к ним ты сейчас был очень близок, ведь рука у меня тяжёлая! Я изгоняю тебя из Афин и Трезена. Из Трезена – на время, пока я и мой двор остаёмся здесь. Можешь взять с собой свою квадригу и пару рабов. Будет объявлено, когда ты сможешь возвратиться. Я поступаю столь мягко с тобой только в память о твоей матери, моей незабвенной Антиопе.

– Отец, я ни в чём не виноват...

Тесей видел, что Ипполит готов разрыдаться. Он сжал кулаки и, сдерживаясь из последних сил, рявкнул:

– Поди вон!

Ипполит исчез. Тесей вызвал Феону и сквозь зубы распорядился готовить царицу к погребению. Ноги сами принесли его в триклиний. Тесей не удивился, когда увидел там на ложах Питфея и Солона. Удивился, когда рассмотрел, что старый и молодой мудрецы смотрят на него, как на опасно больного.

Обменялись приветствиями, но к разговору приступили не сразу. Тесей заметил, что расположился на ложе, которое много лет тому назад, гостя в Трезене у Питфея, занимал Геракл – и надо же, не развалилось тогда под богатырём... Заставил себя вернуться в печальную, непостижимую в своей жестокости действительность. Спросил:

– И как это вы – ты, премудрый мой дед, и ты, присяжной мой советник, в моё отсутствие допустили такое безобразие?

Питфей откашлялся. Не глядя на Тесея, прошамкал:

– В конечном счете, Тесей, к безобразию, по твоему выражению, привела твоё странное обыкновение жениться на иноземках. Впрочем, это у тебя наследственное: женился ведь твой земной отец Эгей на пресловутой Медее. А в нынешнем печальном происшествии я вижу два отвратительных поступка. Первый – самоубийство твоей молодой жены Федры. Прости, но в твой геникей мы с Солоном не вхожи, и в том, что там делается, изволь разбираться сам. Так ведь, Солон?

– Конечно, царь, – быстро проговорил Солон. – Хотя старшинство в роде и положение хозяина дают тебе определённые права. Вот если бы покойная Федра, стакнувшись со служанками, устроила бы ночью в твоё отсутствие, славный Тесей, песни и пляски, царь Питфей имел бы право утихомирить нарушительниц спокойствия.

– Возможно, – кивнул Питфей. – А Федра повесилась, это дело тихое, помешать ей мы с Солоном никак не могли. Второй негодный поступок – это твой, Тесей. Слуги донесли

мне, что ты изгнал моего любимого внука Ипполита, не получив доказательств его вины. И это при том, что гнусное преступление, в котором покойница обвинила юношу, совершенно не соответствует его натуре и прежнему поведению.

– Не внук тебе Ипполит, а правнук, – уточнил Тесей раздражённо. – И что – послание мне Федры, разве оно не достаточное доказательство?

Питфей только руками развёл. А Солон выговорил осторожно, на Тесея не глядя:

– Ты кажется, царь, веришь, что всё написанное правда. Между тем, это народный предрассудок. По моему же скромному разумению, Федра могла солгать как языком, так и вычерчивая стилосом буквы на навощенной дощечке. Я предлагаю прямо сейчас, пока не поздно, расследовать это дело.

– Поддерживаю предложение! – оживился старец. – Разрешаю пытать моих рабов. Предлагаю перейти в кузницу, и пусть там разведут огонь. Если не сама пытка раскалённым железом, так страх её развяжут языки.

– Давайте договоримся прежде, кого из них приведём к огню первым, – предложил Солон.

– Кого же, как не кормилицу покойной по имени Диотима? – усмехнулся зловеще Тесей. – Явно состояла наперсницей Федры, а меня ни в обол не ставит. Пусть поорёт под пыткой. Это раз. Сторож геникея, это два. Если он исполнял вчера свои обязанности, то вспомнит, приходил ли в геникей Ипполит или выходила ли из него надолго Федра. А если спал на посту, боязнь подвергнуться пытке будет ему справедливым наказанием. Ты ведь согласен, дедушка?

– Само собой. Я распоряжусь, чтобы нам поставили сиденья в кузнице. И для дочери моей Эфры тоже.

– Хорошая мысль, – согласился Тесей. – Мама ведь была в это время в геникее, и она у нас достаточно сообразительна.

Когда цари, царевна Эфра и Солон заняли своё место в тёплой кузнице, огонь в печи пылал, а когда кузнец Элиуд вытащил из него и показал господам кузнечные клещи, они убедились, что губки достаточно раскалились.

– Введите Диотиму! – распорядился Питфей.

Кормилица обвела присутствующих испуганно вытаращенными глазами и только охнула, когда кузнец, назначенный палачом, рывком спустил верхнюю часть хитона ей на бёдра. «Подумать только, ведь через какие-нибудь полвека и полуобнажённая Федра выглядела бы так незавидно», – подумал Тесей.

– Ты, Диотима, сейчас не обвиняемая, а свидетельница, – сказал он, отведя взгляд от жалкой старушечьей плоти. – Ты рабыня, а рабов-свидетелей принято пытать. Если мы

увидим, что ты лжёшь или путаешься в показаниях, Элиуд раскалёнными щипцами вырвет кусок мяса из твоей жирной спины. Ты поняла меня? Не желаешь ли поклясться, что будешь говорить только правду?

– Да, поняла. Клянусь в том тёмными водами Стикса, – пробормотала она.

– Расскажи, что произошло вчера с твоей госпожой.

– Так все же знают, царь! Её насильничал твой сын от амазонки, и моя бедняжка Федра повесилась.

Эфра подбоченилась и – презрительно:

– Врёшь, критская ты жаба! Я не отлучалась из геникея и не слышала никаких криков. И не видела, чтобы мой внук Ипполит приходил. Элиуд, пощекочи-ка жабу щипцами, а ещё раз солжёт – выдери из неё ребро!

Кузнец воззрился на царя Питфея, тот кивнул. Диотима завопила, под нею натекла тёмная лужа. Противная вонь сгоревшего мяса наполнила кузницу. Эфра скривила носик.

– Не трогайте меня, я всё скажу! – взвизгнула кормилица. – Моя бедная девочка сохла по Ипполиту, а вчера призналась мне, что изнемогла от страсти и не может больше её подавлять в себе.

– Ты продолжаешь нагло врать, старуха! – загремел Тесей. – Не миновать тебе сегодня лишиться ребра! А то и двух!

– Не торопись с этим, сынок, – посоветовала Эфра, потупившись. – Я как-то подслушала разговор кухарки и судомойки, они сплетничали о том же. Те постыдные тайны, что незаметны для господ, отлично видны слугам и рабам. Я, надо сказать, тогда не поверила.

– А я не верю и сейчас! – отрубил Тесей. – Впрочем, продолжай, Диотима.

– Не трогайте меня! Она сожалела, бедная, что не дала знать царевичу о своей страсти. Тогда я неосторожно пообещала Федре, что устрою ей свидание с Ипполитом. И тотчас пошла его искать. Он оказался не на охоте, а в своей комнате. Сначала я убедила царевича присягнуть страшной клятвой, что он никому не расскажет о нашем разговоре. Царевич Ипполит улыбнулся и поклялся богиней Артемидой, в которую, как всем во дворце известно, он вроде бы влюблён...

Тут Солон вскочил со своего места и вскричал:

– Прошу остановить допрос! Я всё вспоминал, что встревожило меня в клятве этой критской затейницы, и вот сейчас как бы снова прозвучало: «Да, поняла. Клянусь в том тёмными водами Стикса». Она поклялась только в том, что поняла тебя, царь. Посмела нас обмануть!

Питфей нахмурился и погрозил Диотиме пальцем.

– Ты, бабка, рискуешь, что тебя здесь будут приводить к огню до смерти. Клянись заново, пока не поздно!

Плача, лебезя и уверяя, что никого не хотела обманывать, кормилица повторила-таки клятву, убрав двусмысленность. После чего продолжила показания дрожащим голосом:

– Царевич Ипполит тогда тоже поклялся. И я рассказала, что царица Федра давно уже без ума от него и хочет устроить с ним свидание, чтобы отдаться любимому. Юноша вытаращился на меня, как теленок на новые ворота, а потом в оскорбительных, грубых выражениях выругал нас обеих, а о себе сообщил, что желает сохранить целомудрие. После чего выставил меня из комнаты. Когда я об этом рассказала царице Федре, она, мой цыплёночек, сильно огорчилась, прямо с лица спала. Ну, а ночью и совершила над собой смертоубийство – и кто бы мог подумать? А я после всех вчерашних огорчений спала как убитая.

Тесей закрыл лицо руками. Не отрывая их, спросил:

– Вы, дед и советник, и ты, мать моя! Достоин ли веры сказанное этой старухой? Скажи своё слово, мой премудрый дед!

Питфей откашлялся.

– Я прожил очень долгую жизнь, мой славный внук. Тебе, красавцу в расцвете сил, мужчине и правителю, которому благоволят боги и, как догадываюсь, богини, очень обидно, что жена твоя возжелала другого и готова была изменить тебе... как бы сказать...? Ну, во всей животной конкретности прелюбодеяния. Но таковы женщины. Предсказать их поведение невозможно, а иногда невозможно и объяснить. Выше голову, внук. Примирись с Ипполитом, ведь ясно уже, что эта критская распутница его оклеветала.

Еле удержался Тесей от стога. Он готов был рвать на себе волосы. Да, ему благоволили богини, и разве не изменила с ним мачеха богиня Амфитрита своему мужу, а его божественному отцу Посейдону? Почти через четверть века этот треугольник воспроизвёлся в его собственной семье. Ипполит, в отличие от него, сумел избежать прелюбодеяния, но он сам испортил всё! А не разыгрывается ли сейчас изощрённая месть обманутого Амфитритой Посейдона? Тогда, он, Тесей, уже сам подыграл своей жестокой судьбе...

Он увидел, что Солон просит слова, и кивнул.

– Написанное царицей Федрой можно бы проверить ещё одним способом. Опросить всех слуг о передвижениях царевича Ипполита по дворцу после того, как к нему в комнату приходила Диотима. Что-то мне подсказывает, что у царевича просто не окажется времени совершить приписываемое ему преступление. Предлагаю допросить всё-таки сторожа.

Если царевич Ипполит побывал у Федры в спальном покое, сторож хоть однажды должен был его заметить. Или когда царевич заходил в геникей, или когда выходил из него.

Не спрашивая разрешения, заговорила Эфра:

– Когда будут готовить Федру к погребению, я попрошу женщин посмотреть, остались ли на её теле следы насилия. Вот вам ещё одно доказательство правоты внука моего Ипполита. Я имею в виду, если следов не окажется.

И Тесей проговорил, болезненно морщась:

– Да, я поторопился. Дедушка, прикажи своим рабам взнудать самого быстрого твоего коня и пошли гонца вдогонку Ипполиту. Пусть возвращается сюда, в твой дворец. А мы покамест, чтобы принять решение окончательно, допросим сторожа гинекея... Что это?

Вслед за Тесеем все прислушались, лишь глуховатый Питфей продолжал вполголоса отдавать распоряжение рабу. От дворца доносился горестные женские вопли. У Тесея сердце упало.

Дверь кузницы распахнулась, на пороге показался Пирр, раб, служащий царевичу Ипполиту. Он упал на колени.

– Великий царь Тесей, не вели казнить меня за худую весть! Твой сын, царевич Ипполит, скончался.

Тесей еле собрался с силами, чтобы спросить:

– Какую смерть послали моему сыну боги?

– Едва выехал наш хозяин на дорогу, что ведёт в Эпидавр, а мы с Ликом побежали вслед, как кони понесли. Словно они увидели чудовище! Царевич натягивал вожжи, да где там! Колесо наскочило на камень, развалилось, и колесница раздавила Ипполиту грудь. Он запутался в вожжах, и ещё живого кони влчили его по кремнистой дороге. Он успел сказать нам, что всех прощает, попросил прикрыть ему лицо одеждой и испустил дух. Горе! Горе, великое горе!

– Я тоже раздавлен, – промолвил Тесей.

Старей Питфей протянул дрожащую руку и погладил внука по могучему плечу.

– Твоя вина не так велика, поверь мне, – и понизив голос. – Жаль, что мы не можем расследовать вину богов.

– Тут нечего и расследовать, – прошептал Солон. – Это Афродита устроила две смерти, чтобы напакостить Артемиде и наказать царевича Ипполита за равнодушие к себе. Однако не вздумай мстить, царь! Смири свою гордость!

– Никакой мести, мой мудрый Солон, – поднял к нему герой залитое слезами лицо.

– Напротив, вернувшись в Афины, я сооружу под Акрополем храм Афродиты-

Всенародной. Но придёт время, когда я спрошу с неё за гибель моего сына Ипполита, и ей придётся дать мне ответ.

Глава 30 и последняя

Афины, Спарта, Эпир, Скирос

Новые неудачи. Вольноотпущенник Аида

Миновали времена траура, затянулись раны на самолюбии Тесея и его отцовских чувствах. Отбыв изгнание, герой возвратился в свои Афины, но правление доставляло ему всё больше огорчений. Если аристократы были недовольны им, порицая передачу власти всему народу, то простолюдины желали бы получить больше власти. История с изгнанием свидетельствовала, что неблагодарные афиняне посягали и на остатки власти, оставленные Тесеем себе как правителю, на право судить и функции военачальника. На последние пока, правда, никто из горлопанов, называвших себя демократами, не претендовал, и Тесей постепенно укреплял армию, строил военный флот и тем самым укреплял могущество великих Афин.

Ему было уже около пятидесяти, когда умерла прекрасная Гипподамия, жена Пирифоя, а у безутешного вдовца возник великий план. Очевидная нелепость плана как-то смазалась после того, как верный друг многократно повторил его, приезжая в гости к Тесею.

– Мы с тобой, друг мой Тесей, сейчас в самой поре, чтобы снова жениться, – говаривал сын Иксиона, возлегая на ложе в триклинии царского дворца в Афинах и потягивая доброе хиосское вино. – Вот только надо сделать это с умом. Ведь вполне возможно, что эти женитьбы окажутся нашими последними. А я, например, очень надеюсь, что заработаю бессмертие у всеблагих богов. Какой же у нас самый простой путь к столь желанной цели? Я думаю, что нам с тобой следует жениться на признанных дочерях Зевса, чтобы они уговорили Громовержца взять нас на Олимп, как моего несчастливому и несдержанному отцу. Я предлагаю объединить усилия. Сначала мы сообща добываем жену одному, а потом точно так же другому. При этом мы должны обменяться клятвами, что уже женившийся не забудет помочь, в свою очередь, тому, кто остался холостым.

– У меня два вопроса, царь, я их тебе задаю целую зиму, но толком ты не разу не ответил, – усмехаясь, повторял Тесей. – У всеблагого Зевса множество дочерей, но все они давно замужем. Как же мы ухитримся на них жениться?

– Украдём у мужей, как же ещё, – неизменно отвечал Пирифой. – Таким добрым молодцам, как мы с тобой, да ещё объединившим усилия, это раз чихнуть.

– Жениться нам стоит только на царицах, – утверждал каждый раз Тесей. – А значит, украсть таких женщин будет сложно, да и месть царя-мужа – дело нешуточное. Я уж не говорю о том, что Зевс может и не обратить внимания на нашу проделку, но может и рассвирепеть. Я не отвергаю твоей идеи женитьбы с помощью друг другу, однако думай ещё, славный мой Пирифой, думай...

И царь Фессалии придумал! Произошло это весной, и всеобщее пробуждение природы, да и охватившие самого Пирифоя весенние чувства обострили его мышление. В очередной раз излагая свой проект лучшему другу, он завершил его следующим образом:

– Тебя беспокоило, что у наших невест, дочерей Зевса, уже есть мужья. Однако нашлась невеста, ещё незамужняя! К тому же у неё важное преимущество перед другими дочерьми.

– И кто же эта девица, дружище? – улыбнулся Тесей и налил себе кикеона.

– Елена, дочь Леды, жены спартанского царя Тиндарея. Великий Зевс был в образе лебедя, когда покрыл её, поэтому Леда родила яйцо, а из него вылупились младенцы Полидевк и Елена.

– А в чём её преимущество перед Герсой, например?

– Я объясню, только прошу не обижаться на меня, Тесей. Вот ты считаешься сыном не только твоего покойного отца Эгея, но и великого и могучего Посейдона. Но откуда известно о твоём божественном происхождении? Только со слов матери твоей Эфры. Хоть уважение моё к твоей матери и безгранично, но это всего лишь сказанное женщиной.

Тесей оживился, приподнялся с ложа.

– Отцовство Посейдона известно мне не только со слов моей матери! О многом я не смею рассказывать, но есть золотой венок, подаренный мне в море божественной мачехой моей Амфитритой. Был, точнее, такой венок, однако он пропал, когда амазонки разграбили мой дворец в Афинах.

Улыбаясь, Пирифой выставил перед собою ладони.

– Вот, ты обиделся, а я ведь предупреждал... Елена имеет то преимущество, что осколки яйца, из которого она с братом появились на свет, хранятся в доме у Тиндарея, и он сейчас выбирает, в каком храме их разместить.

– Ты забыл сказать, что девочка она пышноволоосая и очень, как говорят, красива... – пробормотал Тесей. – Однако Елена совсем ещё ребёнок. Это сколько ей – десять, двенадцать? Не чересчур ли молода она для брака, друг мой Пирифой?

– Вот и прекрасно, что девчонка чересчур юна! Будь Елена в самой поре, к ней только дурак из царевичей и холостых царей не посватался бы! А если мы её украдём, то оставим

всех будущих своих соперников с носом. Соглашайся, Тесей! Докажи, что ты всё ещё молод душой и готов рискнуть!

И Тесей согласился. Скуку, накопленную в зимних посиделках вокруг жаровни, хотел он рассеять, а ещё доказать самому себе, что сохранил молодецкую отвагу в душе, несмотря на годы. Это удивительно, но если перед сватанием к Федре, намереваясь жениться совершенно законно и даже не без учёта интересов великих Афин, царь чувствовал, что совершает непоправимую ошибку, то теперь, готовый пуститься в опасную авантюру и рискнуть жизнью своей и друга Пирифоя, он не испытывал ничего подобного.

Они пустились в путь, переодетые купцами средней руки, каждый в сопровождении всего одного раба, на двух простых повозках, нагружённых амфорами с эритрейским вином. Ехали неспешно, перекусывали в придорожных харчевнях, вечерами вели возле костра долгие и приятные своей бессодержательностью беседы. Если Тесей и тревожился о положении в оставленных им на советников Афинах, где поднимал голову пронырливый Менесфей, то старался не обременять своими опасениями приятеля. Как-то ночью, лёжа на повозке, он проснулся, ощутив руку Пирифоя на своём бедре. Ухватив, словно клещами, Тесей переложил её на борт телеги. Это была не первая попытка Пирифоя установить между ними ещё и любовные отношения, однако Тесея вполне устраивала их дружба такой, как была.

Неспешно пересекли они Аттику, через Коринфский перешеек проникли в Пелопоннес, но избегли соблазнов Коринфа, не задержавшись в нём и на сутки: Тесей боялся, что его узнают. В Арголиде они проехали через богатую виноградниками долину Флиуса, похожую среди гор на внутренность гигантского котла, а на привале в Кинурии, перед самым въездом в Спарту, бросили жребий, кому из друзей жениться на Елене. Тесею повезло, а там кто знает. Огорчённый такой делёжкой неубитого медведя, Пирифой потребовал, чтобы друг подтвердил свою клятву помочь ему добыть и для себя дочь Зевса. Пожав плечами, Тесей поклялся ещё раз.

В Спарту мнимые купцы въехали на рассвете. Они остановились на постоялом дворе, и Пирифой с помощью пронырливого гостинника сумел в тот же день продать вино оптом перекупщику, а затем избавиться и от повозок. На часть вырученных денег удалось купить крепкую колесницу. А Тесей, сидя в наёмной комнате взаперти, руководил рабами, выслеживающими Елену, дочь одного из двух царей Спарты, Тиндарея.

Через два дня раб принёс известие, что на завтра в полдень девочка будет танцевать в храме Артемиды Орфии. Утром Тесей отправился в храм и принёс щедрую жертву богине, в молитве напомнив ей о своём сыне Ипполите, её пылком поклоннике, и попросив гневливую деву ради памяти о его сыне не обижаться на деяние в её храме, которое он

собирается совершить. Ублаженный жрец согласился закрыть двери храма, когда царевна начнёт танцевать, чтобы щедрому жертвователю было удобнее наслаждаться танцем сам-друг с приятелем.

Южное солнце пронизывало храм и ярко высвечивало скромные прелести одиннадцатилетней девочки. Она достаточно увлечённо, хоть и неумело прыгала, округляя над головой руки, бегала и скользила по каменному полу перед поблескивающим свежей кровью алтарём и знаменитым кумиром Артемиды. Волосы у малышки и в самом деле оказались пышными, пушистой копной торчали они над головкой. Особой красоты не заметил Тесей ни в лице Елены, ни в хрупком тельце, а вот подростковой угловатости и неловкости хоть отбавляй.

Подкупленный жрец оторвал от губ свирель, девочка сделала ещё шаг и протянула к алтарю и к скульптуре Артемиды Орфии худые руки. Тесей переглянулся с Пирифоем, оставшимся у закрытой двери, и зашагал к Елене.

– Это хорошо, царевна, – заговорил вполголоса, – что ты заручилась поддержкой девственной богини перед долгим путешествием. Давай, одевайся и обувайся поскорее.

У девочки загорелись глаза.

– Значит ли это, чужестранец, что ты хочешь выкрасть меня и выдать замуж за своего сына? – воскликнула она. – Мне страшно подумать о том, что сделает с тобой мой отец, когда нас поймают!

Лицо у Тесея окаменело. Но он продолжил тихо и вежливо:

– Одевайся, я сказал. Если ты обещаешь молчать на улицах Спарты, я обойдусь без кляпа.

Уже завязывая ремешки на втором сандалиии, Елена вдруг завизжала. Герой тотчас же утихомирил её, зажав у себя под левой подмышкой, а правой рукой затолкав кляп. Донёс добычу до дверей, а там Пирифой ловко накинул на Елену большой мешок и завязал его верёвкой.

– Мы так не договаривались! – вскричал побледневший жрец.

Тесей молча показал ему короткий меч, а Пирифой, взвалив мешок на плечо, прохрипел:

– Храму заплачено довольно. Вспомни, жрец, что твоя голова, в сравнении со свободой царевны, стоит недорого.

Колесница уже стояла прямо перед воротами. Царевну в мешке погрузили в кузов, Пирифой встал у борта, прижимая мешок коленом, а Тесей повёл колесницу по улицам Спарты к северным воротам. Два раба бежали следом с дорожными мешками на плечах.

Колесница благополучно миновала городские ворота. Как только стены Спарты скрылись за холмом, Тесей принялся нахлестывать лошадей. Колесница помчалась, подпрыгивая на выбоинах дороги, Елена, избавленная от кляпа, причитала, проклиная похитителей, а рабы порядочно отставали. Царевну, покрытую синяками, выпускали из мешка только на коротких привалах. Беглецы не знали, отряжена ли за ними погоня, и даже установили ли преследователи, через какие ворота вывезена царевна Елена, но Тесей и Пирифой считали, что лучше поторопиться.

Пересекая Арголиду, друзья-цари решили выпустить Елену из мешка, но скорости из осторожности не сбавляли. Впоследствии стало известно, что царь Тиндарей отправил-таки погоню, но отряд всадников доскакал только до Тегеи в Аркадии и возвратился.

Тесей теперь пытался поладить с пленницей, уже знавшей, что предназначена в жены ему самому, а не его сыну.

– Что за глупая идея, царь, красть меня одну, – спрашивала она на привале, разгрызая мелкими зубками фигу, – и не украсть кормилицу, чтобы мне служила? Я чувствую себя, как в плену у разбойников.

– Благодарите богов, царевна, за то, что ты сейчас не у разбойников, – отвечал ей Пирифой. – Вон тебе, помнится, страшно было представить, что сделает с нами твой отец, а мне стыдно представить, что делали бы с тобой сейчас настоящие разбойники.

– А твою кормилицу я бы не умыкнул, даже если бы и возникла у нас с другом моим Пирифоем такая возможность, – добавил Тесей. – Мне в моей жизни кормилицы девиц достаточно крови испортили. Лучше бы такую бабёнку, как девочку отлучат от груди, наградить и прогнать, чем делать из неё на всю жизнь советницу. И то подумать, чего доброго может насоветовать простолюдинка?

– На советы старухи Хлои мне плевать с высокого дерева, – надменно ответила на это царевна. – Но твой раб не способен услужить мне в дороге так, как услужила бы Хлоя. И, послушай, царь в одежде купца, я так поняла, что это ты собираешься жениться на мне. Нелепость, конечно. Но ты не можешь её совершить, потому что я ещё не женщина.

Цари дружно ухмыльнулись и переглянулись. Тесей, в отблесках костра действительно смахивающий на разбойника, поворошил палкой пылающие сухие ветки. Когда к небу поднялся столб искр, повернулся к Елене и снова ухмыльнулся.

– Я рад, Елена, что ты за долгую дорогу настолько привыкла к нам, ко мне и моему другу Пирифою, что заговорила со мной на тему, вообще-то стыдную для девиц. К слову, разбойники на названное тобой обстоятельство не посмотрели бы.

Раб Пирифоя, стоявший за спиной Елены, состроил гримасу и сделал похабный жест. Тесей нахмурился.

– Я же и не собираюсь пока на тебе жениться.

– И с чего бы это ты не собираешься, Тесей? – гордо выпрямилась девочка.

– Ты сейчас вроде худосочного цыплёнка, царевна. Перекусить таким можно, а наестся по-настоящему нельзя. Я подержу тебя в тайном месте, пока ты не повзрослеешь и не превратишься в красивую вкусную курочку. А тогда и женюсь.

Пирифой захохотал. Оба раба заухмылялись, а глаза Елены влажно блеснули. Она спросила уже плаксиво:

– А прежних своих жён ты тоже сперва сажал в тюрьму, Тесей?

Сменив тон, Тесей пояснил, что Елена будет ожидать своего повзреления не в тюрьме, а в гостях, хоть и взаперти, у ещё одного Тесеева друга, в небольшом городке, и присматривать за нею будет царевна Эфра, мать будущего мужа.

Тесей и в самом деле не решился привезти Елену прямо в свой дворец в Афинах. Если бы он оставался с нею, другое дело, однако герой был связан клятвой и должен был уезжать. Надо было добывать другую Зевсову дочь в жёны другу Пирифою. Поэтому, оказавшись в Аттике, беглецы направились в Афидну, маленькое поселение, где правил друг Тесея Афидн. Когда Афидн согласился принять у себя пленницу-невесту Тесея, а также его мать царевну Эфру, Тесей отправил своего раба на колеснице в Трезен за матерью.

Друзья получили передышку перед следующим похищением невесты. Пирифой охотился целыми днями, а вечера проводил с гостеприимным Афидном в триклинии за вином. Тесей дни проводил в размышлениях, надеясь придумать, как укротить афинского демагога Менесфея. Впрочем, он попросил Елену, чтобы дала ему знать, если снова соберётся потанцевать. Такого не случилось, но вечера он проводил в спальне в долгих беседах с невестой, рассказывая ей о своих приключениях.

Оказалось, что девчонка хитрила. Как-то посреди двора Тесею подмигнула молодая служанка и жестом показала, чтобы следовал за ней. После чего скрылась за дверью чулана. Герой последовал за ней, и в полутьме показалась она ему очень даже ничего. Служанка сказала, что зовут её Минта, и поведала немало интересного.

– Тебя, великого героя, обманывает эта спартанская лисичка. Говорит тебе, что ей десять лет, а мне проболталась, что все двенадцать. И врёт она, что неплодная ещё. Прачке Юдокии пришлось стирать после неё окровавленную простыню.

– О! Спасибо, Минта! Чтобы ты хотела от меня в благодарность?

Она потупилась.

– Это гордячка похвасталась, будто Афродита пообещала сделать её красивейшей женщиной Эллады, а мойры предсказали, что у неё будет пять мужей. Если царевна

красавица, то и я тоже: носик у меня такой же длинный. У меня мужей не было, а в любовниках состояли хозяин Афидн, конюх, гоппит и другой конюх. Вот бы и тебя мне так же вспоминать, великий Тесей...

– И золотое запястье получишь от меня на память.

Царь развязал гиматий и расправил его на мешках со стручками бобов.

Тем же вечером Тесей завёл с Еленой разговор по душам. Был он отмыт, подстрижен, одет в соответствии с царским своим положением, щёки имел побритыми, волосы на висках подвитыми, тело умащённым. Чувствовал, что после встречи с Минтой может не бояться непредсказуемых эротических порывов со своей стороны. Масляная лампа не давала много света, потому Елена, сидящая на втором ложе, показалась ему более привлекательной, чем обычно.

Тесей откашлялся. Что скажет, он давно уже продумал.

– Я рад, Елена, что твои синяки пожелтели и вот-вот сойдут. Мне даже показалось, что в нашем с царём Пирифоем обществе ты немножко пополнела и красиво округлилась. Понятно почему: после душного геникея столько дней скачки на свежем воздухе. Но мне очень не по душе, что ты меня обманула. Ведь тебе не десять лет, а двенадцать, и у тебя уже были месячные недомогания.

Елена потупилась. Она поднялась с ложа и неумело устроилась на коленях у Тесея. Залепетала:

– Твои обвинения ошибочны, прославленный герой! Я вовсе не говорила тебе, сколько мне лет – да и откуда мне знать о своём возрасте? Скажет кормилица, что мне десять лет, ну и ладно. Скажет мама, что двенадцать – мне-то зачем возражать? А насчёт женской месячной неприятности, то эта, что здесь, в сельской этой Афидне, случилась, как раз первая. Я как раз хотела тебе о ней сказать, хоть и неловко мне, да только ты меня опередил.

Тут юная девица прижалась к похитителю и поцеловала его в мощную шею, ближайшее открытое место. Её намерения стали ясны для Тесея, но из врождённого чувства справедливости он вынудил царевну выразить их словами. И вот что сказала Елена:

– Полгода тому назад мне во сне явились Мойры. Эти страшные старухи напророчили, что у меня будет пять мужей. Я, знаешь ли, им поверила. Пророчество, во-первых, обещает мне долгую жизнь – не так ли? Во-вторых, я, в отличие от прочих девиц, впредь могу не бояться закинуть в старых девах. И вот сейчас, когда ты со мной хоть разговариваешь, пусть свысока, но всё же уважая во мне спартанскую царевну... Да, почти как с равной себе. Когда ты выглядишь, как царю подобает, и от тебя пахнет приятно, не так, как от моего отца или от тебя в дороге, я и подумала, что пророчество надо исполнять.

Тем более, если в первый раз мне суждено выйти замуж за великого героя Тесея. Давай... Ну, вступим в брак по-настоящему, пока ты не уехал.

Едва не прослезился Тесей и в ответ от всей души, звучно поцеловал храбрую девчонку. Остаток ночи постарался он действовать с максимальной осторожностью и пустил в ход все запасы нежности, накопленные в его суровой душе. Засыпая на рассвете с юной женой в обнимку, он разгадал, наконец, тайну Елены. Она вполне ещё могла стать самой красивой женщиной в Элладе, но уже сейчас она, несомненно, самая сладкая.

А там и Эфра прикатила из Трезена на колеснице. Приветствовала она знаменитого сына сурово и сдержанно, на невестку-девчонку, встречавшую её рядом с ним, едва посмотрела. Отдохнув после дороги, мать устроила Тесею настоящую головомойку. Она-де мечтала закончить жизнь в покое, в окружении внуков. И будто в Трезене ей нечем заняться? Её престарелый отец, а Тесею дед, царь Питфей почти не встаёт с постели, ему нужен уход. Да и он, Тесей, перепил, что ли, своего кикеона, когда в его-то годы посмел похитить у спартанского царя девчонку-злючку? Ох, не к добру это... Всё мнится ей, что вот уедет он совершать очередную глупость, и больше они не увидятся.

Тесей нахмурился тогда. Плохое предчувствие матери один в один совпадало с опасениями Елены: та предсказывала, что он не возвратится к ней после поездки с Пирифоем. Однако уехать пришлось.

Только когда выкатилась колесница за городские ворота, открыл ему Пирифой, куда они на самом-то деле направляются. В Афидне он всё твердил, что желает украсть Персефону у Аида, и Тесей даже прикидывал, где им сподручнее спуститься в подземное царство, не в Фессалии ли. А теперь Пирифой признался, что на самом деле имел в виду Аидонея, царя Эпира в стране молоссов, по странной прихоти назвавшего Персефой дочь, рождённую его женой Корой будто бы от Зевса. Заодно этот чудак назвал своего любимца, огромного молосского пса, Цербером и предлагал каждому, кто пожелает посвататься к дочери, сразиться в качестве свадебного испытания с этим псом.

Снова переодевшись купцами, Тесей и Пирифой поселились на постоялом дворе в Эпире. Однако гостинник оказался осведомителем царя Аидонея. Он подслушал неосторожные речи путешественников и донёс царю, что в Эпир тайно прибыли цари Тесей и Пирифой и что они замышляют украсть Персефону, как до того украли Елену у Тиндарея.

На рассвете проснулись переодетые цари в постоялом дворе на скамьях комнаты для приезжих, а на руках и ногах у каждого висит по несколько дюжих молоссов. И отбиться не удалось. Связанных, друзей притащили во дворец, и суд царя Аидонея оказался короток. Тесей и Пирифой опомнились только в темнице, где их посадили, не развязав, на смрадное каменное сиденье.

– Наконец-то, сладкий мой дружок, мы оказались наедине, – вымолвил Пирифой, еле шевеля разбитыми губами.

На вторые сутки он начал бредить, а на Тесея нахлынули видения. Ему представлялось, что он в настоящем Аиде, и везде, перед носом и над головой, летают души умерших. А вокруг бродит тень силача Скирона, сброшенного им со скалы под Мегарой, она мечтает отомстить, задушив беззащитного, вот только не видит его, потому что глаза у разбойного стражника выедены черепаками... Тесей приходил в себя, когда ему давали поесть из миски или поили, но это не каждый день случалось, и он окончательно потерял ощущение времени...

Очнулся Тесей от острой боли в руке. Кто-то, не слишком церемонясь, мечом разрезал на нём путы. Он открыл глаза и с трудом поднял голову. Дыра в стене, заросшая паутиной, не много пропускала света, но он узнал Геракла.левой рукой великий герой зажимал нос. Верёвки перестали врезаться в кожу Тесея, он попытался подняться, но не смог. Малейшее движение причиняло ему сильную боль. Геракл рывком поднял его на плечо и потащил к выходу из темницы.

– А я? – прошептал тогда Пирифой.

Тихонько спросил он, но и Геракл, и Тесей его слышали. Геракл остановился и прогудел, понутив голову:

– Прости меня, царь. И своего друга Тесея прости: он сейчас беспомощен, как младенец. А я гостил у царя Аидонея Молосского, и на пиру он рассказал, что держит вас обоих в темнице. Я еле упробил его выпустить друга моего и родича Тесея из уважения ко мне, но насчёт тебя Аидонея заклинило: ведь его дочь вы хотели похитить для тебя, Пирифой. Ещё раз прости нас.

Пирифой закрыл глаза и отвернулся. У Тесея страшно исказилось чёрное от грязи лицо, он зарыдал. Геракл протащил Тесея через тюремный двор и уложил на дно стоявшей за воротами колесницы. Исчез, вернулся с пифосом, большим глиняным горшком и, не слушая возражений, заставил выпить из него вина. Сунул ломоть хлеба и исчез. Тесей, прежде чем отключиться, не дожидаясь, сообразил, что Геракл возвратился допивать на пир во дворце царя Аидонея, недаром оттуда и пиликанье флейт доносилось.

На рассвете его растолкал Геракл. Раб стоял уже на месте возницы, а могучий родич пробормотал, запинаясь:

– Мои рабы отмоют тебя в первой же речке, как только пересечём границу Амбракии. Мне тоже жаль, что пришлось оставить твоего друга на расправу этому полуварвару. Поспи.

Тесей слышал, как Геракл укладывается на повозке, а потом и сам снова заснул под заунывный визг колёс. Уже в Амбракии, доехав до реки Арахтос, рабы отвели Тесея на низкий берег и двумя щётками почистили, словно жеребца. Потом отмыли, насколько сумели. Голубые воды тихой Арахтос в том месте почернели.

Проснулся Геракл и, определив за завтраком, что Тесей достаточно окреп, чтобы выслушать горестные для него известия, похмелился и начал свой рассказ. Скрипя зубами, услышал Тесей, что власть в великих Афинах захватил презренный демагог Менесфей. И вначале не поверил герой своим ушам, когда узнал, что из-за безрассудного брачного путешествия Пирифоя лишился не только юной жены Елены, но и матери. Ведь можно было предугадать, что братья Елены отправятся на её поиски! Тиндариды Кастор и Полидевк с войском пришли к Афинам и были впущены в город. Никто в Афинах не знал, где Елена, один только богатый горожанин Академ подсказал, что царевна спрятана в Афидне.

Спартанское войско осадило Афидну, произошла битва. Друг Тесея Афидн храбро сражался и ранил Кастора в правую руку. Тем не менее он попал в плен, не был убит и примирился с тиндаридами. Кастор и Полидевк забрали с собой Елену, причём та плакала и не хотела покидать дворец Афидна, желая дожждаться Тесея. Заодно они поработили и увели царевну Эфру, заставив её служить сестре. Сейчас обе, бывшая жена и мать, в Спарте, при этом после процедуры выбора из почти сорока женихов отец выдал Елену замуж за Менелая, вскоре ставшего царём Спарты.

– За Менелая? При живом-то муже? – возмутился Тесей.

– Тиндарей не знал, жив ли ты. А если бы и знал, что жив, поступил бы точно так же. Но вот что, возможно, утешит тебя. Я слышал, что твоя Елена ехала на родину уже беременной и по дороге, в Аргосе, родила тебе дочь, названную Ифигенией. Будто бы она оставила её у сестры своей Клитемнестры.

– Едва ли, славный Геракл. Худо мне в это верится, ведь до сих пор у меня рождались только мальчики.

В Амфиссе Тесей вместе с Гераклом посетил баню. Теперь он отмылся уже основательно, однако и убедился окончательно, что похудел невероятно. Тесей понимал, что сможет восстановить свою власть в великих Афинах, только вернув себе прежнее цветущее состояние могучего героя. Но для долгих занятий в гимнасии не было у Тесея ни денег, ни времени. Да и Геракл, сам уже седой как лунь, скептически воспринял идею восстановить в пятьдесят с лишним лет былое телесное совершенство одними только усиленными упражнениями.

– Купить в Коринфе хорошего повара да поставить себе ложе прямо на кухне, чтобы кожей воспринимать испарения вкусной еды – вот что тебе нужно! – советовал богатырь. – А к тому же тебе избавиться бы от нелепого отвращения к вину.

Тесей только поддакивал. Ложе не ложе, а вот кресло стоило поставить у Феоны на кухне, чтобы, приятными запахами наслаждаясь, заодно выслушивать от стряпухи последние афинские новости. И что не миновать возвращаться в великие Афины восстанавливать там свою власть, это он прекрасно понимал.

В конце долгого пути пропылил герой на колеснице Геракла той же элевсинской дорогой, которой много лет назад пешком вошёл в Афины, но въехал уже в новые, при нём построенные Святые ворота. Закутанный в одеяло, сидел он на дне кузова колесницы, потому что, безмерно благодарный другу и родичу за спасение, отказывался принять от него деньги на пристойную одежду. За бортами кузова, невидные для него, тянулись афинские улицы, сквозь визг колёс прорывались голоса крикливых афинян и афинянок.

Вот колёса умолкли, тряска прекратилась, Геракл громогласно назвал себя. Заскрипели ворота, и маленький обоз въехал во двор царского дворца. Тесей поднялся на ноги и неуклюже перемахнул через борт. Едва удержался на затёкших ногах. Огляделся – и не сразу узнал верного Идаса в могучем полуседом воине, вышедшем на порог дворца.

– Боги небесные! Неужели это ты, царь? Да от тебя половина осталась...

– Надеюсь, что лучшая половина, мой Идас. Я это, я, оруженосец! Я уже вижу, что ты оборонил дворец от Менесфея.

– Не всё у нас тут в полном порядке, царь. Но все мы во дворце безумно рады, что ты возвратился.

Тесей заметил, что Идас как бы противопоставил жителей дворца всем остальным афинянам, но решил оставить вопросы до пира в триклинии. Но ещё раньше, чем там собрались оставшиеся с ним члены прежнего совета, он узнал о кончине бессмертной, как казалось, Феоны. Не только законные жёны покинули его, выходит, но и лучшая в Элладе стряпуха. Сунул Тесей нос на кухню, а там рабыня-негритянка зубы скалит, дым столбом и отвратительная вонь.

На совещании после пира выяснилось, что сторонников у Тесея в городе насчитывалось немного. Возглавляли их, в основном, его товарищи по Лабиринту, вечно признательные герою за бескорыстный и самоотверженный подвиг. Но из них более или менее влиятельными политиками оставались только Солон и Порфирион, все остальные или так и не выбились из нищеты, или разорились. Федим погиб в войне с амазонками, Агамеда разбил паралич, о бессовестном предателе Менесфее хоть и не вспоминай. Казна истощена, потому что в отсутствие царя дани перестали поступать.

Поразмыслив, Тесей совершил деяние, против которого не смогли возразить его политические противники. Почти все, кроме четырёх, священные участки в городе, в лучшие времена посвящённые ему, в благодарность за спасение он перепосвятил Гераклу, чтобы они звались впредь не «тесеями», а «гераклеями». Славный силач пытался отнекиваться, но в глубине души был польщён тем, что почтительная память о нём теперь навечно закреплена в таком городе, как великие Афины. Пока Геракл не уехал в Фессалию, Порфирион предпочитал помалкивать, но потом принялся убеждать Тесея, что нельзя рубить сук, на котором сидишь. Однако и политические дела героя и его немногих приверженцев шли всё хуже. Тесею после страшной тюремной отсидки в Эпире стало не хватать выдержки, и попытка вернуть себе власть в Афинах закончилась катастрофой.

Не в силах больше терпеть уклончивого лукавства афинян, Тесей увёз всё ценное из городского дворца в отцовское поместье Гаргетт, где когда-то одержал знаменитую победу над паллиантами. Перевёл туда же слуг и сгоряча проклял Афины. Услышав его, Солон схватился за голову: о возвращении на трон великих Афин теперь можно было забыть. А Тесей отправил сыновей на остров Эвбею к другу своему Элефенору, царю абантов. Когда седовласый кормщик Навсифой вернулся с Эвбеи на старушке «Полибии» с известием, что Акамант и Демофонт приняты с почётом, Тесей уже знал, куда поплывёт сам.

Гаргетт, опасно близкий к Афинам, и земли отца на острове Скирос – вот всё, что ему оставалось. Вернуться в Трезен? Но Тесей не смог бы встретиться взглядом с полуслепыми глазами немощного старца Питфея. Горькая судьба матери, единственной опоры деда, целиком и полностью оставалась на его совести. И герой приказал Навсифою готовить «Полибию» к плаванию на Скирос.

Шёл третий день, как «Полибия» бросила якоря в гавани Скироса, запасы воды и продовольствия были пополнены, поредевшая свита Тесея давно перетасила вещи на берег, но царь всё не отпускал корабль. Переговоры с уклончивым Ликомедом, царём Скироса, шли ни шатко ни валко. Ликомед признавал, что некоторые участки плодородной земли на острове некогда принадлежали покойному царю Энею, однако утверждал, что, не пользуясь ими много лет, Эней утратил на них право собственности, а что уж говорить о его наследнике? Про себя Тесей считал такие объяснения не чем иным, как невежественным самоуправством. Попробовал бы Ликомед с такими представлениями о праве поцарствовать в великих Афинах!

Однако в тот день царь Скироса предложил гостю подняться вместе на самую высокую скалу на острове, чтобы показать виноградники, которые он наконец-то решился передать наследнику царя Эгея. Отдышавшись после трудноватого теперь для него восхождения, Тесей подошёл к самому краю обрыва. Нет, слава богам, голова не

закружилась. Под ним в лёгкой полуденной дымке лежал гористый остров, кусок земли посреди моря быть может и замечательный, но явно тесный для двух царей.

– Эй, покажи мне, наконец, те виноградники! – повернулся он к Ликомеду, уже зная, что откажется от наследства. Потому что до вечера погрузится на «Полибию» и отчалит. И в открытом море решит, куда ему плыть.

Странно, но лицо Ликомеда исказилось злобой. Царь вытянул руки вперёд и бросился к Тесею. Следовало подставить ему ножку и уйти в сторону. Однако как тогда объяснить островитянам смерть их царя? Тесей замешкался, почувствовал толчок и в следующее мгновение оказался в воздухе. У него засвистело в ушах, каменная пустошь внизу начала стремительно приближаться. Перехватило дыхание. Нежные ручки богини Амфитриты и твёрдые длани богини Афины Паллады подхватили героя и унесли в небо, а на камнях осталось лежать мёртвое тело узника темницы в Эпире.

ЧТО МНЕ ТЕСЕЙ?

Останки Тесея похоронил Навсифой. Потрясения Троянской войны заглушили память об афинском герое, и только спустя четыреста лет афиняне вспомнили о нём. Из Скироса были привезены кости Тесея (его ли?) и перезахоронены под Акрополем. Началась всегреческая, потом общеевропейская и мировая слава Тесея.

Как автор этого романа я обязан извиниться перед филологами-эллинистами за произвольное смещение «т» и «ф» на месте древнегреческой фиты: Тесей, но Эфра и прочее. Пришлось использовать наиболее употребительные и привычные образованному читателю варианты имён. А вот за собственные версии известных из мифологии событий извиняться не стану, ведь если фольклорист обязан учитывать все варианты мифа, отражённые древнегреческой литературой, то романисту приходится работать только с одним. К тому же, овладев материалом, он чувствует себе вправе предложить и свой вариант, если древние мифологические его чем-нибудь не устраивают.

А теперь ответу на вопрос, который мне никто не задавал. Но, в самом деле, что мне Тесей и что я Тесею? Но очень уж привлекла его эпоха, и заинтриговал он сам. Удивительная эта эпоха, когда письменность уже существовала, но никому и в голову не приходило записать хоть бы народную песню, эпоха до Гомера, эпоха, когда культурный багаж даже образованного по тем временам человека был в тысячу раз легче влачимого за собой нашим современником. При этом я признаю, что религия древних греков показана у меня упрощённо, обеднённо, без той её слитности с обыденной жизнью, что было обычной тогда. Сам же Тесей мне бесконечно симпатичен своим внутренним благородством, чёткой

с юных лет установкой на самоотверженную помощь людям. Напористым женолюбством напоминает он мне законопослушных советских интеллигентов семидесятых, буйно оперирующих в этом единственном оставленном им властью секторе свободы. А бескорыстием и страстью к благодетельным для сограждан реформам Тесей мне никого из современных политиков не напоминает. И приятно было писать о человеке, живущем в такой гармонии со своим внутренним миром. Прощай, Тесей!

2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДБЫТИЕ ТЕСЕЯ	1
<i>Глава 1. Дельфы, Трезен. Царь Питфей разгадывает прорицание Пифии</i>	1
<i>Глава 2. Трезен. Эфра в объятиях мужлана и бога</i>	9
<i>Глава 3. Коринф, Афины. Пагубное увлечение земного отца Тесея</i>	19
ПУТЬ В АФИНЫ	29
<i>Глава 4. Трезен. Рождение и детство героя</i>	29
<i>Глава 5. Трезен, Коринфский перешеек, Аттика.</i> Героическое путешествие в Афины	42
<i>Глава 6. Между Эпидавром и Истмом</i> Поединки с Синидом и с дочерью его Перигудой	49
<i>Глава 7. От Истма до Элевсина. Ужасные звери и страшные люди</i>	59
<i>Глава 8. От Элевсина до Афин. Спор о мебели и очищение</i>	70
<i>Глава 9. Афины. Первые шаги пришельца</i>	80
<i>Глава 10. Афины. Завоевание авторитета в Афинах</i>	90
<i>Глава 11. Аттика, поля под Марафоном. Матушка Гекала и покорение Марафонского быка</i>	100
СДОХНИ, МИНОТАВР!	109
<i>Глава 12. Афины, море. Набор критской дани и плавание на Крит</i>	109
<i>Глава 13. В начале Лабиринта. Афинская агора на Крите и речь Минотавра</i>	122
<i>Глава 14. В двух последующих коленах Лабиринта. Девичье мнение всё-таки прозвучало</i>	135
<i>Глава 15. Ещё четыре колена Лабиринта. О богах благих и равнодушных</i>	142
<i>Глава 16. Проходя самые длинные отрезки.</i> Откровения юных мудрецов.	151

<i>Глава 17. У самой стены изнутри. Танец для слушателей, и к чему он привёл. Стычка у кораблей</i>	161
<i>Глава 18. В море и на Кикладских островах. Исчезновение Ариадны и ещё одна оплошность Тесея</i>	169
ЦАРЬ ВЕЛИКИХ АФИН	179
<i>Глава 19. Афины. Горе и воцарение</i>	179
<i>Глава 20. Аттика. Дедал и устройство великих Афин</i>	190
<i>Глава 21. Аттика, Афины. Любовные удачи и неудачи</i>	201
<i>Глава 22. Эгейское море. Остров Наксос. Возвращение Ариадны</i>	210
<i>Глава 23. Дарданеллы. Южный берег Понта Евксинского. Покорение царицы Антиопы</i>	219
<i>Глава 24. Поля под Калидоном, Афины и пригороды. Трагическая охота и внезапная скверная новость</i>	229
<i>Глава 25. Афины и их пригороды. Готовясь к войне с амазонками</i>	239
<i>Глава 26. Синосарг под Афинами. Улицы и площади Афин. Ликей. Две битвы с амазонками</i>	250
<i>Глава 27. Афины, Крит. Испытание юной Федрой</i>	260
ЗАКАТ ГЕРОЯ	272
<i>Глава 28. Афины, Фессалия. Дружба с лапифом Пирифоем и свадебная война с кентаврами</i>	272
<i>Глава 29. Трезен. Заботы изгнанника. Горестные события в семье</i>	279
<i>Глава 30 и последняя. Афины, Спарта, Эпир, Скирос. Новые неудачи. Вольноотпущенник Аида</i>	290
ЧТО МНЕ ТЕСЕЙ?	302